ОСНОВЫ ОХОТОВЕДЕНИЯ.

Р. С. Ф. С. Р.
Народный Комиссариат Земледелия

ОСНОВЫ ОХОТОВЕДЕНИЯ

СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО К ИЗУЧЕНИЮ
ОХОТНИЧЬЕГО ДЕЛА В СССР

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Охотничье население и его быт — Охотничьи законы и управление охотой — Экономика охоты

СОСТАВИЛ
проф. Д. К. Соловьев

„НОВАЯ ДЕРЕВНЯ".
МОСКВА :: 1926

Государственная библиотека СССР

47,11
С-60

-0133606-

Главлит № 50385. — 20 печ. л. — 3000 экз.
Государственная Академическая Типография. В. О., 9 линия 12.

Государственная библиотека Югры
РФ

Предисловие к IV части.

Постепенно развертывая в первых трех частях картину того, что называется „охотничьим делом", мы подошли наконец вплотную к вопросам о том, что представляют из себя охотники, как регулируется охота и какое экономическое значение имеет она для населения и государства. Этим вопросам и посвящена вся IV часть „Основ охотоведения" — наиболее сложная и важная.

Все три главы этой части тесно связаны между собой, но центральной все же, конечно, является глава XII (экономика охоты). Вместе с тем эта же глава может подвергнуться и наибольшей критике. Отсутствие точной статистики, устарелость некоторых данных, заведомая неверность многих источников составляли значительные трудности при разработке различных вопросов. Тем не менее путем тщательного анализа, сравнения различных показаний и их строгой критики, основываясь на личном, практическом знакомстве с предметом, я постарался обрисовать положение вещей, наиболее подходящее к действительности. При настоящем состоянии наших знаний в области охотоведения, приходится заботиться главным образом о том, чтобы только возможно ближе подойти к истине, не смущаясь некоторыми ошибками в деталях. В этом последнем случае пришлось бы просто дожидаться того времени, когда изучение охотничьего дела далеко двинулось бы вперед, на что потребуется много лет. Между тем интерес к охотничьему вопросу все растет и необходимо сделать сводку того, что мы имеем, теперь же.

Я старался, по возможности, хотя бы кратко, освещать различные грани вопроса, создать отправные пункты для рассуждений и работы пытливого ума. Кроме того, в течение всей моей работы, у меня всегда мысленно перед глазами стоял провинциальный охотник, сидящий в глуши и отрезанный от специальных библиотек, хотя бы и неполных. Такой охотник, желающий быть полезным работником, совершенно лишен возможности изучать охотничье дело, иметь о нем цельное представление и работать в своем районе на основе научных данных. Мне представляется, что таким охотникам систематически разработанный и достаточно обширный материал, помещенный в „Основах", может дать основной фундамент и хотя бы отчасти заменить случайно подобранную библиотеку, в которой надо еще критически разбираться.

Дм. Соловьев.

ИЗ КНИГ
Б.В. ОБРАЗЦОВА

ГЛАВА X.

Охотничье население и его быт.

Охотничье население. Группировка охотников на промысловых, полупромысловых и любителей. Численность и социальный состав охотников. Туземные охотничьи племена и их культура. Шаманизм.

Племена Азиатской части СССР. А) Палеазиаты: чукчи, коряки, камчадалы, гиляки, азиатские эскимосы, енисейские остяки, юкагиры, чуванцы, алеуты, айны. В) Урало-алтайцы: 1) Финская группа, 2) Самоедская группа, 3) Тунгусская группа, 4) Монгольская группа, 5) Тюрко-татарская группа.

Племена Европейской части СССР: лопари, зыряне, черемисы, вотяки.

Обычное охотничье право у туземных племен. Охотничьи артели. Охотничья кооперация. Браконьерство.

Охотничье население.

В предыдущих девяти главах мы касались главным образом самих объектов охоты — дичи и зверя или деятельности человека, направленной к добыванию этих объектов. Но, для того, чтобы получить достаточно полное представление об охотничьем деле в целом, нам необходимо, конечно, рассмотреть хотя бы вкратце те группы населения СССР, которые занимаются охотой и для которых она имеет то или иное значение. В вопросах организации государственного охотничьего хозяйства нами, конечно, не может не приниматься во внимание этнографический облик охотничьих групп, т. к. от культурности, образа жизни, духовного склада, мировоззрений и верований зависит в значительной степени то или иное отношение охотника к использованию охотничьих богатств. Надо признать, что часто это отношение у дикого шаманиста бродячего инородца, гораздо более сознательное и бережливое, чем у культурного жителя города.

Громадное разнообразие племенного состава населения СССР, с чрезвычайно разнохарактерными культурами, не дает нам возможности в кратком описании познакомиться с охотниками всех отдельных национальностей и племен. Мы можем только констатировать присутствие охотников, в той или иной пропорции, реши-

тельно среди всех слоев населения СССР — как в отношении национальном, так и социальном.

Таким образом в этой главе мы сжато коснемся только тех отдельных племен, для которых охотничий промысел является исключительным или одним из важных средств существования.

Но, прежде чем перейти к их этнографическому описанию, скажем о группировке охотников вообще.

Группировка на промысловых, полупромысловых и любителей. В настоящее время принято разделять всех охотников СССР на три больших основных группы: промысловых или промышленников, полупромысловых и любителей или спортсменов. Подобная классификация, конечно, несколько искусственная и резких границ между этими тремя группами мы не всегда можем провести, но для удобства мы будем пока ее придерживаться.

В прежнее время промыслового охотника определяли очень просто — всякий, кто бил дичь и зверя на продажу и жил этим, считался промышленником, а вместе с тем и хищником, не обладающим „благородной" охотничьей страстью и достойным всякого презрения со стороны „истинных охотников". Нелепость подобных взглядов ясна сама по себе и, кроме того, они неверны в самой своей сущности, т. к. каждый охотник, к какой бы он группе не принадлежал, обладает ясно выраженной охотничьей страстью, за небольшими исключениями и встречающимися может быть даже чаще в среде так называемых „любителей".

Мы понимаем под промысловыми охотниками тех, кто или живет исключительно охотничьим промыслом или во всяком случае охота является для него одной из важнейших статей бюджета (не ниже 40—50%). Абсолютная цифра дохода от охоты у промышленников (как мы увидим в гл. XII) играет в определении группы второстепенную роль и подвержена очень сильным колебаниям в зависимости от района. Таким образом абсолютный доход промышленника от охоты в некоторых районах может быть ниже такового же у полупромыслового охотника, но жизненное значение охоты для первого, конечно, выше. Полупромысловым мы называем такого охотника, который, занимаясь охотой в свободное от других занятий время, все же строит на охоте определенные хозяйственные расчеты в размере 5—40% своего общего бюджета.

Мы можем встретить и промыслового и полупромыслового охотника в одном и том же районе, т. к. принадлежность к той или иной группе зависит и от личной или наследственной склонности к тому или иному занятию, и от племенных различий, и от хозяйственного уклада жизни; только по относительному преобладанию той или иной группы мы можем условно называть данный район промысловым или полупромысловым.

Охотники любители имеют в основе занятия охотой прежде всего удовлетворение своей охотничьей страсти, хотя количество добываемой дичи и зверя, особенно в наше время, и интересует его. Иногда охотник-любитель даже продает свою добычу, но делает это для того, чтобы хоть отчасти покрыть издержки по производству самой охоты. Характерным для этой группы является высокая относительно ценность охотничьего инвентаря и превышение суммы общих расходов по производству охоты над ценностью добычи.

Рис. 102. Русские промышленники с р. Ангары (Енис. губ.).
Из снимков Д. К. Соловьева.

Численность и социальный состав охотников. Сколько же имеется всего охотников в СССР, как они распределяются по территории и по группам и каков их социальный состав? Благодаря нашей слабой статистике, мы не можем на эти вопросы ответить сейчас совершенно точно. Имеющиеся данные чрезвычайно разноречивы. Так, например, количество охотников в СССР определялось разными авторами от 800.000 до 10.000.000 человек. Сопоставляя и осторожно анализируя различные данные, мы останавливаемся на цифре в 2.000.000 охотников, считая ее скорее преуменьшенной, чем наоборот. Из этого количества мы считаем промысловых охотников 250.000 человек, полупромысловых, охватывающих главную массу крестьянского населения — 1.250.000 человек, и любителей, главным образом, жителей городов, более значительных поселений и лишь отчасти деревень — 500.000 человек.

Социальный состав охотников в такой крестьянской стране как СССР ясен сам по себе, хотя опять таки точных цифр нет. Данные Всекохотсоюза не совсем показательны, т. к. Союз пока захватывает более легко объединяемые элементы городских и деревенских жителей и мало еще затронул промысловую (и полупромысловую) гущу населения. Но и по данным Всекохотсоюза в 1924 году, в нем насчитывалось (при 222.000 членов): крестьян 58,9%, рабочих 14,6%, служащих 16,2%, кочевников 2,5%, других 7,8%. По группам Всекохотсоюз насчитывал: промысловых охотников 8,5%, полупромысловых 44,6% и любителей 46,9%; отношение последних двух цифр определенно неестественно. Партийный состав Всекохотсоюза выражается: членов РКП (б.) и РКСМ — 7,3%, беспартийных — 92,7%.

Распределение охотников по территории СССР чрезвычайно неравномерно и подчиняется общим законам расселения человека по земле. Проф. Маслов в своем труде „Теория развития народного хозяйства“ определяет уровень сельско-хозяйственной эволюции как функцию двух переменных — именно, совокупности природных и экономических факторов и пишет: „сопоставляя плотность населения на всей поверхности земного шара с системой хозяйства в соответствующих пунктах, мы найдем, что независимо от степени их экономического развития, данной плотности населения соответствует определенная система хозяйства“.

Эту же мысль проф. Шмоллер выразил в цифрах следующей сокращенной схематической таблицы нормальной плотности населения при различных системах хозяйства:

Системы хозяйства.	Плотность населения на 1 кв. километр от	до
1) Охотничьи и рыбачьи народы в северных областях	0,02 чел.	0,05 чел.
2) Тоже с прибавкой земледелия, как подсобного промысла	0,2 „	0,7 „
3) Кочевое пастушеское хозяйство	0,7 „	1,8 „
4) Переходное хозяйство — от кочевого к оседлому земледельческому	3,4 „	
5) Области экстенсивного переложного земледелия	—	8,9 „
6) Земледельческие области с трехпольным севооборотом	17,7 „	35,0 „
7) Земледельческие области в Средней Европе с интенсивным земледелием и развитою промышленностью	70,0 „	106,0 „

Эта таблица показывает, что чем реже население, тем больше значения должен неизбежно иметь охотничий промысел. Действительно, по данным переписи 1917 г. плотность населения в тундре равнялась 0,02 человек на квадр. версту; в северной тайге плотность повышалась до 1,5; в лесостепи Зап. Сибири до 7,4 и несколько понижалась в более южных районах, доходя до 4,5 чел.

в Горном Алтае и в северных степях (не в пустынях). Для Европейской России (для 1897 г.) соответственно несколько более высокие цифры: тундра — 0,3, таежная зона — 13,5, смешанных лесов — 40,8 и лесостепей западных — 59,4, для восточных — 28,8 чел. на 1 кв. версту.

Наиболее скучены охотники в городах и так как кроме того им приходится тратить совершенно непроизводительно время и деньги на то, чтобы добраться до охотничьих угодий, то становится понятным здесь острота вопросов права на охоту на данных участках и полное уничтожение дичи вблизи городских поселений. Нельзя также не отметить того обстоятельства, что городские охотники — рабочие и служащие, выезжая периодически на охоту в деревню, чрезвычайно близко подходят к крестьянству, без сомнения оказывая на него культурное влияние общее и в частности (в охотничьем деле), и совершенно бессознательно часто работают в деле смычки города с деревней.

Туземные охотничьи племена и их культура. На огромном протяжении в Европе и в Азии от финско-норвежской границы до Уральского хребта и от Уральского хребта до Берингова пролива обитают разные инородческие племена. Они представляют целый обособленный мир. Согласно различию их происхождения и образа жизни, есть между ними финны и тюрки, монголы и палеазиаты, кочевые и бродячие люди, морские звероловы, сухопутные охотники, речные и морские рыболовы и тундренные оленеводы.

Есть между ними совсем обособленные племена, каждое из которых представляет живую загадку и вместе живой ключ к разрешению важнейших проблем этнографии, науки о народах.

При всем первобытном укладе своей материальной и духовной жизни племена эти выработали своеобразную культуру, до совершенства приспособленную к условиям северного климата, к тяжелому игу морозов и снегов, к трагической скудости тундры, бесслесной и бесплодной.

Некоторые из отраслей этой полярной культуры существуют исключительно на севере и не имеют подобия в других областях земли. Таковы, например, оленеводство и езда на упряжных собаках.

Другие, возникнув на севере, распространились потом далеко к югу и были позаимствованы у северных людей многими южными народами, в том числе и культурными белыми людьми. Таковы различные приемы и орудия охоты на тюленя и кита.

Хотя и не весьма многочисленные, племена эти представляют единственно наличных и единственно возможных обитателей северной пустыни. Они подвергают ее всестороннему материальному и хозяйственному использованию.

За многие тысячелетия своего обитания в лесу и на тундре они накопили огромный и разнообразный опыт, естественно-технический и даже естественно-научный. Они изучили условия размножения различных звериных пород и время прихода рыбных стай, входящих из океана в огромные сибирские реки для метания икры. Они знают на перечет всю флору и фауну на море и на суше и в тундре и в лесу.

Если современная техника, действительно хочет сделать своим достоянием своеобразные богатства полярной земли и приобщить их к мировому кругообороту, она может этого достигнуть только при содействии, только через посредство полярных туземцев. Полярные люди сами составляют лучшую часть этого живого полярного богатства. Вместе с многомиллионными руна̀ми лососей и сигов, многотысячными стадами оленей, тюленей и моржей, они представляют живой капитал, созданный самой природой и подлежащий использованию техники.

Самая возможность проникновения русского населения в тундры и развития в них рыбного, горного и других промыслов, тесно связана с существованием сильного, экономически крепкого инородческого населения.

При всей первобытности своей многие из этих племен обладают высокой одаренностью, ремесленно-технической и даже художественной. Их вышивки, рисунки и резьба по дереву и кости могут выдержать сравнение с лучшими образцами. Их былины и сказания проникнуты высоким напряжением поэтического творчества.

Они носят в себе возможность подняться на высшую ступень и усвоить начала более развитой культуры, если только эта культура сумеет подойти к ним не с хищническими приемами, а найдет для этого более человечные и мягкие, разумные постепенные пути.

Между тем история отношений северных инородцев с более южными культурными народами представляет сплошное мученичество, тяжелый и кровавый мартиролог. Русские пришельцы продвинулись на Каму и Печору и оттуда прошли на восток до самого Берингова пролива на поиски за ценными мехами. Сибирские казаки и спутники их, „промышленные люди“, покорили огромную Сибирь, подобно испанским конквистадорам, покорившим Америку. Они шли вперед, за ценным соболиным ясаком, нисколько не менее ценным, чем лучшее американское золото.

С „огненным боем“ в руках, неуклюжей фитильной пищалью, они наводили панический ужас на робких инородцев. Они призывали чужие племена „покориться под высокую государеву руку и принести ясак“. Кто не хотел покориться, погибал от огня и меча. Гибли поселки и стойбища и целые большие околотки и даже целые племена.

Казачьи отписки воеводам пестрят сообщениями: „И бог нам помог, мы тех людей побили до смерти, и острожек сожгли, и жен и детей испленили до конца“.

К покоренным туземцам, в виде носителей культуры, явились чиновники и торговцы. Чиновник взыскивал тот же государев ясак все более непосильный по мере оскудения пушного зверя. Торговец соблазнял невиданными русскими товарами, и к кабале административной прибавлял и торговую кабалу. Они приносили страшный спирт и не менее страшный сифилис, целую серию заразных болезней, оспу и грипп, скарлатину и корь.

Но страшнее всего они приносили произвол. Вся жизнь первобытных племен, материальная и духовная, индивидуальная и общественная, была изуродована.

На основную общественную организацию первобытных племен, весьма простую и насквозь демократическую, наслоилась новая казенная организация, созданная сверху для фискальных надобностей. Были учреждены особые волости, со старостами, со старшинами, и в настоящее время почти невозможно под этой казенной сетью найти первоначальную общественную ткань. Инородцы стали предметом всяческих опытов, среди них насаждали и православие, и грамотность, и школу, и церковь упрощенными российскими и сугубо упрощенными сибирскими способами. Их переводили с одного места на другое, например, с западного берега Камчатки на восточный, с Алеутских островов на Командорские. И под этими сугубыми воздействиями они только сугубо вымирали. Их старались даже всячески облагодетельствовать. Еще до последней войны на северной Камчатке начальство насаждало принудительно разведение картофеля. И оседлые коряки перед каждым приездом исправника запасали с юга картофель, выменивая его на сушеную рыбу для того, чтобы выдать его за свой собственный. Они привозили также и картофельную ботву и обтыкали гряды ею для большего правдоподобия.

На современном социалистическом правительстве, вышедшем из недр революции, лежит по отношению к инородцам трудная обязанность вывести их из униженного и рабского состояния, пробудить в них самостоятельность и, таким образом, повести их на путь приобщения к более глубокой культуре. Нужно глубокое, вдумчивое отношение к вопросу об устройстве вымирающих туземных охотников, надо любить, знать и понимать быт и психологию этих маленьких племен — осколков первобытной культуры.

Между тем уже известно, что в 1921 г. над инородцами производились хозяйственные эксперименты людьми, совершенно незнакомыми с условиями жизни населения. Такие эксперименты в корне подрывали самые источники существования населения

севера и грозили разрушить всякую надежду на лучшее будущее этого края.

Невежественные агенты подходили к инородцам с старым лозунгом: „давай". Брали у них рыбу и сети, пушнину и дичь, убивали оленей на мясо, не во время и в слишком большом количестве, нисколько не соображаясь с природно-хозяйственными условиями, а в виде награды и натуральной премии предлагали сравнять их с местными русскими, слить и перемесить их со всеми соседними гражданами вплоть до раздела оленей по числу наличных душ и перевода самих инородцев на месячный паек. Слияние с русскими без всяких оговорок есть смерть для инородцев, и в правительственных кругах в настоящее время это осознано полностью.

Рис. 103. Вогулы Пермской губ. Летняя юрта из бересты.
Из снимков Этн. Отд. Русского Музея.

Убивать оленей без всякого соображения, как это практиковалось в 20-м году, значит тоже, что резать курицу, несущую золотые яйца. Ягель, которым питаются олени, растет непрерывно и может возродиться от самого небольшого кусочка, но если вытоптать его не во время и через меру, пастбище засохнет на тридцать лет и возродится лишь трудно и медленно.

Такие необдуманные действия были особенно печальны потому, что именно от северной тундры, от ее неистощенных, неизведенных животных богатств оскудевшая СССР могла бы получить желанную поддержку. Огромная СССР больна прежде всего сокращением животноводства. Для того, чтобы создать ей помощь с севера, нужно усиленно разводить, а никак не усиленно колоть инородческих оленей.

Основные принципы рабочего и крестьянского правительства требуют, чтобы собственные силы инородцев получили возможность проявиться и развиться и так развернуть свое творчество в деле создания новой жизни через них и для них.

То, что делалось до 1922-го года, особенно печально еще потому, что та примитивная тяга к экономическому коммунизму и общественному братству, которая живет в глубине всякой первобытной культуры, не имела возможности при создавшихся условиях выявить себя и принять новую активную форму. Ее подменяли разделом, а в сущности экспроприацией.

О самой культуре инородцев, об их хозяйственном быте, промыслах и способах существования мы имели слабое понятие, а тем менее знали о происходящих изменениях в их жизни, между тем изменения эти происходили как в прошлой их жизни, так происходят и теперь. Это переходное движение и развитие культуры, постепенные шаги от первобытной стадии к более высокой, переходы от охотничьей жизни к кочевой и от кочевой к полуоседлой происходит совершенно естественно, без всякого побуждения; они совершались издавна, и русские, придя в Сибирь, застают уже инородческие племена полуоседлыми. Нечего говорить, что кочевники, лесники, многие охотники, звероловы, рыболовы, далеко ушли от первобытного положения дикаря и от периода каменного века, хотя отстатки и привычки от пережитых эпох и могли сохранять. Во всяком случае, наши инородцы не могут сравниваться с дикарями Австралии и Полинезии и представляют уже известную стадию развития и культуры.

Обращаясь к современной картине инородческого быта, мы видим, что по образу жизни и занятиям они разделяются на бродячих охотников, они же обыкновенно оленеводы; таковы самоеды и остяки, (часть их рыболовы), по Оби и в Нарымском округе; к охотникам и рыболовам мы должны причислить и вогулов. В Восточной Сибири к этой группе относятся самоеды, тунгусы, карагасы, юраки, камчадалы и многие манджурские племена Амура. В этой охотничьей группе мы однако видим уже разные стадии и формы быта. Жизнь самоеда крайнего севера нельзя сравнивать с жизнью вогула и нарымского остяка. Последние представляют тип полуоседлого охотника и рыболова. Также сильно отличается от самоеда лесной житель Алтая и Кузнецкого Алатау. Эти инородцы носят все задатки лесной полуоседлой культуры, несмотря на свой охотничий промысел, и представляют весьма близкую стадию к оседлому быту. Как у тех, так и у других охотников Сибири мы видим кроме переносных шалашей зимовки, землянки, „корамо“ остяцкие, „яйлу“ в Алтае, наконец, срубы, подобие изб и т. п.

Что касается кочевников, номадов или скотоводов, раскинувшихся в южных степях, то и здесь мы видим различные переходы

и ступени кочевого быта. Нечего говорить, что самое кочевое хозяйство, основанное на эксплуатации прирученного домашнего скота — овцы, коровы, лошади и верблюда, представляют уже высшую стадию культуры сравнительно с охотником, и услуги, оказанные кочевым хозяйством в истории человечества, несомненны; без этой стадии не могло быть поступательного движения вперед. Полуоседлые лесные жители, приблизившиеся почти к оседлому быту, принесли из кочевого быта домашнее животное в свои леса, а это животное явилось помощником и новою силою в культуре.

Сами кочевники и номады не находятся в застое, быт их с веками и с переменой места изменяется. Кочевание среди привольных степей центральной Азии в древние времена представляло более раздолья и было более подвижно. На севере, близ границ Сибири, оно должно было измениться по климатическим условиям и потребовало зимнего перерыва; точно также кочевки и перекочевки изменяются в горах и пределы кочевания изменяются, суживаются; еще более перемен мы видим в лесах. Киргизы и буряты ныне представляют особые формы кочевого быта; они строят зимовки, останавливаются на зиму и могут считаться полукочевым племенем. Еще более задатков оседлости представляют якуты-скотоводы, имеющие зимние жилища, избы, и, наконец, еще ближе к оседлому быту башкиры, живущие деревнями.

Далее, рассматривая занятия инородцев, мы видим, что каждый промысел в отдельности совершенствуется с течением времени: у охотника мы видим переходы от лука к ружью, винтовке, у кочевников лучшие способы ухода за скотом, заготовку сена, чего прежде не было у бурят, якутов, алтайцев. Мало того, в самой ранней стадии у кочевников и лесных жителей мы находим задатки земледелия и хлебопашества. Многие народы до пришествия русских умели сеять хлеб. В лесах Алтая и у кочевых алтайцев-скотоводов мы нашли первобытное земледелие и первобытные земледельческие орудия. Каждое занятие инородца и его промысел были обусловлены климатом, физическими условиями страны, естественными произведениями и свойствами, благоприятствовавшими развитию той или другой формы хозяйства. Культурный прогресс стоял, поэтому, в зависимости от этих условий. Мы видим, что инородцы во многих местах приблизились к форме оседлого хозяйства помимо всякого внешнего принудительного влияния, и это доказывает вполне их способность к развитию высших форм культуры. Обращая внимание только на низшие формы быта, видя полудиких звероловов или кочевников, постоянно переменявших места, мы составили себе самое ложное представление о быте инородцев, признали, что формы эти постоянны, неподвижны из века в век, обвиняли инородца в косности, в упрямстве, в неспособности делать

культурные шаги и стали придумывать какими бы насильственными и искусственными способами заставить его перейти к оседлости и земледелию.

Далее, приговоры кочевникам произносит население оседлое, когда оно приближается к кочевым районам и заинтересовано бывает заселить их. Понятно, что и здесь оно относится не беспристрастно и в оценке кочевого быта рассматривает его только с точки зрения своих интересов. Оседлое население считает огромным недостатком и варварством, что кочевники владеют огромными угодьями: у него является желание, чтобы часть угодий перешла к нему; но так как кочевники не расстаются с своими землями, отстаивают их, а оседлое население претендует на эти земли, то антагонизм интересов опять создает враждебное отношение к кочевому быту. Не говоря о том, что здесь нет научного беспристрастия, такое отношение к кочевникам ведет к ряду недоразумений и отражается полными неудачами в деле культурных воздействий.

Еще с 40-х годов прошлого столетия указывалось, что „если охотничьи племена не хотят исчезнуть с лица земли, то единственный исход для них, это перейти к кочевому или оседлому образу жизни, т. е. к более культурным занятиям, нежели охотничьи промысла“. Приводились также соображения, что „заселить дичью леса вряд ли возможно, а поднять упавшее оленеводство очень трудно“ и потому иного выхода из создавшегося положения чем вышеприведенный нет. Мы не можем с этим согласиться, главным образом в вопросе об изменении рода занятий, лежащих в основе экономического уклада жизни инородца. Переход к оседлости, полуоседлости или кочеванию от бродячего образа жизни может быть совершен (но не искусственными мерами) более или менее безболезненно, постепенно, но совсем другое дело после привольной жизни охотника и оленевода сразу перейти к тяжелому труду земледельца. В этом случае, помимо трудности коренной ломки всего уклада жизни, надо иметь в виду, конечно, и чисто географические условия, в большинстве случаев совершенно не подходящие для сельского хозяйства, там же, где эти условия благоприятны, на смену являются затруднения в том отношении, что удобные земли уже заняты.

Всех инородцев (охотников и рыболовов) можно разбить на две части и каждую из них рассматривать отдельно: во-первых остатки или обломки племен, исчезновение которых вопрос ближайшего будущего; численность их весьма незначительна и равняется обыкновенно десяткам или сотням душ, как, напр., карагасы, манегры, енисейские остяки, юкагиры, негидальцы и пр. Во-вторых племена более крупные и жизнеспособные как тунгусы, чукчи, гольды, гиляки, коряки и др.

Опека или покровительство со стороны государства должна быть проявлена в полной мере по отношению первой группы, пле-

мена которой абсолютно не способны бороться за свое существование. Здесь вполне применима система инородческих резерватов, т. е. определенных территорий, предоставленных в исключительное пользование данного племени, под надзором особого комиссара (или управления), который, по возможности, меньше вмешиваясь во внутреннюю жизнь племени, ведал бы все внешние сношения его, как-то — сбыт продуктов охоты и пр., доставку предметов потребления, допущения посторонних лиц на площадь резервата и пр.

Любопытно отметить некоторые меры, предпринятые Данией по отношению к гренландским эскимосам: 1) запрещается свободный въезд иностранцев в Гренландию; 2) совершенно запрещен ввоз алкоголя; 3) введен медицинский осмотр путешественников и судового экипажа и т. д.

Выделение резерватов должно быть произведено чрезвычайно осмотрительно и особое внимание необходимо обратить на биологию промысловой фауны. „Заселить“, т. е. вернее увеличить, размножить количество промысловых животных на данной площади вполне возможно, если подходить к этому со специальными знаниями в области охотничьего хозяйства. Способы добывания животных у инородцев вообще далеко не так истребительны как у русских и при запрещении последним пользоваться территориями инородцев, можно достигнуть того, что на сравнительно небольшой площади существование племени станет вполне возможным. Надо иметь также в виду, что устранение массы посредников при сбыте продуктов инородческого хозяйства поднимет доходность этого хозяйства в несколько раз, и потребность в каких либо субсидиях со стороны государства отпадет сама собой.

Абсолютная ценность добываемых инородцем продуктов и сейчас достаточно высока, и при нормальной ее реализации покупная способность инородца будет вполне обеспечена.

При устройстве второй группы инородцев, более жизнеспособных, прежде всего внимание должно быть также обращено на обеспечение их угодьями, — оленьими пастбищами, рыбными песками или охотничьими территориями. Мы, конечно, не считаем возможным, чтобы все необъятные пространства Сибири, на которых разбросаны различные туземные племена, были предоставлены в их исключительное пользование и закрыты для разных предприятий: разумная организация различных промыслов, позволит сократить промысловые территории и сделать промысла более интенсивными.

Вмешательство государства необходимо и в этом случае для защиты от эксплоатации, а также и в области инструкторской деятельности, так как вообще желательно научить инородцев лучшим приемам использования продуктов своего хозяйства,

а также более усовершенствованными и как можно менее истребительным способам промысла.

Помимо этого чрезвычайно важно развить те зачатки промышленного звероводства, которое наблюдается в некоторых местах (выращивание песцов, лисят и др.); горизонты в этой области открываются необычайно широкие и не только для инородцев, но и для русского населения северной полосы Сибири.

Всероссийский Союз охотников обязан принять самое близкое участие при разрешении всех этих вопросов.

В первую очередь и при том неотложно должны быть проведены меры, экономического порядка, вымирание инородцев должно быть остановлено твердой рукой и лишь тогда можно будет говорить о культурных начинаниях в смысле „приобщения их к благам цивилизации". Иначе, преследуя отдельные цели, мы рискуем тем, что объекты наших цивилизаторских экспериментов, исчезнут с лица земли раньше, чем получатся ощутимые результаты.

Обеспечив с материальной стороны существование инородцев, можно уже будет обсуждать вопрос насколько способно или неспособно каждое отдельное племя к европейской или другой культуре и какими путями ее насаждать.

Это вопрос настолько сложный и серьезный, что подходить к нему наобум невозможно и непозволительно.

Нельзя не отметить, что в конце 1924 г. инородческий вопрос обратил наконец на себя внимание центра. При ВЦИК был образован специальный Комитет содействия северным туземцам, который уже предпринимает ряд решительных и продуманных мер, направленных к улучшению условий быта вымирающих племен.

Прежде чем перейти к рассмотрению отдельных племен, необходимо вкратце коснуться шаманизма, т. к. только получив представление об этой первобытной религии, можно будет представить себе мировоззрение и духовный облик инородца.

Шаманизм — это первобытная религия, некогда имевшая чрезвычайно широкое распространение. Теперь шаманизма придерживаются многие сибирские инородцы, у других же шаманские верования удержались, как пережитки, в виде различных поверий и суеверий, иногда совершенно утративших первоначальный смысл. Значение шаманства и теперь очень велико; так основа мировоззрения китайцев осталась чисто шаманская (в особенности все-то, что касается культа предков). По шаманскому учению мир наполнен бесчисленными духами как добрыми так и злыми. Они находятся всюду: в воде, в лесах, в жилищах; отсюда наши водяные, лешие, домовые. Все имеет свое божество или духа: огонь, дерево, камень, местность и т. д. и все эти духи оказывают существенное влияние на человека и его судьбу. Особенно опасно влияние злых духов, имеющих стремление вредить человеку; все напасти, болезни

- 0133606 -
Государственная библиотека Югры
РФ

и самая смерть человека происходят от этих духов, почему человек должен остерегаться разгневать их, а если разгневал, то должен умилостивить. Постоянное опасение развивает в шаманисте религиозную трусость, он боится каким нибудь неосторожным поступком раздражить своих невидимых врагов и, приступая к какому

Рис. 104. Шаман — манегра.

нибудь действию, непременно обращается к ним. Прежде чем начать есть и пить, он уделяет несколько крошек пищи или несколько капель напитка этим духам. Умилостивить духов можно только жертвами; поэтому жертвоприношение совершается у шаманистов постоянно. Если шаманист едет в местности, где обитает грозное

божество, он отрывает от своей одежды кусок и привязывает к дереву или шесту, как умилостивительную жертву для себя, а за коня вырывает волос из гривы и поступает с ним также. Там, где охотник убьет зверя, он вешает в дар духу тряпочку, рога и пр.

Духи нуждаются в пище, и если люди забывают об этом, не приносят достаточных жертв, то духи напоминают тем, что насылают разные бедствия в виде мора, болезней, поветрия; тогда все племя должно умилостивить разгневанное божество чрезвычайными мерами. Отсюда ритуальные убийства, опахивание поля, изгнания смерти и другие меры. Когда человек заболел, то никакие лекарства ему не помогут; вся задача заключается лишь в том, чтобы умилостивить божество, наславшее болезнь. Но как это сде-

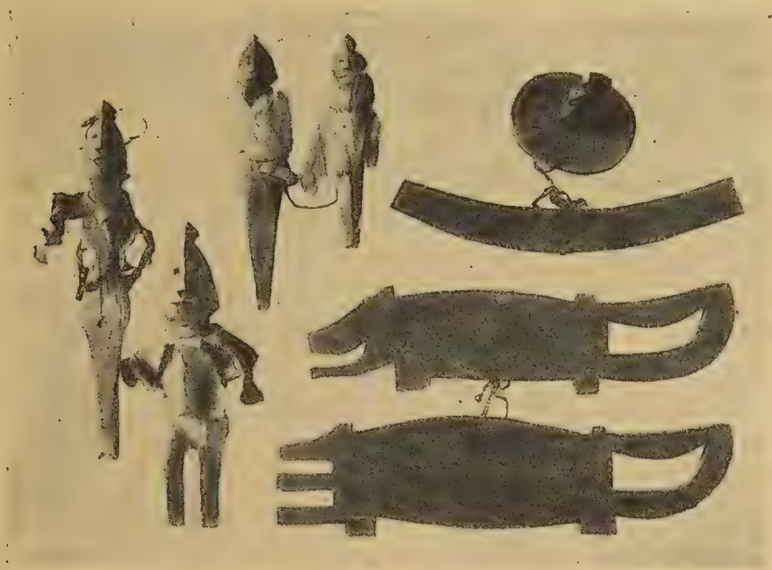


Рис. 105. Деревянные изображения духов, покровителей охоты у манегров. Из коллекции Д. К. Соловьева.

лать? Какому божеству надо принести жертву, когда их бесчисленное множество, и какою жертвою можно смягчить гнев божества? Здесь на помощь приходит шаман, который является одновременно и колдуном, и жрецом, и врачем, и предсказателем. Он якобы обладает способностью во время экстаза, к которому приводит себя разными манипуляциями, иметь общение с невидимыми духами и узнавать их требования. Он скажет кто мучит больного и какую дух требует жертву: собаку ли с известными приметами, оленя или лошадь. Действия шаманов достигали иногда удивительной виртуозности, поражавшей воображение дикарей: шаманы жгли себя раскаленным железом, прокалывали себя ножами, глотали тлевшую паклю и т. п.

По мнению шаманистов шаманы обладают сверхъестественной силой: они могут заставить некоторых духов служить им и вести борьбу с другими духами. Шаманы могут устрашать их и сами, гоняясь за ними с плетью, с ножем; в особенности духи боятся грохота железа, вследствие чего шаман привешивает на свое одеяние железные безделушки. Шаман, при помощи послушных ему духов, и сам может причинять людям вред, как наши колдуны. Хотя и неприятно иметь дело с шаманом, но его, как и колдуна, необходимо пригласить на семейный праздник; особенно опасно не позвать его на свадьбу и не оказать ему при этом должного внимания; иначе он нашлет порчу на молодую, как на более слабое существо. Так как шаман может причинять людям вред, то и все духовные лица других религий считаются опасными, а потому их надо задобрить. На этом основании монголы и татары всюду освобождали от податей и повинностей христианских священников, будийских лам, еврейских равинов, мусульманских мулл, выдавая им охранные грамоты. Все стихии—вода, огонь — священны, потому что там находятся божества; за осквернение их у монголов определялась смертная казнь. Нельзя было стирать платье и его носили грязным и засаленным; нельзя было лить что нибудь нечистое в огонь или касаться его ножем, так как этим отрезали огню голову; но полезно лить в огонь масло, вино, тогда оно горит ярко, весело, это ему приятно. Огонь сам очищает вещи; если над ним подержать оскверненный предмет, то последний делается опять чистым. Огонь может уничтожить злые намерения людей, лишать силы их дурной взгляд, который способен причинить несчастье.

По шаманскому воззрению, одни из живых существ благоприятны человеку, другие предвещают ему несчастье. Первых грешно истреблять, вторых, напротив, следует убивать. Этим объясняются многие приметы, удержавшиеся до нашего времени: например заяц, перебежавший дорогу, предвещает несчастие, убить паука полезно и т. д. Шаманист боится только злых духов, с добрыми же он не церемонится. Идолу, изображающему бога охоты, он усердно мажет губы салом и кровью, прося покровительства и удачи на охоте, но если удачи не было, то раздосадованный охотник бьет его плетью. Сонм духов приводится в определенную систему; такая система существовала в различных видах у всех шаманистов. У монголов во главе стоит Эрлик хан; за ним следуют тенгрии (второстепенные боги) и наконец онгоны (души предков). У тюркских народов главное божество было Тенгри (небо) или Кук-Тенгри (голубое небо); ему противополагалось подземное существо — шайтан, далее следовали арвахи (души предков), божества стихий и т. д. На шаманской почве развились и окрепли различные обряды, исполнявшиеся при всех важных моментах жизни человека; некоторые из этих обрядов удержались и поныне. Сюда относятся

обряды при родах, свадебные и похоронные. Если женщина мучается при родах, то это значит, что в нее вселился злой дух, которого необходимо выгнать разными устрашающими мерами, и с этой целью шаман старается испугать роженицу, чтобы и дух выскочил из нее, бьет плетью по юрте, а иногда и по роженице. Если последняя все-таки умрет, это покажет только, что шаман не мог справиться с злым духом, что следовало бы пригласить более могущественного шамана.

Теперь вера в этих духов под влиянием других религий и культуры мало по малу сокращается; но вера в дурной глаз остается еще в полной силе. Роженицы и молодухи носят, как предохранительное средство, различные амулеты, в особенности перья совы, которые прицепляют и детям.

Шаманисты представляли себе загробное существование продолжением земной жизни с прежними страстями и потребностями. Отсюда сложная система похоронных обрядов. С покойником необходимо положить в могилу по возможности все те предметы, в которых он нуждался при жизни. Страх пред неисполнением этого требования был так велик, что нарушить его никто не решался; бывали случаи, когда законодательными мерами приходилось ограничивать усердие родственников, боявшихся нажить себе непримиримого врага в лице почившего. Если покойник занимал выдающееся положение, то с ним хоронили его жену или наложницу и слуг для службы на том свете, как это было при погребении скифских царей. С той же целью опускали в могилу убитых животных. Пиршества и различные игры при похоронах, музыка, затем поминки в установленные дни имели целью утешить душу почившего и привлечь ее к участию в развлечениях. Чтобы душа покойника не могла тревожить людей, против нее принимались различные предосторожности: покойника выносили не обычным путем, а прорубали особый ход, который потом заделывали; в гробу одни народы делали специальные окошки для свободного прохождения души, другие, напротив, старались сделать это прохождение невозможным; в крайних случаях вбивали осиновый кол. Словом, почти все те поверья, которые живут еще в народе, объясняются шаманскими верованиями.

Племена Азиатской части СССР.

В основу классификации народов положено, главным образом, сходство или различие языков. Как ни много в Азиатской части СССР народов с разными названиями, но все они относятся к какой-либо из следующих основных групп [1]):

А) Палеазиаты. Б) Урало-алтайцы. В) Индо-европейцы.

Уже одно место жительства каждой народности налагает известный общий отпечаток на материальную и духовную ее жизнь. Полярный обитатель тундры поставлен в совершенно иные условия, чем житель пустыни, полупустыни, степей и сибирской тайги. Но всюду человеческий гений приспособился к этим условиям и, воспользовавшись местными дарами природы, выработал свою самобытную культуру, подчас, конечно, весьма примитивную. Непосредственное общение каждого народа с его соседями также не прошло бесследно; многие из них совсем погибли в национальном смысле, подчинившись во всем своему победителю, приняв его язык и усвоив его культуру, как более совершенную или более применимую к данной местности. Отдельные островки уцелевших народностей указывают на то, где они прежде жили и какую территорию занимали. Здесь совершалась, часто безмолвная для истории, драма борьбы за существование; как везде, погибал слабый и брал перевес сильный. Но и победитель не оставался свободным от влияния побежденного — коренного обитателя страны. Таким образом вырабатывалась новая народность хотя смешанного типа, но бодрая физически и способная к дальнейшему усовершенствованию.

А. Палеазиаты.

Под именем палеазиатов, т. е. древнейших обитателей Азии, разумеется группа из 10 народцев, сходных по языку, физическому типу и образу жизни. Они стоят особняком от всех других народностей Азии и занимают крайний северо-восток ее, отчасти уцелев и по среднему Енисею. Вся группа численностью достигает только 32.000 душ обоего пола и представляет остатки прежде многочисленных племен, преобладавших в Сибири до вторжения сюда тюркских и монгольских народностей со стороны алтайских и саянских нагорий.

Народности палеазиатов живут:

I. Чукчи на Чукотском полуострове, по реке Анадырю и низовьям р. Колымы.

II. Коряки — к юго-западу от чукчей и в северной Камчатке.

III. Камчадалы — в средней и южной Камчатке.

---

[1]) Этнографическое описание взято главным образом из очерка И. П. Поддубного в атласе „Азиатской России“, с необходимыми изменениями.

IV. Гиляки — в Удском уезде Приморской области, по низовьям Амура и на острове Сахалине.

V. Азиатские эскимосы — в селениях по берегэм Берингова моря.

VI. Енисейские остяки — по низовьям притоков среднего Енисея.

VII. Юкагиры — в Колымском и Верхоянском округах Якутии.

VIII. Чуванцы — в Колымском и Анадырском округах.

IX. Алеуты — на Командорских островах.

X. Айны — в южной части Сахалина.

Западнее всех из палеазиатов живут енисейские остяки (всего — 1.000 чел.) — в Туруханском крае и на севере Енисейского уезда. Остальные 9 народов обитают на северо-востоке Сибири, — по Яне, Индигирке и Колыме, Чукотскому и Камчатскому полуостровам, по низовьям Амура и на острове Сахалине. Из них три народа: чукчи, коряки и камчадалы составляют основу — две трети всей палеазиатской группы. Удаленность и обособленность их местожительства является причиной того, что 92% палеазиатов говорят только на своем родном языке и лишь 8% — на русском. Главные промыслы палеазиатов — оленеводство, охота и, больше всего, рыболовство (60%).

По малочисленности и малокультурности своей палеазиаты не могли навязать своего языка своим соседям. Они сами, под натиском алтайских племен, должны были отодвинуться на крайний северо-восток, где с XVII века вели упорную борьбу за свою независимость с русскими казацкими отрядами. В результате трех столетий этой борьбы получилось полное и всеобщее обрусение камчадалов, очень слабое еще обрусение коряков и чукчей и повсеместное замирение их с переходом к торгово-промышленным сношениям с русскими и американцами.

I. Чукчи. Чукчи или чаучаут, занимающие с.-в. конечность Сибири от Шелагского мыса по берегу Ледовитого океана до Берингова пролива и от Берингова пролива до Анадырского залива. Чукчи делятся на два племени оленных (чавчу) и сидячих (анкален). Оленные чукчи преимущественно оленеводы, сидячие охотники, рыболовы и торговцы.

Оленные чукчи в свою очередь разделяются на чукч Большой и Малой Тундры (к востоку и западу от р. Колымы) и чукч верховьев рр. Омолона, Анадыря и Белой. Оленные чукчи — самые богатые оленеводы из туземных племен ДВ, так что стадо в 5—7000 голов оленей здесь не считается редкостью. Имеются хозяева, которые имеют до 12—15000 голов оленей. Количество оленных чукч определяется до 8000 человек, из которых до 2500 чел. кочуют в пределах б. Анадырской округи.

Несмотря на сравнительное благосостояние чукч оленеводство здесь падает и количество оленей значительно уменьшается.

О причинах падения оленеводства исследователь Анадырского края А. В. Олсуфьев говорит следующее: „Количество оленей у каждого хозяина постепенно уменьшается. Это грустное явление объясняется работой русских и американских торговцев, продающих по высоким ценам товары за мясо и оленьи кожи".

Это объяснение безусловно верно и подтверждается тем фактом, что Туменские чукчи, как удаленные от русских и американцев, остались до настоящего времени самыми богатыми оленеводами.

Туманские (туменские) чукчи кочуют между р. Анадыром и Олюторским морем и живут по соседству с кереками, которые, по всей вероятности, являются потомками древних анулов.

Рис. 106. Яранга у оленьих чукчей.

Необходимо также отметить, что то редкое русское население, которое живет по р. Анадыру, в большинстве случаев обязано жизнью чукчам, которые в голодные годы поддерживают их существование пожертвованием оленей, а в другое лучшее время торгуют с русскими, выменивая у них, главным образом, различные железные изделия в виде котлов, топоров, ножей и пр.

Носовые чукчи преимущественно неутомимые торговцы. Летом они живут на побережьи Чукотского Носа и покупают у береговых оседлых чукчей пушнину, а также американские товары, которые они получают от американцев. Эти товары носовые чукчи развозят по всей Чукотии до Анадыра и Колымы. Носовые чукчи тоже самостоятельно ведут торг с туземцами американского материка, переплывая на кожанных больших лодках Берингов пролив. В половине XIX столетия носовые, а также и сидячие береговые чукчи, начали деятельно торговать с американскими китобоями, которые наряду с необходимыми то-

варами, предприняли усиленный ввоз рома и виски. На почве спаивания и кровавых драк количество носовых чукчей уменьшается, а также падает их торговля.

За время революции американцы фактически сделались полными хозяевами в Беринговом море, на побережьи которого имеют значительные товарные склады и с помощью носовых чукч всю торговлю держат в своих руках. Русская торговля, влачившая жалкое существование, вытеснена из края, что было заметно еще в начале XX ст. Местное русское население, главным образом анадырцы (потомки Сибирских казаков), кормившиеся кузнечным ремеслом, которые вырабатывали для обмена с чукчами необходимые им железные предметы из выплавляемой ими кустарным способом железной руды, ввиду ввоза американцами своих товаров, забросили этот кустарный промысел и занялись рыбной ловлей; последняя их не вполне обеспечивает и заставляет систематически голодать.

Количество носовых чукчей в настоящее время, по американским данным, не превышает 1000 человек, не так давно их было 1500 душ обоего пола.

Последнюю, скорее экономическую группу, представляют так называемые сидячие чукчи, т. е. разорившиеся оленеводы, вынужденые поэтому сидеть на одном месте и заниматься рыбным и морским промыслами. У сидячих чукчей оленя заменяет собака. Сидячие чукчи живут по берегам моря от р. Анадыря до Берингова пролива и по побережью Сев. Ледовитого Океана. Сидячие чукчи, как и носовые, медленно угасают на почве необеспеченности промысла и знакомства с американским ромом.

Жилище чукчей имеет вид большого крытого двора. Основа состоит из трех жердей, связанных вверху. Кругом их на известном расстоянии, ставится по две стойки, на которые кладутся горизонтальные перекладины, с упирающимися в последние стропильными жердями. Все это закрывается оленьими шкурами. Под отверстием располагается очаг. В середине устраивается внутренняя комната в форме ящика, сшитого из оленых шкур. Она сооружается только на зиму. Нагревание комнаты совершается лампами, наполненными жиром тюленьим или костяным оленьим; от них в комнате бывает так тепло, что все сидящие сбрасывают платье с верхней части тела. От испарений при дыхании ночью на внутренние части комнаты садится иней. Каждое утро комната раскрывается, шкуры вытаскиваютя на снег, осадившимся испарениям дают некоторое время замерзнуть, после чего, женщины выколачивают лед со шкур особыми палками; на ночь устраивают внутреннюю комнату.

Наружное жилище требует для покрышки до 40 больших оленых шкур. Вход в жилище, наружное и внутреннее, всегда

делается с северо-востока. Огонь раскладывается в середине наружной комнаты, в ней же по стенам развешана и кухонная посуда.

Домашняя обстановка у чукчей очень проста: по середине внутренней комнаты стоит низенький стол, высотою в 3 вершка, кругом навалены различные шкуры, на которых сидят хозяева, поджавши ноги. Котлы прежде употреблялись глиняные необоженные; теперь пользуются привозными — чугунными или медными. Пьют и едят из деревянной посуды; прежде ее делали из костей; ложек совсем не знали, а теперь они в большом ходу; позаимствовали их чукчи у обруселых коряков.

Пищей чукчей служит мясо оленей и морских животных; последнее наиболее любимое оленеводами; у них мясо и жир тюленя считаются самым лакомым кушаньем. Наоборот, прибрежные чукчи особенно любят оленье мясо и недолюбливают рыбу. Мясо варят или жарят на палках перед костром. Замерзшее мясо едят сырым; исключительно в таком виде употребляются: почки, сердце, легкие, нос, глаза и свежая кровь оленя.

Растительную пищу применяют только в случаях крайней нужды; так, например, едят непереварившийся еще мох из желудка убитого оленя; из этого мха варится суп. В смеси с кровью употребляют многие растения и корни кустарников. Женщины отыскивают норы полевых мышей и крыс, вынимают оттуда собранные животными корни и приготовляют с толченым мясом и жиром похлебку. Много едят ягод. Из местных ягод чукчи гонят особый опьяняющий напиток. После твердой пищи пьют чай крепко настоенный (кирпичный); 40 чашек чая в течение дня считается нормальным для одного чукча.

Употребление табаку начинается с самого раннего детского возраста, его отсутствие приравнивается к настоящему голоду.

Огонь добывается быстрым вращением палки в деревянной доске. Впрочем, от русских чукчи заимствовали кремень и сталь, а прибрежные чукчи теперь всюду пользуются привозными спичками.

Работа женщин у чукчей, помимо ведения домашнего хозяйства, состоит в снятии шкур с убитых животных, обработке их и шитье одежды для всех членов семьи. Шкуры красят древесной корой для предохранения от сырости; часто их прокапчивают. Сырыми употребляют для лодок шкуры тюленя и моржа; иногда, впрочем, их чернят углем и маслом. Сшивают кожи, вместо ниток, жилами из спины оленя. Вышивки делаются из оленьих волос, белых или окрашенных в красный цвет. Рисунок орнаментов очень простой. Для ловли оленей делается веревка — аркан из тонких ремней или сплетенных жил, вымазанных маслом и хорошо прокопченных; аркан ловко брошенный, захватывает рога оленя.

Большинство чукчей оленеводы; из всех полярных жителей у них самые богатые стада оленей. Оленеводство имеет у чукчей некоторые особенности. Оленем они пользуются, запрягая его в сани, а не седлая, как это встречается у их соседей.

По берегам Берингова моря у чукчей соединяется с оленеводством морской промысел. Часть племени живет в постоянных жилищах на берегу, занимаясь охотой, а другая бродит с оленьими стадами внутри чукотской земли и ведет пастушеский образ жизни. Каждое береговое поселение имеет по несколько становищ в глубине страны. Береговой житель охотник время от времени посещает свои стада и пользуется привольем кочевой жизни; с другой стороны, пастух считает долгом побывать в прибрежных селениях, половить рыбу, поохотиться на тюленей и моржей.

Трудно управляться пастуху с его стадом полудиких оленей в открытой и ветряной тундре без собак (сторожевых собак у чукчей нет, есть только охотничьи); олени готовы всегда разбежаться и быстро дичают; пастух должен зорко за ними смотреть. Летом во время появления гнуса (комаров, мошки, слепня) все члены семьи участвуют в наблюдении за стадом; олени идут тогда против ветра, чтобы облегчить страдания от гнуса: при остановках остается неподвижным только центр, а боковые части стада находятся в непрерывном движении взад и вперед; немного постояв, все олени внезапно устремляются бежать, а за ними должны поспевать и все стерегущие. Пастухам не приходится спать по двоетрое суток подряд; переутомившись, они иногда падают и тут же засыпают на продолжительное время. Хуже всего, когда наступит туман без ветра; тогда за стадом очень трудно усмотреть.

Одежда у чукчей оленеводов и у чукчей приморских одинаковая; разница только в том, что первые все делают из оленьих шкур, вторые — из тюленьих. Каждая часть зимней одежды состоит из двух кусков: внутреннего, мягкой шерстью к телу и наружного, грубой шерстью наверх. Каждый кусок может быть снят, просушен или переменен. Главную одежду составляет рубашка, тяжелая, меховая, до колен, с большим воротником, который собирается оленьей жилой и завязывается петлей с висячими концами; рубашка шьется очень просторной. При самых больших холодах рубашка затягивается кушаком. Наружные брюки делаются из кожи ног оленя, волосами внутрь, чтобы не набирать снегу. Сапоги всегда короткие и плотно входят внутрь брюк, которые у обуви завязываются; сапоги сшиваются из шкуры оленьих ног волосами наружу. На голову плотно натягивается шапка с треугольными наушниками и привязывается длинными ремнями. Она тоже двойная, и у богатых чукчей приготовляется из кожи волка с торчащими ушами, различными украшениями и нагрудником на передней части рубашки.

Женщины носят такую же одежду, как мужчины, только с большим количеством украшений, изготовляемых из разноцветного меха; они также носят сапоги с длинными голенищами.

Специальной летней одежды у чукчей нет, — летом донашивается зимняя одежда с вылезшею шерстью. От комаров летом надевают такие же шапки, как зимою от бурь, с украшениями в виде бахромы. Прибрежные чукчи от дождя носят плащи из звериных шкур. Детская одежда похожа на одежду взрослых, но украшается множеством амулетов для предохранения от несчастных случаев. Прическа волос у мужчин делается в кружок, часто в два ряда, с двумя звериными ушами. У женщин волосы заплетаются в две косы, у замужних сзади а у девиц на висках.

У чукчей встречается татуировка, преимущественно у женщин. Она делается тонкой иглой, при помощи которой продевают под кожу нитку, натертую порохом или намазанную сажей. Татуируют девочек начиная с 10-ти летнего возраста.

Из всех органов чувств у чукчей особенно развито обоняние: по запаху они узнают людей. При прощании или встречах с близкими чукчи, вместо поцелуев, обнюхивают друг друга. Чукчи не любопытны, не любознательны, редко сидят без дела за беседой, но очень увлекаются всякого рода состязаниями. Гонка на оленях устраивается раз в год в каждом округе на приз: 1) пачка махорки, 2) шкура бобра и 3) ломовой олень. Первый пробежавший на оленях 10 миль и схвативший приз, расположенный у известного дерева, считается победившим. Участвуют в состязании только гости, но не хозяева. Рядом с этим идет состязание людей в беге и борьбе. Бегут по утоптанному оленями пути, при чем особенно ценится не быстрота, а продолжительность бега; бег чукчей почти равняется бегу оленя и собаки. Чукчи любят борьбу. Борцы приходят в такой азарт, что если не вступятся зрители, то дело кончается смертью побежденного; если же состязание происходит между женщинами, то в конце концов страдают их косы, которые являются трофеем победительницы. В танцах чукчи подражают разным зверям.

Чукчи анимисты: по их представлениям всякая вещь в природе живет, т. е. двигается, действует и говорит; она как бы имеет своего хозяина, свой голос. Шкуры для продажи имеют также своего господина; они превращаются в оленей и бродят; деревья в лесу между собою разговаривают и т. д. Это — первая стадия языческих воззрений первобытного человека на природу. Затем идет очеловечение предметов природы, приписывание им формы человеческих органов. У чукчей есть верование, что лежащие в кожанных мешечках амулеты могут внезапно превращаться в пастухов, которые отправляются среди ночи охранять стадо от

волков, а рано утром возвращаются обратно на свои места и становятся вновь кусочками дерева. Белые медведи, по их представлениям, имеют свою страну, где живут в обстановке человека, и даже имеют в своих домах лампы. Звери, как и их духи, легко переменяют форму и величину.

Хозяином всех диких оленей и лесных зверей считается „Пичвучин“. Этот дух живет в ущельях, останавливается на опушках леса и направляет диких оленей на охотника; а когда он сердит, то их задерживает. В представлении чукчей он очень мал, ростом с человеческий палец, а его следы по снегу напоминают следы мышенка. Сани „Пичвучина“ тоже очень малы и сделаны из травы; но он очень силен. Пищи он никакой не употребляет, а живет только запахами. Об нем упоминается в целом ряде сказок. Прибрежные чукчи верят, что „Пичвучин“ имеет влияние и на морских зверей; иногда его видят в образе маленького черного щенка и когда по его следам в этом удостоверяются, то там, где следы обнаружены, приносят на берегу жертву, вследствие чего на это место должен быть прибит в следующем году морским течением большой кит. Когда чукчи идут на охоту, то жертвуют самое лучшее — табак — хозяину зверей, которого чаще всего называют „стариком“.

Все духи называются келе, а добрые кроме того, виргин.

Оленеводы и береговые чукчи имеют много амулетов, способствующих сохранению стад и удаче в охоте. Этим амулетам придают человеческий вид, хотя чрезвычайно грубый; их носят на шее и кушаке. Бусы служат часто тоже амулетом: их подносят божеству, а нередко надевают на орудия охоты.

Очаг — главное священное место для каждой семьи; одолжить свой огонь и взять себе чужой считается большим грехом. Поселение чукчей имеет и общий огонь, потому что они все между собою в родстве; у них есть священные доски, которые буравят для добывания огня.

Каждая семья имеет свой шаманский бубен, на котором каждый член ее должен уметь исполнять известную мелодию, притворяясь, что в него вошел дух. Это проделывается в наружной части жилища и всегда днем; настоящий же шаман совершает заклинание духов (камлание) во внутренней палатке и всегда в темноте. Способность шаманить проявляется очень рано, лица шаманов нервны, а глаза их отличаются блеском. Если в семье много сыновей, то всегда одного из них стараются сделать шаманом, как бы ходатаем за семью перед духами.

Шаманы совершают трояко рода действия:

1) сносятся с духами посредством чревовещания,
2) предвидят то, что человека ожидает в будущем,
3) совершают заклинания на разные случаи жизни.

Шаманство всегда бывает подсобным промыслом. Плата шаману обязательна, иначе духи на него злятся. В уплату ему дают шкуры, мясо, одежду и проч. Акт шаманства совершается следующим образом: после ужина все входят во внутреннюю палатку, которая плотно закрывается; огонь гасится; шаман снимает костюм до талии и сапоги; все курят крепкий табак. Шаман начинает колотить в барабан и, постепенно возвышая голос, заводит свою песню; последняя не имеет слов, а состоит из одних возгласов. Слушатели напрягают внимание к сливающимся звукам барабана с песней и постепенно лишаются возможности их отличать. Когда через $^1/_2$ часа появляется шаману дух — келет, то присутствующие должны выражать одобрение словами: „да верно“, иначе дух уйдет и акт шамана не состоится. Голос келета слышится вследствие способности шамана чревовещать; в этом шаманы чукчей весьма искусны. После усиленного пения и игры на барабане шаман впадает в безчувственное состояние; тогда его душа переносится в свет духов для испрошения известного совета. Через несколько времени шаман приходит в себя, встает, объявляет волю духов и дает совет.

В основе общественной жизни чукчей лежит не община, а семья. Главой ее является отец, когда же подрастает старший сын или племянник, то главенство передается кому либо из них; впрочем, отец всегда пользуется общим почетом, уважением, и с его мнением считается всегда вся семья. Попытки старой администрации создать старшин и старост между чукчами не имели успеха.

II. Коряки. Коряки живут в двух уездах Камчатской области — Гижигинском и Петропавловском. Поселения их сосредоточены по берегам Охотского и Берингова морей, в устьях рек и по долинам, — везде, где только есть олений корм. Численность коряков достигает 8.000 человек, почти поровну оленеводов и прибрежных.

У прибрежных коряков строятся постоянные полуподземные дома из бревен (осины и ольхи), сплавляемых по рекам или прибитых течением. Для постройки вырывается в земле круглая яма, глубиною до $1^1/_2$ метров, куда вкладываются бревна, образующие восьмигранные стены дома, по углам которого укрепляются стойки до 6 метров высоты; промежутки забираются расколотыми бревнами. Крыша основывается на четырех столбах, поставленных среди дома; в ней находится четырехугольное отверстие для выхода дыма; зимою оно же служит входом в дом, когда бока здания заносятся снегом. В такое жилище ведут две примитивные лестницы, в виде бревна с зарубками для ног; одна дает возможность подняться на крышу дома, а другая — опуститься через дымовое отверстие внутрь его.

Коряки оленеводы принуждены, в зависимости от времен года, передвигать свои стада и вместе с тем менять свое местожитель-

ство: зимою они со стадами живут в долинах, с марта перегоняют оленей в открытую тундру, летом подымаются в горы, а осенью постепенно передвигаются по склонам в долины; кочевки сообразуются с количеством корма для оленей и лучшей защитой последних от насекомых в летнее время.

Передвижение зимою у прибрежных коряков совершается на собаках. Цвет шерсти корякских собак светлый или темно-серый, стоячие уши и пушистый хвост; их считают помесью волка с шакалом. Собак держать можно только там, где много рыбы, из которой делаются большие запасы на зиму в сушеном виде. Весною, когда прекращается езда на собаках, их уже не кормят; они сами должны добывать пищу, охотясь на крыс в тундре и налавливая рыбу в мелких местах рек; собаки едят также разные ягоды. В течении лета они уходят очень далеко от дома, а к осени опять возвращаются к хозяевам, которые их в это время сажают на привязь. Существует несколько видов собачьих запряжек и саней (нарт), но чаще зараз впрягают в сани пять пар собак с одной впереди, называемой вожаком. Лучшими собаками для езды считаются собаки в трех деревнях Иткана, недалеко от тракта из Гижигинска к Анадырю и Камчатке. Хорошая запряжка из 10 сытых собак с грузом в 10 пудов, проходит до 60 верст в день, а без багажа — и до 90. Хотя собаки уступают лошадям и оленям в быстроте, но превышают их в продолжительности непрерывного бега.

Налоги выплачивают коряки, большею частью, мехами (горностай, белка, лисица, волк).

Коряки преимущественно прибрежные, искусны в гравировке различных рисунков по кости мамонта, моржа, кита и по дереву (береза и корень сосны).

Во всех трудных случаях жизни коряки обращаются за помощью к „Большому Ворону“, а также к прочим охраняющим их духам и к амулетам против злых духов „Кала“ (чукотский „келет“). Особенно коряки почитают следующие предметы: 1) доску для добывания огня, 2) шаманский семейный барабан и 3) охранителей от зла — камаки и калаки; в честь последних выставляется вблизи селения на горе бревно, верхушка которого вымазывается кровью после всякой хорошей охоты, а к нижней части привязывается пучок морской травы. У коряков очень развит культ тех зверей и предметов, от которых зависит их жизнь. Так, у прибрежных коряков совершаются ежегодные празднества, с одеванием деревянных масок, в честь кита, а также кожаной лодки, при укладывании ее на зиму и вытаскивании на лето.

Жертвы разделяются на кровные, когда убиваются олени, а чаще всего собаки, с развешиванием их трупов на высоких столбах около подземных домов, и бескровные, когда приносятся

в жертву ягоды, трава, жир, мясо, табак и чай священному огню, умершим или изображениям „Кала“.

III. Камчадалы или, как они себя называют, „ительмены“ населяют южную половину полуострова Камчатки и, кроме того, образуют ряд поселений в бассейне Охотского моря.

Камчадалы вполне обрусели. Живут в избах русского типа. На родном наречии говорит не более $^2/_5$ из них, остальные изъясняются только по русски. Христианство они приняли давно. Ведут оседлую жизнь, занимаясь преимущественно рыболовством и охотой; хлебопашество (ячмень и овес) и огородничество играют второстепенную роль.

IV. Гиляки по типу похожи на тунгусов. Язык же их заметно отличается от языка соседей и напоминает язык индейцев северо-западной Америки.

Жилищем гиляков служит, либо деревянный сарай с нарами, под которыми проведены дымовые трубы, либо сидящая наполовину в земле и обмазанная сверху глиной хижина, в которой отверстие для дыма служит вместе с тем и входом. Летом гиляки живут в шалашах.

Одежда меховая, шерстью наружу. Сапоги из тюленьей кожи, из нее же делаются юбки, которые носят зимою не только женщины, но и мужчины. Мужчины и женщины носят летом рубахи из рыбьих кож, теперь эти рубахи вытесняет европейский ситец. Былое оружие гиляка — лук и копье — уступили место ружью, но охота — второстепенное занятие гиляка, который предпочитает рыболовство.

Верования гиляков сводятся к одухотворению внешнего мира (анимизму). Во всем, по их представлению, живет особый дух. Срубая дерево, гиляки втыкают в него заструганную палочку (инаю), волшебное действие которой заключается в том, что она возвращает бревну душу и жизнь. Пользуется большим почетом у гиляка и медведь, играющий важную роль в верованиях северных народцев. Шаманы, заклинатели злых духов, не занимают видного места у гиляков.

В основе семейной жизни гиляка лежит брак; жен может быть зараз не более двух. Общественная жизнь покоится на родовых началах (общая добыча, родовая месть, гостеприимство).

Очень сложен обряд погребения. В нем отражается представление о будущей жизни, как продолжения земной. Покойника сжигают после веселых празднеств, вместе с лучшими предметами его домашнего обихода. Убиваются на могиле и собаки, привезшие труп. Они должны сопровождать хозяина (собаки у гиляков заменяют лошадей). На могилах воздвигаются маленькие домики, где ставится кукла-человек и над ней кукушка (у гиляков бог любви): кукле приносят еду и подарки.

V. Азиатские эскимосы — часть довольно многочисленного североамериканского племени эскимосов. В пределах русских владений эскимосы обитают отдельными становищами на берегах и островах Берингова моря. Вглубь страны далее нескольких десятков верст никогда не удаляются, так как все их существование связано с морем: из него они берут пищу — рыбу, одежду — шкуры тюленей и моржей, топливо и освещение — рыбий жир. В местах, где мало сплавного леса, рыба дает и строительный материал — кости. Из этих же костей изготовляются различные изделия, предметы домашнего обихода.

VI, VII, VIII. Енисейские остяки, юкагиры и чуванцы представляют исчезающие народности. Проживая среди русских или по соседству с ними, они все более теряют свою самобытность. Более половины юкагиров и чуванцев говорит на русском языке.

IX. Алеуты — русское название эскимосского племени „ининдин" (что значит люди). Это племя обитает, главным образом, в Северной Америке — на Алеутских островах и в северной части Аляски. В пределах России лишь на двух Командорских островах (Медном и Беринга) и то нечистые, а с большой примесью посторонней крови.

Алеуты значительно превосходят в культурном отношении своих сородичей эскимосов. Они большие мастера по части плетения, резьбы и вышивания. Главное занятие алеутов — котиковый промысел.

X. Айнов в русских пределах почти не осталось. Вместе с южной частью Сахалина они перешли к Японии.

Б. Урало-алтайцы.

К урало-алтайцам относятся в Азиатской части СССР народы следующих пяти групп: I — Финской, II — Самоедской, III — Тунгусской, IV — Монгольской и V — Тюрко-татарской.

1) Финская группа.

Коренными представителями финской группы являются за Уралом остяки и вогулы. Общая численность их достигает 25½ тысячь человек. Северные из них, остяки, — наиболее сохранили свой родной язык (98%), вогулы же несколько меньше (70%); часть же последних, живущая по европейскую сторону Урала, совсем обрусела.

I. Остяки[1]) живут в северной части Тобольского уезда, в Березовском уезде вниз по Оби до самой Обской губы, в Сургутском

[1]) Остяки называли себя „ас-яг", т. е. обский народ (ас — река Обь по остяцки, а яг — народ). Татары их называли уштяками, что по татарски обозначает грубых, диких людей. От этих названий произошло и русское остяк.

уезде и в бассейне реки Васьюган, Томской губернии. Только в Сургутском уезде остяцкое население увеличивается, и то весьма слабо; в трех же остальных — идет на убыль.

В сравнении со своими соседями самоедами, остяки могут считаться оседлым народом. Одни из них, разселенные по реке Оби живут в юртах и образуют небольшие поселки с определенным названием; другие живут по обским притокам, на всем громадном их протяжении, группируясь по две-три юрты с известной какой ни-

Рис. 107. Остяки на оленьей нарте.
Из снимков Этн. Отд. Русского Музея.

будь фамилией их обитателей. Живущие в поселках остяки ездят на лошадях, юртовые же на оленях.

Жилище остяка меняется по степени его усидчивости, по промыслам: 1) Юрта землянка состоит из неглубокой четырехугольной ямы, над которой ставится небольшой сруб, венца в три; далее укрепляются по углам стропила с отверстием наверху в квадратный аршин, которое служит окном; крыша состоит из драневой решетки покрытой сначала травой, а потом засыпанной землей. 2) Бревенчатая юрта, обыкновенно низкая, имеют плоскую дву-

скатную крышу; также покрыта как и первая; прорубается 1—2 отверстия для окон с льдинами зимою, вместо стекол; пол деревянный, потолка и сеней не бывает. Внутри обоих жилищ ставится в углу чувал (печь) с трубой, пропущенной наружу через отверстие в крыше. Против чувала устраиваются большие полки для сохранения посуды, воды и провизии. Нары устилаются сеном, камышем и оленьими шкурами. Кроме юрты, у каждого хозяина есть амбар — лабаз на стойках, устроенный так, чтобы не забирались туда мыши. В летних берестяных юртах очаг находится посредине. Кроме того, для летнего помещения служат берестяные остроконечные чумы.

Одежда остяков состоит из оленьих шкур, хотя вблизи русских селений стали входить в употребление изделия фабричного производства. Зимней одеждой служит шуба, преимущественно из заячьего меха, употребляются также шкуры птиц (гагар, уток), шкуры оленя и беличьих лапок. Для защиты глаз от ослепительного весною блеска солнца и снега остяки придумали себе налобник и нечто в роде очков; налобник делается из беличьих хвостов, нанизываемых на тонкую бечевку, очки приготовляются из выпуклых жестяных овалов с узким щелевидным прорезом посредине каждого; их обшивают материей, скрепляют между собой и, посредством завязки, прикрепляют на переносье.

Главным пищевым продуктом остяка в охотничьих странствованиях, бывает сушеная, истолченная в порошок, рыба, в роде муки (порс): из нее варится похлебка; порс служит и закуской к чаю. В большом употреблении питательный рыбий жир, в который обмакивается хлеб. Мясо оленя и лося употребляется вареным, сырым (мерзлым) и вяленым. В пищу идут все местные ягоды; из овощей — только корень „кас“, заменяющий наш картофель. Табак употребляется преимущественно листовой и не для курения, а больше для жевания: его кладут за губу и переменяют в течение суток 4—5 раз.

Остяки отличаются добродушием, честностью и отзывчивостью к чужому горю; живут миролюбиво; охотно приходят другим на помощь; бедные пользуются пищей у богатых — в особенности после хорошего улова зверя или рыбы. У них встречается редкая и своеобразная благотворительность, выражающаяся в том, что каждый старик и неспособный к труду остяк, если у него нет родственников, получают приют и пищу по очереди у всех членов селения. Убийств между ними почти не случается; случаи воровства очень редки. Главный порок — пьянство; водку пьют решительно все: мужчины и женщины, старые и малые, ее дают даже грудным ребятам.

Материальным благосостоянием отличаются только те из остяков которые живут ближе к Нарымскому краю. От Сургута же до

устья р. Ваха повсюду непроглядная бедность, грязь и полное невежество.

Остяки, хотя крещены, но выполняют христианские обряды безсознательно и в действительности продолжают оставаться язычниками. Они признают существование верховного всемогущего („Торым“) бога света, бесплотного духа, и верят, что в его руках судьба всего мира, но думают, что он общения с людьми не имеет. За ним следуют низшие божества, добрые и злые, населяющие всю окружающую природу. У Торыма, по представлениям остяков, есть три сына и дочь. Старший — Кан-Ики — покровительствует людям и живет в окрестностях Троицких юрт (Березовского уезда); средний — Воит-Ики — или Николай Чудотворец обитает в верховьях р. Оби и покровительствует звероловному промыслу; младший — Инк-Ики — живет в воде и покровительствует рыболовству; их сестра (Чарас-Най) обитает в той части моря, где оно становится огненным; под ее покровительством совершается убыль воды; от нее же произошли на земле люди. Остяк почитает за божество все громадное или в своем естественном виде напоминающее фигуру человека: возвышенные мысы и горы, где находятся большие камни или дерево; тут всегда можно встретить массу его приношений: ситцы, шали, шкуры лошадей или оленей и даже деньги. Религиозные представления остяков выражаются человекообразными, грубой формы, идолами. Есть идолы родовые, которые помещаются на уединенных лесных полянах; в жертвоприношениях им всегда участвует шаман, возлагающий на изображение приносимые подарки: одежду, куски материи, бусы и т. п. Семейные идолы являются покровителями только семьи, и в жертвоприношениях им участвуют только ее члены, без шамана. Они сохраняются в особых шкатулках. Самая употребительная форма семейного жертвоприношения выражается в обмазывании губ идола рыбьим жиром или кровью заколотого для домашних потребностей животного.

Рис. 108. Остяк — охотник.
Из снимков Этн. Отд. Русского Музея.

Большим почетом пользуется у остяков медведь, который считается у них представителем справедливости на земле; он также сын Торыма, но за гордость низвержен был отцом с недосягаемой высоты, упал нагой на землю между двумя деревьями и так долго там лежал, что оброс мхом. Мох стал на нем шестью. Когда он взмолился к отцу о пощаде, то Торым объявил свою волю: „дарую тебе жизнь, — будь медведем; народ будет тебя бояться, тобой клясться, а все таки убивать и хоронить с почестями". Охота на медведя дозволена самим Торымом, но когда совершается удачно, то заканчивается религиозными церемониями (медвежья вечерка).

Над каждым убитым медведем устраиваются поминки, если медведь оказался чистым, т. е, не задрал человека, а это видно из присутствия в его желудке клубка человеческих волос. Мясо нечистого обыкновенно сжигается. Когда привозят медведя к юртам, то три раза дико кричат, на что сбегаются все буквально жители юрт, делают поклон медведю и целуют его морду, приговаривая: „царь леса". Около него ставится сосуд с водою, и всякий, обмывший свое лицо этой водой, считает себя прощенным от медведя, если когда либо он лгал или кого нибудь бранил. Затем медведя втаскивают в юрту, кладут на нары, повязывают ему шею шарфом, а на голову надевают шапку; перед ним ставят в маленьких берестяных сосудах сушенную рыбу, орехи, хлеб, а также стружки из бересты для вытирания рук. В этой юрте устраивается вечерка, во-время которой поют песни, рассказывают сказки, и угощаются. Песни и рассказы имеют обычно характер юмористический, в них высмеивается охотничье хвастовство, неудачный промысел, несообразительность, простоватость и т. д. Всякий участник для своего выхода надевает особую берестяную маску, прибегает к всевозможным жестам, переодевается в разные халаты. После каждого исполнения делается нарезка на деревянной палочке для правильного счета исполняемых номеров. Далее идет гадание: по очереди подымают голову медведя; кто это сделает легко, у того будет в следующем году удачный промысел, и наоборот. Затем медведя разрезают на части, варят и тут же всего съедают.

По понятиям остяка, медведь все знает и видит, даже будучи мертвым; почему клятвы приносятся обычно над его головою и лапою; нарушивший такую клятву гневит Торыма и должен быть заеден медведем, который, как остяки думают, встречаясь с человеком, становится на задние лапы, как бы спрашивая у своего отца: велит ли он задрать этого клятвопреступника. Клятва состоит в прикосновении к голове или лапе медведя и в словах: „задери меня медведь, если я сказал неправду". Обычная же присяга выражается в ударе топором по огню костра, со словами: „сожги меня огонь, если я сказал неправду". Остяки убеждены, что ложная клятва не останется безнаказанной.

На том свете, думает остяк, люди нуждаются в пище и одежде, как и здесь; поэтому всякого умершего снабжают при погребении всем ему необходимым. Худые люди, по их понятиям, там живут в темноте, и трудятся больше, чем здесь, а хорошие получают готовую одежду и пищу от Торыма. Русские с остяками и там не смешиваются.

В жизни остяков играет важную роль шаман; он является в одно и то же время жрецом, врачем и предсказателем. Шаману божества открывают свою волю; поэтому он является как бы посредником между людьми и богами, говорящими с ним особым языком, непонятным простому смертному.

Рис. 109. Остяки. Лодка крытая берестой.
Из снимков Этн. Отд. Русского Музея.

Жизнь остяка обеспечивается целым рядом даров природы местным зверьем (дикий олень, лось, белка, куница, горностай, соболь, медведь и волк), дичью (утки, гуси и т. п.), рыбой ценных пород (осетр, стерлядь и др.), кедровыми орехами, ягодами и, наконец, домашними животными: оленем и собакой. Чтобы всем этим воспользоваться, остяк должен затратить немало усилий как физических, так и умственных. Приспособления для охоты на хищных животных, снасти из дерева и пряжи для рыболовства, все это у остяка оригинально и самобытно. Не менее велика его изобретательность в пользовании берестой: из нее сделаны все предметы домашнего обихода (колыбель ребенка, чашки, ковши, блюда, маски для остяцких актеров, когда они представляют медвежью пляску), берестой кроют жилища; она же служит материалом для выражения остяцкого художественного чувства в целом ряде предметов местной своеобразной орнаментики. А сколько остроумия и

практичности — в постройке амбаров для защиты от грызунов и хищников, в предохранении от холода и сырости употреблением кедровой гнилушки, в производстве осиновых веревок, а также в выработке из кожи налима мешков, сумок и обуви, в выварке клея из рыбьей чешуи, икры и глаз, в заготовке из рыбьих костей корма для собак.

Все путешественники указывают на необычайное трудолюбие остяцких женщин, проявляющееся во всех отраслях остяцкого хозяйства. На женщинах лежит вся тяжесть домашнего хозяйства и забота о детях: оне пасут стада оленей, выделывают звериные шкуры и меха, изготовляют нитки из оленьих сухожилий, шьют

Рис. 110. Вогулы. Летнее жилище из бересты.
Из снимков Этн. Отд. Русского Музея.

одежды, вяжут сети, вялят рыбу, готовят „порсу“, обр батывают бересту, делая из нее узорчатую домашнюю утварь, вышивают шерстью, украшают меховые одежды бисером, бусами и проч. и проч.

Землею остяки пользуются на общинном родовом начале, как пастбищем. Так как хлебопашества в областях их обитания, за исключением немногих мест не может быть, то хлеб привозится остяками с юга и сохраняется в запасных магазинах; там же бывают и склады соли, пороха, дроби и свинца.

2. Вогулы проживают в западной части Тобольской губернии (4.250 д.) и в зауральской части Пермской (2.550 д.). Большинство вогулов крепкого телосложения, темноволосые и темноглазые. Во-

гулы, проживающие в Туринском уезде Тобольской губернии, также как и пермские вогулы, сильно обрусели. Прежний быт и верования сохраняются лишь у северных вогулов, которые по обычаям, одежде, утвари и пр. мало отличаются от остяков и самоедов. Живут вогулы небольшими поселками (пауль) в небольших бревенчатых избах, летом же поселяются в шалашах на берегах рек. Земледелием почти не занимаются: зимою промышляют пушным зверем, а летом — рыбой.

Рис. 111. Вогулы. Зимнее жилище.
Из снимков Этн. Отд. Русского Музея.

2) Самоедская группа.

Народности самоедской группы[1]) обитают по всей северной окраине Западной Сибири и Енисейской губернии[2]). Они кочуют: 1) в Тобольской губернии, в Березовском уезде под именем „юраков", 2) в Томской губернии, в Нарымском крае и в северных частях Томского уезда, составляя главную часть местного населения и называясь остяко-самоедами или нарымскими остяками. 3) в Енисейской губернии в Туруханском крае, под именем енисейских самоедов и тавгийцев — к востоку от реки Енисея до р. Хатанги и в полосе тундр.

---

1) К 1911 году было около 15.000 чел. обоего пола.
2) Самоеды живут также в Европейской части СССР, в тундрах от Белого моря до Урала.

Каждая ветвь распадается на роды, управляемые инородными управами.

Некоторые из перечисленных представителей самоедов проявляют местами склонность к вымиранию; причина этому кроется в нередко встречающейся среди них бездетности, а также в частых эпидемиях оспы. Самоедская группа сохранила родной язык в 93% населения, остальные 7% усвоили другие языки, преимущественно русский. Обрусению подверглась самая южная ветвь самоедов, нарымские обитатели; три четверти последних уж говорят только по русски. Енисейские самоеды и тавгийцы подчинили своему влиянию соседнюю часть тунгусов; северная ветвь, живя совершенно уединенно, говорит только на своем родном наречии.

Название этой группы народов вероятно произошло от слова „самеднам“, — так себя и свою страну называют лопари, жившие прежде гораздо восточнее теперешнего их местожительства, именно по низовьям Енисея и по берегам Хатангской губы. Сюда то и пришли самоеды от склонов Саянских гор, где до сих пор находятся родственные им народы, которые сто лет тому назад говорили на своем родном языке, а теперь отатарились (карагасы, сойоты или урянхайцы и друг.). Тип самоедов и язык их отличаются от западных и юго-западных соседей финнов. Они меньше ростом, но крепче сложены; цвет кожи смуглый, желтоватый; цвет волос и глаз большей частью черный и карий; волосы прямые и жестковатые; плохо растет борода; кисти и ступни небольшие; голова широкая, нос малый, но не приплюснутый; скулы большие, выдающиеся; глаза узкие монгольские, с нависающими веками. В местах частого общения самоедов с финнами и русскими тип иной, смешанный. В физическом отношении самоеды — сильный и крепкий народ, благодаря тому, что будучи оленеводами, они лучше питаются, нежели другие инородцы — рыболовы. В умственном отношении они хотя и выше соседей финнов, но все таки их культура крайне низка. Поглощенный всецело борьбой за существование, самоед беден, невежествен, умственно убог и нерасчетлив.

Хотя самоеды оффициально считались христианами, но продолжают придерживаться культа языческого. Признают верховным всемогущим существом „Нума“, поклоняются камням, считая их семейными идолами, и обычно возят их с собой на особой (шайтанской) нарте; поклонение какой нибудь лиственнице, священной сопке и воде выражают тем, что вешают вблизи ситцевые лоскутки и приносят в жертву оленей, при чем на священном месте оставляются только кости и череп с рогами, водруженный на каком либо дереве. Шаманами у них могут быть только мужчины. Шаманы их во время своих представлений надевают поверх домаш-

ней одежды (малицы) особую сорочку — вершницу из цветной материи с медными украшениями.

Похороны у самоедов начинаются с одевания умершего в полный его костюм; затем кладут последнего на нарту головой вперед и везут вместе с деревянным срубом на место погребения; перед похоронами закалывают оленя, варят его мясо в котле и угощаются, провожая умершего. По приезде на место, ставят сруб в который кладется покойник, а рядом все его одежды; если покойник мужчина, то кладут нож с отломленным кончиком, ложу от ружья или лук. Сруб забивается наглухо; сверху помещается дырявый опрокинутый котел; перевертывают вверх полозьями нарту, на которой был сюда доставлен труп; тут же оставляется довольно большой колокольчик, весом до 3 фунтов. Отправляясь обратно в чум, стараются ни в каком случае не оглядываться. Это считается грехом. В пути самый старший из провожавших, срубив два прута и отстав от других, втыкает их в снег или землю с наклоном одного в сторону чума, а другого — к покойнику, говоря: „вот тебе твоя дорога, а вот — наша: ты уж ходи по своей дороге“. Всякий раз когда приходится проезжать мимо могилы, устраивают поминки: режут оленя, „варят котел“ и угощаются; череп с рогами вешают на сруб; старейший звонит в колокольчик и приговаривает: „слышишь, мы тебя помянули“. Уезжая с поминок обратно, тоже нельзя оглядываться.

Как ни примитивна культура самоедов, но к ним привились уже некоторые начала общественности — они знают суд, наказание, волостные сходы, наконец есть у них зачатки гражданского права. Для разбирательства в судебных делах самоеды должны обращаться к своим родовым старостам, которые решают дела единолично. В виде кары за провинности прибегают к телесным наказаниям, но не с целью причинить физическую боль, а для того, чтобы опозорить в глазах близких и попрекать впоследствии таким бесчестием. Самоеды пользуются землями на общинном и родовом начале. Границы владений рода — обычно бассейн какой-либо реки — известны соседним родам; вторжение в чужую территорию без разрешения наказывается очень строго по обычному праву.

Имущественные отношения у самоедов несложны, и гражданское право их едва ли не исчерпывается несколькими положениями, относящимися к личному найму, правилам займа и к наследованию. Заем чаще всего делается оленями; не вернувший самку через год платит на следующий год проценты в виде теленка или деньгами до 4 руб. Права наследования распространяются не только по мужской линии, но переходят и на женщин; кроме того у самоедов существует обычай оставлять после себя духовные завещания.

Понятие о браке сводится к обыкновенной купле-продаже. Никаких церемоний сватовства и пиршества по поводу предстоящего брака у самоедов нет. Только по привозе молодой жены, самоед режет оленя. Часты случаи, когда отец заблаговременно покупает для сына невесту (за 15—20 оленей и при том непременно самок, стоимостью около 6—8 руб.) еще в детском возрасте, так что жених и невеста растут вместе, как брат и сестра, до самой возмужалости. Иногда вдовцы покупают маленьких девочек и выращивают их себе в жены. После смерти жены самоед обычно берет ее сестру; на овдовевшей мачехе женится чаще всего пасынок; отец уже за нее заплатил, отпускать ее не выгодно.

Дочерью больше дорожат чем сыном, так как, вследствие получения калыма, она в семье представляет известную ценность, а на сына еще нужно потратиться, чтобы ему достать подругу жизни.

В работники к богатым идут только бедняки-одиночки. Кроме полного содержания, они получают от хозяина жалованье в размере 4—5 оленей в год. Если же идет в работники семейный, то ему жалованье не идет, а дается только содержание на счет нанимателя.

Жилищем самоеда кочевника служит легко разбираемая (обыкновенно женщинами) палатка — чум. Она состоит из тонких шестов, расставляемых в виде конуса; этот остов покрывается шкурами, а вверху оставляется отверстие для дыма. Основание чума имеет до 6 аршин в диаметре, высота шестов до 10 аршин, при толщине в 1 вершок. Остов чума покрывается так называемыми „нюгами“, т. е. полотнищами, сшитыми из 13—19 оленьих шкур и имеющими форму трапеции. Для покрытия всего чума требуется 4 таких нюга. К верхней части наружных нюг привязывается веревка, которая обматывается несколько раз сверх чума и спускается вниз для укрепления ее к нарте в месте соединения нюг; таким образом все сооружение предохраняется от ветра. Посредине чума кладется железный лист для очага. Над ним, на высоте человеческого роста, к шестам привязываются параллельно два бруска с крюком для подвески чайника или котелка. По сторонам очага кладутся доски, на них березовые цыновки, потом цыновки из травы и, наконец, оленьи шкуры. Для перевозки такого чума требуется 5 нарт; кроме того, одежда и провизия плотно упаковываются на нескольких других нартах а у более богатых самоедов имеется еще и специальная нарта с семейными божествами и предметами религиозного поклонения.

Одежда самоедов состоит из оленьих шкур, сшитых нитками из оленьих жил. Верхнюю одежду самоеды на ночь снимают, выколачивают ее на морозе и надевают другую, более легкую.

Главною пищею для самоедов низовых является оленье мясо; кроме того они употребляют муку и рыбу, хотя не все. Из муки

приготовляют только лепешки, замешенные на воде и на оленьей крови. Из рыбы, только что пойманной, приготовляют подовушку, запекая ее на лучинах, а также „юрку“. Вместо чая самоеды употребляют отвар из листьев морошки или княженики; собранные листья этих растений сушатся, обливаются густым чаем и опять высушиваются.

Настой из приготовленного таким образом чая считается самоедами весьма вкусным и потребляется ими повсюду. В остальном пища самоедов та же, что и у соседей их финнов.

В качестве посуды самоеды употребляют привозные железные ведра и металлические миски. Из предметов домашнего обихода встречаются детские люльки, чин (стружка тальника и березы) и трут из березовой губки. Из рыбьей налимьей кожи они шьют мешки, из осетровой — покрышки для возов, вместо рогож.

Оленина у самоедов является единицей ценности и в известном размере приравнивается одному рублю. За этот своеобразный рубль у них дают: 1) обделанный шест для чума, 2) травяной ковер размером $3 \times 1^1/_2$ аршина, 3) подстилку ковер из чина, размером $2 \times 1^3/_4$ аршина и т. п.

Из орудий звероловства у самоедов в большом употреблении слоцы (особые ловушки, придавливающие тяжестью падающей доски зайцев, куропаток, и тетеревов), капканы и сторожевой лук, довольно сложного устройства. Из огнестрельного оружия самоеды пользуются кремневыми винтовками, стреляя пулей даже в птицу. Охота идет на песца, зайца, россомаху и волка, который является бичем для оленеводов; волчьи капканы во всеобщем употреблении. Для рыбного промысла у самоедов составляются артели в 3—5 человек. Орудиями лова являются невод (70×150 саж.) и обыкновенная сеть (по 10—15 штук у каждого хозяина).

Важную роль для самоеда играет собака: для оленевода она — пастух оленьих стад, для зверолова — необходимый спутник, ищейка и рабочее животное, тянущее нарту с провизией. Самоеды, как и вообще северные инородцы, относятся к собакам в высшей степени заботливо.

Оленья нарта — род саней; полозья ее бывают еловые, кедровые и лиственничные, шириною в два вершка и толщиною $1^1/_2$. Длина всей нарты достигает 4 аршин, а высота — 12 вершков. Такова нарта для перевозки клади. Для езды у нарты делают сзади спинку. Оленья упряжь состоит из узды, хомута-лямки, седелки и постромки. Вожжа полагается одна — при уздечке коренного передового оленя. Упряжь делается из разного сорта кож. Во время езды необходим еще шест, длиною в 6 аршин и толщиною в $^3/_4$ вершка, который служит для подгонки оленей, для балансирования в неровных местах и раскатах, для ощупывания почвы и пробивки льда.

У самоедов, как и у всех приполярных жителей, главная основа благосостояния — оленеводство. Олень служит средством передвижения, дает пищу, одежду, кров; избыток оленьего мяса и шкур является продуктом обмена на все ввозные предметы, необходимые туземцу. В силу этого, вся жизнь населения принаравливается к потребностям и жизни этих животных. Самоеды являются главными собственниками оленьих стад в северо-западной части Сибири. В каком, действительно, состоянии находится у них оленеводство в данное время, развивается ли оно или падает — судить нельзя, так как сведения инородных управ о количестве оленей из года в год были неопределенно-однообразны. Приблизительная численность оленей определяется в $^1/_2$ миллиона голов (преимущественно в Березовском уезде, Тобольской губернии). Здесь бывают иногда большие падежи; так, в 1904 г. на водоразделе рек Таз и Енисей эпизоотия унесла в самое короткое время до 40.000 оленей, а убыль в тысячах считается обычным явлением.

Как ни зависит самоед от оленеводства, но он до настоящего времени довольствуется тем, что олень дает ему пищу и одежду; о том же, как увеличить численность своего оленьего стада и поднять его доходность, самоед не думает. За него это сделал ижемский зырянин, который разводит специально возовых оленей, бьет оленей в том возрасте, когда шкура их имеет наибольшую ценность и сбывает в селение Ижму оленье мясо и оленьи шкуры для выделки замши. У зырян теперь численность оленьих стад больше и качество их выше чем у самоедов. Зыряне пришлые; их главное местожительство — тундра Европейской России, но в последние годы они стали водворяться на Тобольском севере.

3) Тунгусская группа.

Тунгусская группа состоит из собственно тунгусов и 10 тунгусских народов северных (или сибирских) и южных (или маньчжурских)[1]). К этой группе относятся:

1) Тунгусы собственно, которые живут в губерниях Енисейской и Иркутской, в областях: Якутской, Амурской, Приморской, Камчатской, Забайкальской и Сахалинской.

2) Гольды — по нижнему течению Амура и Уссури.

3) Манчьжуры — по низовьям Зеи.

4) Орочи — по склонам хребта Сихота-алинь и по берегам Татарского пролива.

---

[1]) Северная или сибирская ветвь состоит из 6 племен: 1) самогиры, 2) нигидальцы, 3) ольчи (мангуны), 4) ороки, 5) манегры, и 6) собственно тунгусы, совместно с тождественными с ними ламутами и орочонами. Южная или маньчжурская ветвь состоит из 5 народов: 7) дауры, 8) маньчжуры, 9) солоны, 10) гольды и 11) орочи.

5) Ольчи — в Хабаровском и Удском уездах.
6) Ороки — по восточным берегам о. Сахалина.
7) Самогиры — по притоку Амура — Горюну.
8) Нигидальцы — по притоку Амура — Амгуни.
9) Манегры — по среднему течению Зеи.
10) Солоны — в Уссурийском округе.
11) Дауры — по Амуру ниже Благовещенска.

Численность всей группы простирается до 75.000 душ обоего пола, из которых на собственно тунгусов приходится 81%, гольдов $6^1/_2\%$, маньчжур $4^1/_2\%$, орочей 3%, ольчей 2% и на всех остальных $3^0/_0$.

Рис. 112. Ольчи на р. Амуре.
Из снимков Д. К. Соловьева.

Рис. 113. Шаман у ольчей.
Из снимков Д. К. Соловьева.

I. Тунгусы. Из всех групп урало-алтайских народов тунгусы быстрее всех теряют свою национальность. Часть их обрусела, часть обурятилась, а часть объякутилась. Меньше подверглись русскому влиянию тунгусские народы Приамурского края, присоединенного к России всего 50 лет тому назад.

Тунгусы живут на всем громадном пространстве Восточной Сибири, от Енисея на западе до Великого Океана на востоке и от Ледовитого океана на севере до Китайских границ на юге, но не сплошь: по середине этой площади обитают якуты, окраины же ее заняты смесью тунгусского племени и более культурных соседей, каковы: русские, буряты и якуты; с последними тунгусы находятся в давней закоренелой вражде.

Главное местожительство тунгусов — правые притоки р. Енисея — Тунгуски, где они сами себя называют просто „люди“ (донки). Большинство их живут в глухих, им только известных, таежных дебрях и сохранило первобытный бродячий образ жизни. Они подходят к русским в известных местностях и в известное время, для сбыта продуктов своего охотничьего промысла и для закупки необходимых в их жизни предметов, каковы: порох, табак, хлеб, чай, сахар и т. п. Есть значительное количество и таких тунгусов, которые никогда не ходят к русским. Они-то настоящие знатоки глухой тайги: расставив свои западни, самострелы и капканы на разного рода дичь и зверя в одном месте, они уходят за сотни верст отсюда, и спустя много времени, опять возвращаются, прекрасно отыскивая путь по приметам, известным только им. Каждый охотник вполне убежден, что никто не посягнет на его добычу, хотя бы случайно набрел на расставленные другим снасти. Путешественники отмечают замечательную честность тунгусов, а также веселость, остроумие, добродушие и гостеприимство в характере этих народов.

Рис. 114. Манегр на охоте.
Из снимков Д. К. Соловьева.

Тунгусы имеют следующие физические особенности: средний рост, с относительно большой головой, широкими плечами, несколько короткими конечностями и малыми руками и ногами; худощавое мускулистое, сложение, темные глаза; черные, жесткие, прямые волосы; кожа желтовато бурого цвета; резкие дуго-образные брови, широкий череп, довольно выдающиеся скулы; узкие глаза поставленные косо и на значительном расстоянии друг от друга; глаза обыкновенно тусклы, разгораются только в минуты сильного раздражения; нос плоский, немного вздернутый; губы тонкие, подбородок круглый и характерный, многоугольные, с маленькой мочкой, уши („тунгусские“). Общее выражение лица свидетельствует о добродушии, лени, и беспечности характера.

Родственные тунгусам мальчжуры имеют более резкие черты монгольской расы.

Частые общения тунгусов с русскими и палэазиатами выработали переходный тип в лице ламутов и орочен.

Жилища тунгусов делятся на летние и зимние. Летним служит „ураса“, имеющая вид конуса, с площадью основания 7 аршин, а высотою до 5. Остов для урасы состоит из 40 очищенных от коры жердей, поставленных в наклон друг к другу; скреплением служат сучья на верхушке самих жердей. Покрышка делается двойная: нижняя часть урасы, где помещаются постели, покрывается более прочным материалом, чтобы не промачивало дождем, а верхняя чем попало; материалом служат разные покупные ткани и береста. По середине урасы огораживается место

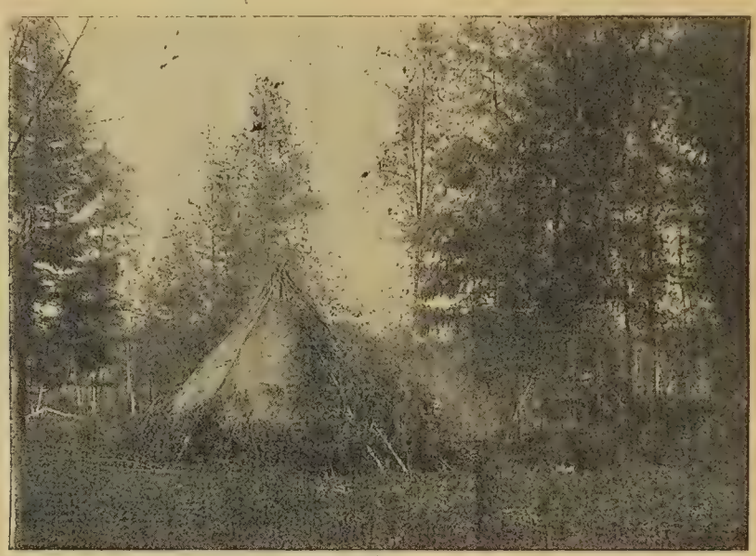


Рис. 115. Манегры. Летняя юрта.
Из снимков Д. К. Соловьева.

бревнами для очага, над которым протягиваются особые жерди для просушки белья и для железных крючков, к которым подвешиваются котлы и чайники; пол урасы устилается лиственичными ветками. Такое сооружение делается в тех случаях, когда тунгус располагается в одном месте на несколько дней, а иначе он пользуется малой палаткой из 4-х жердей, связанных верхушками и покрытых какой-нибудь тканью или замшевою полостью.

Зимним жилищем служит также ураса, но покрытая родвугами (замша из оленьей кожи); нижняя ее часть делается из бересты в два ряда и два слоя; трубы не делают, а дым выходит в щели и выходное отверстие. Другим зимним жилищем является „утан“ у которого, вместо жердей, устанавливаются плахи из расколотых

лиственниц и елей. Щели забиваются мхом, а на плахи кладут дерн или снег. Самыми же новыми типами зимних жилищ служат: якутская зимняя юрта—изба срубом без кровли и русская изба с кровлей.

Домашняя обстановка тунгуса носит отпечаток влияния якутов и русских которое сказалось в обзаведении чайной посудой, чайниками и котлами, а вместо трута — спичками. Освещение совершается только костром посреди юрты.

Одежда тунгуса делается из оленьих шкур и отличается легкостью и простотой. Его кафтан не что иное, как целая оленья кожа, передние ноги которой, снятые с животного „чулком“, служат рукавами. Спереди борты кафтана не сходятся, почему наде-

Рис. 116. Манегры. Дымление козьих шкурок.
Из снимков Д. К. Соловьева.

вают передник (далыс), разукрашенный полосками цветного сукна, меха и конского волоса. Штаны представляют выделанную оленью кожу снятую „чулком“ с задних ног. На ноги надевают длинные, непромокаемые сапоги (сары), смазываемые теплым рыбьим жиром. Голова покрывается шапкой из лисьих лапок, шкуры домашнего оленя или беличьих шкурок; на шее ожерелье из бус, с мешечком для огнива, трута и кремня. Вся одежда шьется сухожилиями оленя и надевается на голое тело. Весною предохраняют глаза от ослепительного блеска снега особыми очками, искусно и красиво сделанными из черных конских волос. Охотничьи снаряды тунгуса очень просты: пальма и короткое ружье. На охоту отправляются всегда с собакой, котелком и кожаным мешечком с небольшим количеством вяленого мяса. Тунгус на охоте носится на лыжах с нен-

моверной быстротою. Во время своей охотничьей жизни он приобретает ловкость, гибкость и выдающуюся смелость, в противоположность более трусливым якутам. Взрослые и подростки отправляются на медвежью охоту с одним кинжалом, имея около себя небольшого роста собаку, мастью похожую на волка и со стоячими ушами.

При другой обстановке живет приморский тунгус — ламут (от слова „лам“ море). Ламуты зажиточны и ведут оседлую жизнь в селениях по берегу Охотского моря и впадающим в него рекам; имеют постройки, напоминающие русскую крестьянскую избу с небольшими тщательно обмазанными камельками, со слюдой или очищенными пузырями в окнах, а зимою — толстым льдом. Большую роль в жизни ламута играет собака, способная тащить груз до 2 пудов, делая в сутки до 100 верст. Лучшими считаются индигирские собаки; за них платят, в среднем, по 10 р., а за передовую, самую смышленную — до 50 р. Внешностью ламутская собака напоминает волка; она не лает, а воет и тявкает. Эти собаки едят только рыбу — сельдей, траву, коренья и ягоды, обгрызая последние прямо с кустов. Для запряжки в 12 собак полагается в сутки от 50 до 70 сельдей.

1. Орочонами называют тунгусов, проживающих в западной части Амурской области и в Читинском и Нерчинском уездах Забайкальской области. Кроме того неправильно применяют это название к тунгусам Приморской области. Всех орочон насчитывается немногим более $1\frac{1}{2}$ тысяч. От настоящих тунгусов они отличаются, главным образом, своим сухопарым телосложением при сравнительно большой голове. Главные их занятия — звероловство и рыболовство — побочное — оленеводство.

Пища тунгусов состоит из рыбы и мяса. Запасы рыбы на зиму делаются четырех видов: 1) рыбы лепешки из икры, молок и рыбьего мяса, пропеченные на огне; 2) султа (порса) — вареная рыба всех сортов, раскрошенная на мелкие кусочки и высушенная на солнце и просушенная у огня; 3) соленая рыба, которую готовят в боченках, отбрасывая голову, хвост и кости. К рыбным запасам прибавляется ягода: голубица, брусника. При летних перекочевках свежую юколу пекут и вялят на вертеле, а в дальние путешествия берут с собою султу, которую едят с нерпичьим жиром, луком и запивают чаем. Из худшей рыбы готовят собакам корм. Из рыбьей кожи вываривают клей. Из кожи кеты делают сумки. Запасы рыбы хранятся под навесами, поставленными на высоких столбах, чтобы не забрался медведь.

Мясная пища готовится различными способами: 1) варят ее без соли, 2) с солью и крупой, 3) жарят на тюленьем жиру с солью; мясо разрезают на пластинки, засушивают и крошат мелкими кусками. Кроме мяса домашнего оленя в пищу употребляют мясо дикого каменного барана, медведя, зайца и морских животных:

тюленей (нерпа) и моржей. Любимое кушанье состоит из недоваренного содержимого желудка убитого оленя, высушенного на солнце и нарезанного пластами с приправой из местных ягод. В большом ходу чай и особенно водка. Птицу (рябчиков, глухарей, куропаток, гусей) и животных добывают охотой. Добытые морские животные делятся между участниками охоты, при чем дележ совершается так, чтобы каждый получил свою долю от всех частей; шкура идет кому либо целиком. Широко распространено у тунгусов курение табака, преимущественно крепкой махорки.

Всякое событие в жизни тунгусов ознаменовывается танцами.

Тунгусы числились православными, но на деле по прежнему еще шаманисты. Разбросанность жителей по громадной территории и недостаток священников были причинами того, что во всех

Рис. 117. Забайкалье. Орочен на олене.

важнейших случаях своей жизни тунгус скорее прибегал к представителям прежнего вероучения, постоянно с ним проживающих. Он верит в покровителей промыслов и во врагов их; последних, по верованиям тунгусов, нужно задабривать и благодарить за удачу на охоте. Отсюда ряд обычаев и поверий: 1) „духу“ оленя на деревьях вешают пищу — шкуру с дикого барана, сальник, желудок и пр., 2) кости медведей собирают в мешок и вешают на дерево; 3) наконец развешивают повсюду с известными заклинаниями, дары всяким другим духам. Все-таки значение шаманства, хотя медленно, но падает под влиянием непосредственного соприкосновения с русскими.

С принятием христианства не устранилось многоженство, но только богатые имеют две-три жены. Отец смотрит на дочь, как на товар, и охотно отдает ее за калым в несколько оленей (чаще—20). Погребение совершается так: покойника одетого в праздничные

одежды, кладут в ящик и вешают под деревом на сучьях, тут же в землю зарывают все охотничьи принадлежности.

3. Гольды живут в пределах РСФСР, в количестве 5.000 человек, по нижнему Амуру, а также по реке Уссури. По Амуру гольды составляют в некоторых волостях от 70% до 90% населения. Главное ядро их сосредоточено в Хабаровском уезде (85%). По физическим особенностям гольды очень напоминают монгольский тип: роста они низкого или ниже среднего, глаза узкие и косо поставленные, скулы выдающиеся, нос приплюснутый, кожа смуглая, цвет волос темный. К тому же мужчины заплетают волосы в косу. Язык гольдов занимает среднее место между северными тунгусскими наречиями и южными (маньчжурскими). По характеру этот народ доверчив, честен, добродушен, но несколько принижен маньчжурами.

Гольды искусные охотники; они охотятся по всем ближайшим местам, включая и остров Сахалин. С помощью своих самодельных орудий, петли, самострела и копья, а в последнее время и ружей, они добывают: соболей, лисиц, енотов, изюбрей и др. Подсобным промыслом считается у гольдов сбор корня женьшень. Гольды хорошие огородники — выращивают капусту, бобы, маис, огурцы и др. овощи. Земледелием занимаются еще мало, если не считать посевов овса и гречихи. Для себя и своих собак на зиму заготовляют консервы, провяливая рыбу — кету и горбушу.

Условия жизни гольдов первобытны. Их зимняя юрта имеет вид китайской фанзы, с затянутыми бумагой или рыбьей кожей окнами; летом жилищем служит шалаш из камыша или бересты. Проста и в известной степени, своеобразна их одежда: для зимы она шьется из шкуры лося и оленя, а летом из китайских или русских бумажных материй; обувь изготовляется из кабаньей кожи; национальная же их одежда приготовляется из рыбьей кожи, преимущественно из кожи сазана, с многочисленными украшениями и тонкими узорами с изображением разных животных, рыб и птиц, а также массою побрякушек. Средством передвижения служат зимою легкие сани с собачьей запряжкой, летом — исключительно лодка.

Среди гольдов распространен табак и спирт. К табаку приучают детей с самого раннего возраста.

Гольды преданы еще шаманизму. Поклоняются животным, особенно тигру и медведю, как своим покровителям; поэтому первыми никогда на них не нападают. Особым богам — хозяевам тигра, медведя, неба, воды и проч. — они приносят в жертву домашних животных, разные сладости, русскую водку и табак. Шаман у гольдов пользуется большим значением, потому что он определяет злого духа, пославшего известную болезнь, узнает и изображает того духа, который должен изгнать первого, злого, и исцелить больного; шаман

также принимает большое участие при водворении души умершего в подземном царстве. Во время „камлания“ шаман надевает особую одежду с массою подвесок имеющих значение амулетов, и с медным кругом на груди для ограждения себя от злых духов.

Умерших кладут в кедровые гробы, зарывают в землю или выставляют в особые амбары, где помещаются все принадлежности земной жизни. Убив на могиле промысловую собаку покойного, моют руки и принимаются за угощение в память умершего. Через три года устраиваются большие поминки, при чем сжигается подушка, в которой, как думают гольды, была заключена все это

Рис. 118. Гольды в лодке на р. Амуре.

время душа умершего, и шаман навсегда водворяет душу в подземном царстве; только тогда вдова умершего может выйти замуж, а близкие освобождаются от всяких счетов с покойником.

Браки гольдов основаны на покупке жены или отработке за нее натурою в семье отца жены.

Гольды представляют собой вымирающую народность, благодаря частым голодовкам, эпидемическим болезням (оспа, корь, тиф) и в особенности вредному влиянию на их организм опиума, алкоголя и табака в разных видах.

Прочие народы тунгусской группы, имея в бытовом отношении весьма много общего, как с тунгусами собственно, так и с гольдами, сравнительно малочисленны.

4) Монгольская группа.

Представителями монгольской группы в Сибири являются буряты, монголы, в Тургестане — дунгане и калмыки.

1. Буряты. Общее число бурят доходят до 332.000 чел. почти все они обитают вблизи Байкальского озера в Иркутской губ. и в Забайкальской области. Наиболее обрусели иркутские буряты (до 13% говорят только по русски); забайкальские буряты обрусели гораздо меньше (5%). Вообще иркутские буряты и буряты забайкальские очень заметно отличаются одни от других по языку, религии, степени культурности, и наконец, по характеру и образу жизни. Эти отличия создались на почве их географической разобщенности со времени перехода в русское подданство. Иркутские буряты издавна окруженные со всех сторон русским влиянием, стали приспособляться к русскому образу жизни, верованиям и характеру. Забайкальские же наоборот, сохранили свои племенные особенности и поддались влиянию легко проникшего к ним из соседней Монголии буддизма, в его тибетской форме (ламаизм).

Ламаизм забайкальских бурят или „желтая вера“ — одна из сект буддизма; никто из бурят не знает молитв, службы и обрядов, кроме лам. Участие народа в молитве заключается в торжественном настроении, множестве поклонов, в денежном и вещественном приношении богам и ламам, и, наконец, в бормотании непонятных для них самих слов и фраз из буддийских молитвенников. Чем сильнее ламы выкрикивают отдельные слова и изречения во время службы в дацанах, тем усерднее начинают молиться и присутствующие буряты. При полном непонимании службы буряты терпеливо выстаивают свои длинные молебствия, боясь прогневить божество, а еще больше лам, за которыми признают способность общения с невидимыми духами.

С приходом русских буряты начали заниматься земледелием; прежние их промыслы — скотоводство и охота — стали постепенно сокращаться. Большая часть пахотной земли расположена на высоких склонах гор, или в перелесках, в песчаных местностях; лучшие пашни расположены в долине реки Кудары. Среднее хозяйство имеет запашку в 5—10 десятин.

Домашний скот буряты держат в бревенчатых, обмазанных навозом низких сараях; крыша последних засыпана толстым слоем навоза (аргала). В сараи скот загоняется только на ночь и в ненастье, а остальное время его держат в поле. На зиму сена запасают мало, так что скот зимою худеет и пропадает; много скота уничтожается волками. В лучшем положении находятся у бурят лошади; они легче переносят зиму, хотя так же, как и рогатый

скот, весною едва передвигают ноги и худеют до невозможности. Повсюду выращивается курдючная порода овец.

В свободное от полевых работ время буряты занимаются выделкой бараньих и лосиных шкур, пряжей шерсти, вязаньем чулок, рукавиц, шитьем тулупов, катаньем войлоков (кошм), плетением ременных веревок, изготовлением телег, деревянной посуды, сох, борон и мелких хозяйственных предметов. В течение всего лета и осени женщины катают войлок и выделывают шкуры; только зимою мужчины заготовляют деревянную мебель, сельско-хозяйственные орудия и предметы бондарного ремесла.

Буряты живут улусами в 10—20 юрт или зимовьев, принадлежащих лицам одного рода. В Забайкалье такие родовые общины называются булуками. Впрочем, булучная община значительнее улуса: в нее входит нередко и по несколько сотен юрт, объединенных как в административном, так и в хозяйственном отношении общностью угодий. Улусы и булуки устраивают общие религиозные празднества (тайлаганы), общие сходы, общие облавы (теперь только для защиты от волков).

2. Монголов в Азиатской России весьма немного: живут они в Забайкалье, куда проникли из соседней Монголии.

3. Дунгане — представители монгольской группы в Туркестане. Это китайцы-мусульмане. Они живут, главным образом, в центральной части Семиреченской области, где поселились по выходе из Кульджинского края, когда последний был возвращен Китаю. Всего дунган насчитывается в Туркестане около 20.600 д. при чем на б. Ферганскую и Сыр-Дарьинскую области приходится лишь около 3.000 д. Дунгане занимаются земледелием и торговлей. Они отличные садоводы, рисоводы и огородники, применяющие китайскую грядковую культуру.

4. Калмыки уцелели в некоторых местах Туркестана, и кроме того встречаются в б. Уральской области, по реке Уралу, перекочевав сюда из юго-восточных степей Европейской России.

5) Тюрко-татарская группа.

К тюрко-татарской группе принадлежат следующие народы:

1) Якуты.
2) Татары.
3) Киргизы
4) Кара-киргизы. } Степные кочующие.
5) Каракалпаки.
6) Сарты (отюрчившиеся иранцы).
7) Таранчи.
8) Узбеки (с кипчаками). } Городские и сельские жители Туркестана.
9) Туркмены.

1. Якуты. В настоящее время якутов считается около 245.500 д. обоего пола. Поселения якутов сосредоточились главным образом, между Леной и низовьями Алдана, по левому его притоку Амге. Кругом Амгинско-ленского плоскогорья жили в прежнее время тунгусы, с которыми пришлось якутам вести продолжительную борьбу из за обладания лучшими пастбищами. Благодаря частым неурядицам между тунгусскими родами, а еще более благодаря появлению здесь русских, на сторону которых перешли якуты, последним удалось пробить тунгусское кольцо и занять лучшие земли на севере и западе. Из окрестностей Якутска и Амгинского плоскогорья, как из главной и старинной метрополии, якуты поднялись до Олекминска, спустились вниз по Лене до устья, перешли на Вилюй, Яну, Индигирку и лишь немного не достигли реки Колымы.

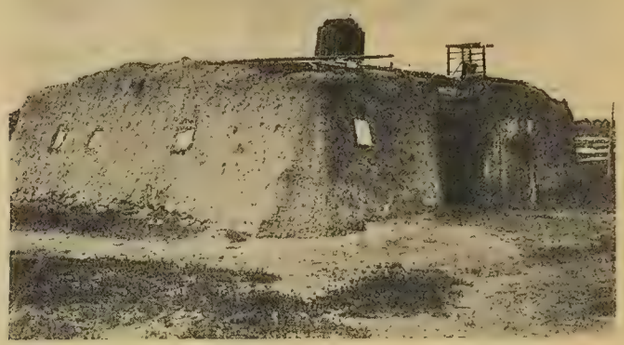


Рис. 119. Якутская юрта.
Из снимков Этн. Отд. Русского Музея.

Якуты всегда были известны, как хорошие скотоводы, они разводили прежде преимущественно лошадей, теперь же разводят и крупный рогатый скот. До сих пор оказывается однако особое предпочтение лошади, которая, представляет рабочую силу, дает также мясо и кумыс. Прежний якут сколько бы не держал рогатого скота всетаки считал себя бедным; только табун лошадей был признаком настоящего богатства. В былинах конь всегда фигурирует в качестве советника, друга человека, и часто превышает последнего умом и прозорливостью. Якутская легенда рассказывает, что сначала бог сотворил коня, от которого произошел полу-конь, полу-человек, и, наконец, только от последнего произошел человек. Лошадей якуты не только не бьют, но даже не ругают, считая это за оскорбление коня.

Северные якуты занимаются больше всего охотой и рыбной ловлей по берегам Ледовитого океана, в низовьях рек и в озерах, расположенных к северу от Верхоянского хребта. Для рыболов-

ства у них существуют самодельные снасти: сети, невода и верши. Главный предмет рыбного промысла составляет „мундушка“ — маленькая озерная рыба (род линей); каждая якутская семья потребляет в год до 15 пудов такой рыбешки, а также и карасей. Крупная рыба идет главным образом на продажу в Якутск и на прииски: летом — по рекам, а зимою — на санях.

Охота на юге совершенно прекратилась, — нет зверя: он ушел от преследователя человека или на дальний север или в малонаселенные гористые области. Всего больше якуты охотятся на птицу: уток, гусей, лебедей, куропаток, рябчиков, глухарей, а из зверей особенно на зайцев, горностаев, белок и др. Для охоты употребляют остроумно придуманные ловушки: волосяные петли, луки само-стрелы и др. На уток охотятся скрадом из за быка, на котором вообще ездят верхом.

Рис. 120. Якут с луком на зверином промысле.
Из снимков Этн. Отд. Русского Музея.

Самою старинною формою жилья считается „ураса“; богачи покрывали ее берестой, украшая узорами и резьбой. Более распространенный теперь тип жилища — юрта, или по якутски балаган. Юрта состоит из 4-х столбов, толщиною в 6 дюймов и высотою над землею до 5 футов. Вверху столбы соединяются бревнами. Крышу делают двускатную, кроют ее корою и забрасывают землей, делают два окна в 1 кв. фут каждое с южной стороны и — одно с западной, с восточной же всегда бывает дверь, с высоким, до полу-арш. порогом. Пол прежде был всегда земляной, но теперь делают его из досок; встречаются уже и сплошные перегородки в юртах. Весь дом снаружи обмазывается глиной, а потом глиной пополам с коровьим навозом. Внутри юрты, как и в урасе, вдоль стен идут неподвижные нары, которые доходят до столбов, поддерживающих крышу. Среди юрты находится камелек, представляющий

трубу из тонких длинных жердей, наклоненную назад и обмазанную снаружи и внутри слоем глины; она упирается в низкий квадратный фундамент и имеет раковину, довольно высокую, в рост человека, где теплится огонь.

Якуты обменивают свои продукты на привозные товары: чай, сахар, водку, табак и проч. Обмен идет на деньги; только в самых глухих местах сохранилась в чистом виде меновая торговля. Как и другие туземцы, якуты разных захолустьев эксплоатировались скупщиками мехов: спаивая их водкой, последние приобретали дорогие меха по дешевой цене. Не то у городских якутов, которые не только себя не дадут в обиду, но и пускаются на разные подделки для придания товарам большей ценности.

Рис. 121. Якуты.
Из снимков Этн. Отд. Русского Музея.

Якуты сохранили старинный обычай гостеприимства не только по отношению к своим, но и к русским („нуча“).

Якуты считались все православными, но религиозные понятия их очень смутны. Самый большой бог — тот, что гремит летом на небе. Затем следует бог Микола — старый и сердитый старик, посылающий зимой непогоду и мороз.

2. Татары. Проживающие в сибирских губерниях татарские народности сосредоточены в западных частях страны и известны под следующими названиями:

1) Тобольские татары и сибирские бухарцы в Тобольский губ. 2) Барабинские — в Каинском уезде. 3) Чулымско-томские — в Мариинском уезде. 4) Томско-кузнецкие — в Кузнецком и Барнаульском уездах.	Мусульмане.

5) Черневые в Бийском уезде.	Шаманисты.
6) Телеуты и теленгиты в Бийском и Кузнецком уездах.	
7) Кумандинцы в Кузнецком и Бийском у.	
8) Шорцы с лебединцами в Кузнецком у.	
9) Кизильцы в Ачинском у.	
10) Абаканцы и сагайцы в Минусинском у.	
11) Карагасы в горной тайге Нижнеудинского у.	

Татары Томской губ. (кроме Каинского у.) говорят преимущественно (70%) только на родном языке, а 30% — кроме того, и на русском. В Енисейской г. (без Туруханского края) на русском языке говорит только 12%, а на своем родном 88%. Следовательно,

Рис. 122. Карагас.
Из снимков Д. К. Соловьева.

более обрусевает то население, которое живет чересполосно с густым русским населением. Наименьшему влиянию русских подвергаются народы обитающие в глухих степях, окруженных горами и крупными реками Минусинского края. Здесь они живут наиболее сплоченно, ведут кочевой образ жизни и удерживают еще родовое устройство. Тобольские татары — мусульмане, хотя они сохранили свой язык, но все говорят и по русски. Наиболее обрусели чулымско-томские татары.

3, 4. Киргизы и кара киргизы преобладающее инородческое население Азиатской части СССР — их свыше 4½ мил. Обитают киргизы на всем обширном пространстве от г. Омска до Аму-Дарьи и от Алтая до южных отрогов Уральских гор. Принадлежность их к тюрко-татарской ветви монгольского племени ясно устанавливается следующими признаками: они среднего роста, широкоплечи, плот-

ного сложения с широким лбом, выдающимися скулами, косо поставленными глазами и редкою растительностью на лице. Голову киргизы выбривают.

Собственно киргизами следует называть только „кара-киргиз“ (черных киргиз), которые проживают в Семиреченской области, в бассейне озера Иссык-куль и по долинам рек Чу и Таласа в Сыр-Дарьинской области. Всех остальных киргиз правильнее называть „кайсаками“, потому что сами киргизы называют себя казаками (каз — гусь и заг — ворон, т. е. степные птицы, а по отношению к людям — степной, вольный, бродячий житель) и причисляют себя к племени узбеков, а кара-киргиз считают происходящими от собак. Но кара-киргизы называют себя братьями киргиз и, вероятно, представляют лишь одно из киргиз-кайсакских племен.

Рис. 123. Карагаска на соболином промысле.
Из снимков Д. К. Соловьева.

Большинство киргиз не живет постоянно на одном месте: они ведут кочевой образ жизни и вследствие этого не имеют постоянных жилищ. Зимнее их жилище или как чаще его называют зимовка, устраивается у большинства киргиз из пластов земли и представляет землянку, нередко наполовину, а то и на $^2/_3$ врытую в землю. Крыша плоская также земляная. Снаружи иногда зимовка обмазывается глиною с навозом. Печь внутри устраивается редко. Большинство зимовок имеет жалкий вид. Богатые киргизы устраивают теперь свои зимние жилища на подобие русских крестьянских изб — деревянные и иногда даже с железными крышами. Внутренней обстановки у бедных киргиз почти нет никакой, у богатых же простые деревянные столы, стулья и даже шкапы. Но они ими почти не пользуются, так как, по киргизскому обычаю, сидеть полагается на земле, поджав ноги, и только для пищи употребляются низенькие (на четверть от земли) круглые столы. Главное убранство киргизских жилищ — ковры, сундуки, да еще, у кого имеется, изукрашенная серебром и камнями упряжь.

В летнюю пору жилищем киргиза служит войлочная юрта (кибитка), в основе которой находятся решетки, легко складывающиеся и удобные для перевозки во время перекочевок. Когда решетки расставлены в круг, одна подле другой, их связывают воло-

сяными веревками; к верхним частям привязывают длинные, слегка выгнутые палки, свободные концы которых вкладывают в дырья большого деревянного круга. Такой остов жилья имеет вид полушария, стягивается неширокими шерстяными лентами и покрывается огромными полотнищами войлока, привязывающегося веревками к решеткам. Верхний круг имеет свою отдельную покрышку из войлока, которой можно открыть или закрыть дымовое отверстие. Сбоку вставляется двустворчатая дверь, закрываемая снаружи камышевой цыновкой, обшитой войлоком. Пол юрты у бедных выстилается кошмами, у богатых коврами. Вдоль решеток ставятся сундуки, кожаные чемоданы, ящики, на них сверху кладутся ватные одеяла. Посредине юрты стоит очаг, т. е. железный

Рис. 124. Киргизский аул близ Ташкента.
Из снимков Этн. Отд. Русского Музея.

треножник и большой чугунный котел. Вся сборка юрты совершается женщинами, а мужчины только подымают тяжелый деревянный круг и держат его на шесте, пока в бока его не вложены концы палок от решеток. Кроме хозяев, в юрте нередко помещаются молодые ягнята и телята. Внутри юрты рядового киргиза вонь и грязь — вполне обычное явление. Но богатые киргизы обставляют теперь свои юрты с некоторым комфортом: заводят кровати и шкапы и самые юрты у них бывают по 3—4 сажени в диаметре.

Пищу киргиза составляют, главным образом, кумыс из кобыльего молока, коровье молоко и сыр; в жаркое время освежающим напитком служит айран — жидкое кислое коровье молоко с водою; из пшеничной или просяной муки варят жидкую кашу. Обыкновенный хлеб употребляют редко, а делают „барсаки“ — кусочки пресного теста, зажаренные на бараньем сале. Киргизы,

как магометане, свинины не едят, мясо рогатого скота употребляют в пищу редко, но зато конина у них в большом ходу. Конину едят вареную, а также сырую копченую. В торжественных случаях киргизы режут барана, а особо почтенных гостей угощают жеребенком. Баран — любимое кушанье как бедных, так и богатых киргиз. Едят его священнодействуя. Старший или хозяин отдает гостю наиболее лакомые куски: язык, мозг и глаза барана, а иногда целую голову. Остальное раздается присутствующим мужчинам; женщинам обыкновенно достаются лишь объедки. Барана съедают так, что, кроме кожи и костей, ничего почти не остается.

Главное богатство киргиз заключается в стадах, а потому единственная их забота — отыскать корм для скота. Скот стараются содержать круглый год на подножном корму, перегоняя его с одного пастбища на другое, по мере того как на одних пастбищах трава стравливается скотом и выжигается солнцем, а на других, наоборот, отрастает. На зиму большинство киргиз обыкновенно не заготовляют корма скоту, предоставляя ему самому добывать себе траву из под снега: скот, как говорят, „тебенюет“. В зависимости от того на каких урочищах и в какое время появляется трава, все земли, кроме обрабатываемых, киргизы делят на пастбища: зимние (котау), весенние (коктеу), летние (джайляу) и осенние (кузеу). Весенние и осенние пастбища часто бывают одни и те же.

Пути кочевок точно определены для каждого рода. Джайляу находятся или в горах, как например у туркестанских киргиз, или к северу от зимовок. Раньше кочевки киргиз были весьма значительны: джайляу отстояло от зимовок на 1—1½ тысячи верст, в последние же годы, под влиянием колонизации степи, расстояния эти стали постепенно сокращаться.

Большим почетом и доверием у киргиз пользуются баксы — знахари и прорицатели. При гаданиях бакса раскладывает огонь, бросает туда одуряющие травы, бьет в бубен, скачет кругом огня и, падая от утомления, произносит непонятные слова, которые различно истолковываются пораженными слушателями.

Киргизы по натуре страстные охотники и особенным почетом пользуется у них охота с беркутами на волков и лисиц, а также травля борзыми зайцев и лисиц.

Племена Европейской части СССР.

Лопари. Лапландцы — народ финского племени, живущий в северных округах Швеции, Норвегии, Финляндии и на Кольском полуострове. Всего их насчитывается около 25.000: около 15.000 в Норвегии, более 6.000 в Швеции, около 1.200 в Финляндии и

около 2.000 — на Кольском полуострове, особенно в северо-западной его части. Сами себя лопари называют саме, самелатс; некоторые полагают, что с этим прозвищем стоит в связи и финское название Финляндии Суоми, а равно и Сум древней русской летописи; иные производят от того же корня и название самоедов. По данным языка лопари принадлежат к финнам, и притом к западным, т. е. стоят ближе всего к тавастам и корелам, хотя язык их представляет и многие особенности. Шведские и норвежские лопари (также их называют фильманами) представляют некоторое отличие от русских: они, в среднем, несколько ниже ростом, голова у них шире, цвет кожи, волос и глаз темнее, тогда как среди русских лопарей часто встречаются особи более высокого, среднего роста, менее широкоголовые, с волосами светлокаштановыми или

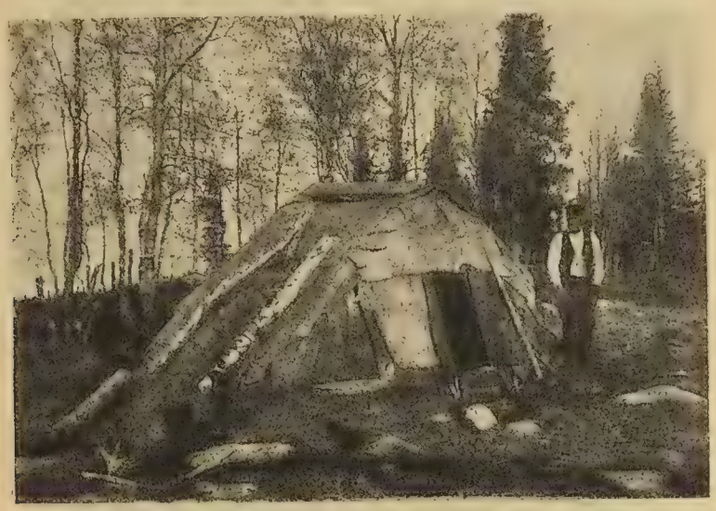


Рис. 125. Лопарская вежа.
Из снимков Д. К. Соловьева.

русыми и с серыми или даже голубыми глазами. Знакомство с металлами и разные другие культурные усовершенствования заимствованы лопарями от финнов. Впрочем, в быте лопарей и до настоящего времени сохранилось много первобытного. Летом, занимаясь ловлей рыбы, по рекам, озерам и берегам моря, они живут в примитивных шалашах (вежах, котах); на зиму они переселяются в погосты и живут в деревянных избах (тупах, пыртах). Кроме рыболовства и звероловства, лопари занимаются также оленеводством, которое у фильманов развито более чем у русских лопарей. Оленями пользуются лопари и для переездов, запрягая по одному в небольшие лодкообразные саночки (кережки). В новейшее время лопари стали держать и рогатый скот, а также переходить к земледелию или огородничеству, поскольку оно возможно в их холодной стране. Костюм лопарей сохранил некоторые ори-

гинальные черты, особенно у женщин, что выражается, главным образом, в головном уборе, имеющем у фильманок вид шлема, с загнутой наперед верхушкой. Было высказано мнение, что лопари принадлежат к племенам исчезающим и постепенно вымирают, но более обстоятельные статистические наблюдения не подтверждают такого взгляда; хотя прирост населения у лопарей и не велик, но все-таки превышает смертность. Численность настоящих лопарей

Рис. 126. Лопарь на охоте.
Из снимков Д. К. Соловьева.

уменьшается, однако, от смешения с окружающими их народностями, вследствие чего получаются смешанные типы, усваивающие нередко и язык другой народности. Лопари — народ смирный, робкий, честный, веселый, гостеприимный, кроткий в семейной жизни; среди них почти не бывает преступлений. Подвергаясь с давних пор эксплоатации со стороны своих соседей, не скрывающих часто своего к ним презрения, и ведя жизнь исполненную лишений, обид, бедности, лопари усвоили себе, однако, и некоторые менее привле-

кательные качества — отсутствие энергии, леность, упрямство, подозрительность, неопрятность, страсть к вину, обман в торговле. Вера, особенно при безграмотности, выражается большею частью лишь в исполнении обрядов, рядом с которым уживаются масса языческих суеверий, верование в различных божеств и духов и особенно в колдунов (нойд), которые соответствуют прежним шаманам и до сих пор имеют влияние в народе. Народное творчество лопарей имеет по преимуществу эпический характер; весьма распространен эпос животный (сказки) и мифологический (сказания о солнцевых сыновьях, о дочери солнца, о подземном царстве и т. д.). Есть остатки и исторического эпоса (предание о разрушении Печенегского монастыря, сказания о чуди, о богатырях).

Рис. 127. Лопарское зимовье с двумя амбарами.
Из снимков Д. К. Соловьева.

Зыряне — народ финского племени, обитающий в восточных частях губерний б. Вологодской и Архангельской. Составляя вместе с вотяками и пермяками, пермскую группу народов, зыряне очень близки к вотякам и почти нисколько не отличаются, по языку, от пермяков. Зыряне и пермяки долгое время слыли под одним именем пермян и пермичей. Зыряне и пермяки сами себя называют „коми“, при чем зыряне говорят „коми-войтыр“ о целом народе и „коми-морт“ об отдельном лице. Новгородцы уже в XI ст. брали дань с Печоры, следовательно, и со всех зырян находившихся на пути туда. В конце XVI в. среди зырян утвердилось христианство и с его водворением устанавливается духовная связь с Москвой; влияние новгородцев падает, и вскоре страна переходит во власть московских великих князей. Область первоначального пребывания коми-пермян, была обширна: на восток границей ее должна считаться р. Обь до Березова, на юг — рр. Чусовая, Кама до Вятки, северные притоки Ветлуги, Кострома, Клязьма, Протва; на запад, север и сев.-зап. — границы нынешних губер-

ний Московской, Владимирской, Костромской, Вологодской до реки Вашки, отсюда до Цыльмы; на север — Цыльма, Печора и Уса, до поворота на север и оттуда к Обдорску. Вологодские зыряне, по занимаемым ими местам, могут быть разделены на вычегодских и удорских — в Яренском у., сысольских и печорских — в Усть-Сысольском у. В этих уездах зыряне составляют главную массу сельского населения и значительную часть городского. Сверх того, зыряне входят в состав населения городов Устюга-Великого, Лальска, Никольска и Вельска. В б. Архангельской г. — зыряне ижемские[1]) и печорские. Таким образом, зыряне занимают обширные бассейны реки Вычегды с притоками, средней Печоры с при-

Рис. 128. Зыряне, идущие в тундру на промысел песца и белой куропатки.
Из снимков С. В. Керцелли.

токами, и верховья Мезени с Вашкою[2]). Общая численность зырян определяется от 100 тыс. до 120 тыс. душ.

Язык зырян распадается на шесть наречий: сысольское, печорское, ижемское, вашеинское или удорское, вычегодское и лузское, или на пять говоров: сысольский, вычегодский, ижемский, удорский и камский. Произведений самобытной народной словесности у зырян почти нет; они любят пение, но песни их — неудобопонятные искажения русских песен на зырянский лад. Сказки и загадки по большей части заимствованы у русских. Суеверия и предразсудки отличаются большею осязательностью и живостью, чем у русских. Они верят в леших, водяных, кикимор, в суседка, в овинных, банных, в орта, в колдунов, в еретиков, чакыдчи-

---

1) Частью переходят границу Вологодской губ.

2) Ижемские зыряне постепенно заселившие Архангельскую Печору от Усть-Цыльмы до вологодских пределов, заселяют и приток Печоры — Усу. Подолгу зыряне живут на промыслах и за Уралом, на Оби.

сей, в порчу, в ведьм, и своеобразно объясняют многие явления природы. Зырянские поселения расположены исключительно по берегам рек, села их многолюдны и тянутся иногда на несколько верст. Избы их — керки — отличаются массивностью и строятся из соснового леса; план и фасад построек заимствован у русских; керки вообще не отличаются опрятностью [1]). Заимствованная у русских одежда пополнена лишь соответственно условиям климата и занятий; особенно выделяется промысловый охотничий наряд. Зыряне занимаются хлебопашеством, огородничеством, скотоводством, охотой. Обилие лесов способствует развитию звериного промысла, составляющего главное и любимое занятие зырян. Предметом охоты служат зайцы, горностаи, олени, лисицы, случайно — куницы, мед-

Рис. 129. Зыряне. Охотничья избушка с амбарчиком для припасов.
Из снимков Этн. Отд. Русского Музея.

веди, рыси, главным же образом — белки. Из птиц добывают куропаток, тетеревов, водяную дичь, но в особенности рябчиков, которых бьют и, главное ловят массами. Звериные и птичьи промыслы производятся в два периода времени и называются лесованьями: с конца сентября до декабря и с января до первых признаков весны. На охоту отправляются партиями от 2 до 12 человек и уходят иногда верст за 500. Ружья винтовочные, часто кремневые, изделия местных мастеров; вместо литых пуль запасают свинцовые проволоки, от которых и откусывают пульки зубами. Непременный спутник охотника — собака, отличающаяся у зырян неутомимостью, тонким чутьем и уменьем распознавать зверя. Дальнейшими принадлежностями охотника служат: матка, т. е. ком-

[1]) Исключение составляют керки ижемцев.

пас, вделанный в деревянную коробочку, нарты — узкие, длиною сажени в две, санки для провизии и добычи, и лыжи, с посохом особого устройства. Для остановок в лесах расположены промысловые избушки — пывзяны и около них щамьи — чуланы, в виде голубятни на столбах, для предохранения добычи от хищных зверей. В лесах же расположены у каждого промышленника многочисленные и разнообразные ловушки для приманки и ловли зверя и птицы. Рыболовство также составляет любимое занятие зырян: ловятся лох, нельма, шип, налим, лещь, семга, а также чиры, пеляди, сиги, щуки, окуни и т. п. Большой предприимчивостью и способностью к торговле отличаются зыряне села Ижмы, занимающиеся также оленеводством и выделкой замши.

Черемисы (Мари, мар) — небольшая народность, принадлежащая к восточно-финской группе; занимают своими поселениями часть Козмодемьянского у. Казанской губ. и Василь-Сурского Нижегородской на правом, „горном“ берегу Волги, а на левом — значительные пространства уездов Козмодемьянского, Чебоксарского и Царевококшайского Казанской губ., Макарьевского Нижегородской, Ветлужского Костромской, Яранского, Уржумского, Малмыжского, Елабужского и Сарапульского Вятской; отсюда их поселения переходят в Бирский у. Уфимской и Красноуфимский Пермской губ. В зависимости от положения черемисских поселений относительно Волги в литературе издавна установилось деление на горных и луговых. До известной степени это деление основывается на том, как обозначают отдельные группы племени сами черемисы. Первоначальная летопись помещает черемисов рядом с мордвой, муромой и мещерой по Оке. В XVI в., в эпоху русских походов на Казань, они уже оказываются приблизительно на нынешней их территории. Как совершалось их передвижение сюда с берегов Оки — остается открытым вопросом. По отношению к колонизации левого берега Волги можно сказать с положительностью одно — что она шла с правого берега Волги на левый, с З на В и СВ. На Волгу черемисы явились, несомненно, еще звероловами и с преобладанием звероловного промысла над другими они дожили до эпохи подчинения Московскому государству. В то время, когда на правом берегу Волги, на территории чуваш и буртасов, установлена была хлебная подать — „посоп“, черемисы, как и сибирские инородцы, платили по старине ясак мехами — беличьими шкурами. Белка была единицей, на которую черемисы переводили ценность русских монет: старая копейка — впоследствии получившая название медной или ассигнационной — была приравнена к ценности одной белки (иг-ур = одна белка), 10 к. = 10 белок (лу-ур, лур), ассигнационный рубль = 105 белок (шудо-вич-ур). Инстинкты охотника, хотя и подавленные продолжительною земледельческою жизнью, черемисин сохраняет в со-

ответствующих местных условиях и до сих пор: он является главным деятелем в устройстве охот на медведей. Орудиями охот у черемисина были атырь (деревянный капкан) — для мелких зверей, лук, стрелы и копье — для всех без различия. Для охоты на белок употреблялись стрелы с костяными шишкообразными наконечниками; стрелы эти били ударом, не портя шкурки зверя. Бережно храня старину вообще, черемисы кое-где и теперь еще сохраняют доставшиеся от прадедов стрелы. Бродячая жизнь зверолова не требовала сложного жилища: памятником далекой кочевой старины у черемисов является — в качестве овина — сложенный из жердей остов чума, с ямой для огнища. Другая форма постройки принесенная вместе с чумом с прародины — четырехугольный бревенчатый сруб без пола и потолка „куд, куда", с сильно выступающей впереди фасада крышей. По мере развития оседлости, с усвоением земледелия, обе формы древнего жилья получили новое назначение в усадьбе черемисина: чум был приспособлен к сушке хлеба, „куда" сделался летним жильем — последним памятником того периода в развитии кочевой жизни, когда существует два более или менее устойчивых обиталища: зимовье и летовье. Для зимнего жилья по типу куды возникает теплая курная изба. Усопшие — можно сказать, первые ближайшие боги черемисов; они вводят в мир тех существ, которые, по черемисским верованиям, управляют природой. Роль их определяется своеобразными представлениями черемисов о смерти. Смерть не представляет прекращения существования: это — переход в иные условия бытия, с сохранением всех земных потребностей. Усопшему нужна пища, питье; он сохраняет полные потребности; ему нужны услуги и присутствие лиц, которые окружали его при жизни. Счастливые

Рис. 130. Черемис.
Из снимков Этн. Отд. Русского Музея.

тем, что им представляется возможность спастись от следования за усопшим, или укрывшись от его глаз, или мольбами („не бери меня с собой... не заставляй меня умирать прежде времени") и искупительными жертвами (заклание курицы), черемисы охотно отступаются в пользу усопшего от части его имущества — вещей, скота, который потребляется, впрочем, ими самими на поминках. Характерна следующая молитвенная формула, обращенная к усопшим: „пейте, ешьте... дайте нам здоровье, мир, довольство, богатство, увеличьте число нашего скота, взростите наш хлеб, дайте хороший ветер во время веяния... охраняйте нас от воды, от огня, от злых духов, которые нам могут вредить". В отдельных случаях усопший прямо переходит в разряд духов: старые девы после смерти делаются лихорадками, убийцы (а может и убитые) делаются мстительными духами — арыптыш'ами, керемет'ами, водыш'ами. Рядом с усопшими стоят духи явлений природы — антропоморфные духи, обитающие в камнях, деревьях, воде, огне, земле, облаках и на небе. Это иногда тоже духи усопших. В особенно тесной связи с усопшими стоит растительный мир: под видом пучка прутьев живет в доме его хранитель куда-водыш, под видом деревьев принимают поклонение многие керемет'ы и водыш'и (керемет елового пня, керемет березового пня, сосновый водыш и т. д.). Единое небо (юмо), поднимающееся над сложным миром одухотворенных элементов природы, дало черемисину идею единого бога, которая постепенно отделилась от своей материальной подкладки под действием ислама и христианства. Ислам дал черемисскому богу и пророка (Пиамбар). Духов-повелителей природы черемисин чтит так же, как и усопших. Он приносит им пищу и питье. В величавых священных рощах, которые до сих пор составляют украшение черемисского пейзажа, перед избранными священными деревьями, закалывают скот, делят его мясо с богами в жертвенной трапезе, сжигают кости и кровь, вешают (в Уфимской губ.) на дерево кожу. Христианство шло на смену язычества, но его торжество было далеко не обеспечено и не повсеместно: есть целые территории (уезды), населенные черемисами-язычниками; еще больше черемисов, которые облекли в христианскую одежду старые верования — почитают, напр., под именами святых, старых кереметей. Решающая роль в преобразовании черемисского миросозерцания принадлежит школе.

Вотяки — инородцы финского племени, пермской группы, живут преимущественно в юго-восточной части Вятской губ., в уездах Глазовском, Елабужском, Сарапульском и отчасти Слободском, а также в соседних губерниях Казанской губ. (Казанском и Мамадышском) и Пермской (Осинском). Кроме того, вотяки встречаются в Бугульминском уезде Самарской губ. и в Уфимской губ., хотя, собственно говоря, область теперешних поселений этого племени,

начинаясь на Севере с верховьев Камы и среднего течения реки Чепцы, заканчивается на юге пределами Вятской губ., а юго-восточной границей для нее служит течение реки Камы. Общее число проживающих в Европейской России вотяков более 380 тыс. душ обоего пола. Нынешняя область поселений вотского племени не была первоначальной его родиной. Они занимали прежде, вместе с зырянами, пермяками и остатками югры, западную часть Вят-

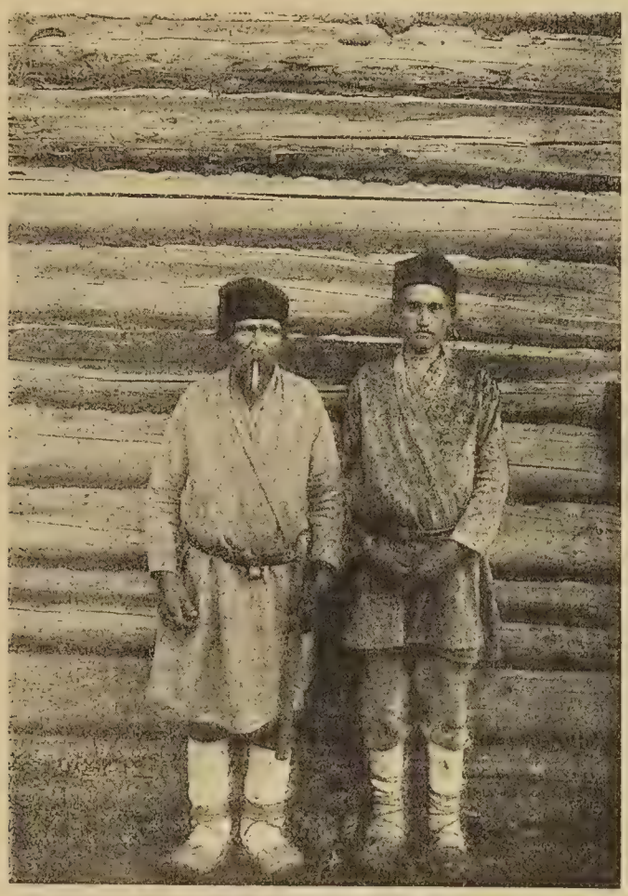


Рис. 131. Вотяки.
Из снимков Эти. Отд. Русского Музея.

ской губ. и смежные территории Вологодской и Костромской губ., но, теснимые с одной стороны русскими, а с другой черемисами, постепенно передвинулись на восток и юг, встретив здесь ранее их поселившееся чудское племя, при чем они частью его поглотили, частью оттеснили к западным границам Пермской губ. Существует мнение, что первоначальную родину вотяков надо искать в пределах нынешней Ленинградской губ. В новгородских летописях есть указание, что вотяки в XI веке жили с Ижорой и Ямью, что поэтому вся местность на северо-восток от Новгорода называлась

Водской землей, а впоследствии Водской пятиной. Вотяки вместе с черемисами не раз восставали против московской власти и после подавления восстаний уходили целыми селениями в глухие леса Малмыжского уезда, где пользовались фактическою независимостью.

Несмотря на большую приверженность к первобытным обрядам и медленное распространение христианства, обрусение вотяков шло весьма быстро путем колонизации и „Вотяк бежит от русского — как мышь от кошки“, говорят малмыжские крестьяне. Эту склонность вотяков бросать свои селения и уходить на новые места была замечена в них еще в прошлом веке Г. Фр. Миллером: „Вотяки без сожаления ломают свои селения и легко переносят свои дома и дворы в другие места; самый способ сооружения вотяцких жилищ из удоборазбираемых бревен благоприятствует такой их подвижности“. Еще недавно у глазовских и других вотяков существовало поверье, что долго жить на одном месте несчастливо, от этого мрут дети и скотина. При всей подвижности вотяков и склонности уходить от русских — о чем свидетельствуют многие чисто русские селения с вотскими названиями — они быстро усваивают русский язык и обычаи. Стоит появиться одному русскому двору в вотяцкой деревне — и она через десять много через двадцать лет заметно принимает русскую физиономию: слышится русская речь, появляется русская одежда.

Язык, на котором говорят вотяки, весьма близок к диалектам зырян и пермяков и так же, как и эти последние, финского происхождения. Живут они преимущественно хлебопашеством. Кроме того занимаются лесным промыслом (охотой, рубкой леса, смолокурением и пчеловодством). Охота любимое занятие вотяков с незапамятных времен; подслеповатые на вид они отличаются удивительной зоркостью. Они весьма искусны во всех родах и видах охоты, начиная с силков и кончая ружьем, разыскивают дичь как кошки, стреляя из неуклюжих пищалей рябчиков, тетеревов, белок и зайцев с изумительной меткостью. Особенно хорошо подражают они крику и писку птиц, заманивая их в свои сети. Пчеловодство также весьма развито у вотяков, которые им занимаются искони, хотя улья, заменившие у них теперь борты, переняли у черемисов. В Сарапульском уезде многие вотяки имеют по 100 ульев и более. При недостатке своих пчел они ловят диких и сажают их в ульи. Скотоводство у них мало развито.

Жилища вотяков разделяются на летние и зимние. Предание говорит, что еще не так давно они жили в лесных шалашах. Летнее жилище вотяков — куа или куало; это легкая постройка из тонких бревен, без окон, пола, потолка и печи, с дырявой крышей из драни. Такую постройку можно встретить в любом вотяцком дворе, который еще не вполне обрусел или отатарился. Эта куа,

имеет значение не только жилья, но и храма. В ней, по верованиям вотяков, обитает воршуд (домовое божество); в ней приносятся жертвы и молитвы. Первоначальным зимним жилищем вотяков служила выкопанная в земле яма, накрытая кровлей, которая с течением времени занималась „коркой“ (на вотском наречии слово кер означает бревно, а керны — рубить) — это курная изба с глинобитной печкой и волоковыми окнами. Живущие по соседству с русскими строят избы так же, как и эти последние. Подражая соседям в устройстве избы, вотяки вполне своеобразны в устройстве кеноса (клети). Это не только кладовая, но и летнее помещение, преимущественно женское. Каждая брачная пара имеет в кеносе особое отделение, где хранит свое имущество. Вотяки живут большими семьями, которые нередко состоят из 20, 40 и даже более человек. Женатые сыновья не отделяются и остаются при отцах, в родном доме.

У вотяков до сих пор сохранились остатки коммунальных браков: определение родства по женской линии, различные виды гетеризма и полная свобода половых отношений для девушки до брака. Девушка, имевшая до брака несколько детей, считается особенно завидной невестой и пользуется почетом за свою способность к деторождению. По выходе замуж вотячки становятся верными женами. Старый вотяцкий обычай предписывает женить малолетних мальчиков на взрослых девушках, последствием чего явилось снохачество. Мифология вотяков населяет мир духами. Согласно их верованиям, деятельная причина всех явлений природы заключается в таких духах и каждый видимый предмет имеет душу или своего духа. Про умершего вотяки говорят: „дух из него вышел“. Поминая своих умерших предков и родственников, вотяки это делают ради угощения вышедшим из покойников духам. Вумурты — водяные, Нюлес и Палей-мурты — лешие, Корка-мурты — домовые. На вотяцком наречии слово мурт одинаково означает духа и человека. Верховное божество вотяков-язычников — „Инмар“. У каждого божества вотяков есть свое излюбленное дерево. Инмару преимущественно молятся под сосной, Кылдысину под березой. Кылдысин или Му-Кылдысин — дух земли; он ходит по межам и охраняет посевы. В вотских куалах или домовых молельнях постоянно встречаются идолы, называемые воршудами. Этим словом вотяки обозначают как духов покровителей дома, так и место, на котором ставятся изображающие их идолы.

Обычное охотничье право.

Обычное охотничье право у русского охотничьего населения, очень слабо освещено в литературе, между тем как по своеобразным условиям русской охоты, вопрос этот чрезвычайно важен. При разработке охотничьих законов, постановлений, правил и пр. необходимо должна быть учтена психология охотника, его вкоренившееся, часто веками, отношение к праву пользования угодиями, добычей, взаимоотношения между отдельными охотниками и артелями и пр. При невозможности создать особую стражу, наблюдающую за охотниками среди необозримых тундр и лесов, только законы понятные и, по возможности, приемлемые для большинства охотничьего населения, могут рассчитывать на жизненность. Отсюда вытекает, конечно, необходимость самого близкого привлечения самих охотников, в лице их организаций, к разработке новых охотничьих законов.

Отношение к охотничьему праву весьма различно у трех основных групп охотников. Наиболее разумное, хозяйственное отношение мы находим на двух крайних полюсах: у настоящих промышленников — русских и инородцев и у культурных охотников-любителей. У первых мы находим часто довольно точно регламентированное охотничье право и, главное, сознание, что зверь и птица не только „божьи“, но и человек играет роль в увеличении или уменьшении их количества. Отсюда — стремление сохранить основные запасы производителей, бережное (по возможности) отношение к животным в периоды беременности и вывода молодых, установление заказных участков, разграничение угодий и пр. Нарушение основных требований хозяйственного расчета, наблюдалось у промысловых охотников чаще всего под влиянием эксплоататоров-скупщиков, требовавших неограниченное количество пушнины и ставивших промышленников в безвыходно тяжелое экономическое положение. Сознание невыгодности и недопустимости несвоевременного убоя зверя, ярко отражается во многих легендах туземных племен, принявших даже некоторый религиозный оттенок. Сказки об охотнике, убившем из жадности слишком много зверя и наказанного „духами“, я слышал и у манегров и у карагасов и у гольдов и у тунгусов; есть они и у юкагиров и у ламутов и других охотничьих племен.

Чем больше значения имеет охотничий промысел для населения, тем строже и разработаннее встречаем мы охотничье право, как например на Камчатке, в Уссурийском крае. В Уссурийском крае, до самой войны почти, действовали суровые законы, установленные помимо русской власти, китайцами, жившими в тайге и жестоко эксплоатировавшими орочей. Так например существовали

законы[1]): „Закон 4-й. Всякий кто украдет оленьи рога (панты), будет ли это в горных заимках или в посаде, подлежит зарытию живым в землю. Ни в коем случае не должно быть изъятий из этого закона". „Закон 5-й: Всякий кто украдет собольих шкурок до 5 штук, подлежит наказанию сорока палочными ударами и изгнанию из округа. Кто же украдет их более пяти штук, тот подлежит зарытию живым в землю. Не должно быть никакого снисхождения".

И эти суровые постановления приводились в исполнение под боком у русской власти.

В других местах, таких жестоких, подробно регламентированных, даже написанных законов не существовало, но во всяком случае нарушение права собственности в виде кражи добычи из ловушки, пользование чужими солонцами без спроса и пр., очень часто влекло за собой не только отобрание добычи и избиение виновного, но и убийство, благо темная тайга не выдавала своих тайн.

Культурные охотники-любители, хозяйственно относились к охотничьим богатствам благодаря своей сознательности и наряду с уважением к охотничьим законам у них уже выработалась своеобразная охотничья этика, препятствующая быть хищником-истребителем. В главной же массе охотников-полупромысловых (и части любителей и промысловых), понятие об охотничьем праве было (да и есть) чрезвычайно смутным, основанным прежде всего на близоруком эгоизме и оправдании этого эгоизма тем, что дичь и зверь „божьи", „ничьи", „никто их не ростил". Эти вредные представления русские переселенцы перенесли с собой и в Сибирь, чем способствовали быстрому разложению установившихся у местного населения норм обычного охотничьего права со всеми вытекающими последствиями.

Не имея возможности более подробно останавливаться на этом интересном вопросе, вкратце только коснемся обычного охотничьего права у некоторых туземных племен.

Лопари. У лопарей существует раздел всей земли и всех угодий по родам и наследственное пользование, приписка к каждой речной тоне одного и того же погоста одинакового числа ревизских душ.

Каждый родовой участок у лопарей поделен между отдельными семьями, принадлежащими к одному роду.

Родовой участок находится в исключительном владении рода и переходит в пределах рода по наследству.

При делении родового участка на семейные соблюдается возможное равенство. Семейные участки, как и родовые, являются собственностью отдельной семьи, как родовая земля собственность

---

1) В. К. Арсеньев. Китайцы в Уссурийском крае. 1912 г.

рода. В случае увеличения семьи, с согласия всех членов рода, семье нарезывается кусок земли из свободной.

Лопари смотрят на обход зверя в чужом угодьи и на облов чужого озера как на большое преступление.

Право собственности уважается и даже выметы (выкинутые на берег мертвые киты) принадлежат тем обществам, в урочищах которых они найдены.

Самоеды. Каждый род самоедов Большеземельской тундры имеет определенные границы кочевки.

У Канинских самоедов в прежнее время делилась тундра по родам и семьям, в настоящее же время они владеют ею сообща.

В охотничьем промысловом деле у самоедов существует исконная артельная организация. Так, югорские самоеды составляют артели от 5—8 человек для добычи моржей. Каждый член артели вносит часть провизии, порох, свинец. Ружей берется от трех до четырех в лодку, которая заведуется кормщиком.

У Новоземельских самоедов также артельное начало в охотничьем промысле. Артели слагаются из 2—3 человек. Добыча делится поровну, при чем равную долю получает и тот, кто не убил ни одного зверя.

Признается обязанностью охотников на оленей, появившихся в угодьях какой-либо артели, делиться с нею как мясом, так и шкурами.

Вогулы. У вогулов Тобольской губ., родовая собственность заключается в том, что известный род владеет известным водяным или земельным участком, границы которых всем известны. Чужая собственность считается неприкосновенною. Если случится охотнику инородцу найти птицу в участке другого рода вблизи ловушек, он не сделает по ней выстрела, чтобы не отпугнуть птицы от ловушек, и этим не причинить вреда соседу. Родовыми угодьями пользуются всем родом сообща, без раздела их между членами рода. На местах, не занятых родовыми владениями, дозволяется свободная охота, но в пределах родового владения право охоты соблюдается строго. Собственник участка имеет право на получение части зверя, забежавшего при преследовании в пределы владения его рода и тут убитого. У вогул облава во владениях чужого рода считается смертным грехом. У них существует предание, что предки клялись друг другу мордой медведя уважать право родных владений.

Нуждающийся в пище охотник, найдя в лесу чужой запас провизии или попавшуюся в ловушку птицу, берет себе нужное и делает на дереве засечку. Платы за это пользование, по объявлению владельцу не полагается. Родовое владение землею дает только родовое право ловли. В случае вымирания рода земля делится между родами или отходит в общественное пользование.

Остяки. У остяков владение землею и угодьями основано на общино-родовом праве. Реками, озерами и лесом владеют сообща пограничные владельцы. Выморочное имущество поступает к тому, кому оно завещано. Кто промышляет заведомо в чужом имении, с того взыскивается половина добычи. Сенокосные же и моховые угодья у остяков не делятся и ими имеет право пользоваться каждый по своему усмотрению. У лиц, виновных в самовольном захвате чужих угодий, отбираются как самые угодья, так и все, что на них добыто. Лиц же, вынувших из чужих ловушек рыбу или зверя, наказывают как за кражу.

Охотничьи и рыболовные орудия, чум, одежда и необходимый скот считается неприкосновенным и не отбирается у должников.

У Сургутских остяков обычай запрещает продавать родовые угодья. Если кто дозволит себе, не зная владельца угодий, ловить на них рыбу или бить зверя, у того отбирается часть или половина добычи хозяином угодий.

Остяки Нарымского края делят лес, в котором производится охотничий промысел, на участки.

Права на владение местами для звериных промыслов или для рыбных ловель считаются неприкосновенными; нарушивший считается вором и лишается сперва пойманной добычи, а во второй раз, кроме того, подвергается телесному наказанию.

Буряты. У бурят существует родовая община и отдельные юртовые довольствия. Бурятская община склонна к артельности. Самое замечательное выражение артельного начала представляла так называемая „аба“. Аба — это большая зверопромышленная артель, бывавшая не каждый год, а преимущественно в хорошие, приплодные и урожайные годы.

Обыкновенно с осени собирались буряты, человек по 1000, 1500 и более. Все одевались в лучшую одежду, брали с собой лучшие луки и стрелы. Каждый нес с собою в общую складчину пуд своего лучшего, самого жирного мяса, масла, сметаны и пр., и все это складывалось в общий артельный запас. Выбирали все из одного и того же рода наиболее опытного, всеми уважаемого старика и назначали общим главным старостою и судьею артели. Старик этот главный руководитель артели, принимал от каждого провизию, весил ее на руке, разузнавая таким образом, точно ли будет в нем пуд. По старому обычаю, требовалось весить именно на руке. Затем вся большая артель разбивалась на множество мелких артелей, состоявшая каждая человек из 20. Каждая частная артель выбирала своего частного артельного старшину. Перед отправкой на промысел, на абу, каждая артель оставляла старику главному, общему артельному старосте и судье по одной шапке, в залог общей взаимной верности и честности на промысле. После того все мелкие артели, образуя один общий дружный артельный

союз, отправлялись в хребты на облаву, цепью охватывая большое пространство в лесу. Вообще вся организация артели основана была на строжайшем обеспечении взаимной верности артельщиков. Главный артельный староста и судья строго наблюдали за согласием и взаимною верностью артельщиков, а в случае споров или вообще какого нибудь нарушения артельного согласия, — судили их, разбирая несогласия, ссоры. Все упромышленные звери между всеми артельщиками делились поровну, под контролем артельного суглана и старосты. Такова в общих чертах была бурятская зверопромышленная облавная артель, называемая абой, ныне во многих бурятских родах уже выходящая из обычая.

Рис. 132. Карагаская Шаманка. Из снимков Д. К. Соловьева.

Карагазы. У карагазов вся тайга от Нижне-Удинска до границы делится на родовые участки, при чем каждый род имеет право охотиться только на принадлежащем ему участке. Тот, кто, гоняясь за зверем, переходит в чужой удел, строго преследуется.

Тунгусы. У тунгусов охотничьи угодья обычно делятся на участки между семьями, при чем участки переходят по наследству от отца к сыну. Существуют строгие обычаи, запрещающие охотиться на чужом участке и убивать соболя, перебежавшего из чужого участка. В последнем случае охотник обязан предупредить хозяина участка для общей охоты и раздела добычи. Преследование нарушителя этих обычных правил доходит до убийства.

Якуты. У якутов охотничье право, до последнего времени, считалось неприкосновенным. Так, у якутов верховье Алдана и его притоков каждая пара бобров составляла частную собственность или одной якутской семьи или нескольких семейств, которые и имели право вылавливать и промышлять шкуры и струю от приплода этой пары[1]). Охота за чужими бобрами считалась одним из самых непростительных грехов. Никто не имел право начать охоту за приплодом раньше установленного срока; запрещено было также поблизости жилища бобров промышлять другого зверя с собакою, или ставить на реке рыболовные снасти из опасения повредить зверя. В назначенный князцем день владельцы бобров собирались для определения порядка охоты. В вылавливании приплода уча-

[1]) Хотя бобров сейчас, повидимому, в Якутии нет, но интересно отметить существование обычного охотничьего права в старину.

ствовали не только владельцы пары, но и хозяева остальных пар. Так как весьма важно было оставить в покое племенную пару и дать ей собрать запас на зиму, то порядок охоты, имеющий большое значение, устанавливался жеребьем.

У якутов также развиты охотничьи артели, но исключительно такие, в которых одни участвуют имуществом, другие — трудом. Богатые снабжают бедных ружьями и припасами для промысла, при чем получают большую часть добычи.

Охотничьими угодьями, реками, озерами и пастбищами якуты владеют сообща, при чем род, на чьей земле производится охота, имеет право на часть добычи. Но не всюду охота производится сообща и не на всех зверей. У устьев р. Лены почти всякий якут по наследству владеет некоторым числом островов или известным протяжением берегов больших островов и только на них имеет право настораживать свои пасти на песцов. В дельте Лены производится охота на северных оленей сообща пятью селениями якутов.

Охотничьи артели.

Организация охотничьего промысла, под которой мы разумеем способы сочетания отдельных факторов производства, т. е. в данном случае добывания животных, и способы соединения лиц, участвующих в нем, выражается: 1) в выборе целесообразных способов и орудий охоты, 2) в выборе соответствующего времени для охоты и 3) места. Что касается до способов соединения лиц, участвующих в охотничьем хозяйстве, то промысловые районы знают только отдельных промышленников и охотничьи артели.

Охотничьи артели, довольно обыкновенные в северных губерниях Европейской России и во всей Сибири, существуют издавна, имеют за собою вековой обычай и, как старинная форма общения, знакомы каждому охотнику с раннего детства.

Первым, основным признаком охотничьей артели, как и всякой другой артели, признаком, проводящим резкую границу между артелями и общинами, является договорное начало. Хотя эти формы общения возникают не надолго, для целей, достигаемых в немного дней, и носит, так сказать, летучий характер, хотя участники их и не определяют все подробности своего предприятия, но они так хорошо известны охотникам, что достаточно одного соглашения выступить сообща в известный срок на охоту, чтобы все остальные подробности, запасы провианта, время отлучки, раздел добычи поровну или в известной пропорции и пр. благодаря вековой практике сами собою обрисовались бы в полноте.

Вторым существенным признаком охотничьей артели является начало равноправности, что обусловливается тем, что в артель соединяются лица, сходные по имущественному положению, по

возрасту, по охотничьему опыту и пр. Равные права участников артели выражаются в равномерном пользовании материальными выгодами, доставляемыми охотою. Обыкновенно получает равную долю и тот охотник, которому не удалось добыть ни одного зверя. Точно так же и могущие быть убытки артель несет сообща: сгорит ли артельная охотничья избушка в тайге или придет в ветхость — труд для восстановления ее полагается общий.

Предоставляя всем членам равные права, охотничья артель требует от них и равной ответственности. Вся организация артели основывается на строжайшем обеспечении взаимной верности артельщиков и честности на промысле. Здесь строго выдерживается первобытный, своеобразный альтруизм и дружба, что делает очень прочною связь между членами артели.

Артельная форма доставляет участникам громадные преимущества, которые прямо вытекают из особенностей охотничьего промысла; объекты охотничьего промысла живые существа, развитие которых до степени экономической пригодности человек не в состоянии ускорить никакими средствами, и потому необходимо своевременное начатие промысла.

Следовательно, чем обширнее артель, чем большее количество угодий в ее пользовании, тем более успешною может быть ее деятельность, так как артель имеет полную возможность начать охоту, когда зверь „в поре“, когда он имеет высшую экономическую ценность. При разрозненных же действиях отдельных охотников, когда каждый спешит раньше других начать промысел, большое количество зверя убивается с малоценными шкурами.

Другая особенность охотничьего промысла заключается в том, что животные распределены понемногу на обширных пространствах и при том не прикреплены к одному месту, так что никакие средства не помогут охотнику добыть с той или другой земельной площади большее количество животных, чем то, которое держится на нем, в силу внешних природных и иных условий.

При артельной форме промысла является возможность заранее разделить имеющиеся в пользовании угодья между артельщиками, которые не мешая друг другу и не вторгаясь в чужие участки, добудут, конечно, больше зверя, чем добыли бы охотники, промышлявшие на той же земельной площади, но без предварительного соглашения, плана и расчета.

Третья особенность охотничьего промысла заключается в том, что успешность его находится в гораздо большей зависимости от внешних природных условий, чем в какой бы то ни было иной отрасли хозяйства, где гораздо большую роль играют психические условия: воля, личная инициатива, энергия предпринимателя. В каком нибудь, например, металлургическом или текстильном производстве предприниматель может совершенно точно рассчитать сколько

нужно затратить труда и капитала для выполнения известного плана, какое количество продукта он получит при данной затрате труда и капитала, и насколько должны быть увеличены его затраты, чтобы получить данное приращение продукта. В охоте же подобные расчеты почти невозможны. Охотник не знает, какое количество зверя он промыслит. Успех охоты может быть уничтожен простым капризом природы: случайные атмосферные перемены в состоянии разрушить все расчеты, все соображения промышленника, непредвиденная перекочевка зверя может оставить охотника без всякой добычи. При артельной форме промысла мно-

Рис. 133. Тобольская губ. Шалаш охотников на дикого оленя.
Из снимков Этн. Отд. Русского Музея

гие случайности не будут уже иметь той силы и того значения, как для отдельных охотников, промышляющих на свой риск и страх. Следовательно, и здесь сказывается благодетельная форма артельного общения. В виду всего вышеизложенного должно способствовать возможно более широкому приложению артельного начала в охотничьем промысле, и потому предоставить известные льготы участникам артелей, было бы весьма полезно. В смысле охраны охоты от противозаконных посягательств, охотничьи артели явились бы надежными учреждениями на своих землях. Отличительный и неотъемлемый признак каждой артели есть круговая порука, или обязанность каждого члена ручаться за всех своих товарищей.

Этою особенностью артелей, утвердившеюся в течение веков, возможно было бы воспользоваться и в целях охранения охотничьего закона от нарушений. Казалось бы было полезно промышленникам, образовавшим охотничью артель и заявившим о сем сельскому, станичному, родовому или иному ближайшему управлению, предоставить выправлять охотничьи свидетельства по самой незначительной цене, но за это право обязать их круговою пору-

Рис. 134. Охотниче зимовье в Пермской губ. Впереди амбар для хранения припасов. Из снимков Этн. Отд. Русского Музея.

кою отвечать за уплату в случае нарушения кем-либо из участвующих в артели лиц закона об охоте, налагаемых денежных взысканий. Этим путем возможно было бы легче уничтожить все массовые орудия ловли и добиться исполнения промышленниками сроков охоты.

Охотничья кооперация.

Что такое кооперация вообще знает каждый, что такое кооперация охотничья и каковы ее ближайшие задачи и способы их осуществления — знают далеко не все и на разборе их мы остановимся.

Охотничья кооперация в чистом ее виде, образовавшаяся только в самое последнее время, зародилась уже довольно давно.

Еще в 1917 г. в Петрограде возник первый в России Союз Охотников, поставивший на очередь вопрос о необходимости охраны зверя и птицы, не как собственности владельца или арендатора земельных угодий, а как народного достояния. Петроградский

Союз, в связи с этой своей задачей, бросил в широкие охотничьи массы клич объединяться под своими знаменами. Призыв не остался без ответа и союз начал расти с каждым днем.

Экономическое раскрепощение членов союза — охотников от кабалы скупщика-торговца, организация правильного сбыта продуктов охоты и снабжения охотников оружием и припасами, культурное развитие своих членов, охрана охотничьих богатств — были ближайшими задачами Союза. Уже в 1919 г. Союз вырос в организацию Всероссийского масштаба и с каждым днем рос дальше, глубже проникая в самую гущу охотничьей массы.

Труден был путь Союза, многое мешало ему немедленно приступить к осуществлению своих задач, и только на пороге восьмого года своего существования Союз смог принять нужные для осуществления своих целей организационные формы. Союз стал организацией снизу доверху построенной на чисто кооперативных началах.

Как известно кооперация распадается на несколько основных типов.

Существует кооперация потребительская, ставящая перед собой цель снабжения своих членов через потребительские общества предметами широкого потребления. Существует кооперация кредитная, ставящая перед собой цель кредитования своих членов, при посредстве кредитных товариществ, деньгами и товарами; существует кооперация сельско-хозяйственная, ставящая цель снабжения своих членов, через сельско-хозяйственные товарищества, сельско-хозяйственными орудиями, семенами, заведение на средства товарищества дорогих сельско-хозяйственных машин для общего пользования и т. д., и организованный сбыт сельско-хозяйственных продуктов. Наконец, существует кооперация промысловая, весьма близкая к кооперации сельско-хозяйственной, ставящая перед собой или цель объединения кустарей-одиночек для совместной работы (напр., лесорубочные артели) или же цель организации сбыта продуктов промысла своих членов и снабжения их орудиями промысла.

Кооперация охотничья еще только что народилась и вследствие совершенно исключительных условий охотничьего дела, вследствие необходимости обслуживать не только интересы своих членов, но в равной мере и интересы Государства, как хозяина охотничьих угодий, не может целиком и полностью влиться в те организационные формы, которые существуют у кооперативных объединений других типов.

В самом деле ни один из видов кооперации не ставит перед собой прямую цель обслуживания Государственных интересов, как ставит и должна ставить кооперация охотничья.

Из всех видов кооперации близко подошла к кооперации охотничьей — кооперация рыбачья, да и та по своим задачам отличается от кооперации охотничьей: у рыбаков артельное начало при

производстве промысла — обычно, у охотников в массе относительно редко. Рыбаки организуют при помощи своей кооперации совместный промысел, охотники же — кроме того и совместное ведение охотничьего хозяйства.

Но и рыбачья кооперация зародилась еще слишком недавно и сама еще до сих пор не нашла окончательно надлежащих организационных форм. Поэтому организационные формы кооперации охотничьей и заимствованы у кооперации промысловой, почему и кооперативные объединения охотников и называются промысловыми.

Как видно из выше сказанного происходит это не от того, что охотничьи объединения объединяют или ставят перед собой цель объединения только промысловых охотников, как часто думают плохо разбирающиеся в этом вопросе люди, а только потому, что кооперация охотничья временно, впредь до изыскания своих, целиком и полностью отвечающим ее задачам и целям, организационных форм, заимствовала эти формы от кооперации промысловой.

Основными задачами охотничьей кооперации в настоящий момент являются: 1) организация охотничьего хозяйства в общегосударственном масштабе и повсеместная охрана охотничьих животных от уничтожения, 2) организация наивыгоднейшего сбыта продуктов охоты и снабжения своих членов оружием, припасами и другими товарами, 3) культурно-просветительная работа среди охотников, направленная с одной стороны к поднятию среди них специально охотничьих знаний, а с другой — для привития хозяйственных навыков в охотничьем деле, тесно связанных с охраной от уничтожения охотничьих богатств.

От выполнения всех этих трех задач, зависит и упорядочение всего охотничьего дела, заинтересованность в судьбах которого государства вне всякого сомнения. Вследствие этого и вся работа охотничьей кооперации приобретает государственно важный характер и значение.

Рассмотрим же сейчас как должна охотничья кооперация осуществлять эти три своих основных задачи:

Хотя у нас давно уже существуют охотничьи законы и правила, с помощью которых Государство стремится упорядочить охотничье дело, вводя известные ограничения в право пользования охотой, тем не менее эти правила и законы исполняются далеко не всеми охотниками. Если бы все вместе и каждый в отдельности охотники относились бы сознательно и честно к охотничьему делу, то пожалуй не требовалось бы и наблюдения за исполнением правил и законов, а может быть и никаких правил и законов об охоте вообще. Но, к сожалению, этого нет и нарушителей законов и правил, как бессознательных — по невежеству своему — так и сознательных — по корысти или хулиганству — много. У Государства в настоящее время нет, да и пожалуй еще долгие годы не будет

возможности организовывать для наблюдения за этими правилами и законами специальную стражу, а она необходима, иначе правила и законы будут существовать только на бумаге. Достать деньги на организацию по всему СССР охотничьей стражи невозможно, следовательно нужно в интересах государства, как хозяина охотничьего хозяйства и в интересах охотников, как людей заинтересованных в том, чтобы количество зверя и птиц не уменьшалось бы

Рис. 135. Пермяк — охотник.
Из снимков Этн. Отд. Русского Музея.

с каждым годом, а наоборот увеличивалось бы, изыскать какой то способ повсеместного наблюдения за исполнением охотничьих правил и притом так, чтобы это не стоило больших денег и в то же время давало бы уверенность в том, что охрана дичи и зверя от истребления и наблюдения за исполнением охотничьих правил было бы повсеместно осуществлено.

В этом отношении на помощь государству приходят сами охотники в лице своих кооперативных организаций. Широко раскину-

тая кооперативно-охотничья сеть, и вовлечение в свою работу широких масс охотников дает возможность охотничьей кооперации, на основе взаимного наблюдения друг за другом самих охотников и кооперативной дисциплины, добиться в указанном направлении желанных результатов.

Всякие иные хозяйственные мероприятия, направленные к упорядочению охотничьего дела и организация охотничьего хозяйства, тоже немыслимы вне привлечения самих охотничьих масс. Необходимые для этого знания, силу, средства, опыт и инициативу могут дать только сами охотники. Равным образом, только при условии их сознательной поддержки и хозяйственного отношения к предпринимаемым мерам последним будет обеспечен надлежащий успех.

Взаимо-контроль охотников, строгая кооперативная дисциплина, сознательное хозяйственное отношение к охотничьему делу и тесная заинтересованность охотников в его дальнейших судьбах — вот те основы, на которых только и можно строить план организации государственного охотничьего хозяйства.

Неразрывно с вышеуказанной работой связана и вторая задача охотничьей кооперации — обслуживание экономических нужд охотников.

Как хорошо известно всем, у нас и в старые годы и до самого последнего времени существовал такой порядок сбыта и заготовки продуктов охоты, при котором между охотником — добывателем продуктов охоты и их потребителями, т. е. русскими и заграничными покупателями всегда стояли и стоят целый ряд посредников — скупщиков-перепродавцев. В прежние годы количество этих посредников было огромно, сейчас немного убавилось, но все же велико и какая нибудь белка, добытая охотником где нибудь в глухих лесах Северной России, прежде чем попасть на шубу русскому или иностранцу, в ней нуждающемуся, проходила и проходит через много рук.

Конечно все эти посредники производили свою работу далеко не даром и каждый из них, по мере возможности, умения и сил старался заработать на покупке и перепродаже этой белки возможно больше.

Стоит ли говорить, что такой порядок вел только к тому, что на долю охотника приходилась лишь, обычно весьма незначительная, часть той ее стоимости, по которой она действительно продавалась потребителю, а вся остальная часть ее стоимости падала на долю скупщиков и перепродавцов. Таким образом посредники зарабатывали на продаже продуктов охоты значительно больше, чем зарабатывал сам охотник и вследствие этого и охотник получал меньше за продукты своего промысла, чем мог бы получить, имей он возможность миновать посредничества целой

тучи перепродавцов, да и потребитель продуктов охоты мог бы их приобрести значительно дешевле, будь он ближе к охотнику.

Приблизительно то же наблюдалось и наблюдается и в деле снабжения охотников оружием, припасами и т. п. товарами.

Охотничья кооперация, ставя перед собой задачу обслуживания интересов прежде всего экономического характера, своих членов, т. е. иначе говоря направляя все свои усилия прежде всего к экономическому раскрепощению охотников, в первую очередь стремится к уничтожению всякого посредничества между охотником-производителем и, если не непосредственно с потребителем продуктов охоты, то по крайней мере с крупным оптовым покупателем — в наиболее желательном случае — с государством.

Рис. 136. Охотничий шалаш из коры лиственицы. Енис. губ. Из снимков Д. К. Соловьева.

Но так как современное положение нашего государства, необычайная разбросанность охотничьего населения и огромная площадь СССР, плохие пути сообщения и т. д. и т. п. не дают, да и долгие годы не дадут и в будущем, возможности каждому отдельному охотнику непосредственно связываться с оптовиком, то роль единственного посредника между охотником-производителем продуктов охоты или охотником покупателем оружия и прочих товаров и предметов и оптовиком-скупщиком или оптовиком-продавцом в лице госорганов или пока других, берет на себя сама охотничья кооперация.

Она стремится при помощи широко-разветвленной сети своих основных ячеек как можно теснее и неразрывнее связаться с самим охотником, вовлечь его самого во всю свою работу и таким образом сблизить охотника с оптовиком, стремится сама выступить на международном рынке с тем, чтобы иметь возможность продавать там собранную от своих членов пушнину, дичь и прочее, непосредственно в первые руки и из первых же рук, минуя всякое частное посредничество, покупать нужные охотникам припасы и товары.

Само собой разумеется, что при продаже крупных партий продуктов охоты, и притом непосредственно в первые руки, охотничья кооперация имеет возможность продавать их по таким ценам, по каким каждый ее член не может даже и мечтать.

Вполне понятно, что и закупка оружия, припасов и товаров из первоисточников большими партиями, значительно более выгодна, чем закупка по мелочам у перепродавцов.

Но помимо устранения многоэтажного посредничества между охотниками и оптовиками и, следовательно, увеличения цен на продукты охоты и уменьшения цен на предметы и товары, необходимые охотнику, охотничья кооперация, чуждая по самой своей сущности стремления к извлечению каких бы то ни было барышей от своей работы, стремится всю ее вести на чисто кооперативных началах.

Кооперативным началом в области заготовок продуктов охоты и снабжения охотников, принято называть такое начало, при котором роль, производящей ту или иную работу, организации, заключается в выполнении чисто посреднической работы и при том на условиях только покрытия всех расходов по производству данной операции, получившимися в итоге ее проведения прибылей и передачи всех остальных, вырученных при совершении купли-продажи, сумм тем лицам, по поручению которых данная операция совершена. Иначе говоря охотничья кооперация стремится не к покупке за твердый счет продуктов охоты от своих членов, а в приеме их на посредническую продажу, с выплатой вперед известной доли предполагаемой к получению стоимости принимаемых продуктов охоты (по условным ценам) с тем, чтобы впоследствии, по продаже собранной крупной партии их, всю получившуюся разницу между условно-выплаченной стоимостью и стоимостью продажной, за удержанием лишь небольшого процента на погашение расходов по проведению комиссионной операции, выдать тем охотникам, которые передали продукты своего промысла своему кооперативному объединению на продажу. Таким образом каждый охотник, являясь участником всех прибылей от работы своего кооперативного объединения, имеет возможность не дожидаясь завершения торговой операции до конца, немедленно же при самой сдаче им своему объединению продуктов охоты получить за них условно некоторую сумму денег в счет предполагаемой к получению за них суммы (условные цены обычно приравниваются к существующим на месте средним рыночным ценам), с тем, чтобы в последствии получить и дополнительную часть их стоимости.

Такой подход при котором охотничья кооперация является для охотника только наивыгоднейшим посредником, а не продавцом или покупателем на твердый счет, только своего рода ссудной казной, пользуясь которой охотник имеет возможность с одной стороны получить немедленно за свою дичь или пушнину полную их местную рыночную стоимость, а с другой стороны не лишается и возможности через некоторое время получить к этой сумме еще дополнительную, зависящую от продажной цены всей партии крупному оптовику, и принято называть кооперативным подходом.

То же самое, только в обратном порядке, осуществляется в области снабжения охотников.

Вследствие всего вышеуказанного, охотник, входя в состав того или иногокооперативного охотничьего объединения, и внося на создание его капитала ту или другую сумму, получает целый ряд материальных выгод, которые создают ту, неуловимую до сих пор материальную заинтересованность охотника в существо-

Рис. 137. Карел-охотник.
Из снимков Этн. Отд. Русского Музея.

вании своего объединения, которая неразрывно связывает интересы кооперативного объединения и его члена-охотника.

Стремясь как можно лучше и полнее обслужить экономические интересы и нужды своих членов, охотничья кооперация, кроме того, ставит перед собой задачу и предоставления своим членам возможности кредитоваться у своего объединения под продукты охоты будущего промысла, но, конечно, не на тех условиях, на которых открывал в былые годы свой хищнический и ростовщический кредит скупщик, а на льготных условиях, преследующих цель не

наживы, а помощи неимущему охотнику от его кооперативного объединения.

Кроме того, охотничья кооперация берет на себя обязанность зорко следить за доброкачественностью тех товаров и предметов, которыми она снабжает своих членов и их соответствием вкусам и требованиям охотников.

В настоящее время единственным крупным покупателем продуктов охоты является само государство, создавшее для этой цели целый ряд своих заготовительных органов. Охотничья кооперация стремится заменить их всех своими собственными ячейками и притом так, чтобы от этой замены выиграло бы и само государство и, наконец, и само охотничье хозяйство.

Сумеет ли охотничья кооперация справиться с этой своей задачей, сумеет ли она действительно и повсеместно стать единственной посредницей между охотником и государством — покажет будущее, но надо надеяться, что сумеет, так как только в этом случае судьба охотничьего дела СССР и судьба сотен тысяч, живущих охотой, людей будет спасена.

Скорейшее осуществление двух первых задач охотничьей кооперации в значительной степени зависит от того, как быстро пойдет осуществление третьей.

Поднятие культурного уровня охотников. Охотничья масса, насчитывающая в своих рядах миллионы людей, в громадном большинстве своем, проживает вдали от всяких, хоть мало мальски культурных центров. Общий уровень знаний и развития ее очень низок: в большинстве своем она или полуграмотна — в лучшем случае — или просто неграмотна. И если даже среди горожан охотников досих пор еще отсутствует достаточно сознательное отношение к охотничьему делу и уровень хозяйственно охотничьих знаний весьма низок, то вполне понятно, что даже самые тусклые проблески сознательности и хозяйственности не проникли еще совсем в сумрачные избушки промысловых охотников.

Отсутствие знаний, охотничья безграмотность порождает бессознательное отношение к делу, а последняя ведет к хищническому использованию охотничьих зверей и птиц. До сих пор еще большинство охотников не понимает или не может понять, что птица и зверь, хотя бы и живущие на свободе в природных условиях, нуждаются в таком же хозяйственном отношении человека, как и лошадь или корова и что только при хозяйственном к ним подходе не будут истребляться, а разумно, с наибольшей пользой для охотника и с наименьшим вредом для охотничьего хозяйства, использовываться.

Более чем сейчас высокий культурный уровень охотников заставит их сознательно отнестись и к своему положению и положению охотничьего хозяйства. Благодаря ему охотник поймет, почему

необходимо относиться хозяйственно к охотничьим зверям и птицам, почему для него самого и для судьбы всего охотничьего дела в целом, так важно скорейшее осуществление кооперирования всех охотников, а это сознание во сто раз усилит охотничью кооперацию, так как в лице сознательного охотника она приобретет не только своего активного члена, но и знающего и дельного работника.

Пропадут тогда и хищнические, ничем неоправдываемые, способы истребления охотничьих богатств. Грабительское отношение к дичи и зверю уйдет в область прошлого и на смену полному беспорядку в охотничьем деле придет разумное их использование на основах хозяйственности.

Рис. 138. Охотничье зимовье в Енис. губ. (Саяны). Из снимков Д. К. Соловьева.

Облегчится во много раз охрана птицы и зверя, так как ни один сознательный охотник и не подумает о возможности их хищнического уничтожения.

Щедрая природа вознаградит охотника хозяина за его труды и заботы и с помощью своей кооперативной организации сумеет охотник не только гораздо лучше чем сейчас обеспечить себя и свою семью, но и без страха будет смотреть в будущее, так как будет знать, что при хозяйственном отношении к дичи и зверю их хватит не только на его век, но и для многих будущих поколений.

Браконьерство. Браконьерство как бытовое явление, чрезвычайно развито среди охотничьего населения СССР и является таким злом, что, не победив, или не уменьшив его, трудно говорить об организации и развитии охотничьего хозяйства. Что же мы подразумеваем под браконьерством? Слово „браконьер“ имеет очень древнее происхождение. В середине XVII века оно служило для обозначения младшего выжлятника, на обязанности которого лежал уход за собаками, называвшимися браками или брашетами (bracs ou brachets). Повидимому, браконьеры-выжлятники, пользуясь услугами собак, за которыми наблюдали, были особенно рьяными дичекрадами и потому дали свое наименование как нарицательное прозвище для всех нарушителей охотничьих законов, в каковом смысле мы и понимаем теперь слово „браконьер“. Что нарушение охотничьих законов самими служащими в охотах, было развито в старину, доказывают нам жестокие приговоры за хищничество Людовика XIII-го в отношении даже к офицерам своих псовых и ловчих охот.

Понятие „браконьерство“ очень растяжимо и при нашем громадном, разноплеменном охотничьем населении, стоящем на самых различных ступенях культуры не может быть уложено в точные рамки.

Грубо схематизируя мы можем сказать, что браконьерство имеет в основе своей обыкновенно одну из трех причин: 1) некультурность, невежественность и простое незнакомство с охотничьим законом, 2) бедность или невозможность легально удовлетворить свою охотничью страсть и 3) человеческую жадность, разнузданность хищнических инстинктов. Разумеется и отношение к браконьерам разных категорий со стороны закона не может быть одинаково. Вместе с тем ясными становятся и те пути, по которым надо идти для искоренения браконьерства. Широкая культурно-просветительная работа, охотничье просвещение, ознакомление с основами охотничьего хозяйства одинаково важны для всех трех категорий браконьеров, но в особенности, конечно, для первой. Для второй категории особенное значение имеет охотничья кооперация, снижение налогов и организация охотничьего хозяйства. В самом деле какой нибудь бедный городской рабочий или служащий, с трудом отложивший 2—3 рубля, тратит их на поездку на охоту и обыкновенно кроме прогулки по лесам и полям, удовольствия самой охоты не имеет, так как дичи в окрестностях городов почти нет. Если один раз, за несколько поездок, ему попадется дичь в относительном изобилии, он естественно начинает избивать ее не считаясь ни с полом ни с возрастом, чтобы вознаградить себя как нибудь за пустые охоты. Психологически это понятно и что бы избежать этого явления, необходима, через Союзы, правильная организация охотничьих хозяйств, размножение дичи, население ею пустых угодий, чтобы охотник всегда мог поохотиться, хотя бы и скромно, а не только прогуляться на чистом воздухе. Относительно значения размеров налогов в борьбе с браконьерством будет говориться в следующей главе.

Третья категория браконьеров, помимо культурного воздействия, подлежит конечно беспощадному преследованию со стороны закона и при помощи организованных охотничьих масс.

Количество браконьеров в СССР пока громадно: считая браконьером всякого охотника не выбирающего билета на право охоты, выходит, что из 2 миллионов охотников всего около 250.000 человек, взявших билеты, не браконьеры (между ними тоже конечно есть настоящие браконьеры), т. е. из 100 человек охотников 88 человек браконьеров, а 12 не браконьеров. Цифры устрашающие.

По данным Всекохотсоюза за 1924 г. всего по СССР было привлечено за браконьерство до 10.000 человек, из них по инициативе Союза до 8200 человек. По сравнению с довоенным вре-

менем, цифры эти весьма значительны и лишний раз подчеркивают значение Союза, но все же нам еще надо много поработать в этой области. Трудность борьбы с браконьерством, помимо частой невозможности его обнаружить, заключается еще в боязни отдельных легальных охотников перед местью уличенного браконьера в связи с малой поддержкой со стороны местных властей, далеко не везде еще осознавших значение охотничьего закона.

Так или иначе вопрос о браконьерстве слишком больной для нас, чтобы мы могли оставить его в тени и одна из ближайших задач Союза осветить его в той мере, какую он заслуживает.

ГЛАВА XI.

Охотничьи законы и управление охотой.

Охотничьи законы. Смысл законов об охоте. Историческое развитие права охоты. Взгляды русского населения на охотничье право. Охотничье законодательство в Зап. Европе. История русского охотничьего права и законов об охоте. Правила 3 февраля 1892 г. Пересмотр „Правил“ об охоте. Законы по охране соболя и выделению заповедников. Право на охоту в программах социалистических партий. Декреты революционного времени об охоте. Новый закон об охоте. Уголовные охотничьи нормы. Налоги на охоту. Аренда охотничьих угодий. Право на диких животных. Основные требования от охотничьего закона.

Управление охотой. Заведывание охотой в старину и до конца XIX в. Управление охотой в дореволюционное время (1892 — 1917 гг.). Управление охотой во время революции. Роль и значение ВСО в проведении охотничьих законов в жизнь.

Охотничьи законы.

Смысл законов об охоте. Как известно каждому, законы об охоте имеют в виду создать правильную охоту, т. е. такую, которая, являясь наиболее производительною, не истощает края, не влияет на уменьшение того количества дичи, которое принимается за норму для каждой данной местности. Добыче должен подлежать, в крайней мере, приплод, так сказать, одни проценты с капитала, который по основным экономическим законам, должен оставаться нетронутым, иначе и он исчезнет мало по малу бесследно и не с чего будет процентам нарастать. Изыскать средства к добыванию одного лишь приплода невозможно и к тому же почти повсеместно является необходимость принять меры к увеличению самого основного капитала, настолько уже истощенным является он. В виду этого, законы должны регулировать самые способы пользования существующим фондом.

Законы, запрещая до известного срока охоту весеннюю, действуют так главным образом, с целью наиболее сократить время самой охоты. Если бы охота была дозволена в продолжении круглого года, то весьма понятно, что дичь истреблялась бы в громадном количестве и, в особенности, в весенние месяцы. Человек, если ему представляется случай поживиться при наименьших затратах

наибольшим количеством плодов, всегда постарается воспользоваться им. Весенние месяцы представляются весьма выгодными в отношении добычливости дичи. Целые стаи пролетных птиц запруживают собою все подходящие места; случается, что иные болота временно просто кишат от массы благородной дичи, занявшей их; не только одни леса, но иногда даже и сады чуть не в черте городов, бывают переполнены высыпками вальдшнепов. При таком изобилии невольно и стар и млад, и охотник и неохотник вооружались ружьями и начиналось страшное истребление, сопровождавшее пролетных птиц во все время их путешествия. Не оставлялись они в покое и по своем прилете, в самые важные периоды своей жизни, периоды приготовления гнезд, токов, носки яиц, высиживания молодых и их выхаживания, — так легко, и просто добывание их в данное время.

Почти тоже можно сказать и относительно местной оседлой птицы.

В виду всего этого, законодатель, задавшись целью ограничить время охоты, а также и затруднить самое ее производство, необходимо должен был придти к мысли, что ограничивая охоту весеннюю, он этим уменьшит количество добываемой дичи в продолжении года, и главное даст возможность спокойно появиться на свет и подрасти новому приплоду. В остальные месяцы охота уже не столь добычлива и со стороны охотника требуется уже значительно большее количество усилий для достижения тех же результатов. Вследствие этого, весенняя охота всеми законодательствами ограничивается. Наблюдая этот факт, мы замечаем, что законодательство тех стран, где количество дичи наиболее уже уменьшилось, все далее и далее откладывают время открытия охотничьего сезон, (летом), чтобы дать дичи подрасти и сделаться менее доступной для охотника.

Затем законодателю, например, решительно одинаково, каким бы способом ни добывалась дичь — законодатель имеет в виду один лишь результат. Принимая за основание, что чем меньше дичи истребляется, тем более ее остается, весьма понятно, что он не может относиться покровительственно к тем приемам и средствам, которые дают возможность добывать зараз значительное количество дичи. Таков повод к запрещению петель, силков, шатров и т. п.

Таким образом проводится основной принцип — принцип затруднения истребления дичи, вызванный невозможностью иначе нормировать охоту.

Затем, закон стремится к тому, чтобы вся добытая дичь шла промышленнику впрок, чтобы он мог ею воспользоваться. Между тем, всякий, кто даже по одним рассказам знаком с давушками или силками, знает, что далеко не вся пойманная дичь получается промышленником; значительная часть ее сгнивает, или потре-

бляется на месте же ловли разными хищниками. Эти соображения, в свою очередь, служат лишним поводом к ограничению ловли подобными способами.

Запрещение добычи пушных зверей (отчасти и птиц) до приобретения ими полноценной зимней шкурки вызывается тем обстоятельством, что охотник, убивший, например, сто белок в ноябре, получит ту же сумму денег, что за триста белок, убитых в сентябре; таким образом достигается сохранение 200 белок для приплода, при чем материально промышленник не страдает.

Не имея возможности провести широкое наблюдение за исполнением законов об охоте при самом производстве охоты, законодатель стремится сдержать самое побуждение нарушать закон, путем издания законов и правил о торговле продуктами охоты добытыми в незаконное время и незаконными способами. К той же цели — стеснить незаконные действия лиц, заведомо нарушающих закон, служат ограничения права пользования оружием, свободной торговли оружием и припасами и т. д.

Наконец, закон должен, насколько это достижимо, сократить возможность несчастных случаев от охоты. Самострелы, ямы и отравы, преимущественно вблизи жилых мест, являются опасными далеко не для одних диких зверей и птиц; не говоря уже о домашних животных, сам человек легко может пасть жертвою такого добывания дичи. Отсюда становится весьма понятным условное или полное запрещение их.

В виду той же безопасности охота может быть запрещена малолетним, лицам привлекаемым к суду за неосторожное обращение с огнестрельным оружием и пр. Охота ночью, при искусственном освещении, например, при огне костра, представляя различные опасности, в особенности причинение пожаров, должна быть тоже преследуема; сюда же можно причислить недозволение употреблять в качестве пыжей легко воспламеняемые вещества напр. паклю.

До сих пор мы указали начала, нормирующие истребление дичи. Законы об охоте, как выше уже было замечено, должны еще стремиться к тому, чтобы дичь могла возрастать в своем количестве, что возможно лишь в том случае, если будут удалены естественные условия, затрудняющие это возрастание. Законы об охоте должны поощрять истребление медведей, волков и др. хищников выдачею установленных премий за представленные шкуры, дозволением охотиться за ними во всякое время и даже запрещенными способами, доставлением промышленникам пороху, ядов и пр. Законодательство должно предоставить наибольшую свободу составлению обществ и союзов, имеющих среди своих целей и размножение животных, служащих предметами охоты, и должно способствовать исполнению их полезных начинаний.

Государство может рассматривать охоту, как источник своих доходов. Обложение права охоты, права содержания охотничьих собак известным налогом, и пр. признается теперь многими законодательствами. Мы не будем пока входить в разбор, насколько целесообразны такие налоги, но только заметим, что часть получаемой суммы в некоторых государствах (Франция, дорев. Россия) шла на надзор за исполнением всех вообще законов об охоте.

Обложение права охоты известным налогом значительно еще сокращает число охотников, так что оно, кроме того, является и косвенною причиною возрастания количества дичи.

Таков вкратце общий смысл законов об охоте. От каждого законодателя зависит развить более или менее тот или другой принцип.

Историческое развитие права охоты. Право охоты пережило много периодов. Первоначально охота была главным источником пропитания и, вообще, жизни каждого народа, затем, по мере развития культуры, открывались новые источники существования и охота постепенно отходила на второй план, оставаясь к тому же, по силе привычки и врожденной наследственной потребности, одним из первых удовольствий. В том и другом случае охота, само собой разумеется, не подлежала никакому ограничению и всякий мог охотиться где ему угодно.

По мере того, как племена становились оседлыми, возникали многие центры населения. Вследствие постоянных охот, дичь возле таких центров заметно уменьшалась в количестве и местные землевладельцы, в виду личных удобств, впервые нашли необходимым запретить посторонним лицам охоту в своих угодьях. Отсюда возникло исключительное право охоты, характеризующее второй период.

Вместе с развитием народов постоянно нарождались новые потребности, уже непокрываемые прежними государственными доходами. Пришлось измышлять новые источники доходов, и некоторые правительства, не довольствуясь конкуренциею с частными лицами, объявили многие промыслы не подлежащими частной предприимчивости и составляющими привилегии государства. Такое преимущественное право государства относительно какого либо промысла называется регалиею. В числе прочих была проведена в жизнь и регалия охоты, лежащая в основании третьего периода права охоты и возникшая не раньше как к концу средних веков.

Охотничья регалия уже в самом начале прошлого столетия уничтожилась почти повсеместно. С этого времени наступил четвертый период, период свободной охоты с правом государства высшего над нею надзора — нам современный.

Нельзя не сознаться, что настоящая постановка вопроса о праве охоты самая правильная. Всякую дичь следует рассматривать как принадлежность земли, на которой она водится. Принадлежность же, по общему правилу, всегда должна следовать судьбе главной вещи: поэтому, понятно, что и дичь составляет собственность собственника земли, будь то государство, или частное лицо. Таким образом, поземельное право обусловливает и право охоты.

Опыт нескольких главнейших государств Западной Европы — как-то Германии, Австрии, опыт, основанный на строго доказанных фактах, формулированных в мотивах к законам, вызвал необходимость в этих государствах охранить охоту, для предупреждения губительного истребления дичи, дозволением охотиться на более обширных охотничьих участках, — как наиболее действительным средством. — Признано, что правильная охота возможна только на сплошных участках, более или менее крупных размеров, что интерес к сбережению дичи можно вызвать у землевладельцев только установлением определенных участков, более или менее значительных размеров, на которых дичь водилась бы постоянно.

Само собой разумеется, что все эти начала и формы, в которые вылился европейский закон об охоте, связаны с историей и экономикой европейского быта, которые значительно разнятся от истории и экономики нашего быта. Так, в Западной Европе, в средневековую эпоху, мы видим резко проявляющуюся в жизни двойственность воззрений на право охоты. Носителями этих двух диаметрально противоположных понятий были, с одной стороны — король, аристократия, рыцарское сословие, а с другой — народ.

В средневековую эпоху, с развитием феодальных понятий, право охоты, как мы видели, превратилось в регалию: леса в королевских дачах, вольные леса, составлявшие принадлежность сельских общин — все это было объявлено заказным, и в них запрещено было охотиться всем, кроме королевской свиты. С течением времени, право охоты приняло характер сословных различий: от имени короля это право раздавалось знатным людям светского и духовного чина и, мало по малу, аристократия и рыцарское сословие явились всецело носителями этого права; — все низшее земледельческое население было лишено права охоты, даже на своих собственных землях, как население, не могущее носить оружия.

Таким образом, право охоты было совершенно отрешено от частного права на поземельную собственность.

Но рядом с этим, так сказать, — государственным, воззрением на право охоты, разделявшимся и юристами XV и XVI столетий,

существовало другое воззрение: носителем его было народное сознание; в разуме народа не могло искорениться исконное представление о вольной птице и вольном звере, как „даре божием“. Вольная птица и вольный зверь, не вырощенные и не вскормленные рукою человека, — обитатели вольного леса: они переходят с места на место, с одного угодья на другое, из одного леса в другой; их нельзя считать принадлежностью одной дачи, одного леса; они принадлежат всем и никому исключительно; они не состоят ни в чьей собственности и являются достоянием общества. Вот почему народ, в массе, не мог понять разума и причины юридических ограничений в пользовании вольными дарами природы — зверем и птицею; вот почему простой человек смотрел на строгие запретительные меры, по отношению к производству охоты, как на беззаконное насилие, и не подчинялся им.

Таким образом, эти два течения мысли, два диаметрально противоположных взгляда сходились в одном: средневековою правительственною властью и дворянским сословием отрешалось право охоты от частного права на земельную собственность; точно так же и народное сознание, признавая животных, по природе своей вольных, переходящих с места на место, — общим достоянием, тем самым, логически не могло соединить право охоты с правом на землю: каждый свободный человек мог, по понятию простого человека, охотиться и на чужой земле, лишь бы не нарушил вотчинных прав собственника.

Итак, в силу отрешения права охоты от частного права на поземельную собственность, дворянское сословие охотилось и на своих, и на чужих землях; в силу того же отрешения права охоты от частного права на землю, но по другим мотивам, масса народная, из века в век, скрыто и явно, выражала притязания на свободную охоту.

Вслед за революцией, во всеобщем крушении регалий и сословных привилегий, пали в Европе привилегии и регалия права охоты, и водворилось широкое либеральное право охоты; по восстановлении же государственного порядка, обнаружилась необходимость, в менее либеральных нормах, по отношению к производству охоты, чем те, которые были установлены со времени народного движения, — и два, указанные нами, крайние воззрения слились вместе, взаимно сгладив друг друга: дворяне поступились своим исключительным правом охоты; недворянское сословие должно было отказаться от притязаний на безусловную свободу охотиться. Единственным средством примирения явилась связь права охоты, с правом поземельной собственности. Осуществилась эта связь тем более легко, что новейшее развитие экономического строя Западной Европы оторвало крестьян от земли, „работника от продукта его труда“. Интересы мелкой зе-

мельной собственности и высокой культуры побудили обставить право охоты целым рядом законоположений строго охранительного характера.

Итак, сложный исторический процесс выработал на Западе Европы те начала и формы, в которые отлился ныне действующий закон об охоте.

Взгляды русского населения на охотничье право. Общественная жизнь России не знала такого исторического процесса.

В нашей экономике многие естественные богатства, в том числе и дикие звери и птицы, долго не получали, а многие и до сих пор еще не получили, в сознании массы, определенной, одинаковой для всех ценности. Громадная масса нашего населения, состоящего из сидящих на своей земле крестьян, выработала и пронесла неизменно сквозь века, в своих юридических воззрениях и обычаях, принцип трудового начала.

Благодаря громадным, мало населенным пространствам нашей страны, изобилию (относительному) дикой птицы и зверя, отсутствию затраты труда по хозяйственным мероприятиям к их охране и размножению, в народе нашем укрепилось представление, что дичь „ничья“ и пользоваться ею может каждый где угодно без всяких ограничений. Надо только отметить, что подобное „вольное“ отношение к дичи характерно для непромысловых и полупромысловых районов, в промысловых же, ~~как мы видели раньше~~ [1]), особенно у туземных племен, существуют более строгие хозяйственные взгляды и более развитое охотничье право.

Обширность и разнообразие нашего охотничьего хозяйства, особенные, не существующие на Западе, условия, в которых оно находится, особенный, не существующий на Западе Европы, характер его и важное его значение для нашего народонаселения, наконец, естественные и экономические особенности нашей страны — все это, в видах наилучшего пользования правом охоты вызывает более непосредственное участие государства в охотничьем деле и установление наиболее действительных средств для поддержания охотничьего хозяйства.

Охотничье законодательство в Западной Европе. Современное законодательство об охоте цивилизованных стран преследует следующие цели: нормировку добычи полезной дичи, в интересах ее сохранения истребление хищных животных и птиц, ограждение общественной безопасности и право частных собственников, иногда также извлечение финансовой выгоды. Право охоты, по ученью римских юристов, является следствием права собственности лица над недвижимостью. Собственник имеет право запретить посторонним доступ в его имение и таким образом фактически не до-

---

~~1) Об обычном праве на охоту у инородцев см. гл. X.~~

пускать их к охоте в своих владениях. Дичь, по римскому представлению, считалась, однако, бесхозяйным предметом (res nullius), поэтому собственник имения не имел права на возврат добытой в его владениях, без его разрешения, дичи. Государство, со своей стороны, никаких ограничений права охоты не установляло, лишь в императорский период появилось запрещение истреблять в африканских владениях львов, которые требовались в громадном количестве в Рим для зрелищ. Древние германцы, в отличие от римлян, признавали право собственника имения на диких зверей и птиц, в нем обитающих. По салическим законам охота в чужих владениях, без разрешения хозяина, каралась как вид кражи. Где леса и вообще свободные от пашни пространства находились в общинном владении, там право охоты в них принадлежало каждому члену общины. Со времени Карла Великого право королей и владетельных лиц охотиться в так назыв. заповедных лесах распространяется и на леса, никому не принадлежащие, а затем и на общинные леса. Свои права на охоту короли передавали также представителям высшего дворянства и духовенства. Впоследствии (к XV в.) не только общинники, но и частные собственники не из дворян теряют право охоты в собственных их владениях и низшие сословия лишаются права даже ограждать свои участки заборами от потрав диких зверей. Уличенные в недозволенной охоте крестьяне подвергались смертной казни.

Средневековые законодатели находили, однако, возможным официально мотивировать запрещение охоты крестьянам соображениями о собственной их пользе. Так, в одном эльзасском ордоннансе в оправдание такого запрещения приводится, что крестьяне недостаточно осторожно обращаются с огнестрельным оружием и что охота отвлекает их от забот о хозяйстве. В XVI веке право охоты превращается в регалию. В защиту притязаний королей и владетельных князей выступают юристы; из римского учения о принадлежности фиску выморочных имуществ (bona vacantia), они делают более чем смелый вывод о принадлежности фиску бесхозяйных предметов, а, следовательно, и диких зверей. Дворянам, а в некоторых местах и горожанам, удается, однако, сохранить за собой право на „среднюю“ и „низшую“ охоту; „высшая“ охота (кабаны, лоси и пр.) становится окончательно предметом регалии. Громадный ущерб, причинявшийся крестьянам потравами охотничьих команд (иногда в несколько тысяч человек) и диких зверей, тяжкие повинности (корм для собак и лошадей и пр.), жестокие наказания за самовольную охоту — все это сделало охоту в глазах народа ненавистнейшей привилегией господ. Поэтому одним из первых требований на Западе было уничтожение охотничьей регалии. Так было во Франции в 1789 г., в Германии и в Австрии в 1848 г. Вместе с отме-

ной регалии устанавливалось исключительное право собственника на охоту в пределах принадлежащего ему имения. Действующее законодательство сохраняет этот принцип и допускает некоторые ограничения лишь в интересах общего блага. Первым по времени является французский закон 3 мая 1844 г., несколько измененный правилами 22 января 1874 г. Охота считается дозволенной при соблюдении следующих условий: 1) разрешение подлежащих властей, 2) производство охоты открыто, 3) дозволенными способами и 4) согласие владельца имения, если охота производится в чужих владениях. Правилами 1874 г. дозволяется лишь охота огнестрельным оружием, облавой и с собаками; только для ловли кроликов допускается употребление петлей и силков. В государственных и принадлежащих коммунам лесах охота вовсе запрещена. Префекты назначают сроки для начала и закрытия охоты; они же выдают разрешения на охоту. Закон ограничивается запрещением выдавать разрешения малолетним (до 16 л.), несовершеннолетним (от 16 до 21 г.), если за последних не просят их родители или опекуны, и отданным в опеку. Лицам, осужденным за бродяжничество, нищенство, кражи, за злоупотребление доверием, за сопротивление или насилие против должностных лиц, за истребление или порчу деревьев или растений, потравы и т. п., префекты имеют право отказывать в разрешении на охоту, но лишь втечении определенного срока (не более 5 лет) после отбытия ими наказания. Охота без разрешения администрации наказывается штрафом от 16 до 50 фр.; штраф может быть повышен до 200 фр., если охота совершается в недозволенное время; при обстоятельствах, усиливающих вину, назначается арест от 6 дней до 2 мес. Охота на чужой земле, без разрешения хозяина, карается гораздо строже; за охоту в чужом огороженном пространстве наказание, при наличности усиливающих вину обстоятельств, может быть повышено до 2 лет тюремного заключения.

В **Бельгии** право охоты первоначально было установлено по образцу французского закона 1844 г. Закон 28 февраля 1862 г. увеличил число ограничений охоты и повысил взыскания за охотничьи проступки. Правительство ежегодно определяет сроки открытия и закрытия охоты, но собственник может во всякое время истреблять диких млекопитающих, приносящих вред его имению, урожаю и ему самому. Спустя три дня после закрытия охоты воспрещается продажа, покупка и перевозка дичи.

В **Германии** не имелось общеимперского законодательства об охоте, но во всех немецких государствах в основание права охоты положено требование определенного поземельного ценза.

В **Пруссии** на основании закона 7 марта 1850 г. за самовольную охоту назначался штраф до 300 марок или тюремное заключение до 3 месяцев; штраф мог быть повышен до 600 марок, когда дичь

добыта не огнестрельным оружием или собаками, а петлями, тенетами, ловушками и другими снарядами, или когда проступок совершен в запрещенное для охоты время, или в лесах ночью, или в сообществе многих лиц. За самовольную охоту в виде промысла полагается тюремное заключение на срок не менее 3 месяцев, с лишением, в некоторых случаях, почетных гражданских прав и с подчинением полицейскому надзору. Сверх указанных наказаний, у виновных отбираются ружья, охотничьи принадлежности, собаки и другие орудия ловли, не разбирая принадлежат ли все эти предметы виновному или нет. За самовольный проход по охотничьему участку не по дороге, хотя бы и не производя охоты, но с охотничьими принадлежностями, назначается денежное взыскание до 60 мар. или заключение до 14 дней. Охота может быть воспрещаема по воскресным дням и устанавливаемым местною властью праздникам.

В **Австрии** охота нормировалась законом 7 марта 1849 г., прекратившим существовавшее до того времени право охоты на землях чужого владения. Всякому собственнику разрешалась охота в пределах его имения только тогда, когда он владел землею не менее 115 гектаров[1]), состоящих в одной окружной меже. Отличительная особенность австрийского законодательства заключалась в том, что овладение дичью рассматривалось как кража.

В **Англии** право охоты, в принципе, составляет прерогативу королевской власти и ею только уступается владельцам земли на основании специальных разрешений (licence), выдаваемых мировыми судьями. В действительности право охоты в Англии принадлежит 239 тысячам семейств[2]). В числе способов охоты разрешается употребление ловушек и сетей на некоторые роды дичи; наиболее уважаемая в Англии парфорсная охота на лисиц находится под особым покровительством закона. Всякая охота воспрещается по воскресеньям и в день Рождества. На основании закона (Poaching prevention act) констебли могут, даже на большой дороге, останавливать и обыскивать лиц, заподозреваемых в самовольной охоте; равным образом, они могут останавливать и обыскивать всякий экипаж при наличности подозрения, что в нем спрятаны дичь, оружие или ловушки. За более важные охотничьи преступления, сопряженные с насилием, полагается штраф до 50 ф. с., или тюремное заключение до 6 месяцев, или каторжные работы (penal servitude) от 3 до 16 лет. Несмотря на суровые наказания, охотничьи правонарушения в Англии очень многочисленны.

---

1) Один гектар = 0,915 десятины.

2) Это касается крупной и более ценной дичи. Кроликов, уток, бекасов, куликов, могут стрелять не только мелкие землевладельцы, но и фермеры (арендаторы) без особого разрешения владельца земли.

В Зап. Европе охота за последнее время сделалась предметом международного регулирования, в видах сохранения дичи, которая, постоянно переменяя свое пребывание может быть беспощадно истребляема в соседнем государстве в то время, когда в другом государстве в этот срок дикие полезные животные и птицы находят охрану. Конвенции об охоте заключили Франция, германские государства, Австрия, Бельгия, Италия и Швейцария.

История русского охотничьего права и законов об охоте. В общем строе древне-русской жизни охота имела весьма существенное экономическое значение. Для князей охота была главнейшей статьей дохода, для народа и частных лиц источником, откуда черпались средства для удовлетворения жизненных потребностей и нужд и для исполнения повинностей, налагаемых государством. Таким образом, в области охоты встречались, соприкасались и сталкивались интересы князей и народа и уже в раннюю пору чувствовалась нужда упорядочить возникавшие отсюда взаимные отношения, уравновесить и урегулировать по отношению к охоте права князей и народа, а также и целых учреждений, например монастырей.

В Европейских государствах право охоты очень рано становится повсюду исключительным правом государства; охота делается государственной регалией или ради общегосударственных фискальных интересов, или ради частных интересов государей и правителей. На Руси, с самых древних времен охота была свободным промыслом, доступным для всех, независимо от того, к какому классу населения принадлежал охотник, хотя необходимо заметить, что князья пользовались по отношению к охоте особыми правами и преимуществами.

В границах своего земельного владения, захваченного ли, пожалованного ли, или купленного, каждый свободно пользовался всеми естественными выгодами и преимуществами своего участка: ловлями звериными и птичьими, бортовым (пчеловодным) промыслом и рыбною ловлей. Таков был общий принцип, на основании которого устанавливались права и отношения в области охоты в древней Руси.

Права и преимущества князей в области охоты вытекали из их поземельных прав и отчасти из их исключительно высокого положения. С того времени, как князья с оружием в руках подчиняют своей власти различные славянские племена, они начинают считать себя собственниками земли, которою владели эти племена, а потому древне-русские князья, не лишая народ и частных лиц права производить охоту, сами лично свободно производили охоту по всей территории, когда занимались охотою ради утехи. Признавая себя собственниками всей русской земли, древне-русские князья считали себя вправе устанавливать так называемый „ловчий налог“. Но если по мнению древне-русских князей действительно

им принадлежали верховные права на всю территорию, то понятно, что они считали себя вправе отводить в свое пользование лучшие, наиболее выгодные для охоты места по всей территории русского государства и летописи не оставляют никакого сомнения, что лучшие охотничьи угодья князья отводили в свое личное пользование, а менее выгодные угодья уступали народу из оброка и дани.

Благодаря такой политике древне-русских князей, они с самых древних времен по всей территории имели свои охотничьи угодья, доставлявшие им громадный доход. Общее название княжеских охотничьих угодий „ловища“; ловища разделялись на птичьи и звериные; птичьи иначе назывались „перевесищами“ по основному способу ловли птиц перевесами; в западной Руси, где водилось бесчисленное множество бобров, такие охотничьи угодья назывались „бобровыми гонами“ и „зеремянами“, при чем последним словом обозначались места поселения, или колонии бобров.

Здесь нам необходимо отметить некоторые особенности в способах пользования и управления княжескими охотничьими угодьями. „Ловчий путь“, обозначавший собой все княжеские охотничьи угодья, разбросанные в том или другом уделе (напр. „Московский путь“), делился на станы. В каждом стане заключалось несколько деревень и починков, находившихся в заведывании особого ловчего. Князья Московской Руси поселяли на таких местах разный промысловый люд, носивший в древности общее название „делюев“ деловых людей, а по своей специальности распадавшийся на ловчих, сокольников, псарей, бобровников, ловцов оленьих, тетеревников, ловцов заячьих, лебединых и гоголиных. Вместе с коренными жителями сел, где были охотничьи угодья, они составляли промышленные поселения, подчиненные дворцовому ведомству, но составлявшие личную собственность князей, так как в древней Руси не существовало различия между имуществами государственными и государевыми. Промысловые охотники, поселенные на княжеских угодьях, пользовались княжескими землями и лесами из оброка; они обязаны были заниматься ловлей зверей для князя и поставлять их в дворцовое ведомство. Они причислялись к вольным слугам, и удельные князья не имели права принимать их к себе на службу.

Звериная ловля на угодьях княжеских производилась ими под надзором и руководством ловчего, заведывавшего известным станом. Городские и сельские люди, жившие в пределах такого стана, несли особого рода повинности по отношению к княжеским охотничьим промыслам и лицам, их производившим, но, в соответствии с этим, они пользовались также и особыми правами и преимуществами, сравнительно с простыми „черными людьми“. Каждый стан, т. е. группа дворцовых промысловых поселений, представлял из себя отдельную и самостоятельную административную единицу,

изъятую из ведения общих судебных и административных учреждений, и свободную от обыкновенных повинностей и податей, взамен которых на нее возлагалась специальная служба княжескому охотничьему промыслу. В то время, как „черные земли“ — обыкновенные села и деревни в делах суда и управления подчинялись наместникам и волостелям, дворцовые поселения при охотничьих угодьях, напротив, ведались уже не волостелем, но ловчим, который заведывал станом.

Народ не менее князей дорожил своими угодьями, ревниво оберегал и упорно отстаивал свои исконные права на них; но вследствие обширности государственной территории подобное упорное отстаивание своей земельной собственности не было общим явлением. Так Новгородцы, благодаря особенностям государственного устройства их области, прямо договаривались со своими князьями относительно мест и сроков княжеской охоты на их землях. В 1265 г. Новгородцы заключили договор с князем Ярославом Ярославовичем „по старине“, как было при его дедах и отце, и по этому договору Ярослав обязывался охотиться за кабанами не ближе 60 верст от города; летом ему предоставлялось охотиться за зверями на Озвадо (Звад?) (на восточном берегу Ильменя); но не в Руссе; в Руссу же он мог отправляться на охоту через две зимы на третью, а в Ладогу и Княжее (Княгинин), на третье лето. Но Ярослав договор этот скоро нарушил. Он завел большую соколиную и псовую охоту и, забыв о договоре, беспечно гонялся за зайцами по полям, ему не предоставленным, и бил уток и гоголей по Волхову и иным водам и Новгородцы были возмущены подобным нарушением договора. В других областях подобных договоров с князьями народу учинять не приходилось; поэтому там князья всегда сохраняли за собой право, как охотиться на землях крестьян, так равно и брать для своих охот нужное количество облавщиков из деревень. Во время татарского ига такими же правами пользовались ханские охотники: они производили охоту по всем лесам и полям, водили с собой крестьян на облавы, брали у них годные охотничья орудия, а иногда отнимали и самый улов охотников-крестьян.

В древней Руси громадное количество охотничьих угодий принадлежало монастырям. Русские князья любили жаловать монастырям села и деревни со всеми их угодьями, лесами и пашнями, звериными, птичьими и рыбными ловлями и „бортевыми ухожьями“. Под охраной княжеских жалованных грамот монастыри вели крупное сельское хозяйство и в широких размерах производили промысловую охоту при помощи крестьян своих сел и деревень. Монастырские охотничьи угодья были недоступны для сторонних людей, и княжеские ловчие также не имели права охотиться в них; последняя привилегия сохранилась за монастырями даже во время

татарского владычества. Когда владельческие права монастырей нарушались лицами местной администрации, монастыри искали защиты и суда у самих князей, а при нарушениях со стороны частных лиц получали иногда от князей помощь в виде посылки к ним ратных людей для поимки и наказания самовольных охотников. Вообще нужно сказать, что монастыри энергично отстаивали свои владельческие права всякий раз, как только им угрожал произвольный захват. В XVI в. (в 1516 г.) Киевский Пустынский Николаевский монастырь вел у Киевского воеводы любопытную тяжбу с Софийским митрополичьим наместником, Васько Панковичем, из за одного „бобрового зеремени“. Основываясь на „людских речах и поведаньях“ Панкович утверждал, что пустынские старцы самовольно, „не обсылаючись“ с ним, спорное „зеремя погонили и бобры побили“ и не хотят дать для митрополита половину улова, так как-де это зеремя находится, по местоположению, в обоюдном владении монастыря и митрополита. Но старцы предъявили воеводе жалованные грамоты „господарские листы“ королей Александра и Сигизмунда II, выставили надежных свидетелей „панов почестных“, и дело было решено воеводой в их пользу.

Были охотничьи угодья и у частных лиц в древней Руси. Частные лица владели ими на праве полной собственности. Нечего и говорить, что у удельных князей были прекрасные охотничьи угодья, и заведены были собственные охоты. Бояре и служилые люди приобретали угодья путем княжеских пожалований, или посредством покупки у других лиц. На собственных угодьях бояре вели не только промысловую, но и любительскую охоту, для которой имели при себе собственный штат охотников. При черезполосности боярских охотничьих угодий с великокняжескими, обоюдное пользование угодьями регулировалось особыми частными договорами бояр с князем. Наконец, собственные охотничьи угодья и свои охоты были и у крестьян собственников, называвшихся в древней Руси „своеземцами“.

Итак, мы видим, что в древней Руси охота составляла важнейший промысел, в котором одинаково были заинтересованы все слои населения. Естественно, что с самых ранних времен она должна была стоять под особой охраной и покровительством закона. Наш первый законодательный сборник „Русская Правда“, издание которого относится ко времени Ярослава Мудрого, уже предусматривает нарушения прав частной собственности в области охоты в виде намеренной порчи охотничьих орудий и воровства ловчих птиц, собак и самой добычи и определяет материальную ответственность виновных в этом следующим образом: 1) За намеренную порчу чужого перевеса виновный платил 3 гривны кун (21 р.) штрафа князю и одну гривну в удовлетворение потерпевшего; 2) За воровство ястреба, сокола, пса, а также за похищение улова

из чужого перевеса 3 гр. штрафа и гривну владельцу; 3) За воровство голубя и куропатки по 9 кун (2 р. 52 коп.), а гуся, утки, лебедя и журавля по 30 кун (8 р. 40 коп.); 4) За воровство племенного бобра из норы 12 гр. (84 р.) штрафу; и если в чьем либо владении будет изрыта земля, найдутся сети и другие признаки воровской ловли, то община той местности должна розыскать виновного или уплатить штраф в размере 12 гр.

...В других изданных после „Русской Правды", законодательных памятниках рассматриваемого нами периода мы не встречаем статей, касающихся охоты. Лишь в польских законах конца XVI века в отношении охоты слышен поздний отголосок „Русской Правды" в следующем узаконении: „если кто на охоте пойманного или гонимого чужими собаками кабана, оленя или лося присвоит себе, или стащит чужую собаку, тот должен заплатить противнику 3 гр. штрафа и стоимость собаки, кроме того 3 гр. судье".

Условия охоты как царской, так и народной, в XVII веке были менее благоприятны, чем в века ему предшествовавшие. Благодаря заселению девственных пространств, истреблению лесов, постоянным охотам, количество зверей постепенно уменьшалось и Россия с XVII века не могла уже похвалиться тем разнообразием пород зверей и дичи, каким славилась древняя Русь. Некоторые породы зверей совсем перевелись и исчезли. К этому времени соболь окончательно исчез из России и добывался только за Уральским хребтом; бобровые гоны еще существовали по местам, но их к XVII веку уцелело очень немного и они были поставлены под особое покровительство законов; во-первых, строго запрещалась хищническая охота на бобров при помощи капканов, при чем капканы конфисковались, а ослушники и кузнецы, починявшие старые капканы или делавшие новые, наказывались „доправкой" (штрафом) и были биты кнутом; при троекратном нарушении закона их били кнутом „нещадно" и сажали в тюрьму, донося о них самому царю; во-вторых запрещалось кому бы то ни было отгонять бобров от мест, где объявятся бобровые гоны, и в таких случаях владелец земли, на которой объявились они, мог искать судом с виновных денежное удовлетворение за отпуганных, похищенных или побитых бобров „по указной цене"; но если бы бобры сами перешли на землю другого владельца, то он считался их собственником, а прежнему владельцу „до того нового бобрового гнезда дела нет". В XVII веке бобровые гоны лишь изредка встречались в северо-западных, белорусских областях, в большом количестве имелись на восточной границе, но в срединной полосе совсем не попадались, и одна только Сибирь была еще очень богата бобрами всяких сортов.

Охотничьих зверей и пернатой дичи было еще очень много, но в промысловых зверях, дорогих пушных, уже чувствовался

в самой России большой недостаток. В XVII веке промысловая охота в недрах России пришла в упадок, царские „ловчие пути“ потеряли свое значение, и центром промысловой охоты и главным источником, откуда шли дорогие меха в царскую меховую казну, становится с этого времени Сибирь.

Инородческие племена, населявшие Сибирь и смежные с нею северо-восточные области России, были обложены в XVII веке особою данью, которая называлась ясаком и заключалась в ежегодной доставке в царскую казну мехов пушных зверей в определенном количестве.

Сбором ясака и всеми делами, касающимися его, ведали приказы Сибирский и Казанского Дворца. Для оценки и приема ясака при приказе состояла особая комиссия, в составе „головы“ (т. е. председателя) и нескольких „товарищей“ (т. е. членов), называвшихся „целовальниками и сторожами“. Все эти лица избирались ежегодно торговыми людьми из своей среды и приносили присягу — „за верою и крестным целованием“, что они не будут красть царской казны, менять свои худые меха на хорошие из царской казны, а оценку ясачных мехов будут производить по совести, без корысти и лицеприятия, ставя цену всяким зверям по прямой Московской цене не многим дешевле рыночной.

В половине XVII века предписывалось Якутскому воеводе принять все меры к защите якутов от своеволия и притеснений мехопромышленников. Последние, с самого первозимья и до весны, своевольно ловили на землях якутов соболей самыми хищническими способами: кулемниками (т. е. западнями) и капканами, считая уже невыгодным охотиться на соболей „обметом“ и с собаками.

Помимо вынужденных, в видах своей же пользы, актов в защиту сибирских инородцев от притеснений, можно отметить, что в Уложении Алексея Михаиловича (1649 г.) содержится несколько карательных постановлений за охотничьи правонарушения, чрезвычайно строгих („бить батоги нещадно“ и т. п.). Интересен также факт принудительного, почти военного отчуждения по царскому приказу (Михаила Федоровича) живого охотничьего инвентаря — собак борзых, гончих, меделянок, и медведей для восстановления разрушенной в смутное время царской охоты. Приказ этот, подкрепляемый присутствием стрельцов, пушкарей и др. одинаково распространялся на села дворцовые и княжеские, боярские, дворянские и „всяких людей“ поместья, на волости царской матери, на вотчины патриаршие, монастырские и пр. Подобная же конфискация „охоты птичьей и псовой и с охотниками“ была произведена в меньшем размере в 1741 г. При Петре I в 1701 и 1703 гг. были изданы указы о воспрещении частным лицам охоты в окрестностях Москвы, что подтверждало воспрещение, изданное

в первый раз при Алексее Михайловиче и отличалось только строгостью. Так, за недозволенную охоту в Измайлове с „высших чинов“ взыскивалось по 100 рублей за всякого их человека, уличенного в браконьерстве; „нижних же чинов“ людям грозило „наказание жестокое безо всякой пощады“ и „ссылка в Азов с женами и детьми на вечное житье“.

Начало воспрещения охоты под „Санкт-Питербурхом“ было положено указом 1714 года, которым воспрещалось стрелять или бить лосей во всей Петербургской губернии, под опасением „большого штрафа и жестокого наказания“; желающим при этом предлагалось ловить лосей живыми и через комендантов направлять их в Петербургскую канцелярию, которая за каждого живого лося должна была выдавать по 5 рублей.

Рядом последующих указов (1727 г. 1732 г. 1735 г.) право охоты в окрестностях Петербурга, Царского Села и Петергофа все более и более ограничивалось, а в январе 1737 года сенат, одновременно с распоряжением о разведении (выпуске) зайцев под Петербургом, строго воспретил стрелять, ловить и травить зайцев в окрестностях Петербурга и Петергофа на 100 верст кругом. Тогда же запрещено было „партикулярным людям“ стрелять и ловить серых куропаток на расстоянии 200 верст от Петербурга, а всех других птиц в 100 верстах от столицы. Оберегермейстер Волынский, однако, в мае месяце того же 1737 г. заметил, что „не взирая на оное запрещение, партикулярные люди и ныне, всяких родов птиц не только в дальних местах, но и около самого Петербурга стреляют и ловят сетками и силками, битых птиц продают в Петербурге на рынке, а некоторые тем отговариваются, что будто публикации о нестрелянии и неловлении птиц не слыхали“. В виду этого, Волынский просил сенат вновь опубликовать с барабанным боем указ о запрещении птичьей охоты, под жестоким штрафом, в Петербургском и Дерптском дистриктах (уездах) и в Ингерманландии. Теперь, однако, речь шла уже не о безусловном воспрещении птичьей охоты частным лицам, а о воспрещении ее лишь на летние месяцы: май, июнь и июль. Волынский в этом случае следовал примеру „Европы“, как выразился он в своем докладе сенату: „понеже с маия месяца птицы сидят на гнездах и выводят дитей, а для того обыкновенно во всех в Европе христианских государствах все охоты и ловли, и стрельба, наипаче о птицах, кроме птоядных хищных (едящих птах, пташек) и вредительных, маия с 1 по август месяц запрещается; ибо, когда из старых одна птица из гнезда убита или поймана будет, тогда уже и приплод того гнезда бесполезно весь пропадет“. „В С.-Петербурге ежели кто из тех запрещенных птиц в законные месяцы, в мае, июне и июле, продавать будут, оных повелено было от Полицмейстерской Канцелярии сотским и десятским ловить в Полиц-

мейстерскую Канцелярию для учинения штрафа, каков от Правительствующего Сената каким людям определиться".

Здесь мы встречаемся с интересной попыткой регулировать охоту путем надзора за торговлею дичью. Одновременно с этим, по представлению Волынского, в мае 1737 года воспрещена была ловля зайцев „пустокличью, тенетами" около Петербурга, а также в Московской и Новгородской губерниях.

Наконец, в том же 1737 году, столь богатом указами по части сохранения дичи разного рода, строго воспрещено было в Петербургской и Новгородской губерниях ловить и стрелять лосей. Вслед затем охота на лосей воспрещена была по всей империи.

Через три года, в 1740 году вновь издан был ряд указов о воспрещении охоты частным лицам: все прежние строгие предписания оказались не действительными, как это признано было в именном указе 28 июня 1740 г. „хотя напред сего неоднократными указами публиковано, чтоб в Ингерманландии зверей и птиц партикулярные люди не ловили и не стреляли, но потому не исполняется; и не только в Ингерманландии, но и в ближайших местах к Санкт-Петербургу и около Петергофа всегда лосей и зайцев и птиц ловят и стреляют, особливо и выпущенные по нашему указу нарочно около Петергофа и Красного Села куропатки перестреляны". Оставалось одно средство, чтобы уберечь дичь, усилить наказание за браконьерство. Решено было крестьян, уличенных в недозволенной охоте на 30 верст от Петербурга, Петергофа и Красного Села, ссылать „в каторжную работу без всякого милосердия". Помещичьи приказчики должны были наблюдать, чтобы крестьяне не занимались охотой и „за несмотрение" им грозил „жестокий штраф".

Указы о воспрещении охоты, изданные при Анне Иоанновне (рассмотренные нами выше), были подтверждены в первый же месяц по вступлении на престол Елисаветы Петровны. 1 декабря 1741 г., „в возобновление прежде выданных указов", велено было объявить о запрещении охоты под Петербургом, и 19 декабря — под Москвою на 100 верст кругом. Через год, указом 11 декабря 1742 г. запретный для охоты район под Москвою был уменьшен со 100 верст до 50 и при этом вновь было объявлено с барабанным боем строгое воспрещение: — около Москвы во все стороны, расстоянием на 50 верст со псовою охотою и тенетами никому не ездить и как зверей, так и птиц не травить, и не ловить, и не стрелять, и никакими вымыслы не ловить же[1]). Охота на зайцев впоследствии, в 1752 г., воспрещена была также, в провинциях Пе-

[1]) Кроме этих указов, в царствование Елизаветы Петровны издан был еще в 1749 г. указ о воспрещении охоты в окрестностях сел Красного и Царского, на 30 верст. Запретный район в окрестностях Москвы был значительно уменьшен, тотчас же по вступлении на престол Екатерины II, — до 15 верст (указ 12 июля 1763 г.).

реяславской, Юрьево-Польской и Суздальской и в Шуйском уезде тогдашней Московской губернии, т. е. в нынешней Владимирской губернии, с прилегающими к ней частями губерний Ярославской и Костромской. Капралам и ефрейторам московского драгунского „шквадрона“ вменено было в обязанность преследовать браконьеров. Драгуны объезжали окрестности Москвы и очень часто ловили и приводили в московскую егермейстерскую канцелярию охотников с ружьями, собаками и лошадьми, на суд и расправу. Но драгунские караулы оказывались недостаточными и не пресекали браконьерства. Время от времени обнаруживалось, что не токмо в запретительных местах (на 50 верст), но и в самой близости Москвы, а именно в Перовских Строгановских рощах и около села Коломенского и в прочих тому подобных местах, „не страшась Ея Императорского Величества указов, некоторые презрители, как со псовою охотою ездят, так и птиц всячески ловят и стреляют“.

Капралы и ефрейторы драгунского „шквадрона“ часто задерживали крестьян, ловивших зайцев тенетами, или стрелявших уток на пруду. Крестьяне обыкновенно оправдывались неведением указа; „на страх другим“ их нещадно били плетьми или батожьем.

Борьба с браконьерством в запретных местах под Москвою и Петербургом продолжается в царствование Екатерины Великой. Обер-егермейстер С. К. Нарышкин, много сделавший, для упорядочения всех сторон вверенного ему управления, пытался поставить на новых основаниях охрану запретных районов. „В чужих государствах, как известно“ — писал он во всеподданнейшем докладе 1769 г. — „около городов все поля и леса наполнены разных родов дичью, а здесь, напротив того, что ближе к столице, то дичи меньше“; обыватели истребляют дичь и „чинят то похищение, не взирая на строгие и строжайшие воспрещения. Для „пресечения такого зла“ Нарышкин предлагал всех тех, кто будет пойман „в произвождении охоты борзыми собаками, фузеями и какими бы ни было орудиями в запретительных местах“: около Петербурга, Петергофа, сел Красного и Царского и Кипенской мызы, — неимущих сдавать в солдаты, в наказание „за такое самовольство“, а с зажиточных брать рекрутов; „ибо в немецких странах и вяще сего наказываются таковые преступники, яко то каторгою и прочим“. Вместе с этим обер-егермейстер предлагал установить продажу билетов на право охоты в запретных местах, взимая 40 рублей „за каждую фузею с одною ляговою“, как и за каждую свору борзых. Деньги, выручаемые от продажи билетов, Нарышкин предлагал употребить на разведение зайцев и серых куропаток в окрестностях Петербурга и на постройку „жилищ для заставных объезжателей, по подобию чужестранных“ (стороже-

вых будок). Доклад Нарышкина был утвержден в мае 1769 г. надписью императрицы: „быть по сему". Плата за билеты на право охоты (40 рублей) оказалось слишком высокой; несмотря на частые публикации в газетах о продаже билетов в обер-егермейстерской канцелярии, лиц, желающих покупать их, не нашлось; поэтому преемник Нарышкина, кн. П. А. Голицын понизил в 1779 г. плату за билеты до 10 рублей.

Заботясь об охранении дичи в запретных местах, Нарышкин счел необходимым принять меры для охранения дичи вообще, по всей России, от чрезмерного истребления ее как охотниками-любителями так, и в особенности, охотниками-промышленниками. В этом деле он последовал примеру обер-егермейстера А. П. Волынского, по инициативе которого издан был в 1737 г., как мы говорили, указ о воспрещении охоты в Петербургской губернии на летние месяцы. Эта мера, по докладу Нарышкина, была распространена на все государство. 17 июля 1763 г. объявлено было во всенародное известие: марта с 1-го числа до Петрова дня (29 июня), никому и нигде во всем государстве зверей и птиц (кроме хищных, из зверей — медведей, волков и лисиц, а из птиц — коршунов, ястребов, ворон, галок, воробьев и других тому подобных) как тенетами, цевками, петлями, кляпцами и никакими тому подобными инструментами и ямами не ловить, так и с собаками не ездить и не стрелять" [1]). Исполнение этого указа „во всем государстве" во всех, столь различных по климатическим условиям местностях империи, оказалось невозможным; указ оказался совершенно нецелесообразным для Сибири и для Архангельского края. Обер-егермейстер упустил из виду, что „многие сибирские народы", как поспешил указать сибирский губернатор, „не имеют иного пропитания, как только весенним временем налетевших в бессчисленном множестве всяких птиц и по заливным островам зверей бьют и тем на целый год пропитание себе заготовляют". Архангельские власти также указывали, что большая часть местных жителей „хлеба не сеют, а питаются промыслами" — охотой на птиц и зверей в весеннее время. В виду этого указами 1764 и 1765 г. г. жителям Сибири и крайнего севера России разрешено было попрежнему производить ловлю и стреляние птиц и зверей в удобное для них время, в течение круглого года, невозбранно.

Через 10 лет после издания первого закона о времени охоты Екатерина II вновь подтверждает его полностью в „Инструкции

---

[1]) В царствование Екатерины обер-егермейстерское ведомство заботилось также об охранении лосей; 9 марта 1773 г. объявлено было высочайшее повеление: „лосей нигде, ни в какое время и никому отнюдь не стрелять, ничем не убивать и не ловить".

сотскому со товарищи", которая оканчивается указанием „около Москвы в 15 верстах, никогда стрелять и ловить не допускать, також и в прочих отдаленных местах в чужих дачах, без позволения хозяев к тому же зверей и птиц не ловить и не стрелять" (1774 года 19 декабря).

Через пол столетия после этого подтверждения, закон о воспрещении ловить и стрелять не хищных зверей и птиц, с 1 марта по Петров день, вновь был подтвержден в той же редакции (1827 год).

В 1837 году, 3 июня, опять затрагивается вопрос о времени охоты, хотя и косвенно, по поводу обязанностей чинов и служителей земской полиции, и опять подтверждается та же редакция закона о времени охоты. „Становой пристав", — говорится в „Высочайше утвержденном Наказе чинам и служителям земской полиции", „лично и посредством подчиненных ему служителей земской полиции, тщательно наблюдает, что бы во вверенном ему стане вообще не было чинимо и доспукаемо действий и поступков запрещенных полицейским уставом, как то: звериной охоты, ловли и стреляния птиц во время, когда сие запрещено".

В 1839 г., закон о времени охоты вновь затрагивается по вопросу о правонарушениях государственных крестьян и устанавливается, что государственные крестьяне, кои в запрещенное время (запрещенное время остается в той же неизменной редакции) будут стрелять и ловить зверей и птиц, предаются уголовному суду.

Таким образом, это общее положение о времени охоты (с 1 марта по Петров день) не оставалось как бы забытым и заброшенным: каждое последующее царствование, начиная с Екатерины II, к нему возвращаются, и его подтверждают, о нем напоминают; из него делают изъятия, для некоторых местностей, и только не решаются видоизменить определенные в нем сроки, другими словами, не решаются свести его с высоты общего положения для всей Европейской России.

Первая попытка кодификации разрозненных правил, касающихся охоты, относится к началу 1858 г., когда Министерством Внутренних Дел был составлен проект закона об охоте, не получивший однако движения. Затем, начиная с 1867 г. и по 1875 г., последовал целый ряд подготовительных законодательных работ по составлению и рассмотрению проекта закона об охоте, доходивших до Общего Собрания Государственного Совета, но также не получивших осуществления в виду встреченных для обсуждения проекта затруднений и необходимости подробного выяснения вопросов, главным образом, об установлении особого земельного ценза для права охоты и особых билетов на производство охоты. Работы по составлению рассматриваемого законопроекта об охоте были возобновлены лишь в 1887 г. по Министерству Государствен-

ных Имуществ, представившему в 1891 г. в Государственный Совет проект закона об охоте; проект этот по рассмотрении его предварительно в „учрежденном по высочайшему повелению особом присутствии“, был внесен на рассмотрение Общего Собрания Государственного Совета, которое в заседании 23 декабря 1891 года и выработало правила, утвержденные 3 февраля 1892 г. и вступившие в действие с 1 марта 1892 г. Правила эти, измененные и дополненные отчасти позднейшими узаконениями, вошли в устав сельского хозяйства. Св. зак., т. XII, ч. 2, составив ст. ст. 321—485 сего устава.

Эти „Правила“ явились первым настоящим, полным и охватывающим почти все стороны охотничьего дела, законом и действовали они вплоть до самой революции, т. е. в продолжении 25 лет. Рассмотрим поэтому их более подробно.

Правила 3 февраля 1892 года обнимали все роды охоты и распространялись на все губернии, управляемые по общему губернскому учреждению, на губернии Лифляндскую и Эстляндскую, на область Войска Донского и на Кавказский край. Охота никаким поземельным цензом не ограничивается. Право пользования охотой, признанное принадлежностью земли, предоставлялось: а) в частных имениях — владельцам, в пределах их имений, и другим лицам, получившим от них письменное на то дозволение; б) на землях сельских обществ — сельскому обществу, выдававшему как отдельным крестьянам, так и посторонним лицам приговоры на пользование на этих землях охотой; в) на городских землях — лицам, имеющим на то разрешение от подлежащих городских управлений, и г) в дачах ведомства государственных имуществ — как частным лицам, так и лесным чинам на основании особых правил. Право охоты было обложено трехрублевым налогом в год. Уплатившему этот налог выдавалось полицией на один год именное охотничье свидетельство, подлежащее предъявлению по требованию лиц, наблюдающих за исполнением правил об охоте. Лицам, не достигшим 17-летнего возраста, свидетельства выдавались не иначе, как по просьбе их родителей, опекунов или попечителей; лицам, состоящим под надзором полиции и осужденным за нарушение охотничьих правил, а равно за повреждение или похищение чужого леса, до исполнения состоявшихся над ними судебных приговоров, охотничьи свидетельства вовсе не выдаются. Чинам лесного ведомства и казенной лесной страже, лесничим, лесным и охотничьим сторожам частных владельцев и охотничьих обществ, а также охотничьей прислуге, по заявлениям хозяев, охотничьи свидетельства выдавались бесплатно.

Постановления о производстве охоты по охотничьим свидетельствам не распространялись на губернии: Архангельскую,

Вологодскую, Олонецкую, Пермскую, Вятскую, Костромскую и Черноморскую, на некоторые уезды губ. Казанской, Новгородской, Псковской, Оренбургской и Уфимской, нагорную часть Кубанской области, лесогорную полосу Терской области, Лечгумский у. и Сухумский и Артвинский окр. Кутаисской губ., а также на о-ва Руно и Кюно Лифляндской губ. Обязанность иметь охотничьи свидетельства не распространялась и на лиц, принимающих участие в охоте по распоряжению полицейских властей, для истребления хищных зверей, а также на загонщиков при облаве.

Все животные разделены законом на хищных и нехищных. Производство охоты на нехищных животных воспрещалось: в определенные законом, отдельные для разных пород (и полов), времена года. Определенные для охоты сроки не распространялись на владельцев огороженных парков и зверинцев, в которых охота на всякого рода зверей дозволялась в течение всего года, а также на крестьян Архангельской губ. и всей северо-восточной части Вологодской губ., вогулов Пермской губернии и бывших казенных поселян Верхотурского округа, той же губернии и у. Глазовского, Орловского и Слободского Вятской г. Так как истребительные способы добывания дичи довели уже наши северные окраины до такого грустного положения, что охотничий промысел, по официальным сведениям, местами стал давать не больше $^1/_3$ части прежнего заработка, при чем около половины пойманной птицы пропадала совсем непроизводительно, делаясь добычею разного рода хищников, то было воспрещено повсеместно, в течение всего года, ловить какими бы то ни было способами глухарей, тетеревей, рябчиков, куропаток, турачей, фазанов и диких коз, а также разорять гнезда или вынимать из них яйца и птенцов всех пород птиц, кроме хищных.

Для распродажи, перевозки и покупки дичи установлен крайний десятидневный срок по окончании периода охоты; но так как в городах торговля дичью, заготовленною в зимнее время, производится из складов, где она, в замороженном виде, может сохраняться весьма продолжительное время, то, не ограничивая такой торговли, закон признал лишь необходимым подчинить ее особому надзору. Запрещение перевозить дичь в недозволенное для охоты время не распространялось на перевозку живой дичи для ее разведения. К хищным зверям, по закону, причислены: медведь, волк, лисица, шакал, барсук, песец, хорек, ласка, выдра, норка, горностай, куница, россомаха, рысь, дикая кошка и белка [1]); хищными птицами признаются: орел,

[1]) Т. е. важнейшие промысловые пушные звери, что особенно характерно для этого закона, имевшего в виду почти исключительно интересы спортивной охоты, а не промысловой.

беркут, сокол, кречет, все ястреба, сорока, ворон, ворона, галка, сойка, ореховка, сорокопут, филин, совы и воробьи. Истребление хищных зверей и птиц, а также птенцов их и гнезд, дозволялось во всякое время года и всякими способами; только отрава их допускалась не иначе, как с особого разрешения губернаторов. На чужой земле хищные звери, опасные для человека и домашнего скота, могли быть убиваемы лишь при случайной встрече с ними или по приглашению местной полицейской власти. В виду вреда, причиняемого размножению дичи бродячими кошками и собаками, в законе было оговорено, что истребление их на полях и лесах не воспрещалось. Наравне с хищными животными, в пределах Кавказского края охота на кабанов, в Таврической губ. охота на зайцев, а в губерниях Астраханской и Черноморской и в некоторых отделах и округах Кубанской и Терской области, охота как на зайцев, так и на кабанов дозволялась во всякое время года и всеми возможными способами. Хорьковый промысел в уездах Новоузенском Самарской губ. и Царицынском Саратовской губ., а также в земле киргизов Букеевской орды Астраханской губ., был воспрещен.

Обязанность наблюдения за исполнением правил о производстве охоты была возложена на полицию, чинов лесного ведомства, лесную стражу, лесных, полевых и охотничьих сторожей и др. Право на обнаружение охотничьих правонарушений было предоставлено также лицам, специально на то уполномоченным начальниками губерний и областей, и членам охотничьих и сельско-хозяйственных обществ, по уполномочиям последних. Возбуждение судебного преследования и обличение виновных в охотничьих правонарушениях перед судом было возложено на полицию, кроме дел о самовольной охоте на чужой земле и о выпугивании зверей и птиц из чужой дачи. Такие дела могли быть возбуждаемы лишь по жалобе потерпевшего владельца имения или арендатора охоты и прекращались примирением. За проступки последнего рода полагался штраф в размере от 5 до 25 рублей; взыскание это могло быть увеличено до пятидесяти рублей в случае самовольной охоты в огороженных парках или зверинцах, или на лугах и полях до уборки на них посевов и трав. Взысканию от 5 до 25 руб., подвергались также виновные за охоту без установленного охотничьего свидетельства, а равно за недозволенное разорение птичьих гнезд и вынимание из них яиц и птенцов.

За охоту с чужим охотничьим свидетельством, за охоту в недозволенное время и за охоту запрещенными способами назначалось денежное взыскание от 10 до 100 рублей, за не предъявление во время охотничьего свидетельства — денежное взыскание не свыше 5 рублей. Убой животных, охота на которых воспрещена, карался попутчным штрафом, в размере по 500 руб. за каждого

зубра, по 50 руб. за каждую самку лося или оленя и по 25 руб. за каждую самку дикой козы и за каждого теленка последних трех названных пород. Такой же поштучный штраф был назначен и за разнос, развоз, продажу и покупку для продажи дичи в запрещенное время, в размере по 25 руб. за каждого найденного у виновных лося, оленя, дикого козла или дикую козу степной или горной породы, и по 1 руб. за каждую штуку другой дичи.

От виновных в нарушении правил об охоте отбирались убитая ими дичь и орудия ловли, но не ружья, так как задержание их могло бы повести к опасным столкновениям стражи с охотниками и повести к нареканиям последних на порчу отобранных от них ружей. Сбор за охотничьи свидетельства, а равно все вообще денежные взыскания за нарушение правил об охоте (за исключением штрафа за убой зубра) подлежали обращению в специальные средства Министерства Внутренних Дел, для образования капитала на усиление средств на исполнение упомянутых правил.

Закон об охоте 1892 г. вызвал, при применении его на практике, довольно много вопросов и недоразумений, частью вследствие некоторой неполноты самого закона и усложнившихся условий быта русского населения, но еще более вследствие крайнего разнообразия местных условий в различных частях России, при котором трудно было одним общим законоположением предусмотреть все могущие встретиться в действительности частные случаи и особенности отдельных местностей. В то время, как некоторые статьи этого закона явились чрезмерно стеснительными и несоответствующими хозяйственным интересам, другие требования его оказались трудно применимыми и не всегда достигающими цели, особенно при недостаточности надзора за исполнением охотничьих правил.

В виду всего этого и согласно поступившим многочисленным заявлениям разных мест и лиц о желательности хотя бы частичного пересмотра закона, Министерство Земледелия уже в 1894 г. приступило к разработке имеющегося по этому вопросу, материала. Вслед за тем была образована (1896 г.) особая Комиссия при Министерстве Земледелия, потом (1897 г.) еще „особая подготовительная Комиссия“ под председательством б. вел. кн. Сергея Михаиловича и в результате, через 10 лет, (?!) под сильным давлением правящих кругов, был выработан новый „Проект закона об охоте“, рассматривавшийся на II Всеросс. Съезде Охотников (1909 г.) и встретивший сильную оппозицию в охотничьих массах. Главной и совершенно справедливой причиной недовольства охотников, была идея, проведенная в основе закона — стеснение неимущих охотников в пользу имущих. Так например, по проекту вводился земельный ценз, по которому все преимущества по охоте получали

крупные землевладельцы; охотничий сбор (за свидетельства) повышался с трех рублей до пяти, при чем за право весенней охоты, надо было платить еще 15 руб., а за право стрелять весной гусей и лебедей 40 руб. и т. д. Кроме того вся работа Комиссии была основана на отношении к охоте, как к любительской забаве, с полным игнорированием охотничьего промысла и интересов широких охотничьих масс.

Новый проект закона об охоте, встретивший опозицию охотников, запутавшись в канцеляриях министерств и Государственной Думы, так и не увидел света вплоть до революции.

Законы по охране соболя и выделению заповедников. Между тем с начала текущего столетия в обществе, печати и особенно среди торговцев мехами все чаще и чаще стали раздаваться голоса о необходимости упорядочить звериные промысла, имеющие во многих местностях большое экономическое значение. Особенно тревожный характер принял вопрос о сохранении соболиного промысла. С 1910 года в Министерстве Торговли и Промышленности начали поступать от торговых фирм, Ирбитского ярмарочного комитета, от нашего консульства в Лейпциге и пр. указания на угрожающее положение соболиного промысла. Результатом всего этого появился в свет „Закон об установлении ограничительных по охоте на соболя мер“ 9-го июля 1912 года. Закон этот, являющийся, собственно говоря, первым шагом в деле установления законного порядка при пользовании охотничьими промыслами в Сибири, прежде всего запретил охоту на соболя на 3 года (с 1 февраля 1913 г. до 15 октября 1916 г.), после чего годичные сроки охоты ограничивались временем с 15 октября по 1 февраля (ст. ст.); остальные пункты касались мер надзора за исполнением закона, правил торговли соболиными шкурками и пр., при чем любопытно то, что „за запрещенную законом продажу, покупку, разнос, развоз, перевозку и вывоз за границу, а равно хранение убитого соболя или соболиных шкурок (в отдельности или в мехе), виновные сверх отобрания“ товара подвергались штрафу по 300 руб. за каждую шкурку или же аресту от 1 — 3 месяцев, при чем это наказание было выше в 3 раза чем за самый убой соболя, что по существу совершенно правильно.

Почти одновременно (16 апреля 1912 г.) Совет Министров постановил „признать для сохранения соболя неотложность выделения охранных участков, так называемых заповедников, которые служили бы местом для спокойного существования и размножения соболей и центром их расселения в прилегающие охотничьи районы“. 30 октября 1916 г. было опубликовано „Об установлении правил об охотничьих заповедниках“, которыми Министру Земледелия предоставлялось „образовывать на землях единственного владения казны заповедники для сбережения и размножения

охотничьих и промысловых зверей и птиц“ на определенных основаниях. Всякая охота в заповедниках воспрещалась под угрозой штрафа от 20 — 300 рублей или ареста от 15 дней до 3 месяцев. Порядок ведения охотничьего и лесного хозяйства в заповедниках определялся инструкциями, издаваемыми Министром Земледелия.

Отмеченные два последние закона только отчасти успели показать свое положительное значение (частичное размножение соболя, организация заповедников), но еще до издания этих законов жизнь предъявляла и указывала высшим краевым властям свои требования и действия. Нельзя было оставаться в роли бессильного свидетеля безрасчетного истребления естественных богатств страны, и потому мы видим в прошлом такие формальные нарушения закона (о свободе охоты в Сибири), как например правила о производстве охоты на зверя и птицу в Енисейской губернии, изданные иркутским генерал-губернатором в 1910 г., его же особое постановление запрещения охоты по насту, правила об охотничьих билетах и ряд других.

В таком положении находилось охотничье законодательство к великому 1917 году, когда революция смела все старые законоположения, внесла новые идеи и заново начала перестраивать все ветхое здание старого охотничьего права, построенного на несправедливости и игнорировании научных знаний и местных интересов. Но прежде чем перейти к изложению истории охотничьего законодательства за время революции, посмотрим, как отразился взгляд на право охоты в программах различных социалистических партий.

Право на охоту в программах социалистических партий. Прежде всего оговоримся, что аграрные платформы русских социалистических партий содержат только общие директивы: Российская Социалдемократическая Рабочая партия в своей программе, принятой и дополненной в 1916 г. на объединительном съезде в Стокгольме, добивается „конфискации церковных, монастырских, удельных и кабинетских земель и передачи их (а равно и казенных земель) крупным органам местного самоуправления, объединяющим городские и сельские округа, при чем земли, необходимые для переселенческого фонда, а также леса и воды, имеющие общегосударственное значение, передаются во владение демократического государства“.

Социалисты-революционеры, в своей программе минимум ставят одним из главных пунктов положение: все земли поступают в заведывание центральных и местных органов народного самоуправления, пользование землями и угодьями, имеющими не узко местное значение (обширные леса, рыбные ловли и т. д.), регулируется соответственно более широкими органами самоуправления. Обе партии прямо не говорят об охоте ничего, но намечая опреде-

ленные аграрные реформы, тем ставят охоту в известные рамки. Наравне с рыбными ловлями, обширными лесами и т. п. охота, в особенности промысловая, имеет общегосударственное значение. Поэтому ясно, что охота должна находиться во владении всего демократического государства и регулироваться соответствующими центральными органами самоуправления, с компетенцией, распространяющейся на все государство. Короче говоря, должно быть заведено общегосударственное охотничье хозяйство. Правом охоты может пользоваться, конечно, всякий правомочный гражданин.

Социалистические партии Западной Европы яснее русских высказываются относительно охоты, выставляя в своих аграрных платформах такие пункты, которым достаточно придать юридическую форму, чтобы они стали законами. В Германии, в 1898 году Бреславльскому партейтагу немецкой социалдемократии особой Комиссией был представлен проект аграрной платформы, § 8 которой гласит: „В интересах сельско-хозяйственной культуры и для поднятия положения сельско-хозяйственных рабочих и мелких крестьян, партейтаг рекомендует товарищам следующие требования для агитации и для деятельности в общественных организациях: „право охоты на своей и арендованной земле, охрана от повреждений, произведенных дичью, и в случае таковых полное вознаграждение". Правда партейтаг отверг целиком эту редакцию аграрной платформы (резолюция Каутского), но при создании новой редакции включил и интересующий нас пункт. Баварская социалдемократическая рабочая партия ставит почти аналогичное требование (§ 12 аграрной платформы): сохранение без всяких ограничений существующих прав на пользование лесом и пастбищами, охранение полей от повреждений дичью, а в случае таковых — полное вознаграждение".

В Австрии на партийном съезде социалдемократии в 1900 г. в Граце было признано необходимым передать право охоты и рыбной ловли общинам (§ 2 Грацкой аграрной резолюции), уничтожив все привилегии отдельных землевладельцев, связанных с охотой и рыбной ловлей.

Французская социалдемократическая рабочая партия требует, чтобы была проведена в жизнь свобода охоты и рыбной ловли, ограниченная лишь мерами, необходимыми для сохранения дичи и рыбы и для защиты полей, уничтожение заповедных областей для охоты и смотрителей за охотой (§ 17 Нантской аграрной платформы). Швейцарская социалдемократическая рабочая партия высказывается за государственное поддержание всех мер, при помощи которых можно улучшить мелкое крестьянское хозяйство. В числе этих мер является и урегулирование охоты и рыбной ловли.

Бельгийская рабочая партия требует реформы законов об охоте: а) уничтожение разрешений на право охоты, в) уничтожение заповедных охот, с) право земледельцев уничтожать во всякое время животных вредных для посева (аграрная платформа 1894 г. § 7). Голландская социалдемократическая партия считает важным „уничтожение всех привилегий на право охоты и признание права охоты за обрабатывающим земельный участок". (резолюция Утрехтской аграрной Комиссии 1901 г.). Социалистические партии прочих стран Западной Европы ни одна не высказывается об охоте.

Такое явление вполне понятно, так как охота везде в Западной Европе носит спортивный характер, играя незначительную экономическую роль в бюджете населения.

Если мы теперь попытаемся сделать на основании выше приведенных данных сводку о том, как выражается право охоты в аграрных платформах социалистических партий, то увидим интересную картину.

На особой точке зрения стоят русские партии, полагая, что упорядочить охоту может центральный орган самоуправления с полномочием, распространяющимся на все государство. Для СССР промысловая охота есть и долго будет видом народного хозяйства настолько значительным, чтобы обращать на себя серьезное внимание. Охрана и правильная эксплоатация промысловых животных возможна только при регулировании компетентным, особым органом власти.

Западно-европейские социалисты, высказываясь об охоте, не имеют единодушия русских социалистов и чрезвычайно расходятся в мнениях.

Одни считают существующий порядок за лучший (Германия), другие стараются только об отмене особых привилегий (Австрия, Бельгия и Голландия), третьи полагают необходимой свободу охоты и рыбной ловли, ограниченную лишь мерами сохраняющими дичь и рыбу (Франция) и, наконец, четвертые высказываются за государственное поддержание всех мер, улучшающих мелкое крестьянское хозяйство, в том числе и урегулирование охоты и рыбной ловли (Швейцария).

Вся эта пестрота показывает, во-первых, на небольшое экономическое значение охоты и, во-вторых, на слишком разнообразные социальные условия. В действительности в Западной Европе так дело и обстоит.

В СССР значение охоты, до сих пор умалявшееся, выявляется с каждым годом все резче, что мы и наблюдаем в краткой истории революционных лет.

Как и следовало ожидать, первое столкновение понятий о праве на охоту отжившего буржуазного класса и нарождающе-

гося самосознания пролетарских масс произошло в очаге мировой революции — Петрограде. Стесненный в праве производить охоту в окрестностях города, городской охотничий пролетариат уже в апреле 1917 г., организовавшись в Союз, обрушился всей силой давно сдерживаемого недовольства на арендные права буржуазных охотников, обществ и землевладельцев. Уже в конце мая того же года Исполнительный Комитет Союза вошел с ходатайством в Министерство Земледелия о предоставлении членам Союза права производства охоты на государственных землях Ленинградской губернии, при условии уплаты Союзом государственного охотничьего налога за каждого из своих членов. Министерство Земледелия пошло на встречу молодой демократической организации и уже к началу летних охот Союз располагал площадью охотничьих угодий в полмиллиона десятин. В дальнейшем площадь эта была значительно расширена и Союзу предоставлено было право производства охоты на государственных землях Новгородской, Вологодской, Псковской и Олонецкой губерний.

Октябрьская революция закрепила достижения пролетарских охотничьих масс и вместе с тем дала им возможность принять близкое участие в строительстве государственного охотничьего хозяйства на совершенно новых началах. Первоначальный лозунг Союза „вольная охота", понимавшийся многими просто как безграничное и повсеместное право на охоту, заменился лозунгом — „охота для всех" (трудящихся), рядом с которым стояло уже положение — „знание и справедливость — основы охотничьего дела".

Декреты революционного времени об охоте. Петроградский Союз Охотников, в котором уже образовался научно-просветительный отдел, спешно разрабатывает и вносит на рассмотрение проект декрета об охоте, в котором п. 7 гласит: „сдача в аренду под охоту земельных и водных площадей навсегда отменяется". Проект, одобренный в первоначальных инстанциях, не выходит в свет, благодаря условиям политического момента, переживавшегося Петроградом. Одновременно появляется, проект декрета, составленного членом Коллегии Н. К. З. Фалеевым в котором „охота как развлечение" запрещалась. Проект этот вызвал сильные возражения со стороны городских пролетарских охотников, обстоятельный разбор и критика этого проекта от Союза Охотников была представлена в Совнарком и проект провалился.

Первая конференция промысловых и трудовых охотников Северной области в резолюции подчеркнула, что она признает государственное значение трудовой (любительской) охоты наравне с промысловой, поскольку она направлена на удовлетворение интересов городского и деревенского пролетариата.

Принимавшему активное участие во всех делах, касающихся охотничьего законодательства, Исполкому Всеросс. Союза про-

мысловых и трудовых охотников (выросшему уже из Петроградского), благодаря переезду Правительства в Москву, пришлось несколько оторваться от участия в выработке декретов по охоте. В мае 1919 г. выходит первое постановление Совнаркома по охоте.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ О СРОКАХ ОХОТЫ И О ПРАВЕ НА ОХОТНИЧЬЕ ОРУЖИЕ.

1. Запрещается повсеместно производство охоты в весеннее и летнее время до 1 августа 1919 г. за исключением охоты с научной целью, на производство которой выдаются особые разрешения Народным Комиссариатом Земледелия.
2. Запрещается повсеместно всякая охота на лосей и коз.
3. Запрещается собирание птичьих яиц с какой бы то ни было целью, кроме целей научных, в порядке разрешений, указанных в п. 1.
4. Запрещается всякая торговля свеже-убитой дичью до 1 августа.
5. Конфискация охотничьего оружия у лиц, имеющих свидетельство на право охоты, производится только по суду.
6. За нарушение этих правил виновные отвечают по суду.
7. Народному Комиссариату Земледелия и Научно-Техническому Отделу В. С. Н. Х. поручается выработать правила о сроках охоты, об установлении заповедных мест и т. д. и представить их на утверждение Совета Народных Комиссаров не позднее 15 июля сего года.

Подлинное подписали:

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин).

Управляющий Делами Сов. Народн. Комиссаров
В. Бонч-Бруевич.

Секретарь Совета Народных Комиссаров
Л. Фотиева.

Изв. В. Ц. И. К. 29 мая 1919 г. № 115 (667).

Однако Всероссийский Союз Охотников ходатайствовал перед Совнаркомом о том, чтобы в выработке правил и сроков охоты помимо НКЗ и ВСНХ участвовали также и их представители. В связи с этим от Всероссийского Союза Охотников была послана следующая телеграмма:

ТЕЛЕГРАММА.

СОВНАРКОМ ТОВ. ЛЕНИНУ.

МОСКВА.

Всероссийский Союз промысловых и трудовых охотников, насчитывающий более 300 организованных отделов в 15 губерниях, выражает свой протест против того, что согласно 7 пункту постановления Совнаркома 29 мая выработка закона об охоте поручена двум организациям без участия Всероссийского Союза, что представляется вредным в интересах организации охоты в государственном маштабе. Пролетарский Союз впервые организовавший широкие массы промысловых и трудовых охотников северного района, созвавший пролетарскую конференцию охотников этого района, которая вынесла постановления по всем вопросам организации охотничьего хозяйства республики, просит предоставить ему первенствующее место в решении всех вопросов касающихся организации охоты в республике и сообщает, что научным отделом союза выработан проект декрета об охоте, представленный в Совнарком и Комиссариат Земледелия.

В этой телеграмме ясно выразился один из основных принципов Союза Охотников, именно, что „охота должна быть отдана в руки охотника“; результаты непосредственного обращения к тов. Ленину не замедлили сказаться, и представители Союза участвовали во всех дальнейших разработках закона об охоте.

В июле 1920 г., появляется декрет об охоте и постановление Совнаркома, признающие также и значение Союза Охотников, хотя и не в той степени, как того добивались представители Союза. 6)

ДЕКРЕТ ОБ ОХОТЕ.

(Опубликован в № 162. Известий В. Ц. И. К. С. Р. и Кр. Д. от 24 июля 1920 г.).

1. Регулирование охотничьего дела поручается Нар. Ком. Земледелия.

2. На Нар. Ком. Земледелия по управлению делами охоты возлагается:

а) Организация и ведение охотничьего хозяйства, включая разведение и охрану охотничьих животных.

б) Направление и согласование деятельности местных органов управления охотой.

в) Организация снабжения охотников орудиями производства припасами и прозодеждой.

Примечание. Составление планов разверстки дичи и снабжение охотничьими припасами и т. д. производится Наркомземом и утвержается по соглашению с Наркомпродом.

3. Для осуществления изложенных задач Н. К. Земледелия:

а) Издает инструкции и обязательные постановления по всем вопросам охотничьего хозяйства.

б) Учреждает заповедники, заказники, зоофермы, охотничьи парки, питомники пушного зверя, птицы и охотничьих собак.

в) Производит обследования состояния охотничьего промысла, ведет учет и статистику охотничьего хозяйства, созывает охотничьи съезды, организует лаборатории, опытные хозяйства и т. п., издает печатные труды.

г) Учреждает особые отряды для истребления хищных и вредных животных.

д) Организует специальную охотничью стражу.

е) Направляет и контролирует деятельность охотничьих объединений.

ж) Устраивает склады предметов охотничьего снаряжения.

4. Все сделки на право охоты, не подтвержденные подлежащими органами Н. К. Земледеля недействительны.

5. Правом производства охоты пользуются все граждане РСФСР, достигшие совершеннолетия.

6. Удостоверением на право производства охоты на всей территории РСФСР служат членские билеты охотничьих союзов, зарегистрированные в Н. К. Земледелия, а в районах, где союзов еще нет, — охотничьи билеты, выдаваемые органами Н. К. Земледелия.

7. Охотничьи билеты выдаются бесплатно и не подлежат оплате гербовым сбором, равно как самое право охоты не может облагаться никакими налогами.

8. Охотничьи билеты дают владельцам их право на хранение и пользование охотничьим ружьем, огнестрельными припасами и орудиями лова в количестве, необходимом для личного употребления, каковые предметы у имеющих билеты, реквизиции не подлежат.

9. Лица, имеющие охотничьи билеты, имеют право производить охоту повсеместно, за исключением населенных мест, усадебных участков, где охота регулируется особыми правилами.

10. Подробные правила производства охоты, надзор за соблюдением этих правил, перечни зверей и птиц, запрещенных и разрешенных к добыче, а также сроки, в кои охота разрешается, устанавливаются Народным Комиссариатом Земледелия.

11. Надзор за соблюдением охотничьих правил возлагается под руководством Управлений Охотой на: а) органы местной милиции и лесной администрации, б) охотничьи организации, в) всех граждан.

12. За нарушение охотничьих правил виновные подвергаются законной ответственности.

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин).

Управляющий делами Вл. Бонч-Бруевич.

Секретарь Л. Фотиева.

Москва, Кремль, 20 июля 1920 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ.

Совет Народных Комиссаров постановил: всем советским учреждениям, в распоряжении коих имеются запасы огнестрельного охотничьего оружия и припасов, предписывается в недельный срок сдать их в соответствующие распределительные органы, снабжающие население таковыми.

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин).
Управляющий Делами Вл. Бонч-Бруевич.
Секретарь Л. Фотиева.

Москва, Кремль, 20 июля 1920 г.

„Декрет об охоте и другие постановления центральной власти по делам охоты в 1920 г. явились важными актами законодательства в этой области. Со времени революции, в сознании подавляющего большинства населения, особенно деревенского, создалось убеждение, что все без исключения прежние законы отменены. Такая судьба постигла и действовавшие ранее сроки охоты: малосознательные охотники считали, что никаких сроков теперь не существует и били дичь во всякое время. Новые законодательные акты, наконец, положили таким невольным и вольным заблуждениям определенный предел.

В декрете с исчерпывающей полнотой и ясностью изложены были новые основные принципы охоты при создавшихся после революции условиях жизни и права и обязанности каждого охотника в отдельности. В частности, нужно отметить, как новые правила: право повсеместной охоты каждого охотника, уничтожение всякого рода сделок на право охоты (неутвержденных Нар. Ком. Земледелия), бесплатность права охоты, освобождение от реквизиции охотничьего оружия и припасов у охотника (имеющего охотничий билет), снабжение охотников орудиями производства, припасами и прозодеждой и предоставление охотничьим организациям (и всем гражданам) права надзора за соблюдением охотничьих правил.

Одновременно с основным законом об охоте обнародованы и „правила и сроки производства охоты“. Практическая жизнь давно настоятельно требовала, как уже выше нами было указано, издания таких правил. Самые правила и, главное, сроки производства охоты сравнительно с прежними более отвечают научным требованиям как напр., отнесение начала всей летней охоты по перу к 1 августа, а для некоторых видов еще позднее. Тоже самое нужно сказать о полном воспрещении охоты на лоссй на 4 года,

Но установление однообразных сроков охоты на всем необъятном пространстве нашей страны, от Ледовитого океана и чуть не до тропиков, являлось временной мерой и в дальнейшем правительство стремится к бо́льшей детализации закона, чего трудно было достигнуть в 20 г.

В 1921 г. получает официальное утверждение центральной власти Всероссийский Союз Охотников. В приказе Всероссийской Чрезвычайной Комиссии № 186 (24 VI 21 г.) п. 2 гласит: „Все отобранное охотничье оружие, как-то: ружья гладкоствольные и нарезные, штуцера и карабины и огнеприпасы к ним в течение 3 дней по конфискации сдавать в местный Губсоюз охотников".

Президиум В. Ц. С. П. С. от 23 и 27 июля 1921 г. постановляет:

1) Считаясь с фактом существования Всероссийской организации охотников, В. Ц. С. П. С. со своей стороны подтверждает действительную государственную важность охотничьего промысла в хозяйственной жизни Республики.

2) Признать необходимым оказывать содействие в общей работе Союза охотников со стороны В. Ц. С. П. С.

Разослать циркуляр всем губпрофсоветам об оказании содействия союзам охотников на местах.

29-го августа 1921 г. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Совета Рабочих, Крестьянских, Красноармейских и Казачьих Депутатов разбирал вопрос об утверждении Устава Всеросс. Производств. Союза Охотников и промысловой при нем кооперации и после обмена мнений вынес следующую резолюцию:

„Разрешить учреждение Всер. Произв. Союза Охотников. Представленный проект устава означенного Союза согласно постановлению президиума В. Ц. И. К., направить на утверждение Президиума В. С. Н. Х.".

Таким образом Союз официально был признан высшим государственным органом Республики и вступил в новую эру своего, уже легального, существования.

На 2-м Съезде В. С. О. в Москве (июля 1921 г.) рассматриваются и утверждаются „Правила производства охоты, ее сроки и способы" (проект С. А. Бутурлина). 9 VI 1922 г. „Правила" утверждаются Федеральным Комитетом, а 24 VIII — Президиумом В. Ц. И. К. Правила эти опубликовываются Н. К. З. в марте 1922 г.; ими предоставляются исключительные права Всероссийскому Союзу Охотников и обязательное для всех охотников членство (состояние в Союзе); кроме того в первый раз за все время территория СССР делится, в отношении сроков охоты, на четыре полосы.

ПРАВИЛА ПРОИЗВОДСТВА ОХОТЫ, ЕЕ СРОКИ И СПОСОБЫ [1].

I. Общие постановления.

Статья 1.

Дикие звери и птицы, находящиеся на территории РСФСР, являются достоянием Республики, правильное их использование составляет одну из важнейших отраслей государственного хозяйства.

---

[1]) Утверждено Президиумом Федерального Комитета в заседании 9-го июня 1922 г. и распространяется на все автономные республики и области РСФСР.

Статья 2.

Охотничья промышленность есть важная отрасль народного хозяйства и заключается в разведении, охране и правильном по государственному плану использовании диких зверей и птиц с обязательным условием сохранения необходимого для расширения хозяйства количества производителей.

Статья 3.

Охотой признается добывание диких зверей и птиц незапрещенными настоящими привилами способами и орудиями в законные сроки и вообще с соблюдением всех законных постановлений.

Статья 4.

Право производить охоту исключительно принадлежит лицам, состоящим в охотничьей производственной организации, каковой признается Всероссийский Производственный Союз Охотников, при условии наличия охотничьего билета и свидетельства об оплате существующих на сей предмет сборов.

Примечание. Земорганам автономных Республик и областей предоставляется право по местным условиям распространять право производства охоты и на другие категории лиц, кроме указанных в статье 4-й. Такое же право предоставляется и Земорганам тех местностей Федерации, где основным источником существования как всего населения, так и отдельных его групп является промысловая охота.

Статья 5.

Охотничье оружие, огнеприпасы и все невоспрещенные орудия лова, как средства производства охоты, не подлежат реквизициям, конфискациям и каким либо изъятиям у членов ВПСО без судебного приговора или соответствующего постановления ВПСО и его местных органов.

Статья 6.

Лица, добывающие диких зверей и птиц вне вышеуказанных постановлений, как вносящие расстройство в государственное хозяйство, подлежат судебной ответственности.

Раздел II „Правил о сроках и способах охоты“ подвергается в дальнейшем крайне несущественным изменениям и потому будет приведен дальше в окончательном тексте ныне действующего закона.

24-го августа В. Ц. И. К. и С. Н. К. вновь подтверждает постановление о соблюдении правил об охоте.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА И СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ О СОБЛЮДЕНИИ ПРАВИЛ ОБ ОХОТЕ.

Всеросс. Центральн. Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров постановили.

1. В виду наблюдающегося ныне нарушения правил об охоте, что ведет к хищничеству и истреблению дичи, Президиум ВЦИК предлагает всем органам Советской власти как гражданским, так и военным на местах строго следить за точным и неуклонным соблюдением новых правил об охоте, опубликованных Наркомземом в Известиях Центрального Комитета Всероссийского Союза Охотников и Центрохоты в №№ 13 и 14 сего года, привлекая нарушителей правил к ответственности.

2. Обязать Наркомзем через подведомственные ему органы снабдить все Волисполкомы означенными правилами об охоте в месячный срок.

Председатель ВЦИК М. И. Калинин.
Зам. Председ. Совета Народн. Комиссаров А. И. Рыков.
Секретарь ВЦИК. Енукидзе.

Переход на новую экономическую политику не замедлил отразиться и на охотничьем деле и декретом 1-го марта 1923 г. обязательное членство было отменено.

О ПРАВЕ ОХОТЫ.

Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров.

В отмену декрета об охоте от 29 июля 1920 г. (Собрание Узак. за 1920 г., № 66, ст. 297) и во изменение правил производства охоты, утвержденных Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом от 11 августа 1922 г. („С. У.", 1922 г., № 54, ст. 687), Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров постановляют.

Ст. 1. Правом производства охоты на территории РСФСР и союзных с ней Советских Республик пользуются все граждане, достигшие совершеннолетия.

Примечание. Установленное настоящей статьей ограничение в отношении возраста не распространяется на промысловое население в охотничьих промысловых районах.

Ст. 2. Выдача удостоверений на право охоты производится органами Наркомзема; регистрация же охотничьего оружия и лиц, его хранящих, а также учет огнестрельных припасов производится органами НК Внутренних Дел, согласно особой инструкции НК Внутренних Дел, Наркомзема и Наркомнаца.

Примечание. Промысловое население в охотничьих промысловых районах освобождается от обязанности выбирать удостоверения на право охоты. Перечень промысловых районов устанавливается Наркомземом по соглашению с Наркомнацем и Комвнуторгом.

Ст. 3. Норма огнестрельных припасов, необходимых для личного потребления охотника, устанавливается НК Внутренних Дел по соглашению с Наркомземом; не превышающее установленной нормы количество огнестрельных припасов, равно как и зарегистрированное охотничье оружие, могут быть у охотников конфискованы лишь в судебном порядке.

Ст. 4. Правила производства охоты воинскими командами и военнослужащими одиночным порядком устанавливаются Наркомземом по соглашению с Ревоенсоветом Республики НК Внутренних Дел и Наркомнацем.

Ст. 5. В целях развития охотничьего промысла Наркомзем имеет право: а) устанавливать подробные правила производства охоты, надзор за соблюдением этих правил, перечень зверей и птиц, запрещенных к добыче, а также сроки, в которые охота разрешается; б) учреждать заповедники, заказники, зоофермы, лаборатории, охотничьи парки и питомники пушного зверя, птицы и охотничьих собак; в) производить обследование состояния охотничьего промысла, вести учет и статистику охотничьего хозяйства, созывать, с соблюдением установленных правил, охотничьи съезды; г) учреждать особые отряды для истребления хищных и вредных животных; д) наблюдать и контролировать деятельность охотничьих объединений.

Председатель ВЦИК М. Калинин.
Зам. Пред. Совета Народн. Комиссаров Л. Каменев.
Секретарь ВЦИК Т. Сапронов.

Москва, Кремль, 1 марта 1923 г.

Новый закон об охоте. В результате декрета 1-го марта, Всеросс. Производственный Союз Охотников обладавший исключительными правами в отношении организации (обязательное членство), и надзора за охотничьим хозяйством СССР, перестраивается в Промыслово-кооперативный Союз Охотников.

В окончательной редакции (1924 г.), Правила производства охоты, сроки и способы в настоящее время представляют следующий вид.

ПРАВИЛА

Производства охоты, сроки и способы.

(Декрет ВЦИК и Совета Народн. Комиссаров от 24 августа 1922 г. с изменениями на осн. постановления ВЦИК и Совнаркома от 1 марта 1923 г.).

1. Общия постановления.

Статья 1.

Дикие звери и птицы, находящиеся на территории СССР, являются достоянием Республики; правильное их использование составляет одну из важнейших отраслей государственного хозяйства.

Статья 2.

Охотничья промышленность есть важная отрасль народного хозяйства и заключается в разведении, охране и правильном, по государственному плану, использовании диких зверей и птиц с обязательным условием сохранения необходимого для расширения хозяйства количества производителей.

Статья 3.

Охотой признается добывание диких зверей и птиц не запрещенными настоящими правилами способами и орудиями в законные сроки и вообще соблюдением всех законных постановлений.

Статья 4.

Правом производства охоты на территории СССР и союзных с ней советских республик пользуются все совершеннолетние граждане при условии наличия удостоверения на право охоты с свидетельством об уплате существующих на сей предмет сборов.

Примечание 1. Членский билет Всеросс. Промыслово-кооперативн. Союза Охотников, оплаченный сбором и визированный в местных земельных органах, служит удостоверением на право охоты.

Примечание 2. Промысловое население в охотничьих промысловых районах (Мурманской губ. В Архангельской губ. Мезенский уезд. В Пинежском уезде волости: Тимошенская, Сулецкая, Сурско-Сергиевская, Ярушевская и Верхкольская. Область „Коми", кроме части Усть-Сысольского уезда, расположенного к югу от р. Вычегды. В Пермской губ. Чердынский уезд. В Тюменьской губ. уезды: Березовский с Обдорским краем, Сургутский и Верхне-Пелымская волость Туринского уезда. Туруханский округ Енисейской губ. Северная часть острова Сахалина. Губернские и областные города и заводские центры из числа промысловых районов исключаются, на правах жителей промысловых районов находится бродячее и инородческое население, живущее охотой вне вышеуказанных промысловых районов) освобождается от обязанностей выбирать удостоверения на право охоты и платить сборы за право охоты, а равно подчиняться вышеуказанному возрастному ограничению.

Статья 5.

Зарегистрированное охотничье оружие, огнестрельные припасы к нему в количестве, непревышающем нормы годовой потребности и все невоспрещенные орудия лова могут быть у охотников конфискованными или реквизированными не иначе, как в судебном порядке.

Статья 6.

Лица, добывающие диких зверей и птиц вне вышеуказанных постановлений, как вносящие расстройство в государственное хозяйство, подлежат судебной ответственности.

Примечание. Всякие нарушения настоящих правил наказываются по 99 ст. Уголовного Кодекса.

2. Сроки и способы охоты.

Статья 7.

Воспрещается круглый год добывать бобра, выхухоль (хохулю), зубра, сайгака и пятнистого оленя, а к западу от Енисея и марала.

Статья 8.

Воспрещается круглый год добывать телят лосей, благородных оленей, изюбрей и диких коз.

Статья 9.

В Европейской России (не включая Кавказа) воспрещается круглый год добывать: соболей, лосей, благородных оленей и диких коз, белых цапель, а в Костромской и Нижегородской губерниях и северных оленей.

Статья 10.

Воспрещаются общеопасные способы охоты, как например: настораживание ружей и самострелов, пускание палов, рытье ям, разбрасывание отравы.

Примечание. В случаях особого размножения волков, допускается отравление их по особым разрешениям.

Статья 11.

Воспрещаются орудия и способы массового добывания зверей и птиц, как например: шатры, тенета, вентеря, загородки, загонивание по насту, по льду на скошенный камыш, ловля линяющих или обмерзших при гололедице птиц, ночной лов с огнем, добывание стадных животных при переправах через реки и т. п.

Статья 12.

Воспрещается собирание птичьих яиц и разорение их гнезд, а равно выкапывание прибылых зверей и разорение их нор.

Статья 13.

Запрещается добывать зверей и птиц давящими или повреждающими приспособлениями, как например: петлями, силками, плашками, пастями, черканами, слопцами, капканами и железами, птичьим клеем, а также скрадом при помощи кобылки или щита.

Примечание. На истребление зверей и птиц, признаваемых вредными, запрещение, изложенное в настоящей статье, не распространяется, как подробно указано в ст. 23.

Статья 14.

Запрещение указанное в ст. 13, временно, впредь до снабжения надлежащим количеством огнестрельного оружия и припасов к ним может быть снимаемо Центроохотой НКЗ с тех местностей, в которых применение указанных в ст. 13 орудий издавна практиковалось при охотничьем промысле.

Статья 15.

В глухих местностях, как острова Ледовитого океана и тундры севера и сев.-востока, где добывание зверей и птиц является на ряду с рыболовством, единственным источником пропитания, соблюдение запретов, указанных в ст. ст. с 8 по 13 включительно, а также нижеуказанных сроков охоты не обязательно. Настоящее исключение распространяется и на бродячие племена сибирских инородцев, тунгусов, ламутов, юкагиров и подобных им по быту племен, живущих добычею зверей и птиц, хотя бы они и кочевали и за пределами вышеуказанных местностей.

Статья 16.

Разрешается ловля сетью самцов перепелов в течение 15-ти дней, с 10 июня в северной полосе, с 1 июня в средней полосе и 20 мая в остальных полосах, а также ловля певчих птиц пенцами, лучками, сетью, чепцами и т. п. для содержания в неволе с 1 февраля по 31 марта и с 15 июля по 1 декабря.

Статья 17.

По ходатайствам Академии Наук, Подъотдела Охоты Сельско-Хозяйственного Ученого Комитета Наркомзема, географических и др. научных обществ, университетов и др. высших учебных заведений, Управление лесами выдает особые свидетельства на право добывания зверей и птиц с научными целями, а равно на ловлю их для питомников зоологических садов и т. п. В этом свидетельстве указывается лицо, которому оно выдано, район и срок его деятельности, цель и количество сборов Свидетельство освобождает получившее его лицо от отграничения в сроках и способах охоты, кроме запрещения охоты в заповедниках и заказниках, если последнее освобождение особо не оговорено. Свидетельство должно быть предъявлено местным органам, ведающим охотой.

Статья 18.

В отношении сроков охоты территория СССР разделяется на 4 полосы.

1. Северная полоса. Губернии и области: Мурманская, Архангельская, Северо-Двинская, Олонецкая, Карельская Т. К., Ленинградская, Псковская, Витебская, Новгородская, Череповецкая, Тверская, Московская, Ярославская, Иваново-Вознесенская, Костромская, Вологодская, Вятская, Нижегородская, Татарская ССР, Чувашская, Марийская, Вотская, Уфимская, Пермская, Екатеринбургская, Тюменьская, Челябинская, Томская, Ново-Николаевская, Алтайская, Енисейская, Иркутская и Якутская.

2. Средняя полоса. Губернии и области: Белорусская ССР, Гомельская, Смоленская, Калужская, Брянская, Орловская, Курская, Тульская, Рязанская, Владимирская, Тамбовская, Пензенская, Симбирская, Саратовская, Самарская, Башкирская ССР.

3. Южная полоса. Губернии и области: Украинская ССР, Царицынская, Немецкая Т. К., Калмыцкая ССР, Астраханская, Ставропольская, Крым, Горская, Дагестанская, Киргизская, Кубано-Черноморская, Воронежская и Донская Область.

4. Полоса зимовок: Туркестанская ССР.

Статья 19.

1. Охота воспрещается в северной полосе:

а) на серых куропаток, перепелов, дроф и стрепетов с 1-го ноября по 15-ое сентября.

б) на остальных птиц с 15-го марта по 1-е августа.

в) на северных оленей и лосей с 1-го января по 30-ое октября (по отношению к Европейской России, см. ст. 9.),

г) на изюбрей в Восточной Сибири с 15-го июля по 15-ое июня.

д) на диких коз с 1-го декабря по 15-ое августа,

е) на остальных зверей с 15-го марта по 15-ое сентября.

2. В средней полосе:

а) на серых куропаток и перепелов с 15-ое ноября по 15-ое августа.

б) на дроф и стрепетов с 1-го ноября по 15-ое августа,

в) на остальных птиц с 15-го марта по 1-ое августа,

г) на всех зверей за исключением перечисленных в ст. 9 с 1-го марта по 15-ое сентября.

3. В южной полосе:

а) на серых куропаток и фазанов с 15-го декабря по 15-ое сентября,

б) на дроф и стрепетов с 1-го ноября по 31-ое июля,

в) на остальных птиц с 15-го февраля по 31-ое июля,

г) на лосей и благородных оленей с 1-го января по 15-ое октября, а в горах Кавказа с 1-го января по 15-ое августа,

д) на диких коз и антилоп (джейран) с 15-го декабря по 31-ое августа,

е) на остальных зверей с 15-го февраля по 15-ое сентября, а в горах Кавказа (включая туров и серн) с 15-го февраля по 15-ое августа.

4. В полосе зимовок:

а) на фазана и турача с 1-го декабря по 15-ое октября,

б) на других птиц с 15-го февраля по 15-ое июля,

в) на благородных оленей с 15-го января по 15-ое октября,

г) на диких коз и антилоп (джейран) с 15-го декабря по 31-ое августа,

д) на остальных зверей (включая туров и серн и горных баранов) с 15-го февраля по 15-ое сентября.

Статья 20.

Натаскивание легавых не считается охотой, наганивание гончих разрешается не ранее как за 2 недели до открытия охот на зверя и не позже дня закрытия таковых охот.

Статья 21.

Весенняя охота воспрещается за исключением стрельбы вальдшнепов на тяге и самцов глухарей и тетеревей на току без собак в течение одного месяца, при чем день открытия этих охот определяется местными Гублесотделами, о чем ставится в известность Центр. Управление лесами.

Примечание. С начала весеннего пролета водоплавающих птиц в течение одного месяца разрешается стрельба гусей, лебедей, а равно стрельба на

манку селезней при условии устройства местными охотниками годовых заказников для водоплавающей дичи в местах и размерах по соглашению местных органов, ведающих охотою Гублесотделов и местных отделов ВПКСО.

Статья 22.

Тигр, барс или ирбис, леопард, гиена и волк могут быть истребляемы во всякое время и всякими средствами, кроме общеопасных и кроме преследования гончими в закрытое для охоты с последними время.

Примечание. Об отраве, см. ст. 10 — примечание.

Статья 23.

Остальные звери и птицы:

а) безусловно вредные (как рысь, дикая кошка, шакал, суслик, мыши и им подобные, орлы, ястреб-тетеревятник, ястреб-перепелятник, коршуны, филины и болотная лунь) и

б) вредные местами или же в силу особого временного размножения (как медведь, лисица, сорока, ворона и др.), если эти последние причислены к числу вредных на данный год местными органами, ведающими охотой (Гублесотдел и Губсоюз) могут быть добываемы: в открытое для охоты время законными способами, а в закрытое для охоты время всякими способами, кроме общеопасных и кроме стрельбы и преследования собаками.

Примечание. Безусловно полезные животные — как все мелкие хищники: сокол (кобчик и пустельга), все совы, кроме филина, все луни, кроме болотного, канюки или сарычи (главная масса, так называемых, ястребов), а равно ценные пушные звери, как соболь, выдра, куница, норка, белка, горностай и т. п., не должны причисляться к вредным.

Статья 24.

Бесхозяйные собаки и кошки, обычно рыскающие по угодьям, причисляются к вредным животным.

Примечание 1-е, Собака чистой охотничьей породы, имеющая ошейник с именем владельца или какой нибудь иной понятный признак владельца, или вообще известно кому принадлежащая, не может почитаться бесхозяйной и за повторное допущение таковой рыскать по угодьям владелец ее отвечает, как за незаконную охоту.

Примечание 2-е. Право признания пастушеских собак бродячими предоставляется в каждой отдельной местности местному Губсоюзу охотников и Гублесотделу за их личной ответственностью, и постановление о таком признании проводится в жизнь в порядке, установленном для обязательных постановлений.

Статья 25.

Местные органы, ведающие охотой — Гублесотделы и местные отделы ВПКСО имеют право: самостоятельно устраивать охотничьи заказники, запрещая в их границах на определенный срок охоты на все или некоторые породы зверей и птиц, согласовывая таковые с Гублесотделами в части эксплоатации лесов, удлинять установленные декретами сроки охраны зверей и птиц, запрещать охоту на некоторые породы зверей и птиц или изменять какие-либо способы орудия и охоты, запрещать перевозку и продажу или обмен продуктов охоты.

Статья 26.

Торговля свежеубитой дичью и свежеснятой шкурой пушных зверей по истечении 10-ти дней со дня срока законной охоты на данную дичь или пушного зверя воспрещается.

Примечание. Вышеупомянутые местные запреты перевозки и продажи или обмена продуктов охоты могут иметь только характер общей, равной для всех меры в данной местности, направленной к сохранению или размножению каких либо полезных или ценных животных, но ни коим образом не могут направляться к ограничению прав и интересов одних лиц, групп населения или организаций в пользу других.

Статья 27.

Центральному Управлению лесами предоставляется входить через Народный Комиссариат Земледелия в Совет Народных Комиссаров с представлением об установлении государственных охотничьих заповедников на следующих основаниях:

а) Границы заповедников точно устанавливаются декретом Совета Народных Комиссаров и о выделенном в этих границах заповеднике объявляется во всеобщее сведение путем распубликования в установленном порядке.

б) В границах установленных заповедников воспрещается навсегда охота всякими способами и на всяких зверей и птиц и других животных и пользование угодьями может быть ограничено до пределов, не затрудняющих охрану заповедников. Виновные в нарушении вышеизложенных запрещений подлежат наказанию, как за самовольный убой зубра или бобра, а оказавшиеся при виновном продукты охоты и оружие или орудие лова отбираются.

Примечание. Нахождение в заповеднике вне дорог общественного пользования с охотничьим или могущим служить для охоты огнестрельным оружием или орудиями для лова зверей и птиц, или с собакою, или с ловчими, или приманными зверями, или птицами, или же с добытыми зверями и птицами приравнивается к производству охоты.

в) Надзор за соблюдением правил об охотничьих заповедниках, а равно возбуждения уголовного преследования и обличения перед судом виновных возлагается на ряду с общей милицией на администрацию заповедников, и на членов и органы ВПКСО и Лесное и Охотничье Ведомства и его стражу (лесничий, объездчик, сторож).

г) Порядок ведения охотничьего и лесного (а в безлесных местах полевого и в необходимых случаях рыбного) хозяйства в заповедниках определяется особыми для каждого заповедника инструкциями, выработанными ЦК. ВПКСО и Центральным Управлением лесами и утвержденными Народным Комиссариатом Земледелия.

Статья 28.

Настоящее положение распространяется на всю территорию СССР, при чем Земорганам автономных республик и областей предоставляется право приостанавливать или вовсе снимать установленные этими правилами ограничения в способах и сроках охоты применительно к ст. ст. 15 и 16, а равно вводить иные ограничения в сроках и способах охоты применительно к ст. 25.

Народный Комиссар Земледелия Яковенко.
Член Коллегии НКЗ Козырев.
Управляющий Отделом Охоты Петрушин.

Верно: Секретарь Отдела Охоты Скржинский.

Ныне действующий закон об охоте является громадным шагом вперед по сравнению со всеми законами дореволюционного времени. Не считая некоторых незначительных дефектов и неполноты его, частью основанных на неудовлетворительном еще знании нами нашей страны, закон этот достаточно гибок и эластичен, дает право широкой самодеятельности местам и при разумном проведении его в жизнь без сомнения может быстро воздействовать на улучшение русского охотничьего дела.

Проект этого закона был разработан С. А. Бутурлиным и опубликован, с мотивировкой, в охотничьей литературе еще в 1909 г.[1]). Он являлся контр-проектом работ комиссии б. вел. кн. Сергия Михаиловича, о котором говорилось выше. Провести этот контр-проект в жизнь при старом режиме оказалось однако невозможным, так как тогдашние правительственные органы и Государственная Дума, (собранная по закону 1907 года), слишком прочно, даже в таких специальных, технических вопросах, как

---

[1]) См. „Наша Охота“ 1909 г. август — октябрь и Труды 2-го Всеросс. Съезда Охотников 1910 г.

упорядочение охотничьего дела, стояли на точке зрения интересов крупных землевладельцев; контр-проект же выставлял на первое место интересы трудящихся масс.

Только после революции и отмены частной земельной собственности обстоятельства стали благоприятнее, и выше упомянутый контр-проект с соответствующими редакционными изменениями был автором его, от имени ЦК ВПСО, доложен на Втором С'езде Всероссийского Союза Охотников в Москве летом 1921 г. и почти дословно принят С'ездом.

Рис. 139. Президиум II-го Съезда Всер. Союза охотников.

1) Н. В. Крыленко. Почетн. член Ц. К. ВПСО. 2) А. А. Смирнов. Предс. Ц. К. ВПСО. 3) В. И. Пирогов. Член Ц. К. ВПСО. 4) А. О. Хмара. Член Ц. К. ВПСО. 5) С. А. Петрушин. Член Ц. К. ВПСО. 6) И. С. Лукашевич. Делег. Псковского Губсоюза ох-в. 7) В. Ф. Богацкий. Тов. Предс. Ц. К. ВПСО. 8) Г. Л. Корякин. Тов. Предс. Ц. К. ВПСО. 9) Пулковский. Представ. Брянск. Губсоюза ох-в. 10) Таргонский. Представ. Кубано-Черном. союза ох-в. 11) Г. Г. Сиваков. Член Манд. Ком. 12) Д. К. Соловьев. Член Ц. К. ВПСО. 13) Г. И. Жебенев. Делег. Уральск. союза ох-в. 14) Булаков. Делег. Тамбовск. союза ох-в. 15) В. Ф. Фигурков. Секр Отд. Снабж. Центрофлота. 16) М. В. Белавин. Делег Вологодск. союза ох-в 17) Г. Е. Рахманин. Член Ц. К. ВПСО. 18) И. В. Крылов. Член Ц. К. ВПСО. 19) А. Л. Биркган. Член Ц. К ВПСО. 20) В. П. Рязанов. Член Ц. К. ВПСО. 21) В. П. Прохаско. Управдел Ц. К. ВПСО. 22) С. В. Керцелли. Член Ц. К. ВПСО.

«...В основу правил положена мысль, что животное население Республики является собственностью государства и требует всемерной охраны от чрезмерного или нехозяйственного истребления.

Для этого прежде всего воспрещается охота на зверей и птиц во время спаривания и вывода потомства; исключение допущено только для издавна привычных и не истребительных охот на токах и на тяге, как производимых исключительно на самцов, в определенных местах, в ночное время, так что нет соблазна расширить свои права стрельбой другой дичи. Да и эти две охоты ограничены одним месяцем.

Во-вторых, охота на взматеревших животных ограничена сроками в зависимости от условий использования добычи с одной стороны, и от условий, затрудняющих существование животных

с другой. Так для Сибири, где „панты“ (неокрепшие рога) имеют огромную ценность (спрос в Китай) — допущена летняя стрельба самцов изюбрей летом — зато в течении 11 месяцев в году зверь этот там охранен.

Исходя из наблюдений, что на огромных пространствах СССР время наступления жизненных явлений в разных широтах и климатах весьма различно — вся площадь СССР разбита на несколько полос с различными сроками открытия и закрытия охот.

Зато в пределах каждой полосы дается для всех видов дичи по возможности самое небольшое (по большей части три) число разных сроков, так как иначе для охотника данной территории трудно запомнить нужные ему сроки.

Для простоты и легкости надзора — вопрос первостепенный на пространстве СССР — в закрытое для охоты время даже на вредных животных не допускается охота с ружьем или с гончими, — так как иначе невозможно уследить, во что стреляют.

Кроме сроков, ограничены и орудия и способы охот, по группам.

Общеопасные для человека и скота (волчьи ямы, самострелы, отрава) запрещены везде, кроме безлюдных побережий Ледовитого океана. Истребительные, массовые способы лова также запрещены, как и неэкономичные приемы лова силками, черканами и т. п., в которых около половины добычи пропадает зря, повреждаясь хищниками. Последние способы разрешены для ловли вредных животных.

Но в интересах промыслового населения в местах, где мы его не можем еще достаточно снабдить ни огнеприпасами, ни провиантом, временно допускаются эти привычные приемы промысла когда без них трудно обойтись.

Необходимое в интересах и сельского и охотничьего хозяйства истребление хищных зверей урегулировано. Обычно под именем хищных истребляются у нас наоборот крайне полезные животные (орлы, луни, канюки, кобчики, совы и другие истребители сусликов, мышей и кобылок). Правила поэтому различают животных безусловно вредных, как волк или тигр, и вредных только местами или временами.

Так как бродячие собаки крайне вредны для охотничьего хозяйства, а разрешение стрелять их всегда приводило к недоразумениям, то введен принцип ответственности за неряшливое держание собаки, как за незаконную охоту.

Принимая во внимание, что государство не имеет возможности так следить за охотой и так диктовать свою волю и свои ограничения в глуши лесов и на просторе полей и болот, как оно может это делать по отношению ко всем остальным промыслам, ведущимся в городах или селениях, оседлым образом, и исходя поэтому

из принципа, что урегулирование охотничьего промысла на деле фактически возможно лишь при широком применении товарищеской дисциплины и ревнивого корпоративного надзора, Правила подчеркивали [1]) руководящее значение Всероссийского Производственного Союза Охотников. Единственно, что можно пожелать, это чтобы быстрее были разработаны и опубликованы меры наказанья за охотничьи правонарушения, слишком обще оговоренные в законе.

Уголовные охотничьи нормы. Обращаясь к истории карательных мер по правонарушениям в охоте, мы видим, что наши охотничьи дореволюционные законы, по форме своей санкции, представляют три фазиса развития.

Сначало царило узаконение безграничного произвола судьи: за те или другие правонарушения в охоте постановлялось: „взять штраф большой и учинить жестокое наказание"; или: „стольникам, стряпчим и дворянам московским быть от великих государей в опале, а людям их в жестоком наказании без пощады"; или: „штрафовать не чиня никакого послабления"; или: „бить батоги нещадно", „не дерзать под жестоким наказанием" и т. д.

Философы XVIII века, представители школы естественного права, ввели в юридическую науку новую доктрину, которой подчинились и уголовные охотничьи нормы: влияние этой доктрины провозгласившей идеалом абсолютно-определенные законы, с точным определением наказания, ясно сказалось в законодательных работах конца XVIII и начала прошлого столетия.

Впервые специальный закон для всей вообще империи о наказаниях за охоту в запрещенное время, в запрещенных местах, был издан Николаем I, в 1831 году: „Государственный Совет, найдя, что в указах 1763 и 1827 годов, запрещающих охоту с 1 марта по 29 июня, не означено: какому взысканию виновные должны быть подвергаемы, согласно с заключением Правительствующего Сената, положил в дополнение к указу 8 января 1827 г. постановить: 1) чтобы с виновных, изобличенных в нарушении указов 1763 и 1827 гг., воспрещающих охоту с 1 марта по 29 июня, взыскиваемо было в штраф по 500 руб. ассигнациями, 2) чтобы те, кои не в состоянии будут заплатить такового штрафа, подвергаемы были: дворяне месячному аресту, а низкого звания люди — отсылке в смирительные дома также на месяц".

По указу же 1827 года было определено: „всех тех, кои будут изыманы в произвождении охоты с борзыми собаками, фузеями и какими бы то ни было оружиями в запретительных местах, т. е. около С.-Петербурга, Царского Села, Красного Села,

---

[1]) В первоначальной редакции 1922 г.

також и Кипненской мызы—неимущих отсылать в Военную Коллегию в солдаты, а зажиточных с каждого брать рекрута в наказание" (П. С. Зак. Р. Имп. Т. II, 1840).

Этими двумя указами отменялись прежние карательные меры.

Вскоре, именно в 1832 году, последовало новое дополнение к закону 1831 года, именно: „производящие охоту в землях казенного Ведомства в окрестностях СПб., Петергофа, Царского Села, Красного Села и Кипненской мызы, на расстоянии 30 в., а в окрестностях Москвы 15 в., без билета Егермейстерского ведения имеют быть подвергаемы токмо денежному штрафу, определенному за нарушение указа 1763 г.; те же, кои не в состоянии будут заплатить сего штрафа, имеют быть лишаемы ружей и собак, которые отбираются у них в пользу служителей Егермейстерского ведения".

Таким образом мы видим, что абсолютно неопределенные законы сменились абсолютно-определенными, одна крайность заменила другую.

Но абсолютно-определенный карательный закон об охоте господствовал не долго: его сменил относительно-определенный. Преимущество этого последнего закона несомненно: он дает судье возможность назначать наказание, в тех или других размерах сообразно с внутренними элементами, которые раскрываются из анализа каждого преступника. Уже во второй редакции Уложения (1857 г.) мы находим ряд карательных постановлений с максимумом и минимумом наказания.

„Ст. 605. За самовольное производство охоты или ловли зверей и птиц в казенных лесах, или иных местах, казне принадлежащих, и за самовольную рыбную ловлю...., виновные подвергаются взысканиям в следующей постепенности:

1) Когда охота или звериная, или птичья ловля будет производима и в дозволенное время, но без надлежащего позволения или билета, там где сие требуется, то с виновного взыскивается: сверх цены билета, от 5 до 20 рублей, и убитые или пойманные звери и птицы от него отбираются.

2) Когда самовольная охота или ловля зверей и птиц учинена там, где особыми местными постановлениями сие вовсе запрещено, то виновный подвергается: денежному взысканию от 20 — 30 руб. (по другой редакции закона — от 50 — 150 рублей, или же заключению в тюрьме на время от 7 дней до 3 недель) с отобранием от него убитых или пойманных им зверей и птиц (а).

7) Чиновники, которые допустят кого либо производить на казенных землях, без надлежащего дозволения или билета, охоту, ловлю зверей или птиц и т. п.... подвергаются за сие: в первый

раз строгому выговору, а во второй раз удалению от должности.

9) Употребляемые при самовольной охоте или ловле зверей и птиц в казенных лесах и при ловле рыбы и иных животных в казенных водах: ружья, собаки, орудия, лодки, снасти, расшивы, и другие припасы, отбираются от виновных в обеспечение следующего с них денежного взыскания. В случае, если они, в течении двух недель со дня объявления им решения, не заплатят денежного взыскания, а буде оно для сего недостаточно, то виновные обязаны доплатить остальное, и, буде они не в состоянии сего заплатить, с ними поступается по правилам в ст. 92 сего уложения постановленным [1]).

Ст. 1172. За всякую в запрещенное время какого либо рода охоту, кроме лишь ловли и истребления хищных зверей и птиц, во всех тех местах, где оная в сие время года законами именно не дозволена, виновный в том подвергается денежному взысканию: в 1 раз — 25 р., во 2 раз — 50 р., в 3 раз — 100 руб.

Ст. 1173. Кто будет разорять птичьи гнезда с молодыми птицами или яйцами, или вынимать из оных яйца в лесах, полях и около воды, за исключением лишь гнезд хищных птиц, тот за сие подвергается: аресту на время от одного до 3 дней, или буде он по закону не изъят от наказаний телесных, — наказанию розгами от 3 до 10 ударов.

Ст. 1176. За привоз в город дичи, добытой в запрещенное для охоты время, виновные подвергаются: денежным взысканиям, постановленным в ст. 1172.

1177. Чины городской и земской полиции, а в селениях управители или прикащики, старосты и вообще сельские начальники, за непринятие мер к запрещению охоты и звериной и птичьей ловли в запрещенное время и в запрещенных местах, и за допущение торговли добытою в запрещенное время дичью, подвергаются денежному взысканию от 1 — 5 рублей.

2182. Кто с умыслом истребит или испортит чужие орудия или снасти, для звериной или птичьей охоты, или же для рыболовства употребляемые, тот, сверх вознаграждения владельца за причиненные убытки, подвергаетя: денежному взысканию от 50 коп. до 10 руб.

Так всесторонне [2]) и предусмотрительно (по тому времени) охватывало охотничий вопрос Уложение, изд. 1857 г., но в Уложении изд. 1866 г. и затем в 1885 г. редакция закона была значительно изменена; некоторые другие статьи были отменены без всякой замены, а слились в одну статью. Таким образом получился

---

[1]) Замена взыскания тюремным заключением.
[2]) Некоторые статьи мы для краткости выпускаем.

тот карательный охотничий закон, который действовал вплоть до издания закона 1892 г.

Закон этот в последней редакции не получил строго научной обработки, не вытек из практических потребностей и указаний опыта и потому лишен был главнейших достоинств.

Обратимся к нашей специальной литературе и посмотрим, что наметили и выяснили наши практики-охотники в дореволюционное время.

На основании этой литературы мы отметим: 1) какие действия или упущения наша охотничья практика находит необходимым подвергать общественной уголовной каре, и 2) какие устанавливает наказания.

Все виды правонарушений карались следующими тремя взысканиями, определенными в законах уголовных: ст. 57, за охоту, а также рыбную или иную ловлю в запрещенное время в недозволенных местах, запрещенными способами, или без соблюдения предписанных правил, равно как за разорение птичьих гнезд, или продажи дичи, добытой в недозволенное время, виновные подвергаются: денежному взысканию не свыше 25 руб. (Уст. о наказ. изд. 1885 г. ст. 57).

Ст. 146. За самовольную охоту, рыбную или иную ловлю на чужих землях или в чужих лесах и водах виновные подвергаются: денежному взысканию не свыше 25 руб. (там же, ст. 146).

Ст. 915. Чины полиции, а в селениях сельские начальники, за непринятие мер к прекращению охоты и звериной, птичьей ловли в запрещенное время и в запрещенных местах и за допущение торговли добытою в запрещенное время дичью подвергаются: денежному взысканию не свыше 5 руб. (Улож. о наказ. изд. 1885 г. ст. 915).

Статьи эти были в высокой степени не удовлетворительны: законом не различалась важность проступков: все они огульно исчислены в двух статьях, без оттенков и категорий; ущерб, приносимый охотничьими правонарушениями, не оценивается более 25 руб.

Упущения чинов полиции и сельского начальства, по охранению великой отрасли народного богатства, считались чрезвычайно маловажными и почти не подлежали общественной уголовной каре, так как ничтожное денежное взыскание не свыше 5 руб., едва ли может рассматриваться как серьезная общественно- уголовная кара.

По чрезвычайной негибкости санкционирующей части уголовной охотничьей нормы, ее можно отнести к разряду абсолютно-определенных норм, которые почти ничего не представляют на усмотрение суда и которые, еще в XVIII столетии отжили свой век.

Ничтожное наказание за незаконную охоту не способно удерживать от запрещенных действий, так как получаемая от последних выгода или удовольствие неизмеримо глубже и сильнее.

Таким образом, действовавший уголовный закон об охоте, как в своей диспозитивной части, устанавливающей признаки запрещенного деяния, так равно и в своей санкционирующей части, определяющей наказание, — являлся совершенно неудовлетворительным.

Наказания за охотничьи правонарушения по закону 1892 г. и последующим, до 1917 г. постановлениям, приведены выше в соответствующих выдержках. Размеры штрафов по сравнению с в предыдущим временем, увеличены до 100 рублей и в исключительных случаях до 300 и даже 500 р. (убой зубра), но в законе остались те же коренные недостатки, о которых говорилось в применении к предыдущему закону, хотя и были введены некоторые коррективы.

В декретах и постановлениях по охоте периода 1917—1922 г. о размерах и порядке наложения взысканий или не говорится или говорится очень глухо. Лишь в ныне действующем законе об охоте правила производства охоты поставлены под защиту ст. 99 уголовного кодекса. Статья эта карает за производство охоты в недозволенное время, в недозволенных местах и недозволенными способами и приемами — лишением свободы или принудительными работами на срок до одного года с конфискацией незаконно добытого, а равно орудий охоты или штрафом до 500 рублей золотом.

Таким образом, мера наказания устанавливается альтернативно — либо принудительные работы, либо штраф.

Интересно отметить, что тогда как буржуазное законодательство помещало всегда так наз. лесные проступки (в том числе самовольная охота) в отдел имущественных преступлений, посвятив им целый ряд статей, наше революционное законодательство объединило все эти правонарушения в одну только 99 статью уг. код. и вполне последовательно, в интересах проведения принципа социализации, поместило ее в главу о государственных преступлениях[1]).

Налоги на охоту. Из исторического обзора русского законодательства мы видели, что фискальное обложение права охоты существовало у нас с древних времен (ловчий налог и пр.), но последние три столетия налог этот не играл особенной роли, сбор его производился случайно и не строго, и охотники в массе даже не подозревали иногда о существовании такого налога. Зако-

---

[1]) По Уголовному Кодексу РСФСР 1925 г. статья 33-я заменяется ст. 220-й, которая гласит: „Нарушения установленных законом или обязательным постановлением правил об охоте и рыбной ловле карается в административном порядке принудительными работами до трех месяцев или штрафом до 300 рублей".

ном 1892 г. был установлен сбор за охотничьи свидетельства в размере 3 руб. [1]) с охотника при чем поступающие суммы должны были идти на улучшение надзора за исполнением закона. т. е. на нужды самого государственного охотничьего хозяйства. Несмотря на то, что и этот налог вносился лишь небольшой частью охотников общая вырученная сумма получалась порядочная: так в 1903 году сумма сбора равнялась 1.600.000 рублей, в 1905 упала до 570.000 р., а на 1907 г. была исчислена в сумме 2.213.197 руб. Всего с 1892 года было собрано (с %% на капитал) 8.950.000 р. К сожалению суммы эти были расходованы старым правительством совершенно не по назначению, указанному законом: на постройку дома губернатора, на психиатрическую лечебницу, на прогоны чиновникам, на субсидию черносотенной газеты „День“ и т. д. Только на издание журнала „Природа и Охота“ (субсидия) отпускалось 6000 в год и 1200 ушло на печатание бланков билетов. Таким образом Министерство Внутренних Дел расхищало целевой капитал, собранный с охотников, а охотничье хозяйство страны „за отсутствием средств“ на его поддержку и упорядочение, катастрофически падало с каждым годом. Первым декретом революционного правительства в 1919 г. всякие сборы за право охоты были отменены, но уже летом 1921 г. в соответствии с политикой и продналогом, был установлен общегосударственный натуральный пушной налог на каждого охотника — 7 белок в непромысловых, 14 — в полупромысловых и 21 белку в промысловых районах.

ДЕКРЕТ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ О НАТУРАЛЬНОМ НАЛОГЕ НА ПУШНИНУ.

1. На основании постановления Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 21 марта о замене Разверстки натуральным налогом, Совет Народных Комиссаров постановляет:

Ввести натуральный налог на пушнину.

2. Размер налога исчисляется в беличьих шкурах. Сдатчикам пушнины предоставляется право замены белки шкурками другого зверя из расчета следующей пропорции: взамен 1000 белок — 15 барсов, 175 барсуков, 7000 бурундуков, 25 волков, 17 выдр, 100 горностаев, 1250 белых зайцев, 900 русаков зайцев, 1750 тумаков-зайцев (южных), 200 колонков, 175 корсаков, 40 кошек степных, 20 куниц мягких 35 куниц горских, 875 ласок, 15 лисиц сиводушек (светлых), 9 лисиц сиводушек средних, 4 лисицы сиводушки темные, 30 лисиц красных, 35 лисиц светлых степных, 140 лисиц серых (караганок), 12 медведей бурых, 8 медведей черных, 4 медведя белых, 58 норок, 5 песцов, голубых, 21 песец белый, 1000 перевозчиков (перевязка), 25 россомах, 15 рысей, 9 соболей кидасов, 5 соболей светлых меховых, 3 соболя среднего цвета (натуральный), 1 соболь темный, 350 сурков крупных, 100 тарбаганов крупных, 18000 сусликов, 3500 сусликов песчаников (крупных), 355 тюленей, 88 хорей черных (крупных), 200 хорей (белых крупных).

3. В уплату налога принимается пушнина только свежая, выходная, полного волоса, не мелкая, соответствующая обычной сортировке оригинального сырья, содержащего, включая головку 50% первого, 35% второго и 15% третьего сорта.

Примечание. Пушнина рваная, прелая, горелая, полуволосая, а также бракуемых цветов, понижающих нормальную стоимость в уплату налога не принимается.

---

[1]) При чем он не взимался в Сибири и в северных губерниях.

4. Налогом облагаются все граждане, обладающие ружьем и другими орудиями охотничьего промысла и проживающие как в непромысловых и полупромысловых, так и в промысловых районах.

5. Каждый охотник, находящийся в непромысловом районе, обязан доставить 7 шкурок, в полупромысловом — 14 и в промысловом — 21 шкурку белки и других зверей, по нормам замены § 2-го настоящего декрета.

6. К промысловым районам относятся уезды: Мезенский, Печорский, Пинежский, Усть-Важский, Канинский полуостров, Новая Земля Архангельской губ., Верхотурский у. Екатеринбургской губ., Ладожский, Повенежеский у. Олонецкой губ., Карельская Республика; Чардынский у. Пермской губ.; Березовский, Сургутский, Тобольской, Туринский, Обдорский уезды Тюменской губ.; Сибирь: Бийский, Каракорумский уезды Алтайской губ.; Канский, Минусинский, Енисейский уезды Енисейской губ.; Кузнецкий, Мариинский, Нарымский уезды Томской губ.; Иркутской губ.; Якутской области.

К полупромысловым: Башкирская Республика, Вологодская, Вятская губ., Кирреспублика, Северный Кавказ (исключая Донскую область), Холмский у. Псковской губ., Северо-Двинская, Уфимская, Тихвинский, Кириловский, Белозерский уезды Череповецкой губ., Олонецкой губ. и остальные уезды, не перечисленные в промысловых районах губернии.

Все губернии и уезды остальной территории РСФСР относятся к непромысловым районам.

7. Взимание налога возлагается на НК Продовольствия и местные продовольственные органы. Народному Комиссариату Продовольствия предоставляется право издавать необходимые постановления и инструкции по вопросу о взимании налога.

8. В целях точного исполнения настоящего декрета все местные отделы Всероссийского Союза охотников обязуются:

а) организовать точный учет своих членов, равно находящегося у них оружия и других орудий охотничьего промысла; б) предъявлять продорганам сведения о числе своих членов, имеющемся оружии как у Союза, так и отдельных его членов, по первому их требованию.

9. Ответственность за своевременное и правильное выполнение налога возлагается на НК Продовольствия и местные продорганы, на волисполкомы и сельсоветы и организации, привлекаемые НК Продовольствия к взиманию налога.

10. Плательщики, не выполнившие налога, несут личную и имущественную ответственность, в порядке административном и судебном.

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин).

За Управляющего делами В. Смольянинов.
Секретарь Фотиева.

Москва, Кремль 25 авг. 1921 г.

(Распубликован в „Известиях ВЦИК“ от 11 сент. 1921 г.).

ДЕКРЕТ О ПОРЯДКЕ ЗАГОТОВКИ ПУШНИНЫ.

1. Заготовка пушнины, кроме собираемой Народным Комиссариатом Продовольствия в порядке налога, возлагается на ВСНХ и Народный Комиссариат Внешней Торговли, для чего при ВСНХ, при Главном Управлении кожевенной промышленности образуется „Бюро по заготовке пушнины“, состоящее из представителей ВСНХ, Народного Комиссариата Внешней Торговли, Народного Комиссариата Продовольствия и Наркомзема (по одному).

2. Общее количество и сорта пушнины, подлежащей заготовке как ВСНХ, так и Народным Комиссариатом Внешней Торговли и районы заготовки устанавливается бюро по заготовке пушнины.

3. Необходимая для экспорта пушнина, заготавливаемая Наркомпродом и ВСНХ, передается Наркомвнешторгу по его требованию непосредственно со складов заготовительных организаций и обратно, заготовленная Народным Комиссариатом Внешней Торговли пушнина, необходимая для внутренней переработки, сдается ВСНХ.

4. Заготовка пушнины Высовнархозом, Народным Комиссариатом Внешней Товговли и Наркомпродом ведется через Всероссийский Союз Охотников, Центросоюз и его местные органы через специальные кооперативы, артели, товарищества и другие организации, а также через частных лиц, в порядке специальных договоров.

5. Арендаторам государственных и владельцам частных предприятий по выделке мехового сырья заготовка сырья, необходимого для их производства, дозво-

ляется в размерах, устанавливаемых „Бюро по заготовке пушнины“, и с соблюдением правил имеющей быть изданной ВСНХ по сему предмету инструкции.

6. Для заготовки пушнины путем закупки и товарообмена, устанавливаются определенные цены и эквиваленты, выработка которых поручается Бюро, указанному в ст. 1.

7. Цены и эквиваленты на местах в пределах норм, устанавливаемых совещанием, определяются для отдельных районов внутри губерний губернскими эквивалентными комиссиями, при участии представителей ВСНХ и Народного Комиссариата Внешней Торговли.

Цены и эквиваленты утверждаются губпродкомиссарами и предгубсовнархозами по соглашению.

8 Товарные фонды для обменных операций по заготовке пушнины назначаются Комиссией Использования, ВСНХ и Народным Комиссариатом Внешней Торговли непосредственно, а денежные кредиты для заготовки пушнины отпускаются ВСНХ и Народным Комиссариатом Внешней Торговли по принадлежности.

9. Заготовка пушнины в порядке настоящего декрета производится одновременно со сбором Наркомпродом налога на пушнину.

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин).
Управляющий делами Н. Горбунов.
Секретарь Л. Фотиева.

Москва, Кремль, 6 сентября 1921 г.

(Распубликован в „Известиях ВЦИК“ от 16 сент. 1921 г.).

Затем с переходом к политике укрепления финансовой системы и денежного обращения, был введен денежный налог не свыше 100 тыс. руб. (совзнаки) в год, взимаемый в пользу местных исполкомов при выдаче разрешений на право охоты; наконец, автоматически охотники подпадали под действие общегосударственного промыслового налога.

Такое трехкратное обложение, конечно, являлось чрезмерным и недопустимым по самой сложности своей и должно было быть упрощено.

Натуральный пушной налог по существу крайне неудобен и громоздок, как всякий натуральный налог. Взимание его сложно и обходится дорого, ставки его, именно в непромысловых районах, были непомерно высоки и тяжелы. Государству же от него, в виду качественных потерь, порчи раздробленных, мелких, неумело собираемых и хранимых партий налоговой пушнины, было очень мало пользы.

Что касается промыслового налога, то такой не должен бы касаться охотника промышленника. Нельзя не видеть, что охотничий промысел по существу отличается от других кустарных промыслов. Охотник промышленник в ближайшее время ничем от государственной организации не сможет воспользоваться, пока промысел его существует в современной экстенсивной форме добывания зверя и птицы в лесах и тундрах.

Наконец, местный сбор за право охоты по структуре своей не выдерживал критики. По размеру своему он носил элемент случайности. Он нарушал принцип свободной охоты и принцип равен-

ства; охотник, заплативший свой взнос в одном уезде, переезжая по службе или другим обстоятельствам в течение того же сезона в другой, или третий уезд—подвергался там требованиям второго и третьего платежа.

Все эти три разнородные и несогласованные, неудачные по структуре налога должны были быть заменены общим единым государственным денежным охотничьим налогом, простым и стройным, гарантирующим доход государству. Такой налог связан с точной регистрацией охотников и технически должен быть приурочен к выдаче билетов на право охоты; последняя, разумеется, должна быть централизована.

На местные нужды должен идти не особый отдельный налог [1]), но определенная часть этого единого общегосударственного охотничьего налога, при чем должно быть совершенно установлено, во-первых, что этот отпуск части охотничьего налога на местные нужды не имеет ничего общего с оплатой права охоты в данном районе — право охоты на всей территории РСФСР одинаково принадлежит всякому охотнику, получившему на данный год свой билет и уплатившему государственный налог, и во-вторых, что упомянутая часть этих средств поступает в распоряжение местных органов НКЗ, несущих на себе и охрану охотничьего хозяйства и охотничьих угодий, и борьбу с вредителями скота, а остальная часть налога поступает в общегосударственный орган — Управление охотой при НКЗ.

Так смотрел на охотничьи налоги III С'езд Всеросс. Союза Охотников в 1922 г.

Пушной налог был сначала снят с рабочих и служащих (14 III 1922 г.), а затем и совсем отменен (1 VII 1922 г.). В августе (22 VIII—22 г.) выходит постановление ВЦИК и СНК об изменениях перечня местных налогов и сборов, где местным исполкомам предоставлялось право устанавливать налог на право охоты на основании особых правил и на основаниях, установленных для городских поселений.

Одновременно с декретом 1 марта 1923 г. опубликовывается и постановление ВЦИК и СНК „об охотничьем сборе", по которому каждый охотник облагался государственным налогом в размере 5 руб. дензнака образца 1923 г. в полугодие, и на местные нужды допускалась надбавка не свыше 50%. После некоторых добавлений и разъяснений, в окончательном виде с 15 февраля 1924 г. охотничий сбор в СССР производится на следующих основаниях.

---

[1]) Местные налоги на охотников могли бы разрешаться в крайнем случае при условии взимания их со всех местных охотников, а не только приезжих, некоренных жителей, и при условии обращения их на охотничьи нужды. Повторяем, охотник-промышленник и так отдает государству больше других тружеников, а получает меньше.

„1. Каждый охотник, имеющий, в силу постановления Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совнаркома от 1-го марта 1923 г., право производить охоту при помощи огнестрельного оружия или другими дозволенными способами, облагается государственным сбором в размере 1 руб. 50 коп. в червонном исчислении за календарное полугодие (Постановление ЦИК и СНК от 28 февраля 1924 г. Известия № 50 29 февраля 24 г.).

Примечание. От уплаты охотничьего сбора освобождается промысловое население в охотничьих промысловых районах [1]).

2. Сбор взимается местными органами при выдаче удостоверений на право охоты и вносится в доход казны по соответствующему параграфу доходной сметы Наркомзема.

3. Замена денежного охотничьего сбора натуральным не допускается.

4. Губернским съездам Советов или их исполнительным комитетам предоставляется право устанавливать к государственному сбору за право охоты надбавки на местные нужды в размерах не свыше 50% указанной в статье 1 ставки.

5. Кроме установленного настоящим постановлением сбора охотничий промысел не подлежит никакому иному денежному или натуральному обложению РСФСР и всех союзных с нею Республик.

Согласно постановления НКФ СССР от 26 III с. г. за № 0425285 охотничьи свидетельства и заявления об их выдаче свободны от гербового сбора“.

Таким образом фактически охотники теперь платят 4 р. 50 к. охотничьего налога.

Натуральный пушной налог по декрету 1921 г. приблизительно выражается, на золотые рубли, в размере 1 руб. (7 белок) в непромысловых, 2 руб. (14 белок) в полупромысловых и 4 руб. (21 белка) в промысловых (где белка лучше и подороже) районах; и налог этот успел вызвать против себя настойчивые возражения в виду чрезмерной высоты.

III Съезд охотников высказался в том смысле, что размер должен быть повсюду однообразным, как и проведено в последнем постановлении. С одной стороны, охотник полупромысловых районов добывает значительно больше, чем в непромысловых, а в промысловых — еще значительно больше. Кроме того, охотник непромысловых районов уже оплачивает государству иными путями разные сборы, как земледелец, рабочий, служащий или

---

[1]) Перечень коих устанавливает НКЗ по соглашению с ВСНХ.

торговец. Эти соображения говорят за то, чтобы не понижать обложения в более глухих, более промысловых в охотничьем смысле местах. С другой же стороны, в этих более глухих местах рубль всегда стоит дороже чем в центральных частях СССР. Кроме того, как уже отмечено, население этих мест получает от государственной организации неизмеримо меньше, чем население средней и южной европейской части СССР и южной Сибири, и живет в гораздо более суровых условиях и потому облагать его в повышенном размере совершенно недопустимо. Нет никаких оснований и к тому, чтобы повышенно облагать городских охотников. Они силою вещей тратят на охоту больше средств, чем деревенские, и хотя, по той же причине, добывают меньше, за то делают пропорционально больше для организации охотничьего хозяйства,—как лица, в среднем более сознательные и ближе стоящие к правительственному механизму.

При этом надо помнить, что охотник еще заплатит в свой союз, несущий целый ряд чисто государственных задач по охранению и улучшению охотничьего хозяйства Республики — в общей сложности в настоящее время выходит около 10 руб. в год.

К установлению размеров охотничьего налога и других сборов надо относиться весьма осторожно в виду непривычки широких масс к этому налогу, часто тяжелому экономическому положению и легкой, сравнительно, ускользаемости от этих повинностей. Между тем охотник, не платящий налога, уже не может быть членом Союза, ускользает от всякой регистрации и влияния Союза и начинает приносить вред государству вдвойне — и как не плательщик налога и как злостный браконьер. В гл. XII мы увидим на цифрах, что только Союз гарантирует правильное поступление налогов и надо сделать все, чтобы членами Союза могла бы быть и беднейшая часть населения СССР.

Аренда охотничьих угодий. Вопрос о налогах с охотников и вместе с тем доходах государства от охоты, может встать в совершенно другую плоскость, если мы обратим внимание не на отдельного охотника, как на объект фискального обложения, а на обложение самого факта использования охотничьих угодий и извлечения охотником из этого факта известных выгод.

Мы говорим об аренде охотничьих угодий.

Перед самой войной мы застаем этот вопрос в таком положении: почти вокруг каждого города, — более или менее крупного, — кольцом стояли охотничьи угодья, арендованные какой либо организацией, либо отдельными лицами.

В местах арендованных, в большинстве случаев, пытались вести охотничье хозяйство на рациональных началах: арендаторы, чувствуя себя хозяевами, принимали меры к охране и размножению дичи и т. д., и т. п.

Конечно, в большинстве случаев главным побудителем для этого были не интересы охотничьего хозяйства, а узкоэгоистический интерес хозяина-собственника, заботящегося о том, чтобы в будущем иметь на своих угодьях большее количество дичи и, следовательно, большее удовольствие.

Революция смела все это, и такая аренда угодий канула в вечность. Однако, к стыду нашему, приходится сказать, что многие бывшие в аренде места, когда то раньше кишевшие дичью, ныне превратились в пустыню. В свое время много и долго писали об этом печальном явлении и предлагали те или иные меры к тому, чтобы восстановить охотничье хозяйство. Но в настоящее время приходится констатировать, что в большинстве случаев мы еще не доросли до того, чтобы везде чувствовать себя хозяевами и по хозяйственному подходить к объектам охоты, с которыми мы сталкиваемся. ВПСО, несмотря на свое старание, тоже не мог стать фактическим хозяином охотничьего дела: не было для этого ни нужных сил, ни нужных средств.

Единственным хозяином всех охотничьих угодий Союза Республик в настоящий момент является государство.

Однако, хозяйствование это скорее юридическое, чем фактическое, так как у государства нет, да, надо думать, вряд ли скоро будет тот необходимый специальный аппарат, который мог бы реально осуществить права и обязанности хозяина в охотничьем деле.

Помимо этого, следует иметь в виду, что тяжелое хозяйственное положение, как естественный результат империалистической, а затем гражданской войны и экономической блокады, властно вызывает необходимость извлекать доходы из всех отраслей хозяйства страны.

Сделать из права охоты доходную статью бюджета могут только две меры: или сдача охотничьих угодий в аренду, или же высокое обложение каждого охотника налогом за право охоты.

Вопрос о высоком налоговом обложении охотников рассмотрен выше и несостоятельность этой меры достаточно освещена.

Повидимому, лучшим выходом из создавшегося положения явилась бы сдача государством охотничьих угодий в аренду, в первую голову и преимущественно перед всеми другими организациями и учреждениями — охотничьим Союзам.

Если эта мера будет проведена [1]), то государство, помимо того, что без затраты с своей стороны каких либо средств

---

[1]) На Украине это было сделано (1924 г.) и ВУСОР являлся арендатором всех госуд. охотничьих угодий на 1 год за 40.000 (?) руб. в год. Договор не был возобновлен благодаря тяжелым материальным обстоятельствам в Союзе и некоторым другим причинам.

и оставляя за собой право регулирования будет получать ежегодную арендную плату, получит еще такого арендатора, который, будучи кровно заинтересованным в охране охотничьих богатств и имея могучий и широко разветленный аппарат на местах, сумеет фактически охранить интересы охотничьего хозяйства от посягательств, как со стороны несознательных легальных охотников, — т. е., при этой постановке дела только членов Союзов, — так и со стороны браконьеров.

Но помимо этих непосредственных выгод, которые может получить государство в случае осуществления такого мероприятия, оно окажет этим крупную, почти неоценимую услугу и охотничьим союзам.

Охотничьи Союзы в этом случае получат в действительную хозяйственную эксплоатацию все охотничьи угодья и, несомненно, примут все меры к тому, чтобы не допускать не своих членов к производству охоты на своих угодьях и чтобы природные рессурсы на этих угодьях не уменьшались.

Охотничий Союз действительно сможет в этом случае стать хозяином положения, — и неприем в число членов охотничьего объединения того или иного лица или исключение его из числа членов за те или иные нарушения охотничьей этики или кооперативной дисциплины будут являться страшной угрозой для каждого охотника, так как, помимо охотничьего Союза, никто ему предоставить охотничьи угодья не сможет.

Да и охотнику в этом случае будет легче, так как надо думать, что, в связи со сдачей в аренду всех охотничьих угодий, всякие иные налоги, прямо и косвенно лежащие сейчас на праве охоты, отпадут.

Охотник будет платить только в свое объединение и платить за право пользования охотой, а не за что либо другое.

Но, конечно, и на охотничий Союз ляжет целый ряд обязанностей, как по отношению к государству, так и по отношению к своим членам. Интересы государства будут требовать от него принятия целого ряда мер по охране объектов охоты и осуществлению культурно-охотничьих мероприятий на арендованных угодьях.

Само собой разумеется, что и членам объединения должен быть предоставлен целый ряд удобств как экономического, так и культурного свойства.

Средства же, получаемые государством от такого рода эксплоатации охотничьих угодий, на наш взгляд, должны быть также,—по крайней мере в большей своей части и во всяком случае в первые годы, — израсходованы на осуществление мероприятий в области охоты, имеющих государственный характер, и лишь государством и могущих быть осуществленными.

Эти мероприятия в первую очередь заключаются в создании по всему Союзу Республик планомерной сети государственных заповедников.

Конечно, не сразу и не в первый год возможно будет осуществить весь этот план, но первые шаги в этом направлении сделать будет возможно, и необходимые для этого средства у государства будут налицо.

Помимо всего этого, при осуществлении такого плана у охотничьего хозяйства появится реальный хозяин, которого мы так долго ждали и которого мы только тогда сможем приобрести.

Этот хозяин будет не каким-то отвлеченным, где-то сидящим чиновником, ничего почти не знающим о жизни охотника и не могущим, вследствие этого, входить в их интересы. Этот хозяин будет везде, и в первую очередь будет заботиться о постановке охотничьего дела на подлежащую высоту, главным образом, у себя, там, где он сам живет, там, где плоды своих трудов он сможет всегда осязать и видеть и где на своих ошибках или промахах он сможет учиться сам и учить других.

Мы, русские охотники, еще не доросли до того счастливого времени, когда мы все, как один, будем болеть интересами всего нашего дела в целом, когда общественный инстинкт и забота об общем благе будут стоять у нас на первом плане, а интересы общего дела будут затрагивать нас ближе, чем интересы личные или небольшой группы окружающих нас людей.

В современных условиях достаточно думать только о том, чтобы привить эти инстинкты и эту сознательность в массы пока хотя бы в зародыше. Приближение массы к работе только местной, вовлечение ее творческих способностей в работу на первое время только в местном же масштабе, создание экономической и культурной заинтересованности охотников в существовании только своего местного объединения,—короче говоря, привитие только основного, первичного принципа коллективизма, — явится для нас уже успешными первыми шагами по торной дороге, ведущей к осуществлению тех более далеких и широких задач, которые ставит перед собой охотничья кооперация.

Создать из одного, из двух, из десятка, сотни или тысячи охотников крепко спаянного и единообразно думающего и действующего коллективного хозяина, хотя бы только своих охотничьих угодий,—это уже будет колоссальная заслуга перед нашим общим делом.

Вовлечь впоследствии этого коллективного хозяина в работу более крупного масштаба будет не так уж трудно.

Заставить сейчас какого нибудь пинежского или енисейского промышленника болеть душой за погибающих на Кавказе зубров

или истребленных под Ленинградом фазанов очень трудно, чтобы не сказать — невозможно. Но несравненно легче заставить его же близко проникнуться интересами того района, где он живет и охотится, и повлиять на него так, чтобы он действительно почувствовал себя хозяином своих угодий и по хозяйски себя на них вел.

И почти всякий охотник будет разбираться в делах своего района и, достаточно организованный, прекрасно станет хорошим хозяином охотничьего дела в пределах этого района.

Право на диких животных. Если вопрос об аренде охотничьих угодий Союзами и пройдет в ближайшее время, то все же фактически, в течение ряда лет мы будем наблюдать, что отдельные арендованные площади охотничьих угодий будут вкраплены в общую территорию СССР; постепенно, с нарастанием и укреплением местных союзов, площади эти будут увеличиваться в количестве и в объеме, пока не сольются воедино по всей СССР. До этого времени, а отчасти и после, неизменно будут возникать вопросы о праве на диких животных, — в случае их перехода границ отдельных угодий, убытков от потрав, и пр. Постараемся осветить несколько эти сложные вопросы, всегда возбуждавшие массу споров.

Вопрос об отношениях человека к диким животным — вопрос о праве на дичь — стар как наука права, но до сих пор не ясен. Дичь — „божья, ничья“ — говорят одни; дичь — бесхозяйная вещь — полагают другие; дичь — принадлежность земли и как таковая — собственность ее (земли) владельца — утверждают третьи.

Все эти определения имеют в себе долю правды, но далеки от правильного разрешения вопроса о праве на дичь. Римское право считало дичь за бесхозяйную вещь (res nullius) и захват ее каждым желающим считало за приобретение им права собственности на ту вещь, не указывая, при какой обстановке допустим был такой создающий право собственности захват. В позднейшие времена, с развитием гражданского оборота, с приобретением большей ценности имуществами, начала захвата, как источника права собственности, подверглись ограниченному применению, а вместе с тем уменьшилось и количество вещей, подлежащих захвату.

Бесхозяйная вещь и захват ее — понятия — более свойственные первобытному состоянию человека, когда вещи делались добычею того, кто подчинял их своей власти. Теперь способы подчинения своей власти каждой вещи более регулируются нормами права, чем прежде, а потому на судьбу вещи, хотя бы по своему состоянию и не поддающуюся непосредственному воздействию всех трех моментов, составляющих право собственности (владение, пользование, распоряжение), т. е. не принадлежащую никому на

праве собственности, главное влияние имеет тот способ, та обстановка, при которой вещь захватывается. По новым законодательствам в Западной Европе, хотя дичь и считается бесхозяйною, но лишь в том смысле, что она, находясь в состоянии естественной свободы, не имеет собственника, а право захватить эту вещь строго регулируется и признается лишь за лицами, его в силу закона имеющими.

В сущности, в понятие „право на дичь“ входят два самостоятельных между собою различных момента: право собственности на дичь и право на завладение дичью. Первое, в строгом смысле юридического права, приобретается на дикое животное лишь посредством завладения им (живым или мертвым), безразлично кем — собственником земли, на которой животное убито или поймано, или другим лицом, по особенному праву охоты; второе безусловно принадлежит собственнику угодий, (т. е. у нас государству), на которых дичь водится, или лицу, которое от собственника то право приобрело. Отсюда трактовать самостоятельно право на дичь, безотносительно к правам на те угодья, где она водится, ловится или убивается, видеть в дичи, пока она жива и на свободе, самостоятельный объект права собственности нельзя, она им не может быть, ее судьба неразрывно связана с правами на недвижимость.

Итак, вопрос о праве собственности на дичь должен быть решен в том смысле, что дичь (находясь в состоянии естественной свободы) объектом этого права считаема быть не может. Судьба ее связана с правом на угодья, где она водится, где ее ловят, убивают, завладевают ею, т. е. с правами охотника на пользованпе теми угодьями. Но так же как земельный участок можно сдавать в аренду без права напр. эксплоатации леса, так у нас в СССР теперь право на дичь отделено от права пользования самой землей. Такое разделение мы видим и в старину, в наше же время буржуазное законодательство смотрит иначе.

Акт завладения дичью, по его взглядам, может иметь место только на земле, которая всегда кому нибудь принадлежит, а стало быть он связан неразрывно с пользованием землею, и чтобы иметь право совершать действия, направленные к завладению дичью, т. е. охотиться, необходимо иметь право пользоваться землею. Следовательно право на охоту несомненно принадлежит тому, кому принадлежит право пользования землею. Для охоты на чужой земле нужно письменное дозволение собственника, дичь у незаконных охотников отбирается в пользу собственника или арендатора охоты. По старому законопроекту 1903 года, вносившемуся в Государственную Думу, право охоты признавалось за владельцем угодий. Правда, в том же законопроекте, рядом с правом охоты, вводились как будто самостоятельные еще право „пользования охотою“, право „производства охоты“. И то и другое право (пользования. производства) суть отнюдь не самодовлеющие институты,

а лишь способы осуществления „права охоты“. А потому все то, что говорилось в законопроекте о праве производства и праве пользования охотою, следует отнести к праву охоты, имевшем в своем основании право собственности на недвижимость.

Это положение нисколько не колебалось необходимостью выбирать охотничьи свидетельства. Эти последние, выдаваемые при взносе определенной платы, являются как бы удостоверением того, что данное лицо уплатило установленный законом налог, их значение совершенно равнозначуще с значением извозчичьей жестянки (номера), торгового свидетельства, велосипедного значка; охотничьи свидетельства отнюдь не создают какого то особого права или привилегии.

Буржуазное законодательство в своем отношении к праву на дичь базировалось на следующем соображении. Собственник земельного участка не во всякий момент господствует над дикими животными, не во всякий момент знает об их существовании; дикие звери и птицы беспрестанно перемещаются, беспрестанно переходят из одного земельного владения в другое, от одного собственника к другому; но за этой беспрестанной переменой пребывания, в дачах разных владельцев, продолжающегося хотя бы ничтожные доли минуты, следует и беспрестанная перемена права собственности на зверя и птицу, беспрерывное прекращение господства над зверем одного собственника и возникновение права другого. И природа этого права собственности остается по существу одной и той же — будет ли господство над зверем продолжаться секунду или целые десятилетия, так как природа права не определяется временем, так как дикие животные в юридическом отношении характеризуются свободою перехода с места на место. Эта неразрывная связь права на дичь с правом на землю, оправдывалась и практическими соображениями: дикие звери и птицы, должны считаться принадлежностью того земельнаго участка, на котором они в данный момент находятся, так как самое перемещение их с места на место, бродячая жизнь их обусловливается главным образом исканием пищи. Большая или меньшая задержка их в той или другой даче, появление множества налетных птиц после вывода детей, расположение сборных мест зависят от обилия и качества корма.

Вообще жизнь и всякое движение животных, как это твердо установлено наукою, строго сообразованы с изменениями среды, где держатся эти животные. Живя на счет той или другой дачи, дичь является в составе ее нераздельно и хозяйственною тягостью, и хозяйственною выгодою. Если дикие животные принадлежат к составу дачи, на которой в данный момент находятся, если продолжительность пребывания их не имеет никакого значения для природы права, то очевидно, что преследование зверя или птицы, переместившихся во время охоты в чужую дачу, не может быть до-

зволено, потому что, с перемещением зверя или птицы в чужой участок, прекращается право собственности на этих животных прежнего владельца и устраняется всякая возможность осуществить это право. На основании этого раненый зверь, перешедший в чужую дачу и упавший здесь от ран, принадлежал собственнику этой земли. Медведь, нечаянно стронутый собственником и залегший в чужой даче, принадлежал собственнику этой последней дачи, хотя бы владелец первой лежки зверя представлял неоспоримые доказательства, что „пята“ принадлежит ему. Зверь, поднятый на земле собственника и затравленный в чужом поле, или сгоненный гончими в чужом лесу, принадлежал владельцу этого поля и этого леса, а лицо, захватившее зверя, считалось незаконным его владельцем; самая же охота, если она произведена была без разрешения хозяина земельного участка, была самовольная охота.

Как мы видели раньше (гл. X), охотничьи племена нашего Севера и Сибири также признают, что все дикие животные, находящиеся в их угодьях, составляют принадлежность этих угодий и подлежат праву собственности их хозяев; господство же их над зверями, перешедшими в чужие угодья, утрачивается, так как они не в праве без дозволения местных жителей промышлять на чужих землях. Они признают, что ловец отнюдь не становится собственником зверей и птиц, пойманных в чужом угодье, а только незаконным их владельцем и должен отдать всех или половину добытых зверей и птиц настоящему собственнику животных, хозяину угодья. Это охотничье право, созданное народной жизнью, вековым опытом настоящих звероловов и птицеловов, кочующих и бродящих по необозримым пространствам Сибири, имеет свои корни в исторических условиях жизни.

Если дикие животные — звери и птицы — признаются принадлежностью земельного участка, на котором они находятся, хотя бы их более или менее постоянные гнезда, логовища и т. п, были в другой даче; если право собственности на диких зверей и птиц возникает с момента появления их на данном земельном участке; если зверь и птица с момента появления их на том или другом участке считается собственностью владельца этого участка, то и вопроса о взысканиях за потраву не может возникать, так как потрава эта производится собственными зверями и птицами, и нет лица, с которого можно было бы взыскивать за вред и убытки: прежний владелец этих зверей и птиц, на участке которого, быть может, ежедневно пребывают звери и птицы определенное время суток, теряет право собственности, с момента перехода их в чужое владение.

Опасность, угрожающая имуществу со стороны диких зверей и птиц, может быть двоякого рода: опасность предвидимая, угро-

жающая более или менее систематически или в определенные сроки, имеющая длящийся характер, и опасность неожиданная, которую невозможно было предотвратить: налетят, например, на созревающее просо стада гусей или журавлей, на коноплю — чайки, на горох — журавли — и потравят поля. Устранить здесь право на защиту, очевидно невозможно: никто не останется спокойным зрителем расхищения и повреждения своего имущества. Государство должно отказаться от требования соблюдения установленных им норм, как скоро посягательство на них определяется действительною необходимостью. Признание права защиты от грозящей или наступившей опасности присуще всем законодательствам на всех ступенях развития[1]).

Иностранные законодательства решают вопрос о праве на зверя, перешедшего в чужое угодье, почти единогласно в таком же духе, как и в русском, только что описанном старом законодательстве.

Основные требования от охотничьего закона. В заключение настоящего отдела „об охотничьем праве“ следует вкратце указать ту основную точку зрения, с которой надо смотреть на охотничий закон вообще.

Дичь, т. е. животные, служащие объектами охоты, как и все остальное неприрученное, не разведенное искусственно и не находящееся в огороженных парках и зверинцах животное население страны, есть национальное достояние, одна из составных частей народного богатства. Одни из этих животных имеют или могут иметь прямую рыночную ценность, другие приносят хотя и трудно учитываемую, но явную материальную пользу (грачи и луни на пашне, вороны и коршуны на бойне), третьи, наконец, представляют эстетическую ценность (певчие птицы, аисты в селениях, даже крупные хищники, пока они многочисленностью не нарушают равновесия природы). Поэтому государство не только в праве, но и обязано охранять это достояние для блага живущего и будущих поколений и принимать для этого все необходимые меры, даже и самые суровые и стеснительные, если это действительно нужно.

С другой стороны, охота есть не только глубоко коренящаяся в душе человека и трудно победимая страсть, не только не разрушающая благосостояния экономического, физического и нравственного, но зачастую и могущественно отвлекающая человека от вина, карт, разврата, — это есть и занятие здоровое для души и тела, закаляющее их, сближающее с природой и во всех отношениях полезное, а на площади доброй половины СССР являющееся и важным, часто единственным, источником пропитания и заработка.

---

1) За исключением феодальнаго, когда крестьянин не мог убить или прогнать дичь или зверя уничтожавших его посевы.

При огромных пространствах СССР, мало тронутых культурой, — при вошедшей в пословицу бедности даже средних слоев ее населения, — при климате, мало способствующем жизни на воздухе и разного рода физическому спорту, — при крайней продовольственной необеспеченности промысловой, неземледельческой полосы, — задача охотничьего закона в том, чтобы упорядочить это занятие, уничтожить элемент хищничества и тем оградить охотничьи и промысловые богатства страны от истощения без нарушения законных жизненных интересов промыслового населения.

Другими словами усиленное охранение дичи от истребления безусловно необходимо, но, дабы охранение дичи в интересах будущих поколений не обращалось в нарушение интересов поколений живущих, это охранение должно, и вполне может, строиться на строго объективном фундаменте, на ограничениях сроков, и способов (собирание яиц, сети и т. п.), и объектов (матки, молодежь) охот, — словом, на основаниях справедливых и равных для всех, но отнюдь не на искусственном уменьшении числа охотников, путем исключения из их числа малоимущих, не могущих нести высоких налогов и взносов лиц.

Такова должна быть основная точка зрения на охотничий закон с теоретической, принципиальной стороны. Но в вопросах законодательства отнюдь не меньшую важность имеет и сторона практическая. Закон, остающийся только на бумаге, не исполняющийся — есть зрелище явно соблазнительное и развращающее, — есть публичная наглядная проповедь беспорядка и анархии. Совершенно тоже относится и к отдельным постановлениям разных законов. Поставьте рядом с разумными и полезными статьями закона такую статью, которая, по чрезмерной ли стеснительности, по невозможности контроля или по другим каким либо причинам будет вызывать частое нарушение; и несомненно привычка нарушать некоторые правила данного закона легко распространится и на другие. В такой стране как СССР, с ее еще мало культурным и во всех слоях народа слишком мало еще дисциплинированным населением, и в такие времена, как настоящее, времена усиленного перестроения как старинных основ быта, так и внешних его государственных форм, — особенно важно проектировать законы, особенно законы ограничительные, каким необходимо должен быть охотничий закон, — так, чтобы они заключали в себе лишь постановления простые, ясные, общепонятные и притом действительно необходимые. Все лишнее, сомнительное, спорное — должно безжалостно вычеркиваться, дабы не затруднять и не осложнять собою надзора за соблюдением существенных и необходимых частей закона.

И это основное требование простоты, понятности и необходимости постановлений закона с совершенно особенною строгостью

должно применяться именно к охотничьему закону. Ведь охотничий закон имеет применение по существу дела более в провинции, чем в столицах, более в деревне, чем в городах: он простирает свои запреты на простор полей, в глубь лесов и болот. И если на огромных, редко населенных пространствах нашей страны всякий закон трудно охранять при пассивном равнодушии, а то и глухом противодействии широких слоев населения, то о действительном проведении охотничьего закона в жизнь, об успешной защите его в лесной глуши смешно и мечтать, если не обеспечить ему деятельного сочувствия, активной поддержки большинства живых охотничьих сил на местах. А для этого и нужно: тщательно отделить стеснения, безусловно необходимые для достижения единственной цели охотничьего закона (охрана дичи), от таких, без коих можно обойтись; — серьезно считаться с историей вопроса (хотя бы и плохой, так как у нас, к сожалению, история охотничьего закона заключается в фактическом его не исполнении), избегая по возможности резких скачков и переломов; и помимо всего остального безусловно щадить ясно выраженное чувство справедливости и вообще этические понятия значительной части тех самых местных охотничьих сил, деятельная поддержка которых составляет непременное условие самого существования охотничьего закона на практике.

Только с водворением цельной и справедливой системы охотничьих законоположений, выросших из нашего быта, охотничье хозяйство станет, наконец, твердо на ноги, и установится правильное пользование живым богатством, а вместе с тем явятся для страны новые условия наиболее систематического экономического развития.

В России не было ни одной отрасли народного хозяйства более неустроенной, чем хозяйство охотничье.

Пожелаем же быстрейшего устроения великого охотничьего хозяйства СССР. Пожелаем также, чтобы в основу положений законодателя легла наука, — этот беспристрастный судья прошедшего и надежный руководитель настоящего.

Управление охотой.

Как бы ни был хорош охотничий закон, но без сильного и правильно организованного управления охотой — центрального и местного, — он остается лишь бумажным измышлением почти не имеющим практического значения. Проследим историю управления охотой в России с древних времен и до наших дней.

Заведывание охотою в старину и до конца XIX в. Охрана княжеских и царских „звероловств“, „птичьих ловель“, „зеремян“ и пр., заве-

дывание обширными заповедными охотничьими угодьями, надзор за исполнением правил о торговле сибирскими соболями и другими „заповедными товарами“, надзор за взиманием установленных за охоту пошлин и оброков, за пользование казенными бобровыми и звериными гонами, а также и надзор за исполнением общих правил об охоте — все это требовало твердых норм и особых учреждений, которые могли бы поддерживать законный порядок. Охота составляла древнейший источник государственных доходов и даже в XVII и в начале XVIII столетия ясачный сбор занимал видное место в росписи государственных доходов, именно второе место в ряду статей прямого налога. Естественно, что заботы правительства должны были сосредоточиваться на этой, тогда важной, отрасли государственной жизни.

Со времени Иоанна III (в 1462 г.), когда управление в России стало приобретать правильность, когда вместо лиц, которые случайно назначались для разных дел, были учреждены постоянные присутственные места, делами государственными начали заведывать главные управления, называвшиеся „Приказами“. По степени власти это были высшие правительственные и судебные места. Главное различие между приказами состояло в том, что одни из них заведывали известным родом дел во всем вообще государстве, или, по крайней мере, в значительной его части; другие же имели в своем ведении только определенную часть государства. Охота и охотничьи промыслы в обширном смысле находились в ведении как приказов первого рода (Конюшенный, Ловчий, Сокольничий, Приказ тайных дел и Большого Дворца), так и второго рода (Казанский и Сибирский).

В 1496 г. был учрежден в Московском Великом Княжестве Конюшенный Приказ и к его ведению было отнесено все, что касалось царской звериной охоты: все принадлежности для охоты, охотники, с помощью которых производилась охота, и, наконец, заведывание рощами, в которых велась охота. Следует заметить, что почти вплоть до XVIII столетия между личною собственностью князя, царя и государственными имуществами никакой черты не проводилось и разделения понятий не существовало, так как еще в первую эпоху русской истории возникло и окрепло убеждение, что все земли и имущества, не составляющие частной собственности, суть княжьи, царевы, государевы. Следовательно круг ведения Конюшенного Приказа по делу охоты был обширен. Приказом этим управлял „конюший боярин, ясельничий да дворянин“. „А кто бывает конюшим“, — свидетельствует Котошихин, — „и тот первый боярин чином и честью и когда у царя после его смерти не останется наследия, кому быть царем, кроме того конюшего иному царем быть некому, учинили бы его царем и без обирания“.

В 1509 году все, что касалось звериной охоты, было изъято из ведения Конюшенного Приказа и передано в учрежденный тогда Ловчий Приказ, которым заведывал ловчий.

Заведуя всей охотой, обширными государевыми заповедниками, Ловчий Приказ был судебным местом для людей, состоявших по роду дел под его управлением. Для приведения в действие распоряжений и для исполнения разных поручений при Ловчем Приказе состояли „дети боярские“. Увольнение от должностей зависело от Верховной власти. Ловчий Приказ, во главе с начальником — ловчим, действовал именем государя, и по степени власти был высшим правительственным и судебным по роду дел местом. Дела, которые не могли быть в нем решены, представлялись на усмотрение царя.

Таким образом, ловчий был одним из высших придворных сановников, состоящих во главе главного управления царскою охотою. По городам же, в местном управлении, высший надзор за охотою принадлежал воеводам. В наказе воеводам говорится: „воевода обязан тщательно надзирать, чтобы леса не истреблялись, чтобы Государева звероловства охранялись, для чего стрелки и звероловы ему подчиняются, и чтобы хищные и вредные животные истреблялись по возможности“.

Приказ Тайных Дел, до учреждения Приказа Сокольничьего, ведал соколиную охоту, сокольников, потешных птиц. Приказ же Большого Дворца ведал оброки за пользование охотничьими угодьями. Из местных приказов охотничьим делом, в обширном смысле, заведывал Сибирский Приказ вместе с Казанским, именно, — он ведал „мягкую казну“ (пушнину) и все, что до нее касалось. Он следил, чтобы соболи не вывозились за границу, чтобы никто не занимался ловлею зверей, кроме „ясачных людей, татарова, чюваша и вотяки и иные“, чтобы соблюдались правила относительно поступления соболей известной стоимости исключительно „на царя“; наконец, он учреждал заставы, судил и наказывал за правонарушения в определенных случаях и пр.

Таким образом, из вышеприведенного ясно, что заведывание охотничьим хозяйством встарину сосредоточивалось преимущественно в Приказах: Ловчем и Сибирском.

С именем Ловчего соединялись большие полномочия, обширная власть, равная по своему значению власти начальников других Приказов, этих высших государственных управлений.

С течением времени, когда Ловчий Приказ был упразднен, звание с другим объемом власти, удержалось.

Одной из основных побудительных причин внимания, проявляемого государством к пушному промыслу в XVII и XVIII столетиях, представляет политический интерес к расширению русского владычества в Сибири для эксплоатации ее богатств и

интерес к пушному промыслу как источнику, государственного дохода.

Но в XVIII столетии в связи с реформами Петра I и введением подушной подати — которая изменила соотношение источников государственного дохода, так что доход от мехов и пушнины стал незначительным в сравнении с новыми доходными статьями государства, затем реформы Екатерины II, освободившие охоту от монополий сборов и пошлин со стороны казны — способствовали отвлечению внимания от этой отрасли хозяйства, уже не представлявшей для государства прежнего фискального интереса, так что конец XVIII и значительная часть XIX столетия, с точки зрения политики охоты может быть охарактеризована для России, как эпоха „всевозможных свобод“ в пользовании охотой, подобно той „всевозможной свободы“ в пользовании лесом, которая была установлена реформою Екатерины II в лесном хозяйстве России.

Результат этого не замедлил сказаться, и не только в материальном ущербе, понесенном русским охотничьим хозяйством вследствие истребления промысловых и охотничьих животных, но главным образом тем, что он лишил государственную власть и русское общество привычки оценивать государственное значение этой отрасли хозяйства, превратив ее по мнению многих в забаву недостойную государственного внимания; вместе с тем свобода охоты сопровождалась разрывом с охранительными традициями законодательства прошедшего времени, имевшем в виду почти исключительно нормировку промысла и торговли, то есть народно-хозяйственные задачи, тогда как новейшее законодательство приобрело спортивный характер, совершенно не отвечая государственному значению трактуемого предмета.

Соответственно всему вышесказанному и управления охотой в России в XVIII и XIX почти не существовало, и во всяком случае практического значения в жизни населения оно не имело.

Некоторые начинания в середине XIX века были также мертворожденными.

Так в 1846 г. „высочайше утверждено“ было положение Комитета Министров об истреблении волков, преимущественно в западных и юго-западных губерниях. Для устройства общих облав, выдачи наград за волков, учреждены были должности ловчих, при чем уездный ловчий назначался губернатором и подчинен был исправнику.

В 1847 г. была учреждена должность почетных губернских ловчих из дворян в губерниях, где введено положение Комитета Министров от 21 мая 1846 года. Служба ловчих была коронная, V класса, безвозмездная, при чем ловчему полагался мундир. Ловчий устраивал и распоряжался на общих облавах и ему все обязаны были подчиняться; он же составлял ведомости об убитых

волках и представлял губернатору. Губернии, в которых действовали ловчие, были следующие: Ковенская, Виленская, Минская, Гродненская, Смоленская, Новгородская, Тверская, Московская, Могилевская, Черниговская, Волынская, Киевская, Подольская, Херсонская, Таврическая и Бессарабская.

Управление охотой в дореволюционное время (1892—1917 гг.). В развитии управления различными отраслями сельского хозяйства, начало девяностых годов прошлого столетия несомненно составляет своего рода эпоху, когда начата созидательная работа в этом направлении.

К этому же времени относится издание закона об охоте 2 февраля, 1892 г., который в силу своей большей сложности уже требовал некоторого выделения и объединения управления этой областью. Но начало этого управления было положено чрезвычайно скромное. Надо сказать, что и управление обширнейшими отраслями сельского хозяйства, которыми ведали до революции целые Отделы б. Министерства Земледелия — было в то время сосредоточено в немногих Отделениях Департамента Земледелия.

В четвертом Отделении сосредоточивались управления животноводством, рыболовством, пчеловодством и охотой.

Управление охотой находилось в одном „столе“ с некоторыми другими делами, занимая вполне подчиненное положение.

Но в то же время новая структура Министерства, которой предусматривался, кроме работников канцелярии и институт специальных работников, — специалистов по различным отраслям сельского хозяйства, — дала возможность проникнуть охотничьей специальности в область управления охотой со стороны научной и технической деятельности как в области консультации, так и специальной работы.

С этого времени вопросы охоты все более и более находят себе доступ и обращают внимание Центрального Управления, что в послереволюционное время 1905 года, связано с деятельностью Государственной Думы, куда поступил на рассмотрение проект нового закона об охоте, а также с пожеланиями об организации Управления охотой, выраженными Вторым Охотничьим Съездом 1909 г. в Москве.

Русское Правительство принимает также участие и в международных начинаниях в области охоты, командируя своих представителей на международные конгрессы и выставки.

Наконец наступает момент, когда формы и организация Центрального Управления русским сельским хозяйством настолько остается позади его грандиозного развития — что разрабатывается и постепенно проводится в жизнь реорганизация Департамента Земледелия и отрасли, сосредоточенные ранее в одном Отделении, совместно со многими другими, — выделяются в самостоятельные Отделы.

К этому времени, когда подготовлялось выделение из Департамента Земледелия самостоятельного, на правах Департамента „Отдела Рыболовства и Охоты“, что осуществилось в 1914 г., относится учреждение в 1911 году, предварительно еще в составе Департамента Земледелия, — Делопроизводства по охоте, первой самостоятельной административной единицы в ведение которой было передано охотничье дело России.

Не следует думать, что инициатива организации управления охотой исходила от оффициальных кругов — здесь несомненно отразилась та работа, которая происходила в среде русских охотников и натуралистов и осуществились (с опозданием на десятилетия) мысли, высказывавшиеся давно работниками в области русского охотничьего дела. Еще в 1893 году Н. Туркин писал „О необходимости учреждения особого Отделения, заведывающего охотой при Министерстве Земледелия“. Вопрос о снаряжении специальных экспедиций для изучения охотничьего промысла, что осуществленно было только в 1912 — 1916 годы, подымался еще Л. П. Сабанеевым в 1876 году и т. д.

Но такова судьба всякого нового практического дела, — его осуществление подготавливается медленно и незаметно в течение продолжительного времени, чтобы затем внезапно предстать в осуществленном виде — как будто по единоличной инициативе отдельных деятелей.

Тем не менее основание Делопроизводства по охоте и последующее выделение „Отдела Рыболовства и Охоты“ — надо признать началом новой эпохи в развитии управления русской охоты.

Останавливаясь теперь на результатах, достигнутых этой все же скромной организацией в течение всего нескольких лет, с 1911 по 1917 г., и учитывая многие неблагоприятные обстоятельства — надо сказать, что они все же значительны.

В течение нескольких лет был собран большой материал по самым разнообразным вопросам, законодательным, административным, торговле пушниной, звероводству и т. д. и произведен целый ряд специальных исследований. Особую важность представляет последнее, именно введение объективного научного метода исследования, — рассматриваемого как основа для законодательства, управления и организации хозяйства.

Этим, с точки зрения принципиальной, русское охотничье дело — стало в уровень с наиболее развитыми в этом отношении странами С. А. Соединенными Штатами и Германией.

Управление охотой во время революции. Важным шагом в управлении русского охотничьего дела было затем разделение административной и исследовательской деятельности в области охоты: исследовательская часть была передана с 1 января 1918 г. в Сельско-

Хозяйственный Ученый Кимитет, где образован самостоятельный „Подотдел промыслово-охотничьих, вредных и полезных зверей и птиц", задачей которого являлась научная разработка вопросов биологии, техники, организации и экономики промыслово-охотничьего хозяйства, изучение охотничьих промыслов и вредной и полезной для сельского, лесного и охотничьего хозяйства деятельности млекопитающих и птиц.

Административное управление охотой в 1917 году и в начале 1918 года находилось в ведении Министерства (затем Комиссариата) Земледелия, но ничем не проявлялось в жизни. Осенью 1918 г. после того как Петроградский Союз Охотников много раз безуспешно пытался вызвать к жизни органы, долженствовавшие управлять охотой, при сильной поддержке тов. Воскова удалось наконец создать Отдел Охоты при Комиссариате снабжения и распределения Союза Коммун Северной области. Во главе этого отдела стояла коллегия из трех лиц, делегированных Союзом и таким образом деятельность Союза и Отдела Охоты были тесно связаны.

Организационная работа, проделанная Отделом за год (почти) существования, была довольно значительна — целый ряд инструкторов работал на местах по объединению охотников в Союзе, велась борьба с хищниками особыми отрядами и наконец в марте 1919 г. была созвана конференция охотников, на которой был провозглашен Всероссийский Союз Охотников. На этой же конференции была вынесена резолюция о том, что дело управления охотой должно быть централизовано в виде Центрального Управления по делам охоты — „Центрохоты".

Весной 1919 года Отдел Охоты в виду ликвидации Коммисс. снабж. и распр., переходит в ведение Сов. Нар. Хоз., где образуется Секция Охоты. Наконец в сентябре 1920 года организуется при Наркомземе в Москве Центрохота.

ПОЛОЖЕНИЕ I.

О ЦЕНТРАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ ПО ДЕЛАМ ОХОТЫ ПРИ НАРКОМЗЕМЕ (Центрохоты).

Ст. 1. На основании декрета Совнаркома об охоте от 20 июля 1920 г. („Изв. ВЦИК" от 24 июля 1920 г. № 162) и в целях организации руководства и ведения охотничьего хозяйства и всех видов охоты Республики, разведения и охраны охотничьих животных, организации, направления и согласования деятельности местных органов управления охотой, равно и охотничьих объединений, а также организации снабжения охотников орудиями производства, припасами и прозодеждою при Наркомземе учреждается Центральное Управление по Делам Охоты (Центрохота).

Ст. 2. Для достижения указанных целей Центрохота в праве:

а) издавать инструкции и обязательные постановления по всем вопросам охотничьего хозяйства;

б) учреждать заповедники, заказники, зоофермы, охотничьи парки, питомники пушного зверя, птиц и охотничьих собак;

в) производить обследования состояния охотничьего промысла, вести учет и статистику охотничьего хозяйства, созывать охотничьи съезды, организовывать лаборатории, опытные хозяйства;

г) учреждать особые отряды для истребления хищных и вредных животных;

д) организовывать специальную охотничью стражу;

е) направлять и контролировать деятельность охотничьих объединений;

ж) устраивать склады предметов охотничьего снаряжения.

Ст. 3. Во главе Центрохоты стоит Главноуправляющий и заместители его назначаемые Наркомземом.

Ст. 4. В соответствии с задачами, указанными ст. 1 и 2 настоящего положения, Центрохота распадается на нижеследующие отделы: а) управление делами, б) административный, в) охотничьего хозяйства, г) снабжения, д) научно-статистический, е) финансово сметно-счетный. Во главе каждого из отделов стоит начальник отдела, назначаемый Главноуправляющим Центрохоты. Перечисленные отделы, а также и иные отделы и подотделы учреждаются Центрохотой по мере хода работ и развития своей деятельности.

Ст. 5. В целях согласования деятельности Центрохоты с деятельностью прочих органов власти при Главноуправляющем Центрохоты под его, или заместителя его председательством состоит Междуведомственное Совещание из представителей Наркомзема, ВСНХ, Наркомпрода, Наркомпроса и пр. заинтересованных ведомств.

На заседания Совещания приглашаются: начальники отделов, представители всероссийского объединения губернских союзов охотников, а также по мере надобности специалисты по тем или иным вопросам.

Губернские (Губохоты), Уездные (Уохоты), Волостные (Волохоты), или Областные (Обохоты) и Районные (Райохоты). Управления по Делам Охоты учреждаются при соответствующих местных органах Наркомзема под общим наблюдением последних и непосредственным руководством и контролем Центрохоты согласно особых положений, инструкций и циркуляров, издаваемых Центрохотою.

Утверждено Коллегией Наркомзема 31 VIII 1920 г.

Одновременно вышло и положение II о местных органах Центрохоты [1]).

Крайняя скудость отпускаемых средств не дала возможности развернуться работе Центрохоты и Губохот. В феврале 1922 г., происходит реорганизация НКЗ и Центрохота преображается в Отдел охоты при Лесном Управлении. Нэп заставил все более и более сжиматься, многие Губохоты прекратили существование, многие и не открывались и с середины 1923 года мы видим вместо Центрохоты одного только „специалиста“ при Центр. Упр. Лесами.

В то же время (с 1923 года) начинается новая кампания за создание настоящего рабочего и мощного управления охотой. В марте 1923 года в Москве происходит Всероссийская Конференция по изучению естественных производительных сил СССР, созванная Советом Труда и Обороны, на которой работала подсекция рыболовства, охоты и мелких промыслов. Конференция признала громадное значение охоты в СССР и приняла ряд тезисов, между которыми отмечалась важная роль Всероссийского Союза Охотников.

В Госплане образовалась постоянная промысловая секция, в круг ведения которой вошло (в 1924 г.) и рассмотрение вопросов,

---

1) Некоторые Губохоты при этом представили проекты штатов свыше 100 человек (?!) на губернию.

связанных с охотой. Группа специалистов во главе с С. А. Бутурлиным стремится создать при Совете Труда и Обороны особый комитет по пушному и рыбному делу и охоте. Необходимость такого надведомственного органа доказывается тем, что в деле охоты (отчасти рыболовства) интересы различных ведомств настолько переплетаются, что разрешение их иным порядком слишком затруднительно. При Внешторге образуется в 1924 г. комиссия по пушным делам, при Комвнуторге — пушная секция. Наркомпрос претендует на передачу ему в ведение (в Комитет по охране памятников природы при Главнауке) всех заповедников. Наконец в связи с организацией С.-Хоз. Академии имени Ленина в настоящее время разрабатывается проект „Института прикладной зоологии и охотоведения“ (в составе Академии), который сможет наконец планомерно и серьезно заняться научной разработкой всех вопросов, связанных с охотничьим делом.

В заключение этой главы остается сказать еще несколько слов о роли и значении Всероссийского Союза Охотников в деле управления охотой и проведения законодательных мер по охоте в жизнь.

Роль и значение союзов охотников в проведении охотничьих законов в жизнь. Внимательно прочитав настоящую главу, каждый беспристрастный читатель может убедиться в том, какие коллосальные трудности представляет в СССР не только выработка подходящего охотничьего закона, но, главное, проведение его в жизнь на необъятной территории Советского Союза, подчинение ему разбросанных иногда на сотни верст друг от друга охотников и получение соответствующих результатов.

Нужно констатировать совершенно определенно, что в современных условиях никакие, даже самые лучшие правила и законы об охоте не будут фактически проводиться повсеместно в жизнь до тех пор, пока не будет создан гибкий и широко разветвленный аппарат, который сможет не только ходатайствовать об издании тех или иных правил об охоте, но и проследить за безоговорочным и беспрекословным их выполнением.

В силу тяжелых экономических условий, в которых мы еще живем сейчас, нельзя, да и нет необходимости затрачивать колоссальные средства на создание специального аппарата, следящего за соблюдением интересов государства в области охоты. Аппарат этот был бы настолько громоздок и дорог, что государству пришлось бы или затрачивать крупные суммы на его содержание из других доходных статей бюджета, или же облагать право на охоту непомерными для охотников налогами.

Одним из способов наблюдения за исполнением охотничьих законов и поднятия на должную высоту полуразрушенного охотничьего хозяйства СССР является объединение всех охотников в Союзы.

Когда говорится о Союзах охотников, то у большинства возникает прежде всего представление о тех непосредственных, личных выгодах, которые вытекают из этого: возможность охотиться где угодно, получать по дешевым ценам оружие и припасы, защита от стеснений в праве пользования оружием и пр. К сожалению еще до сих пор подавляющее большинство самих охотников самых различных категорий проявляет интерес не к охотничьему хозяйству и не к охотничьему делу в его целом, а лишь к самому процессу, способам охоты и к технике орудий истребления.

На самом деле роль Союза гораздо важнее, чем это представляют себе многие и самый поворот в уклоне интересов охотников — от узко эгоистических к народно-хозяйственным и государственным — зависит от развития деятельности Союзов.

Всем известно, что закон об охоте 1892 г. не достигал своей цели главным образом потому, что надзор за исполнением его был чрезвычайно затруднителен. Надзор этот был возложен почти исключительно на полицейскую власть, которая фактически не могла да и не имела времени осуществлять его, так как главное поле деятельности охотника в лесу, болотах и лугах где уследить за ним трудно; надзор же за торговлей дичью разработан был чрезвычайно слабо и это надо отнести к недостаткам самого законодательства. Существовавшие общества охоты лишь в незначительной своей части обращали серьезное внимание на сохранение и разведение дичи и воздействовали в этом направлении на своих членов путем издания особых правил, наложения штрафов и даже исключая из своего состава лиц, хищнически проявляющих свою охотничью страсть. Но эти же исключенные из общества члены делались при этом безвредными лишь для небольшой территории, находившейся в пользовании общества, и совершенно свободно могли продолжать свою разрушительную деятельность на всем остальном пространстве России. Но сдерживающая деятельность обществ, как уже сказано, была вообще очень ограничена, и потому, не могла сыграть большой роли в сохранении дичи вообще. Вне обществ оставалась громадная охотничья масса, охотящаяся как бог на душу положит и среди нее зачастую встречались лица обездоленные в возможности удовлетворения своей страсти, сознательно враждебно относившиеся к охотничьим обществам и тайно истреблявшие дичь ими оберегаемую. К этому разряду так наз. браконьеров относился прежде всего тот элемент деревенских и городских охотников, который лишился, благодаря аренде обществами близлежащих, удобных земель, возможности легально охотиться. Такое положение было без сомнения ненормально и бороться с ним трудно.

Прежде всего надо дать каждому охотнику возможность легально охотиться и тогда только требовать от него соблюдения

известных законов и правил, обеспечивающих сохранение дичи. В этом отношении существование Союзов, основанных на демократических началах, совершенно уничтожает необходимость вынужденного браконьерства, так как каждый охотник имеет возможность записаться в число членов и охотиться на тех землях, где ему удобно по месту жительства. Даже при культурных, опытных и показательных охотничьих хозяйствах, там где они будут устраиваться, необходимо удовлетворение интересов тех местных охотников крестьян, которые не смогут удовлетворять свою охотничью страсть на стороне, в противном случае браконьерство и все связанные с ним неприятности для обеих сторон, неизбежны.

Когда же все охотники будут входить в состав охотничьих Союзов, то тем самым они возьмут на себя известные обязательства перед ними и будут нести ответственность уже не только перед государством, но и перед своей профессиональной организацией. Выгода такого положения вещей ясна сама по себе: устанавливается взаимный контроль, как бы круговая порука. Местные охотники обыкновенно прекрасно друг друга знают, знают также кто, как и где охотится и все нарушения законов и правил об охоте непременно дойдут до сведения управляющего органа Союза, состоящего конечно тоже из охотников. Дисциплинарный (конфликтный) суд охотников явится могучим органом в деле обуздания охотников хищников. Начиная с ограничений права охоты и кончая занесением на черную доску и исключением из Союза, помимо привлечения к обще-государственной судебной ответственности, Союзы могут вполне успешно бороться с вредными элементами, не желающими подчиняться обязательствам, которые должен выполнять каждый охотник.

. Об исключении члена Союза будут оповещаться все другие Союзы и такой охотник не сможет перенести свою вредную деятельность в другое место. Кроме того возможно, что оружие, порох и дробь будут получать только организованные в Союзы охотники; путем развития кооперативной деятельности Союзы дадут своим членам все необходимое для охоты по минимальным ценам, а добытые продукты охоты продадут для них же по наивысшим ценам. Все это вместе взятое безусловно обуздает хищнические инстинкты и сделает то, чего не сможет сделать никакая полицейская власть в мире.

Если к этому добиться еще привлечения самих охотников к надзору за торговлей продуктами охоты, то мы сможем твердою рукою остановить дальнейшее безрасчетное уничтожение наших охотничьих богатств и поставить русскую охоту на должную высоту. Тогда мы не будем плакаться на пустые леса и болота, дичь будет свободно плодиться и размножаться под охраной Союзов настоящих охотников.

В виду чрезвычайной своеобразности самих условий производства охоты и тому обстоятельству, что специалистов промышленников очень немного (около $^1/_8$ всего числа охотников) и охотники имеются решительно во всех слоях и классах населения, Союз охотников долгое время не мог принять определенного лица, так как не укладывался ни в какие рамки. То он считался профессиональным, то профессионально-производственным, то производственным [1]) и наконец промыслово-кооперативным. Даже первый устав его (в 1922 г.) был утвержден ЦИК „в изъятие из общих правил".

Нельзя сказать, что эта неопределенность физиономии зависела исключительно от существа дела — в значительной степени Союзу приходилось равняться по линии государственной политики и к ней приспосабливаться. Официально вопрос о переходе на промысловую кооперацию был в первый раз поднят на III Съезде (1922 г.) т. Богацким, но получил осуществление свое лишь в феврале 1924 г. на IV Съезде.

Не останавливаясь подробно на рассмотрении всех за и против той или иной формы Союза, необходимо только отметить еще раз, что благодаря своеобразности охоты, Союз охотников не укладывается целиком и в последние свои рамки и уже идут разговоры о расколе Союза на две части — спортивную и промысловую. Вместе с тем надо помнить, что какие бы формы или наименования ни принимал Союз, за ним необходимо сохранить известные права в отношении управления и регулирования охоты и торговли продуктами охоты. Лишь в этом случае, работая об руку с Наркомземом, Союз сможет оказаться достаточно сильным и принести ту пользу общему делу, которую вправе ожидать от него государство.

---

[1]) Одно время союз пытались пристегнуть к секции деревообделочников, другой раз к секции пищевиков и т. д.

ГЛАВА XII.

Экономика охоты.

Продукты охоты и торговля ими. Продукты охоты и их использование. 1) Содержание животных в неволе. 2) Жир и сало. 3) Рога, зубы, кости, жилы и т. п. продукты. 4) Яйца птиц. 5) Части животных, ценимые за их целебность. 6) Шкурки птиц и отдельные части их. 7) Перо и пух. 8) Шкуры крупных зверей. 9) Дичь и мясо: способы добывания дичи, поступающей на рынок; сорта и сбыт дичи; упаковка и привоз дичи в столицы; сохранение дичи; статистика торговли дичью; внутренняя и внешняя торговля дичью; влияние таможенных ставок; выводы. 10) Пушнина, сортировка и выхаживание; краткий исторический очерк торговли пушниной; приобретение пушнины из первых рук; торговля пушниной до революции: а) внутренняя торговля, б) внешняя торговля; таможенные тарифы и их влияние на пушную торговлю; общие выводы. Цены на пушнину и движение их от охотника до потребителя. Добыча пушных зверей и ее прогрессивное уменьшение. Международный обмен пушниной. Годовая добыча пушных зверей на всем свете. Сбор и торговля пушниной в период 1917 — 1925 гг.

Промышленность и торговля, связанные с охотой. Скорняжное дело. Производство охотничьего оружия и припасов. Заграничные заводы. Развитие русских оружейных заводов. Тульский оружейный завод. Ижевский завод и кустари. Установка производства. Цены на оружие. Производство охотничьего оружия в СССР в 1923 — 1924 гг. Производство дроби, пороха, пистонов, гильз, пыжей. Стоимость оружия и огнеприпасов. Торговля охотничьим оружием, припасами и принадлежностями. Охотничий инвентарь и его стоимость. Движение прочих ценностей, связанных с охотой.

Экономическое значение охоты в СССР. Живой охотничий капитал и его использование. Экономическая ценность охотничьих зверей и птиц в СССР (таблицы I — VI). Народно-хозяйственная экономия, зависящая от охоты. Доходность от охоты для отдельных охотников и групп. Налоги и прямой доход казны от охоты. Охота в ряду других занятий населения СССР (диаграммы). Общие выводы.

Продукты охоты и торговля ими.

Продукты охоты и их использование.

Довольно длинный список промысловых зверей и птиц, заключающий в себе столь разнохарактерные элементы, наводит невольно на мысль о том, что человек стремится к приобретению их с весьма различными целями. Действительно, далеко не все животные могут быть пригодны, в одинаковой степени, для удовлетворения разнообразных потребностей человека в пище, одежде и предметах украшения. Кроме того, одно и то же животное, в разных районах, в зависимости от местных условий спроса и возможности сбыта, обычаев и культурности населения, утилизируется далеко не одинаково. Так, в одной местности почти

все звери считаются съедобными, в другой же виды, дающие безусловно вкусную и питательную пищу, считаются „погаными". Тунгусы, буряты и разные другие инородцы едят белок, сурков, соболей, горностаев, енотовидных собак и проч., до которых русские промышленники конечно не дотронутся. В Вятской губернии белок употребляют в пищу даже черемисы; бедные вилюйские якуты едят даже водяных крыс. Вспомним также, какой процент сельского населения не ест зайца и какими условиями обставлено приобретение дичью съедобности для мусульман. Сурок, идущий в Европейской части СССР на выделку шкур и вытопку жира, в Тургайской области, например, дает только шкуру, а в Забайкалье служит, кроме того, любимым лакомым блюдом для инородцев. Жизнь, все более и более усложняющаяся, создает спрос на новые предметы потребления, постепенно становящиеся необходимостью и предъявляет иные требования к бывшим уже ранее в ходу.

Все это, вместе взятое, с одной стороны, постепенно увеличивает общее количество животных, убиваемых человеком с промышленной целью, с другой же влечет за собою более многостороннее использование их. Хорошим примером может служить возникший в 80-х годах, в Европейской России и отчасти даже в Сибири, промысел шкурок мелких птиц для дамских украшений, при чем начали утилизировать также хвосты и крылья у дичи, идущей в продажу как пищевой продукт. Марал, пока не было спроса со стороны китайцев на панты, как и прочие виды того же рода Cervus, давал мясо и шкуру на разные поделки; затем он сделался объектом особенно жарких преследований промышленников ради молодых неотвердевших еще рог, дорого ценимых китайцами, что даже повлекло за собою возникновение нового промысла — мараловодства. Мало-по-малу и старые, окостеневшие рога марала, сбрасываемые им ежегодно, составлявшие раньше отброс, начали сбываться на украшения и разные поделки, ручки для ножей и т. п. Таким образом мы видим, что в деле утилизирования продуктов, даваемых разными животными, играют роль не одни только природные, присущие им свойства, а также и многие другие условия.

Вместо перечня продуктов, даваемых каждым видом зверей и птиц в отдельности, приведем главные категории способов утилизирования животных, каковых можно насчитать до десяти а именно:

1. Содержание животных в неволе.

Цель такого содержания может быть весьма разнообразна в зависимости от вида животного. Так северных оленей держат ради удобства передвижения на них, а также как и всякий

домашний скот для получения разнообразных нижеперечисленных продуктов, заменяющих таковые же, доставляемые охотою на диких животных. Маралов держат и разводят в особых помещениях для ежегодного пользования их молодыми рогами. Лисят, песцов, куниц, иногда соболят, добывая молодыми, вскармливают в неволе и оставляют до тех пор, пока мех их не приобретет необходимых качеств, после чего их убивают и утилизируют обычным порядком: то же самое практикуется, местами и с обыкновенными домашними кошками. Кабанят откармливают и убивают ради мяса. Целый ряд зверей и птиц, как-то: олени, косули, кабаны, туры, медведи, волки, лисицы, зайцы, куропатки, фазаны и прочие служат объектами добывания в живом виде для содержания в зверинцах, или особых помещениях, ради удобства охоты на них или возможности стрелять этих животных в несвойственной им местности.

Наиболее типичным же случаем содержания животных в неволе будет тот, когда имеется в виду утилизирование разных природных способностей их, каковы пение, грациозные движения, способность охотиться за другими животными (гепард, сокола), драчливость (перепела, каменные куропатки и рябки), возможное только до тех пор, пока пленники наши еще живы. С момента наступления смерти ценность подобного рода животных в большинстве случаев низводится до нуля, в противоположность всем остальным, выше приведенным случаям, когда получение продуктов в виде шкуры или мяса служит иногда главным мотивом для временного содержания животного в неволе.

Ценность животных содержимых в неволе не поддается пока определению, но во всяком случае в общей сумме доходности от охоты, она играет незначительную роль.

2. Жир и сало.

В большинстве случаев жир и сало являются второстепенными продуктами промысла, так как специально ради их получения охотятся за весьма немногими животными. К категории последних можно, пожалуй, отнести сурка, так как шкура его в Европейской части СССР, в особенности же в Тургайской области, значительно дешевле вытапливаемого из туши жира, стоющего от 3 — 4 р. 50 к. пуд. Сурочий жир представляет из себя прекрасное смазочное вещество для сбруи и машин и идет также на мыловаренные заводы (Павловский у. Воронежской губ.). Также для вытопки жира ловят в низовьях Волги бакланов.

Медвежье сало продается во многих губерниях, отдельно от мяса; оно считается, между прочим, хорошим средством от ревматизма. О продаже барсучьего сала упоминается в данных также по ряду губерний. На Урале в продажу шло сало косули.

3. Рога, зубы, кости, жилы и т. п. продукты.

Рога крупных животных: лосей, оленей обыкновенных и маралов, козуль, серн, сайгаков, туров, каменных козлов и баранов, где только имеется возможность сбыта, являются ценным товаром, идущим или целиком, как украшение, или же на разного рода поделки: на ручки для ножей, тростей, на токарные изделия, мебель, канделябры, люстры, вешалки и разные безделушки. Нередко и сами промышленники утилизируют их с разными целями. Рога сайгаков идут большими партиями в Китай на разного рода изделия, так как сайгачий рог отличается гораздо большей мягкостью и вязкостью нежели бычий. Из сайгачих рогов приготовляют, перетапливая их, разные вещи, напр. прозрачные пластинки для фонарей и т. п. В последнее время их стали употреблять в Китае как лекарственное средство.

К этой же категории продуктов надо отнести также иглы дикообраза, свиную щетину, жилы, кости и зубы разных зверей (клыки кабанов, кабарги, медведей и т. п.). Из жил инородцы делают нитки, из костей (черепных) ложки и пр., из цевок (ног) игольники, затем шилья, украшения и пр.

В обзорах внешней торговли России помещены данные за 1852 — 1882 годы о вывозе сайгачьих и изюбревых рог, к сожалению только соединенных в одну рубрику. Принимая в расчет примерный возможный отпуск пант (изюбревых рог) из России и сравнивая его с приведенными в обзорах громадными числами, нельзя не придти к заключению, что большая часть их должна быть, в силу этого, отнесена на счет сайгачьих рог. Товар этот шел в Китай почти исключительно через Кяхту, и лишь в 1853—56 гг. рога вывозились также по Оренбурской и Сибирской линии. С 1882 года данных о вывозе рог в обзорах больше не имеется.

Из обзоров мы видим, что максимум отпуска падает на 1854 год, а минимум на 1868 г. За пять лет 1854—1858 г. было вывезено в Китай рог на 1.259000 р., т. е. почти столько же, как за последние 10 лет (1872—82 гг.) (1.262.000 р.). В общем вывоз во вторую половину рассматриваемого периода понизился, по сравнению с размерами отпуска в первую половину, что, вероятно, находилось в связи с убылью самих животных.

4. Яйца птиц.

Число собираемых яиц диких птиц, достигающее местами громадного количества (о чем подробнее говорилось в гл. IX), совершенно не поддается, пока, учету. Яйца эти идут и на собственное употребление и на продажу — на мыловаренные заводы и на еду (в небольшом количестве). Яйца чибисов продавались в 90-х го-

дах прошлого столетия в Петербурге, в гастрономических магазинах, по 40 коп. штука, при чем часть их привозилась из Германии. По одной Астраханской губ. приблизительно выбиралось свыше 1.000.000 штук. В конце XIX в. на Командорских островах, ежегодно собирались массами яйца и, нагруженные в бочки, отправлялись в Сан-Франциско и Петропавловск, где (в последнем) невозможно было разводить домашнюю птицу от вечно голодных ездовых собак. В общем надо считать, что по всей территории нашей страны собиралось не меньше 60.000.000 штук яиц.

5. Части тела животных, ценимые за их целебность, дающие дорогие вещества или, по представлению местных жителей, обладающие магическими свойствами.

К этой группе продуктов относятся: панты марала, изюбра и пятнистого оленя (и рога сайги), высоко ценимые китайцами, бобровая и кабарговая струя, сало медвежье; к категории магических средств следует отнести когти, желчь и кости тигра, скупаемые китайцами и употребляемые ими в разных видах с целью приобретения силы и неустрашимости. Порошок из когтей

Рис. 140. Партия пантов, приготовленная к продаже. Минусинский у.
Из снимков Д. К. Соловьева.

тигра давался китайским солдатам во время войны для возбуждения храбрости. Стоимость когтей составляет почти половину стоимости шкуры. Медвежья желчь стоит 3—10 руб. Но не в одном Китае в ходу подобные „чудодейственные“ средства; у нас в Туркестане когти тигра, барса, медведя, а также почти всех хищных птиц и перья филина носятся как амулет (тумар), предохраняющий от глаза и других напастей. Соболиные выпоротки —

употребляются китайцами как талисманы. Высушенные хвосты и половые железы от изюбрей употребляются, как возбуждающее средство.

Наибольшее значение для нашей торговли с Китаем среди всех относящихся к этому пункту продуктов имеют бесспорно панты и кабарговая струя.

В прежние времена, когда бобры были еще обыкновенными, широко распространенными животными нашей страны, бобровая струя занимала видное место на нашем рынке, теперь же и бобры исчезли, да и медицина, кстати, изверилась, повидимому, в целебности доставляемого ими продукта.

О пантах, их употреблении, заготовке и ценах говорилось уже в гл. VIII (мараловодство).

Так называемая „струя" получается от самца кабарги, который имеет мускусный мешечек, идущий на продажу под названием кабарговой струи. Средний вес струи в сыром виде 7 зол., сухой — 5 зол.

У только что добытой кабарги мускус имеет вид мази, а когда высохнет, то превращается в порошок или зернистую массу коричневого цвета, переходящего по временам в черный. Мускусные мешечки, вырезанные из брюшка кабарги засушиваются и подвешиваются на веревке в сухом месте; в таком виде сохраняются до продажи. Стоит струйка, смотря по величине от 2 р. 50 к. до 5 р.

Мускус идет на аптекарские и парфюмерные препараты, при чем высшим сортом считается струя тонкинская, тибетская или восточная, а сибирская или русская стоит на втором месте. Разница в качестве мускуса объясняется различием в растительности стран, где живет кабарга.

Кабарговая струя вывозится в Кит й, главным образом через Кяхту, хотя по всей вероятности струйки, добытые в Приамурьи, поступают непосредственно через Манчжурию и Владивосток. Кабарги (то есть струйки) по данным таможенного ведомства вывозились за время 1853 — 62 гг. в количестве 308.000 штук, за время 1863 — 72 г.г. — 53.000 штук и за время с 1873 по 1882 гг. — 45.000 штук. Главная масса струйки не учитывается при вывозе и привозится небольшими партиями. Последние годы „струйки" поступало на рынок вероятно около 15.000 штук, на сумму около 60.000 руб.

Желчь медвежья, идущая на лекарственные препараты, заготовляется так же, как и струйки — осторожно вырезывается, выводной проток перевязывается и затем мешечек подвешивается и высушивается на воздухе. Цена мешечка в зависимости от величины и др. качеств продается от 3 — 10 руб. В 1917 году на Камчатке цена доходила до 20 руб.

6. Шкурки птиц и отдельные части их — хвосты, крылья, головки и пучки особенных перьев.

Птичьи шкурки, подобно звериным, также утилизируются с разными целями то целиком, то отдельными частями. Так, в дело идут целые шкурки лебедей, грудки поганок (Podiceps), тупиков (Mormon) на зимние дамские шляпы, оторочки костюмов и на муфты; шкурки с зоба и шеи гагар и с головок селезней тоже на разного рода укр шения и изделия вроде ковриков, плато и т. п. Затем шкурки и отдельно хвосты и крылья целого ряда мелких птиц, перечисленных в предыдущей главе, а также отрезаемые от крупных, предназначенных к продаже как пищевой продукт. Пучки длинных перьев с груди белой цапли тоже составлял выгодный товар.

Почти весь товар этого рода целиком предназначался к заграничной отправке. В Москве, в 90-х годах работал над просушкой, сортировкой и отправкой птичьих шкурок за границу особый завод с 70 человеками рабочих. Этот завод отправлял ежегодно за границу сотни тысяч шкурок мелких птиц.

В 1891 г. фирма Гергард и Гей отправила в Лейпциг 59 тюков весом 319 пудов 38 фунтов, а Мейер в Париж 27 тюков, весом в 164 пуда 25 фунтов.

Конечно приведенными данными не исчерпывается все количество шедших за границу птичьих шкурок для украшения; они касались, очевидно, одного московского района, в то время как птицы на шкурки, крылышки, хвосты и отдельные перья промышлялись, как мы видели, всюду, — на севере, юге, юго-западе, на Кавказе и даже в Сибири, и, без всякого сомнения, значительная часть их направлялась прямо заграницу, минуя Москву.

Так, по данным Бахтиарова, вывезено за границу:

В 1886 — 87 г. из Цимлянской станицы и окрестностей до 10.000 сорок, по 10 — 40 коп. пара.

В 1886 г. из Петербурга в Париж отправлено: воробьиных шкурок 200.000, крыльев рябчиков и тетеревов — 400.000, свиристелей — 25.000, подорожников — 11.000, дупелей —5.000. Прочих голов и хвостов — десятки тысяч.

Ежегодный отпуск из Москвы и Петербурга за границу товаров этого рода, то есть шкурок, голов, крыльев и хвостов разных птиц по Бахтиарову, в конце XIX века, превышал миллион рублей.

Не все шкурки однако, вывозятся, часть их идет в дело в самой России. Так, по сообщению Н. М. Кулагина, фабрика изделий из перьев Н. Дементьева и К⁰ в Москве, ежегодно приобретала

в разных местах России, от мелких скупщиков-агентов, следующее количество птиц: воробьев — 20,000 — 30.000 штук, скворцов — 500 — 2.800 шт., пчелоядов — 700 — 2.500 шт., дятлов — 550 — 1.100 шт., куропаток — 18.000 — 30.000 шт., фазанов — 1.000 — 1.200 шт., аистов — 1.000 — 2.000 шт., цапель — 1.500 — 3,800 шт., чаек — 1.000 — 1.200 шт., разных мелких птиц до 1.000, итого — 45.250 — 75,600 шт.

7. Перо и пух.

Помимо утилизирования птичьих шкурок и частей их как предметов роскоши, многие птицы служат объектом промысла ради доставляемых ими перьев и пуха, являющихся товаром, имеющим гораздо более широкое применение в жизни. Пух гагачий доставляется гагами (Somateria) а перья многими видами водоплавающих птиц, преимущественно гусями, утками, лебедями, нырками, а также фламинго, и даже представителями сухопутной дичи — рябчиками, тетеревами и куропатками.

Товар этот собирался преимущественно в Сибири, на севере и северо-востоке Европейской России в губерниях Тобольской, Пермской, Вятской и Архангельской. В громадном количестве поступал он на Обдорскую ярмарку в Тобольской губернии, на Ирбитскую и Нижегородскую ярмарки, на Константиновскую в Акмолинской области, а также много пера и пуха шло из Кунгура, Шадринска, Кургана, Тюмени, Вятки, Оренбурга и других городов.

В торговле перо и пух диких птиц предпочитается перу и пуху домашних, так как первые — мельче и нежнее.

Выделить из всей перевозимой массы пуха и пера (в 1897 г. свыше 151.000 пуд.) исключительно принадлежащих диким птицам нет, решительно, никакой возможности, но, по опросам московских торговцев, все количество пера и пуха от диких птиц составляло $^1/_4$ общей массы этого товара. Москва, служила центральным пунктом для торговли пухом и пером, при чем как то, так и другое там очищалось и сортировалось. В Москву, в этот центр пуховой торговли, направлялись не только большие партии, но и огромное количество мелких. На юге в течение всего года, этот товар скупался прасолами и свозился на ярмарки: Крещенскую, Урюпинскую, Лебедянскую и Харьковскую. В торговле пером и пухом Россия являлась одною из первых на всемирном рынке. Отпуск означенного товара в 1897 г. за границу равнялся 149.000 пуд. на сумму 2.287.000 рублей. Главная же масса пера и пуха идет на нужды самого населения, а также бросается без пользы. Учесть последние количества трудно, но можно предполагать, что их надо считать раза в 4 больше чем обращается в торговле.

8. Шкуры крупных зверей.

Шкуры лосей, северных оленей, маралов, диких коз, куланов, сайгаков и других подобных им крупных животных, не составляя пушного товара в полном смысле слова, употребляются по большей части на шитье всевозможной одежды, шапок, обуви, выделку кож, ремней, замши и массы предметов домашнего обихода, как то на подстилки, покрышки, ковры, постели, одеяла и много других. Шкурой с колен лосей и северных оленей обивают лыжи. В виду того, что подобные шкуры в общем довольно малоценны, в быту промышленников они имеют широкое применение, и большинство их потребляется самими звероловами для одежды, обуви, жилищ (юрты), вьючных и других мешков, лыж и пр.; в продаже же циркулирует лишь незначительная часть всей добычи, а также готовые изделия из них, например, оленьи и козлиные дохи, а не целые невыделанные шкуры. Количество и цены шкур видны из таблиц, приведенных ниже.

9. Дичь и мясо.

Выше было указано, что понятие о съедобности разных животных весьма растяжимо, вследствие чего довольно трудно перечислить безусловно неупотребляемых в пищу; не принимая, однако в расчет своеобразных вкусов сибирских туземцев, можно дать приблизительно следующие общие указания. В числе промысловых зверей безусловно съедобными будут все представители отрядов непарнокопытных и парнокопытных, а из грызунов — зайцы и, с некоторой натяжкой, пожалуй также сурки, все же остальные представители последнего отряда, равно как насекомоядных и хищных, кроме медведя и барсука, обыкновенно в пищу не идут. Таким образом мы видим, что % съедобных зверей крайне ничтожен; мало того, в числе их нет ни одного, убиваемого исключительно ради мяса; обыкновенно же шкура и другие продукты играют при этом видную или даже главную роль (медведь). Некоторое исключение, вблизи населенных центров, составляет пожалуй заяц, продаваемый, вследствие высокой ценности его мяса, вместе со шкурой; но, во-первых, и в данном случае торговец всегда старается воспользоваться шкуркой, как премией за очистку зайца, а во-вторых, число зайцев, избиваемых исключительно ради мяса, является каплей в море всего количества их, ежегодно добываемых ради шкурок, местами даже исключительно с последней целью.

Не то мы видим в классе птиц. Там большинство имеющих промысловое значение не только съедобны, но даже служат объектом промысла главным образом с целью употребления их в пищу.

Из числа промысловых птиц, главным образом мелких представителей отряда воробьиных, массами уничтожаемых с целью получения шкурок для украшений, большинство съедобны; за малою величиною они, обыкновенно, в пищу не идут. хотя и составляли местами, преимущественно около населенных центров, предмет промысла на мясо, для удовлетворения утонченных вкусовых потребностей пресытившихся гастрономов.

Впрочем существуют указания, что ради подобных же целей мелкие птицы истребляются даже в таких пунктах, где гастрономия вряд ли особенно развита; так, например, по указанию Серошевского, якуты ловят петлями большое количество снигирей и подорожников и употребляют в пищу.

В России добывалось, потреблялось и отпускалось за границу столько съедобной дичи, преимущественно лесной, как нигде в Европе, при чем главным рынком этого рода товара являлся, конечно, Петербург, занимавший по торговле дичью бесспорно, первое место среди прочих европейских рынков; после Петербурга крупными центрами притяжения дичи были: Москва, Казань, Нижний Новгород, Вологда и другие города.

Район, на пространстве которого добывалась дичь, поглощаемая петербургским рынком, очень велик. Занимая всю северо-восточную область чисто промысловых губерний, он захватывал многие центральные и южные, доставлявшие некоторые специальные виды дичи (серых куропаток, перепелов), Кавказ и Туркестан (фазаны), и Сибирь.

Масса дичи доставлялась, как мы видели раньше, губерниями Архангельской, Олонецкой, Вологодской, Вятской, Пермской, отчасти Казанской и Сибирью.

Первое место среди привозимых на петербургский рынок битых птиц принадлежало бесспорно рябчику; за ним следует тетерев, глухарь, белая и серая куропатки, перепела, дупеля, вальдшнепы и бекасы, дикие гуси и утки, фазаны и разные мелкие птицы.

Способы добывания дичи, поступающей на рынки. Промышленники, крестьяне и инородцы предлагают для продажи дичь, или добытую ружейной охотою, или давленую, или ловленную и прирезанную, как это делают, например, киргизы, или ловленую и приколотую шилом в грудь, либо перышком в голову. Полученный таким образом товар бывает неодинакового достоинства. Дичь, битая из ружья, имеет больший процент брака, чем дичь ловленая и приколатая, так как у первой „филейчики“ часто бывают разбиты, вследствие чего она в продаже идет за второсортную и ценится дешевле. Торговцы, при равных прочих условиях, т. е. если дичь одинаково „нагулиста“, „окатиста“, „не затаяна“ и „полновесна“, предпочитают ловленую и приколотую стреляной,

так как такая дичь „не расстрелистая“, т. е. сохраняет в целости филейные части. Давленая дичь имеет свои существенные недостатки — красное мясо, скорее „отходит“ и портится, зато у давленной нет „расстрела“. Давленая дичь идет из Архангельской, Вологодской, Костромской и Нижегородской губерний, особенно „воскресенские“ крестьяне (из села Воскресенья, Макарьевского уезда) известны были в Москве, как продавцы давленой дичи. Из восточных губерний и из Сибири давленой дичи почти не получается. Дичь, же ловленая и приколотая шилом, поступает на рынок в огромных массах. Это явление объясняется тем, что сибирские промышленники-крестьяне добывают ее в своих полях, на кладях, т. е. на зимующих в поле скирдах хлеба, где ловцы расставляют силки, шатры и пр., при чем, например, в западной Сибири, крестьянин, занимающийся этим промыслом, добывает от 200 до 500 пар птиц в зиму.

Сорта дичи. Что касается сортов дичи, то лучшими считаются рябчик сибирский и уфимский — это боровой „окатистый“, „нагулистый“ и крупный рябчик. Печорский рябчик пониже сортом, так как мельче ростом; вологодские же, архангельские, вятские и пр. сорта низкие, так как мельче других и притом обыкновенно они „раннего боя“, т. е. биты в тепло и потому часто „затаяны“.

То же можно сказать о тетеревах и белой куропатке.

Семипалатинская серая куропатка предпочитается донской и всякой другой, так как она крупная и „нагулистая“.

Фазан кавказский ценится выше ташкентского, в виду того, что первый красивее и крупнее. Бекасов, дупелей, гаршнепов, вальдшнепов и уток доставляли в Москву небольшими партиями сами промышленники (по 10, 15, 30 пар) из окружающих Москву губерний — Смоленской, Калужской и пр.

Перепела получались в Москве, в Охотном ряду, в октябре месяце, тысяч до 7—8 пар, резанными, но иногда бывало, что привозили их и живыми. Промышленники ловят перепелов обыкновенно сетьми, выдерживают в садках, подкармливая просом, и в октябре режут для продажи, так что перепелов стреляных на рынке почти не бывает.

Сбыт дичи. Существовало два главнейших рода сбыта: промышленники или непосредственно сами продавали добытую ими дичь, на ярмарках, оптовым торговцам, либо их приказчикам, предварительно заморозив ее, или же сбывали ее у себя, в деревнях, мелким торговцам, деревенским скупщикам, которые уже везли ее на ярмарки. Таким образом скупленные оптовыми торговцами партии дичи свозились к железнодорожным станциям, на лошадях, при чем зачастую бывало, что, за дальностью расстояния (1500 и более верст), дичь, битую в декабре, возчики успевали доставить к месту назначения только в конце января. Вследствие разных

задержек, дичь, битая в декабре, доставленная на станцию отправления в конце января, нередко грузилась лишь в феврале. Это один тип скупки и погрузки дичи.

Другой же род сбыта дичи значительно разнится от только что описанного именно тем, что некоторые оптовые скупщики имели свои конторы в известных пунктах, куда и свозили ее окрестные промышленники, получая взамен хлеб, крупу, чай, сахар, водку, огнестрельные припасы и мануфактурные товары. Этого рода скупщики почти никогда не платили за дичь деньгами, а вели только меновой торг. Свои товары они развозили по конторам, на баржах, и захватывали осенью всю местную дичь и пушнину, а затем, уже зимою скупленный таким образом товар отправлялся до железнодорожных станций по льду.

Надо добавить, что все скупщики скупали дичь попутно с другими товарами, как-то: пух, перо, овчины, щетина, шерсть, воск, мед, рыба, кедровые орехи и т. п.

Упаковка дичи. Доставленную к месту отправления дичь, упаковывают или в тальниковые и черемуховые корзины, вмещающие пар полторасто рябчиков, обшивая корзины рогожею, или просто в рогожные тюки, пар по 500 рябчиков; иногда убирают дичь в бочки из под сахара, или же просто нагружают вагоны птицею. При всех этих способах укупорки, много дичи в пути следования пропадает. Если дичь предназначалась для вывоза прямо за границу, то укупорка ее производилась с большею тщательностью: каждую штуку обертывали в бумагу, складывали пар по 100 в ящики, специально приготовляемые для этой цели, и заделывали их в железные обручи. Вся дичь как для русских, так и для заграничных рынков, упаковывается в замороженном виде, твердая как камень, с завернутою под крыло головою, и при том непременно в цельном виде, т. е. в пере с крыльями и хвостами, так как птицу с обрезанными крыльями или хвостами торговцы не принимают. Для отправки дичь связывают иногда (преимущественно фазанов), попарно самец с самкою, при чем количество самцов и самок бывает приблизительно равное, хотя выпадали годы, когда самок привозили больше чем самцов. Для торговцев, собственно, выгоднее продавать самцов такой дичи как тетерева, фазаны и проч., так как от каждого самца продается особо и хвост, ценность которого бывает весьма значительна; хвосты чернышей, напр. продавались от 16 — 25 коп. за пару. В этих случаях сборщики, скупая у торговцев дичью обрезанные при самой продаже хвосты и крылья, сушат их, подбирают пару к паре и сбывают комиссионерам для отправки за границу.

Сибирская дичь тяжелее европейской; так сто пар сибирских рябчиков весят 4 пуда, а олонецких или финских — только $3^1/_2$ пуда.

Наиболее важными дичными ярмарками нашего севера являются: Никольская, в городе Пинеге, Архангельской губернии, с 6 по 12 декабря, куда свозится осенняя и зимняя добыча промышленниками всего севера; Введенская — в Великоустюжском у., Георгиевская — в Усть-Сысольском у. и Андреевская — в посаде Красный Бор, Вологодской губернии.

Привоз дичи в Москву и Петербург. Небольшими партиями дичь начинала приходить в Москву в последних числах ноября и шла до первых чисел марта, а главный привоз ее продолжался с половины января до конца февраля.

Центрами оптовой торговли дичью в Петербурге являлись Горсткина улица и Мариинский рынок (Щукин двор), где помещались конторы, ледники и лавки самых крупных дичеторговцев. Закупленные ими партии дичи сортировались на три сорта, при чем дичь первого сорта, самая лучшая, предназначалась для хранения в ледниках, в мороженом виде, на лето и для заграничной отправки; второй же сорт в ледники на лето не укладывался, а распределялся зимой, до наступления тепла, по мелочным торговцам, или отправлялся в другие города, а третий сорт или брак сбывался, преимущественно разносчикам, тоже до весны, и, конечно, за бесценок.

Все породы дичи (мяса), обращавшиеся в Петербурге, можно разделить на три категории — на млекопитающих, главные породы птиц в торговом отношении, и второстепенные.

Из млекопитающих, задки и филеи северных оленей — до 25.000 пудов в год, везлись из Архангельской губернии. Привозили их зимой, вместе с главными партиями неощипанной дичи, иногда гужем, при чем большая часть, до $^4/_5$ всего количества оленины, шла за границу.

Зайцы-беляки и русаки доставлялись, главным образом, из Валдайского уезда Новгородской губ., а также из Олонецкой губернии.

Главные породы дичи в пере: 1) глухари, 2) тетерева, 3) рябчики, 4) белые куропатки и 5) серые куропатки.

Эти 5 пород составляли главный объект торговли дичью в Петербурге как по размерам, так и по ценности привоза. Эти же породы, собственно и заготовляются впрок на лето, в мороженом виде, в ледниках. Лучшими сортами пород дичи (кроме серой куропатки) считалась дичь, привозимая из Сибири, вторым сортом — Архангельская, а еще более низким — Олонецкая. Серых куропаток привозили как из степных областей Сибири, так и из южно-русских степных губерний.

Второстепенные породы дичи в пере были: 1) Фазаны — богемские, кавказские, ташкентские и разных пород, разводимых в Европейской России, в фазанниках. Лучшими считались богемские. Привозились фазаны, обыкновенно, зимою. 2) Перепела при-

возились летом живыми, вместе с цыплятами с юга России, а осенью колотыми. 3) Вальдшнепы. 4) Бекасы. 5) Дупеля. 6) Гаршнепы. 7) Турухтаны и прочие кулики. Все означенные породы привозились в Петербург под осень, начиная с августа месяца, из ближайших мест напр. из под Старой Руссы, и замораживались нижеописанным образом. 8) Утки. Привозились также под осень, вместе с разными бекасиными породами. 9) Гуси. 10) Лебеди. Доставлялись случайно и в очень небольшом количестве. 11) Дрозды. 12) Свиристели. 13) Снегири. 14) Подорожники, и наконец, 15) Воробьи и прочие мелкие птички. Все эти птицы привозились из окрестных мест, всю зиму, начиная с первых морозов.

Сохранение дичи. Первоначально для заготовки (сохранения) были введены „железные формы“, которые ставились в лед и в которые рядами клали дичь, перекладывая ее железными листами с пробитыми в них отверстиями. Будучи дорогим, этот способ хранения отражался на стоимости дичи, так что железные формы были оставлены и заменены более дешевыми деревянными ларями и бочками из под сахара.

Для установки этих бочек в ледниках клали под них так называемую „подошву“ из льда, аршина в два высоты, на которую уже ставили бочки, в некотором расстоянии друг от друга, обкладывали их внутри рогожами и заполняли рядами дичи, пересыпая каждый ряд сухим овинным овсом. Но в виду того, что овес поднялся в цене, а также потому, что лежавшая в нем птица приобретала затхлый запах, перестали пересыпать ее овсом, и стали просто перекладывать рогожами. При укладке птицы в бочку, ее, обыкновенно утаптывают в ней ногами, в целях поместить возможно больше птицы в одной бочке. И таким образом в уложенную бочку входят 450 — 500 серых или белых куропаток, рябчиков 500 пар, до 180 пар тетеревей. Наполнив бочки, покрывают ее рогожами и „лубком“. Покончив с укладкою, приступают к так называемому „замораживанью“ бочек для чего сыплют вокруг них соль, дробят ломами лед, плотно прибивая его вместе с солью в бочке, и продолжают так до тех пор, пока не заделают в лед и соль всю бочку. Такое замораживание, или „оправка“ бочек, производится, в течение лета, обыкновенно два раза в неделю, причем один человек оправляет в день бочки четыре. Бочки, прослужившие год, обязательно заменяются новыми, так как осенью, когда лед подтаивает, они пропитываются водою и становятся негодными для употребления, ибо отсутствие влаги — главное требование для сохранения дичи. Старый лед, остающийся ко времени набивки ледников новым, тоже обязательно выбрасывается. Указанным способом дичь настолько хорошо сохраняется, что даже в конце лета, когда на рынке появляется уже свежая, многие предпочитают ей замороженную, так как первая, только

что добытая в теплое время дичь, редко поступает в продажу в таком же свежем виде, как дичь зимняя. Замороженная птица сохраняется до двух лет, но уже к этому сроку она слеживается, ссыхается, и мясо ее приобретает неприятную горечь. Крылья и хвосты дичи, как это практиковалось в Москве, обрубают только перед продажею в розницу. Это массовое консервирование дичи столь просто, приемы его так не сложны, так естественно вытекают из всей совокупности наших климатических и бытовых условий, что следовало бы всеми мерами способствовать развитию этой побочной отрасли промышленности, памятуя, что только с улучшением и широким развитием ее, т. е. с успехом технических приемов сохранения дичи, ускорения и удешевления перевозки, возможно твердо и правильно поставить охотничье дело, ибо только тогда дичь приобретет всюду, настоящую экономическую ценность, а где укоренится в сознании и сделается очевидною эта ценность, там явится, сама собою и забота об увеличении количества полезных зверя и птицы.

Из местных способов сохранения дичи надо отметить, что зыряне (и вообще северные промышленники) сохраняют замороженных рябчиков, зарывая их в рожь, в амбарных засеках; способ этот оказывается лучшим при оттепелях и птица не подтаивает. В тундре, при массовой добыче ленных гусей и уток, их складывают кучей в ямы вырубленные в вечно мерзлой почве, но делают это обыкновенно так небрежно, что птица прокисает и становится годной для пищи только собакам и неприхотливым на вкус инородцам.

Кроме того во многих местах дикую птицу засаливают в прок и коптят. На о. Колгуеве гусей плотно складывают усеченными пирамидами по несколько тысяч штук, обкладывают мохом и так сохраняют и пр.

Простым, дешевым и могущим получить широкое распространение способом консервирования является сушка дичи. Консервирование дичи сушкой практикуется в небольшом масштабе и исключительно для собственного потребления многими охотниками Сольвычегодского уезда, в особенности охотниками Березо-наволоцкой волости. Сушке поддается всякая дичь независимо от ее величины (глухарь, рябчик, гусь и утки, даже заяц). Самый процесс сушки настолько прост и несложен, что производить сушку можно в любом хозяйстве. Ощипанную и выпотрошенную птицу ошпаривают крутым кипятком и затем слегка просолив внутри и натерев снаружи солью кладут на противне на 1 сутки (или немножко более, в зависимости от величины дичи) в русскую печку или духовой шкаф. На дичи очень крупной (как то глухарь или гусь) лучше для ускорения сушки сделать несколько неглубоких надрезов и их тоже слегка посолить. Приблизительно по

истечении одних суток дичь совершенно высохнет и в таком виде может храниться месяцами, нисколько не подвергаясь гниению.

Конечно, консервированная таким образом дичь не пригодна для жарения, но после вымачивания в воде, в течении нескольких часов, она вполне пригодна для варки и бульон, или суп, на ней приготовленный, мало чем отличается от приготовленного из свежей дичи.

Этот способ консервирования дичи настолько прост, дешев и несложен, что мог бы получить широкое распространение среди промысловых охотников.

Статистика промысла. Показателями, хотя и далеко неполными, действительного положения в СССР такого серьезного, с точки зрения экономики обширного северного района, промысла, как добыча лесной и тундровой дичи могут служить, во-первых, сборные пункты, т. е наиболее крупные ярмарки Приуралья и Сибири, а, во-вторых, самое главное — перевозка по железным дорогам.

Годы.	Европейская Россия.	Сибирь.	Средняя Азия.	По России.
		В тысячах пудов.		
1903	50,9	65,5	27,1	141,5
1910	53,8	89,4	18,4	161,6
1911	28,8	50,9	5,5	85,2
1912	55,0	90,5	18,5	164,0
1913	62,8	58,5	7,4	128,7

Приведеннная железнодорожная статистика не коснулась таких губерний с развитым охотничьим промыслом как Уфимская, Казанская, Нижегородская и другие.

О приблизительности цифр можно судить по сравнению данных с одной стороны о грузах, направляемых в порты на пограничные станции и непосредственно заграницу (статистика упомянутых железных дорог), с другой — об экспорте битой дичи в европейские страны (по сведениям Департамента Таможенных Сборов):

	1910 г.	1911 г.
	В тысячах пудов.	
Количество грузов битой птицы, принятых станциями до портов, пограничных пунктов и в прямом сообщении заграницу	93,5	45,2
Вывоз заграницу битой дичи по данным Департамента Таможенных Сборов	116	68

Разница в показаниях определяется 29%—33%. К сожалению, более полных сведений о производстве битой дичи не имеется, или они отличаются еще меньшей точностью.

Среди промысловых птиц главную роль играет рябчик, добыча которого в 1912 г. определялась, по данным Отдела сел. эк. и с.-хоз. ст. [1]), в 2 милл. шт. на сумму 600 тысяч рублей, что

[1]) Сборник статистико-эконом. сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств 1914 г.

составляет по отношению добычи всех промысловых птиц около 50%. Данные, взятые из того же источника, показывают постепенную убыль выхода промысловой птицы.

Вместе с тем, на тенденцию к понижению выхода битой дичи показывают и цифры поступления последней на крупные сборные торговые пункты, как напр., на Обдорскую, Ирбитскую и Печорскую ярмарки, а именно:

	1907.	1908.	1909.	1910.	1911.	1912.	1913.
Обдорская	6.000	4.000	2.500	3.000	2.500	2.000	2.000
Ирбитская	4.000	3.000	3.000	2.500	2.000	1.800	2.000
Печорская	13.000	10 000	8.000	10.000	9.000	7.000	8.000

Отмечается убыль наиболее ценной дичи — рябчика, что связывается с постепенным сокращением лесов, особенно страдающих от частых пожаров (в тайге) и с усиленной колонизацией.

Рис. 141. О. Вайгач. „Промысел" самоедов приготовленный к приходу парохода. Из снимков С. В. Керцелли.

Показателем сокращения выхода может служить и понижение вывоза заграницу. Так ежегодный средний отпуск в последние пятилетия выразился следующим образом (в пудах):

1904 — 1908 г. г.	112.000
1909 — 1913 г. г.	80.000

На сокращение выхода пернатой дичи повлияли также и хищнические способы охоты. Дороговизна охотничьих припасов, которыми скупщик предупредительно снабжал в кредит промышленников, конечно, с солидными надбавками в свою пользу, вынуждает охотников беречь эти припасы, а для увеличения добычи пользоваться силками и другими орудиями лова.

Наконец отсутствие правильного сбыта, вследствие закабаленности промышленника скупщиком, в значительной степени обесценивало промысел, и он постепенно терял свою экономи-

ческую выгодность. Отсутствие же в широком масштабе рациональных способов хранения, вследствие чего во время нередких оттепелей, среди зимы, значительная часть товара портилась, создавало серьезный риск в торговле дичью и удерживало как от повышенных расценок, так и вообще от каких либо мероприятий в данной области.

Все это создало для дичного промысла неблагоприятную обстановку, способствовало упадку его и постепенно отодвигало в категорию промыслов малоценных даже в районах наибольшего выхода дичи.

Внутренняя торговля дичью. Из общей цифры перевозимой сетью российских железных дорог дичи на внутренних рынках оставалось менее половины, что можно видеть из следующего сопоставления (в тыс. пуд.):

Годы.	Общая перевозка.	На внутренний рынок.	На внешний рынок.	% отношение. Внутренний рынок.	Внешний рынок.
1903	141,5	51,6	89,9	36,6	64,4
1910	161,6	68,1	93,5	42,1	57,9
1911	85,2	40,0	45,2	46,9	53,1
1912 [1])	128,7	69,0	59,7	53,6	46,4

Таким, образом, только последний год дал превышение для внутреннего рынка, что объясняется повышением цен на дичь внутри страны, вызванным, в свою очередь, возрастающим спросом на этот продукт под влиянием высоких расценок мяса.

Сбор дичи происходил, как мы упоминали, обычно на главных пунктах, ярмарках и базарах в районах промысловой охоты. Наибольшие партии собирались на ярмарках и базарах Томской губернии — до 16 тыс. пуд., Архангельской губ. — 14 тыс. пуд., Вологодской — 12 тыс. пуд., Пермской — 11 тыс. пуд., Вятской — 7 тыс. пуд., Енисейской 4 тыс. пуд., и т. д. Но помимо этого, скупка производилась непосредственно у промышленников, заранее законтрактованных выдачей необходимых жизненных и промысловых припасов. По данным земской статистики Приуралья, около 42% промышленников находилось в категории законтрактованных, и недовыручка их, благодаря этому, определялась в 20 — 25% против ярмарочных и торжковых цен. Около 1910 года кооперация стала проникать и в сибирскую промысловую среду — возникали промысловые потребительские лавки, а равно и артели по добыче дичи. Это новшество сразу повысило ценность добычи. Так, в 1913 г. на каждого артельщика пришлось по 48 рублей, а на неартельщика того же района — всего 20—29 руб.

---

[1]) Если считать в пуде 38 рябчиков (50% всего количества) и 15 штук в среднем тетеревей, глухарей, куропаток, то перевезено в 1912 г. приблизительно 2.451.000 рябчиков и 967.500 штук другой дичи, а всего 3.418.500 штук. На самом деле эта цифра должна быть много выше, т. к. много дичи, мелкими партиями, ускользают от регистрации или идут просто под „домашней птицей".

Главным центром направления дичи из Сибири и северного района являлся Петроград, где громадные партии сортировались для внутреннего и внешнего рынков, упаковывались и рассылались по всей Европе. Но с того времени, как англичане и датчане стали интересоваться сибирским маслом и постепенно захватывать торговлю в свои руки, не ускользнула от их внимания и сибирская дичь — они начали производить через свои конторы скупку последней и направлять ее непосредственно на рынки Англии и Дании, минуя петроградских торговцев. Успеху англо-датского господства в закупке дичи способствовало то обстоятельство, что, не имея больших накладных расходов, покупая дичь из первых рук и смотря на это дело как на побочное занятие, иностранные конторы имели возможность продавать дичь дешевле, чем русские посредники. Кроме того, английские и датские конторы совершенно отбили от Петрограда и снабжение русской дичью французского и германского рынков.

Оставляемая для внутреннего потребления дичь в 60 — 65% принадлежит к категории товара, почему либо непригодного к экспорту на внешние рынки, крайне щепетильно относящиеся к битой дичи, как в отношении срока добычи, качества и величины, так и сорта — предпочитаются рябчики и куропатки. Вся давленная дичь т. е. пойманная силком, остается для внутреннего рынка, так как экспортеры строго следят за тем, чтобы товар был весь „стреляный“.

Торговля дичью, как и вообще торговля живностью, не регулировалась какими либо специальными правилами, а направлялась чисто коммерческими соображениями крупных курятно-дичных заведений столицы. Учреждение курятно-дичной биржи в 1906 г., на что возлагали тогда большие надежды, не внесло необходимой регулировки в торг дичью, не создало известной закономерности в колебаниях цен, тем более, что эта биржа была присоединена в виде особой группы к остальной бирже — яичной и масляной, обслуживающей миллионные поступления товаров.

Внешняя торговля дичью. Вывоз Россией дичи достигал свыше 50% общего выхода (не добычи) последней и выражался по годам следующими цифрами:

Годы.	Пудов	На сумму руб.
1904	179.000	1.068.000
1905	111.000	668.000
1906	107.000	638.000
1907	103.000	608.000
1908	61.000	372.000
1909	76.000	531.000
1910	116.000	737.000.
1911	68 000	414.000
1912	66.000	403.000
1913	73.000	472.000

В отпускной торговле дичью заинтересованы, главным образом 4 района: сибирский, северный, приуральский и среднеазиатский.

Главными рынками назначения являются Великобритания, Германия и отчасти Дания, что можно видеть из следующей таблицы (в тыс. пуд.):

Годы.	Великобритания	Германия.	Дания.
1907	40 тыс. пуд.	16 тыс. пуд.	5,1 тыс. пуд.
1908	23 „ „	14 „ „	0,2 „ „
1909	23 „ „	19 „ „	13 „ „
1910	80 „ „	12 „ „	1,8 „ „
1911	32 „ „	9,2 „ „	3,6 „ „
1912	28 „ „	18 „ „	1,0 „ „
1913	14 „ „	14 „ „	5,5 „ „

значительный отпуск отмечался в Финляндию, а именно в количестве 20 — 22 тыс. пуд. ежегодно. В данном случае роль Финляндии была исключительно посредническая, так как она не только обезпечена собственным дичным товаром, но, отдавала значительное количество России.

Больше всего русской дичи поступало в Великобританию [1]), которая сосредотачивает у себя наибольшее количество мирового выхода дичи, причем в значительной доле играет роль рынка распределительного, преимущественно по отношению Франции.

В цифрах ввозной торговли Франции битая дичь русского происхождения совершенно не показана, между тем фактически значительная часть русской битой дичи попадала и на этот рынок, главным образом через Англию и Германию. Объяснялось это неудобством транспорта непосредственно во Францию. В то время как германские и английские пароходы, забирая русский груз, брали попутно битую дичь и шли прямым рейсом в определенные порты, русские отправители в сообщении, напр., с Дюнкирхеном могли рассчитывать только на один рейс в месяц, причем мелкие партии не всегда забирались, как невыгодный груз. Затем, германские и английские экспортеры располагали хорошо оборудованными холодильниками, ускоренным движением поездов со скоропортящимися грузами и частным пароходством, приспособленным к перевозке последних, благодаря чему русский дичный товар быстро и без малейшего риска, в отношении порчи, перебрасывался из германских и английских портов на французские рынки. Русским же экспортерам, не располагавшим указанными необходимыми удобствами, неделями приходилось ожидать погрузки, терять несколько дней на заходы в другие порты, так что в общем все путешествие груза длилось 2 — 3 недели и притом на

---

[1]) Экспортные расходы Петроград — Лондон, определялись в 1 р. — 1 р. 20 коп. с пуда дичи, что составляло около 15% пудостоимости товара.

пароходах, не имеющих в большинстве случаев холодильных приспособлений. В результате, замороженный при отправлении товар, приходил к берегам Франции размякшим, талым и значительно обезцененным.

Помимо того, во Франции установлена была как и в Германии, высокая таможенная пошлина: 1 р. 84 к. с пуда общая ставка и 1 р. 23 к. — пониженная; затем существовал высокий городской налог и рыночное обложение, что в общей сложности составляет около 2 руб. с пуда. Выдержать такой налог мог только первосортный товар, а тот товар, который от долгой транспортировки в неприспособленных помещениях значительно теряет в ценности, не может выдержать ни высоких экспедиционных, ни таможенных расходов,

По величине ввоза государства располагаются так (по Н. В. Туркину 1897 г.):

Англия	216.070	пуд. (кроме ввоза из Египта и Индии).
Германия	39,104	„
Бельгия	33,976	„
Франция	33,880	„
Швейцария	13,909	„
Дания	10,000	„
Австро-Венгрия	1,320	„

Что касается до вывоза дичи, то главнейшие страны располагаются по величине его в следующем порядке:

Россия	171,598	пуд.
Австро-Венгрия	75,339	„
Бельгия	17,846	„
Германия	13,525	„
Дания	4,182	„
Англия	3,942	„
Франция	913	„

Влияние таможенных ставок на торговлю битою дичью. Развитию торговли русскою битою дичью на английском рынке в значительной степени способствовал безпошлинный ввоз этого товара в Великобританию. И хотя Германия как рынок, во всех отношениях представляла наибольшие удобства, прежде всего близостью своего растояния, тем не менее экспорт в эту страну серьезно затруднялся высокой таможенной ставкой. В период до конвенционный Германия допускала битую птицу наравне с четвероногою дичью с небольшой таможенной ставкой не превышавшей 50 коп. с пуда. Вследствие этого вывоз русской дичи в Германию достигал в некоторые годы 1882—1887, суммы в 1.600 тыс. марок. В период конвенционный, когда на битую пернатую дичь была установлена ставка сначала в 2 р. 27 к. с пуда, хотя потом пониженная по конвенции 1904 г. до 1 р. 52 к. экспорт дичи из России на Герман-

ский рынок пошел на убыль и определялся в довоенное время всего суммою в 200—250 тыс. марок. Такому повороту в германской таможенной политике в отношении битой дичи, много способствовал успех этой политики в другом направлении — в установлении по конвенционному договору безпошлинного пропуска в пределы Германии русских живых гусей. Немцы учли всю огромную выгоду такого безпошлинного ввоза этой птицы и всеми мерами поощряли развитие импорта данного товара, что, конечно, способствовало возрастанию потребления за счет других однородных продуктов, прежде всего за счет битой дичи, как более дорогой.

Это обстоятельство отразилось на понижении цен на битую дичь в промысловых районах, хотя выход ее постепенно убывал. Экспортеры, конечно, учли момент и постарались переложить таможенное обложение на промышленника хотя и не в проценте, равном надбавке от обложения (последняя конвенционная ставка составляет в среднем 25% пудостоимости), но во всяком случае в размере, неубыточном для экспортного предприятия.

Спрос на русскую битую дичь со стороны Англии, и Дании, развивавшийся параллельно спросу на масло и яйца, в значительной степени повлиял на промысел и торговлю данным товаром и и прежде всего отразился на ценах. Последние снова стали крепнуть. Некоторое представление об этом дает таможенная оценка экспортируемого товара:

Годы.	В рублях за пуд.
1890—1894	4,60
1895—1899	4,80
1900—1904	5,30
1905—1909	6,10
1910	6,95
1911	6,10
1912	5,50
1913	6,35

Повышение расценки дичного товара обрисовывается рельефнее, если принять во внимание, что выход наиболее ценного товара — рябчика — сильно уменьшается с каждым годом, а именно:

Годы.	Рябчик составлял в экспорте (процент).
1890—1894	48,5%
1895—1899	26.5 „
1900—1904	32 „
1905—1909	28 „
1910—1913	21 „

Отсюда имеется некоторое основание заключить, что повышение расценки товара приходится, главным образом, на долю других видов, менее ценных сравнительно с рябчиками, дичи — куропаток и тетеревов.

Выводы. Сколько же, в конце концев, и на какую сумму добывается всего дикой птицы в СССР в год? Прямо ответить на это пока нельзя и можно только привести некоторые соображения. Н. В. Туркин, на основании специального обследования, исчислял (для 1898 года) вывоз в среднем в 4.623.146 штук (171.598 пудов, в пуде 27 штук), потребление в двух столицах — 4.000.000, всем остальным городским населением 14.000.000 — 28.000.000, итого 37.000.000 штук. Принимая же во внимание все промысловые районы (север и северо-восток Европейской России и Сибирь) с 30.000.000 населения в уездах, и допуская, что оно в такой же пропорции потребляет дичь как в столицах, он получал еще крупную цифру в 60.000.000, а в общем до 100.000.000 штук дикой птицы. Нам не представляются эти расчеты черезчур преувеличенными, особенно при учете всей массы любителей охотников, добычу массы птицы в тундре и тайге для личного потребления, и т. д.

Можно подойти к этому вопросу и иначе. Принимая общее число охотников в СССР за 2.000.000 человек (некоторые исследователи считают до 5 мил.), и считая, что каждый охотник в среднем добудет всего 35 птиц (цифра вполне вероятная), то общая добыча определится в 70.000.000 штук, то есть весьма недалекая от вышеприведенной.

Во всяком случае число добываемой в СССР дикой птицы громадно, роль ее в народном питании чрезвычайно важна и вообще общее значение ее далеко не учтено нашими экономистами, как впрочем и относительно других продуктов охоты; нельзя также считать, как делают некоторые иследователи, местное потребление дичи в 5% от количества дичи, перевозимой по железным дорогам; всякому, кто знает лично быт нашего охотничьего населения, это ясно. Вместе с тем даже неполные статистические данные и наблюдения показывают, что количество добываемой дичи уменьшается и зависит это от уменьшения основного живого капитала. С другой стороны, по данным Департамента Земледелия и Отдела сельско-хозяйственной экономики и статистики с 1903 г. по 1912 г. экспорт дичи уменьшался, а выход на внутренний рынок увеличивался (в % %), что видно из таблицы (поступление сибирской дичи):

Годы.	На внутренний рынок	На экспорт.
1903	30,5	69,5
1910	36,6	63,4
1911	38,3	61,7
1912	47,3	52,7

Все это доказывало ненормальное положение и промысла и торговли. Дичь наша настолько ценится на заграничном рынке, и

вместе с тем составляет до известной степени предмет роскоши, что имеет полный смысл развивать наш экспорт, что будет выгодно и промышленнику и государству, но чтобы достичь крупного экономического эффекта, необходимо прежде всего привести в порядок наше охотничье хозяйство, остановить прогрессивную убыль дичи и урегулировать торговлю — внутреннюю и внешнюю.

Настоящее время является весьма благоприятным для упорядочения всего дела, так как за годы войны и революции дичь несколько отдохнула от истребления и размножилась, с другой стороны вся торговля СССР перестраивается на совершенно новых началах и направить ее в ту или иную сторону вполне возможно.

10. Пушнина.

Пушнина, или шкурки пушных зверей, имеет первенствующее значение во всем охотничьем промысле и вследствие того, что является высокоценным товаром, обращающемся не только на внут-

Рис. 142. Соболиные шкурки в сыром виде.
Из снимков Д. К. Соловьева.

реннем но и на внешнем рынках, пушной промысел часто отождествляется с охотничьим промыслом целиком, хотя по существу конечно это неправильно, что видно из настоящей главы.

Шкурки поступают в продажу то целиком, то без хвоста, а хвосты продаются отдельно, то она разделяется на части, причем выделяется в особый вид товара спинки, брюшки, лапки, хвосты

и т. п. В общем, чем ценнее мех, тем на большее число делится шкурка. Так как у огромного большинства пушных зверей спина окрашена и покрыта волосами иначе, нежели брюхо, то первое разделение, какое претерпевает шкурка — это на спинную и брюшную половины сшиваемые в „меха“ хребтовые и черевьи. Затем, у ценных зверей кроме этого отдельно набираются меха из головок, лбов, шеек, душек, лап. Хвосты продаются отдельно числом или весом, как например более дешевые, беличьи. Число шкурок потребных на шитье одного меха, неодинаково для разных животных. Так например из 200 беличьих шкурок выходит два меха, один хребтовый, другой черевий (брюшной). На пуд идет 6.700 шт. беличьих хвостов. На лисий мех идет хребтовых 100 — 170 шт., душчатый — 120 шт., из головок — 800 — 1000 шт. Соболей на хребтовый мех идет 80 — 100 штук, черевий с лапками 140 — 150 шт., горловой — 150 шт., из лобков — 600 — 800 шт., на боа потребно 60 хвостов.

Сортировка пушнины. В пушном деле сорта каждого пушного зверя обыкновенно разделяются двояко. Прежде всего, каждое животное делится на ряд сортов, в большинстве случаев, по месту обитания, так как та или иная местность обитания зверя влияет совокупностью своих природных условий — климата, высотою местности над уровнем моря, растительностью, а иногда и животным населением. Каждое из этих условий отражается на качестве меха, одевающего зверя.

Климат, например, влияет в том смысле, что меха животных, живущих в более северных и сухих местах с континентальным климатом, особенно из горных местностей, обычно бывают лучшего качества. Затем, растительность играет также большую роль в качестве меха. На нем отражается иногда и животное население, так как у хищников обилие или недостаток пищи сильнейшим образом отзываются на качестве шкурки.

Затем, многие пушные звери делятся на сорта, во-первых, в зависимости от возраста животного, а во-вторых от времени года, так как в том и другом случае мех у животного имеет обычно разные качества и достоинства.

Все сказанное лучше объяснить на примере, для чего, возьмем, белку.

По месту, откуда получается беличий товар, иными словами, в зависимости от места обитания белки, он разделяется в главных чертах на следующие сорта, начиная с наиболее — дешевых: 1) западная — низкий по качеству товар; 2) финляндская — несколько выше, но тоже из плохих сортов; 3) русская — из северных и северо-восточных губерний Европейской России, считающаяся выше предыдущих; 4) печерская — с севернаго Урала, а также из части заводского района; 5) заводская — по р. Вышере,

с Урала и его отрогов в Пермской губ.; на 7% дороже предыдущих; 6) туринская — по западному берегу реки Оби и по р. Туре; 7) обская — по правому берегу реки Оби; обская северная — темнее и ценится несколько выше; 8) енисейская — с реки Енисея, севернее Красноярска, довольно крупный по размеру сорт, дающий около 20% подвязки при 30 — 40% хвоста; 9) бийская или алтайская — голубоватого светлого цвета; 10) минусинская, 11) телеутка, добываемая на юго-востоке от Кузнецка и считающаяся дороже первых 5 — 7 сортов; 12) усинская — из Монголии, темного цвета и ценимая дороже большинства предыдущих; 13) чулымская — добываемая к востоку от Оби, в лесах реки Чулыма; считается на 9% выше обской и приблизительно в одной цене с енисейской; 14) красноярская — из окрестностей Красноярска; 16) иркутская — по реке Нижней Ангаре и по реке Иркуту, около 17% выше енисейской; 17) тункинская — из гор, окамляющих юго-западное побережье озера Байкала и считающаяся лучшею из иркутских белок, ценится на 25% дороже енисейской; 18) ленская — с р. Лены, имеющая много подразделений. Темного цвета. Из нее отбивают так называемый „ясак“, сорт, ценимый несколько дороже обычного ленского; 19) забайкальская; 20) чикойская, по р. Чикою; 21) нерчинская — темнаго цвета, с так называемыми, „горболысинками“; 22) зейская — также темный цвет; 23) аргунская; и 24) ангарская — по рекам Аргуни и Ангаре; 25) якутская, имеющая ряд подразделений в зависимости от места добычи: алданская, вилюйская, олекминская, саянская, верхоянская, колымская, индигирская, аянская, при чем из якутских белок худшей считается вилюйская; 26) охотская — с побережья Охотского моря, ближе к Охотску, черного с голубоватым отливом цвета; 27) камчатская и 28) амурская.

Возможны конечно и еще подразделения и сорта, но главнейшие приведены выше.

Кроме того, белка помимо этих сортов разделяется на следующие в зависимости от качества меха по времени года, считая с худшей: 1) недошедшая (называемая иначе петровкой или грошевкой), которой больше всего в западных сортах белок. Она лишь изредка попадается среди ленских. Этот сорт — шкурки зверка, убитого слишком рано, то есть, до того, как у него образовалась хорошая зимняя шубка. Вследствие этого грошевки летнего убоя бывают красного цвета; 2) подпаль — так называемая более дошедшая в сравнении с петровкой белка. Иногда между подпалью попадаются экземпляры с так называемой пестриной, с крапинками; 3) синюха — это так же более дошедший чем предыдущий сорт, но более светлаго цвета, и синеватой мездрой и, наконец, 4) настоящая или чистая белка есть готовый мех зверька.

Белки поступают на рынки очень много в выделанном виде, причем большею частью идет отдельно хребтик (то есть мех спины с верхней частью боков), без чрева и хвоста которые обделываются также отдельно друг от друга, давая черевьи и хвостовые меха.

Соболь точно также разделяется на ряд сортов. Самыми лучшими следует считать соболей из разветвлений Яблонового и Станового хребтов витимске и баргузинские и так называемые якутские соболя; лучшими из якутских соболей следует считать олекминских, нерчинских, зейских, удских и алданских (малой величины). Особенно хороши удские соболя. Самый северный из восточно-сибирских — колымский соболь с весьма густой и пушистой шерстью голубоватого отлива, немногим уступает самому пышному камчатскому (с черным хвостом).

Несколько худшим, но все же из лучших сортов считаются енисейские соболи, довольно темные с голубоватой „водой“ (отливом), но несколько грубоватым волосом; за енисейскими следуют саянские, минусинские и красноярские соболя. Южно-иркутские по правой стороне реки Иркута недурны, тогда как тункинские опять таки несколько хуже. Из западно-европейских сортов очень ценятся уральские соболя.

Промышленники на местах часто разделяют соболей на сорта „головка“ — высший сорт, „меховой“ или подголовка — средний и „хвост“ — низкий сорт. Это грубое подразделени применяется иногда и к другой пушнине.

На ярмарки соболь ранее поступал так называемыми сорочками, то есть пучками по 40 шкурок, подобранных по сортам, теперь же обыкновено продается по 10, 20 и т. д. или даже поштучно.

Из лисиц лучшими считаются камчатские; очень хороши также семипалатинские. Караганка является уже довольно грубым сортом; ее идет довольно много с Кавказа и из Туркестана (из Ташкента). Межеумок краснее и крупнее караганки. Относительно лисиц необходимо отметить, что некоторые сорта их оцениваются парами, а иные цоштучно; к последним относятся монгольские лисы.

В общем, помимо сортов различаемых по месту добычи различают лисиц: огневку, крестовку, сиводушку, белодушку, черно-бурую, серебристо-черную и черную.

Лучшими песцами считаются енисейские и туруханские: затем идут якутские, печерске и обдорские песцы. Хороши также и камчатские. Большая часть песцов вывозилась для выделки за границу.

Самый молодой промышленный песец называется копанец, затем идет норник, более дошедший (или летний взрослый) —

крестоватик, далее, еще более дошедший песец — синяк, потом недопесок. После стадии недопеска зверек достигает полной зрелости и цены и называется уже песцом.

Лучшие голубые песцы идут с Командорских островов, хуже, и в меньшем количестве, с материка.

Из сортов горностая можно упомянуть о западном, подмосковном, печерском, башкирском, томском и барнаульском, ишимском, ленском и якутском. Из них ленский и якутский горностаи отличаются сравнительно небольшой величиной. Самыми крупными и лучщими горностаями — считаются ишимские и барабинские, называемые также крупными западносибирскими.

Лучшими сортами зайца считаются камышловский и курганский; русские сорта по качеству значительно ниже. За границу идет большею частью заяц русской выделки из Дунилова, Шуйского уезда, Владимирской губ. Распределяется по сортам следующим образом по весу:

1	сорт	в	тысяче	штук	13	пудов.
2	„	„	„	„	11	„
3	„	„	„	„	9	„

Высшими сортами колонка считаются томский и барнаульский. О колонке следует отметить то, что его идет очень много за границу для выделки и окраски под соболя и норку. Из колонковых шкурок выделяются идущие отдельно хвосты.

Говоря о сортах, нельзя не упомянуть о так называемом „вешнем“ товаре, то есть шкурках зверей, убитых весной, когда зверь начинает менять зимнюю шубку на летний мех. Благодаря тому, что зверь в это время начинает линьку, вешний товар отличается довольно низкими качествами, и соответственно низкими ценами.

Мы не будем входить в более подробное рассмотрение сортов всех пушных зверей, ограничиваясь этими краткими замечаниями, так как в большинстве случаев происхождение сорта определяется названием его.

Через руки промышленников и мелких скупщиков шкурки проходят не разделенные и не сортированные.

Крупные скупщики шкурок не разделывают но сортируют их по качеству. Лишь иной раз отрезаются хвосты.

Партии эти формируются крупными скупщиками в среднем составе и местами получаются чрезвычайно однородные (напр. камчатская или охотская белки).

Во всех отношениях вредным для торговли мягкой рухлядью является и то, что совершенно отсутствует общий, а главное международный стандарт; отсутствие правильной сортировки обу-

словливает и залеживание товара. В этом отношении особенно страдали провинциальные торговцы. Только что разработанный Наркомвнуторгом пушной стандарт несомненно сыграет большую роль в упорядочении торговли пушниной.

Выхаживание пушнины. Русская пушнина часто теряет в своей ценности от того, что плохо „выхожена“ добывшими ее охотниками, т. е. плохо обработана.

Пушнина, более чем другой товар, продается „лицом“. Самые лучшие природные качества меха — густота, лоск, отлив, ровность, не придадут цены шкуре, если она сморщена, т. е. по снятии не была надлежащим образом растянута, а попросту сохла где нибудь у печки, если на ней мех не выглажен и т. п. Несвоевременное снятие шкуры с убитого животного, неправильная съемка ее, небрежная выправка и очистка, неправильная сушка и хранение зачастую не только значительно понижают ценность пушнины, но даже приводят ее в негодность.

Например, амурская белка поступает на рынок с неснятым хвостом, также и лисицы. Из ушей не вынимается хрящ, медвежины поступают с кистями лап, не очищенными от мяса. В результате у белки ломаются хвосты, выпадает с них волос, также облезает хвост и у лисицы, у медвежины загнивают лапы и т. п.

Надо уметь не только добыть пушного зверя, но и уметь тщательно выхаживать пушнину.

Убив животное, необходимо по возможности немедленно же приступить к снятию с него шкуры. Если шкура долго остается неснятой с трупа, в особенности под действием солнца, то мех теряет в цвете (окраске) и лоске (блеск, глянец), а если при том стоит теплое время, то шкура может быстро загнить.

Самое снятие шкур производится различными способами. Снимают мешком, „с заду“ — лисицу, белку, куницу, россомаху, горностая, колонка, выдру, волка, рысь, зайца, соболя и др. Остроконечным ножем делается разрез от пятки одной задней ноги по внутренней стороне к заднему проходу; перерезается осторожно прямая кишка у начала хвоста; хорошо при этом, чтобы не пачкать кровью, жиром и проч. пересыпать разрезы картофельной мукой или мелкими отрубями; затем разрез ведут от заднего прохода к пятке другой задней ноги. Кожа осторожно отделяется от мяса, ног и хвоста. Чтобы вытянуть кости из хвоста, можно пользоваться расщепленной палочкой, которой действуют как клещами, или действуют ногтем большого пальца.

Если хвостовые позвонки сломаются и крупные части их останутся невынутыми, делают небольшие разрезы на нижней стороне и выскабливают остатки.

Шкура затем снимается постепенным заворачиванием к голове, при этом крупного зверя подвешивают за одну или за обе задние ноги. Передние лапы, так же как и задние, снимаются чулком, как можно чище, не оставляя мяса.

У белки, куницы, выдры, колонка, горностая, соболя пальцы на лапах не разрезаются и не снимаются, а лапка вся отрезается внутри и остается при шкуре, с когтями без мяса. У лисиц, рысей, волков пальцы разрезаются при снятии шкур с лап, а у волка раскрываются передние ноги от локотков до пяток.

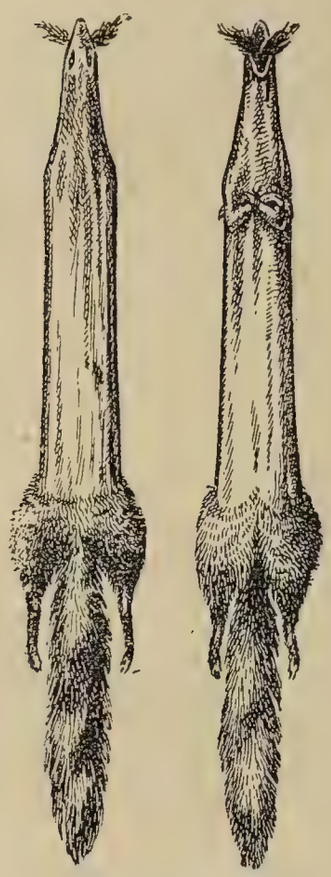


Рис. 143. Беличьи шкурки правильно снятые.

При выворачивании шкуры через голову подрезают кожу у глаз, ушей и губ, стараясь не делать на шкуре больших отверстий. Нос остается при шкуре, перерезается лишь носовой хрящ.

Шкуры, снятые указанным способом, на заграничных рынках ценятся выше.

Лисица, выдра, белка, куница, колонок и др. снимаются также мешком „с головы“. Шкура разрезается вокруг рта, по губам и постепенно затем выворачивается на голову и шею, причем уши и встречающиеся прикрепления (связки) подрезаются острым ножем. Когда шкура заворочена на шею, зверь подвешивается за голову, на бичевке или ремне, причем лисицу удобнее привязывать не за шею, а за верхнюю челюсть позади клыков.

Так называемая открытая съемка (по коровьи) применяется для козули, сохатого, изюбря. Делается разрез по животу с продолжением его до нижней губы у хвоста, ноги разрезаются по внутренней стороне.

Снятую со зверя шкуру надо очистить как можно лучше, соскоблив оставшиеся частицы мяса и жира осторожно, непортя мездры. Обрывая жилки, можно попортить шкурку. Особенно тщательно должны очищаться от мяса, жира и кровоподтеков шкурки колонка и горностая, ибо чистая и тонкая мездра значительно повышает стоимость пушнины. Искуственное беление мездры у горностая отмывкой шкурки в воде понижает ее стоимость и не рекомендуется. Соскабливание шкуры, снятой „мешком“ производится на особой доске, на которую натягивается вывернутая на изнанку шкура.

Важным делом является правильное высушивание шкуры и ее растягивание, выправка; при этом необходимо непременно достигнуть того, чтобы полоска хребта образовала прямую линию по самой средине шкурки, а все остальные части равномерно оставались на своих местах так, как на туловище зверя; необходимо наблюдать, чтобы шкура не была растянута слишком в длину, ибо пушнина тогда теряет очень много оттого, что перепутывается волос, пропадает красивая шерсть с своеобразной окраской по бокам и шкурка превращается в узкую полосу; не следует растягивать и в ширину, ибо тогда даже шкурки крупного зверя принимают уродливый вид широких, но непомерно коротких. Сушка и растягивание производится так: после очи-

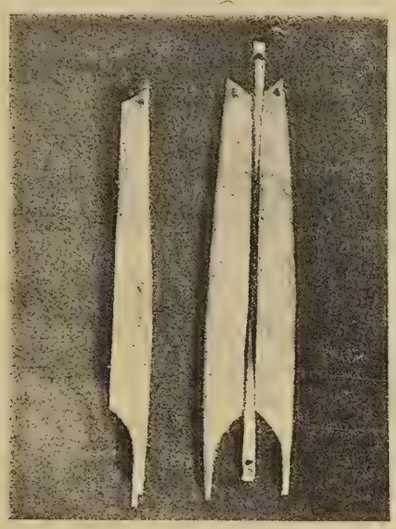


Рис. 144. Двойные правила (пяла) для соболиных шкурок. Из снимков Д. К. Соловьева.

Рис. 145. Различная посадка соболиных шкурок. Из снимков Д. К. Соловьева.

стки от остатков мяса и жира растянутая на доске (палках) мездрой наружу, шерстью внутрь, тщательно выглаженная от морщин и складок шкура на доске же подвешивается головой кверху, в прохладном и сухом месте, где кожа постепенно просыхает. Никогда не следует сушить в жарком месте, около натопленной печи, на солнечном тепле. Зимой сушить в слабо натопленной проветриваемой комнате, летом в тени, на ветру. Если пересушить шкуру, она обесценится.

Если по снятии шкуры какого либо зверя не представляется возможным сразу же приступить к ее растягиванию и сушке, то в зимнее время ее можно заморозить. Снятая „мешком“ шкура замораживается вывороченною внутрь волосом и мездрой наружу, снятая же „открытой“, складывается пополам тоже внутрь воло-

сом. Оттаивать следует в теплой комнате и чтобы оттаивание шло равномерно, шкуру подвешивают. Хранить шкурки не только в сыром состоянии, но даже и замороженными долго не следует, ибо от продолжительного лежания преет волос, разрушается мездра, пересыхают кровоподтеки и жирные места, мездра перегорает, ломается, а волос слабеет и подтекает.

Растянутые шкурки сушат до тех пор, пока, снятые с палок, они не будут „садиться“ т. е. съеживаться. Тогда их выворачивают шерстью наружу и хранят в сухом месте подвешенными или разложенными во всю длину неплотными рядами. Хранить соболя рекомендуется в темном месте, завернув в тряпку темного цвета; шкурку не хватать руками, сальными и грязными, не мять.

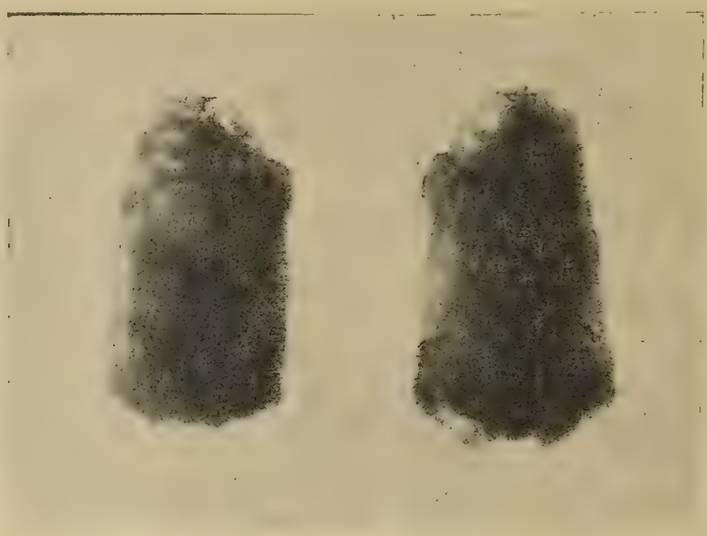


Рис. 146. „Ссаженные“ соболиные шкурки.
Из снимков В. К. Арсеньева.

При съемке шкур нужно тщательно беречь волос, чтобы не запачкать кровью. Но если обнаружится по окончании сушки, что имеются все таки загрязненные места, то следует обтирать отрубями, мукой, а для придания лоска (глянца) растирать волос мелкими сухими, горячими опилками, несмолистых пород — березовыми, дубовыми напр., а затем опилки и пыль выбить тонкими прутьями. Если шкура пересохла и ломается, то мездру обтереть сырой тряпкой, смоченной раствором простой соли, половина столовой ложки на стакан чистой воды.

Передние лапки у белки узлом не завязывать, а оставлять их так или приглаженными к шкурке вниз.

Правильно и тщательно, хорошо „выхоженная“ пушнина, при соблюдении вышеуказанных приемов, на рынке идет первым сортом по соответственной цене, небрежно „выхоженная“—расценивается низко или совсем бракуется.

Краткий исторический очерк торговли пушниной. Еще старые летописи отмечают поход новгородцев на югров, нынешних остяков, живших в теперешней Тобольской губернии и занимавшихся звероловством, причем цель похода была — приобретение пушных данников. С той поры начались прочные сношения с Югрой и Самоядью на почве торговли пушниной. С 1465 г., когда начались в Сибирь и на крайний север походы Московские, пушной промысел быстро занял первенствующее значение в товарообмене с сибирскими и северными инородцами, а в XVI столетии прилив пушных товаров из Сибири в Москву был так велик, что для хранения и расходования их были устроены особые учреждения: Сибирский гостинный двор и Сибирский казенный склад. Прилив этот поставил московское правительство в затруднительное положение — оно, получая в большем количестве „мягкую рухлядь“ (так называлась тогда пушнина), в виде ясака с сибирских племен и десятинной платы на внутренних заставах с купцов, „не знало куда ее девать, и нуждалось в рынке для выгодного ее сбыта“. И хотя значительная ее часть шла от нас в Персию, Турцию и Бухару, а также, конечно, и на внутреннее употребление, но за всем тем большая часть этого товара оставалась в Москве без всякой пользы.

Вскоре же после покорения Сибири, желая использовать неимоверные количества пушнины, притекавшие оттуда [1]), с возможно большими выгодами для казны, правительство в начале XVII столетия сделало важный шаг к монополизированию торговли мягкой рухлядью, обязав промышленников сдавать лучшую пушнину в казну, под страхом грозных кар за ослушание. Правительство приобретало меха следующими способами.

1) От инородных подданных, плативших мехами дань, называемую ясаком; эта дань или доставлялась самими инородцами начальствующим лицам того уезда, где они жили, или же служилые люди посылаемы были в юрты и приносили ясак воеводам, которые поручали выборным торговым людям оценивать меха и потом отправлять в Москву.

2) Кроме ясака, воеводы получали от инородцев при платеже ясаком поминки мехами. Воеводы, как служилые люди, законно могли принять их, но не смели оставлять у себя, тем менее продавать, а должны были препровождать в казну, откуда им выдавали деньги.

---

[1]) Насколько действительно грандиозен был прилив пушнины в период, следовавший за покорением Сибири, видно из того, что 4 года спустя одна только казна ежегодно получала по 5,000 сороков (200,000 штук) соболей, 10 000 черных лисиц и 500,000 лучших белок. С дальнейшим покорением Сибири, количество добывавшейся мягкой рухляди достигло еще более невероятных размеров. (Краткий очерк о пушной промышленности в Сибири 1896 г.).

3) Торговцы, покупая меха в Сибири, обязаны были давать в казну десятого зверя и притом самого лучшего; сверх того начальство могло у промышленников и торговцев во всякое время отобрать в казну меха, коль скоро они окажутся высшего достоинства.

Кроме употребления мехов на царское жалованье, казна вела ими значительный торг. „В Москве были казенные лавки, где продавались меха. Казенные меха отправлялись в Северный порт, а также променивались грекам, армянам, персиянам, бухарцам на восточные товары".

Частная торговя мехами была чрезвычайно стеснена совместничеством власти. Русские купцы во многих местах не смели торговать в юртах, а в отдаленной Сибири хотя это и было дозволено но не иначе, как после сбора ясака и притом с условием отдавать в казну лучших зверей. Во многих местах русским промышленникам было вовсе запрещено самим заниматься звероловством, а предоставлялось это занятие одним инородцам, платившим ясак: это касалось татар, остяков, вогуличей, чувашей. При Алексее Михаиловиче купцы не имели права продавать меха высокого достоинства, свыше 20 руб. за пару и 300 руб. за сотню по московской цене. Запрещалось в Сибири частным торговцам отпускать меха в другие государства особенно в Бухарию, откуда купцы приезжали для закупки мягкой рухляди. В Европейской России запрещалось продавать меха грекам, армянам, персиянам, потому что казна принимала на себя наделение мехами торговцев этих народов. Что касается торговли в Архангельске, то купец, отправляющий за границу меха, был стеснен тем, что не смел продавать своих товаров, прежде чем не продадутся казенные; притом казенные были лучшие и могли продаваться дешевле, чем частные, поэтому купец всегда рисковал понести убытки. Иногда правительство устанавливало запрещение торговать какими-нибудь из мехов, напр. в 1675 году запрещено было торговать голубыми и черными песцами и повсюду велено было у проезжих торговцев отбирать этого рода меха и выдавать за них деньги.

Частные торговцы приобретали меха посредством мены с инородцами в Сибири и в Северной России, мены дозволенной на гостинных дворах, а в отдаленной Сибири и в юртах, и посредством покупки от казны. Они сбывали меха внутри России и вывозили в Архангельск и Нарву. Нередко меха привозили в Архангельск не из Москвы, где было главное средоточие меховой торговли, но прямо из Сибири по Двине. Гости и торговцы, стесняемые комерческим совместительством власти, умели изворачиваться в свою пользу; так торговцы в Сибири давали воеводам взятки, и воеводы оставляли в их руках лучшие меха, а в казну отсылали меха худшего достоинства, уверяя, что лучше достоин-

ством, доставленных в казну, не было; в самой Москве гости (купцы), быв призваны для оценки казенных мехов, оценивали казенные меха дороже, чем они стоили, а между тем сами торговали мехами и скупали в Сибири меха посредством своих агентов, успевавших подкупать своих воевод и приобретать для своих хозяев лучшие меха. Таким образом у казны были меха похуже, чем у гостей, а казна должна была продавать их дороже, чем гости. Эти злоупотребления, однако, послужили еще к большему стеснению меховой торговли. В 1697 году было совершенно запрещено частным торговцам покупать в Сибири меха соболей и черных лисиц, а предоставлялось купцам, желающим вести этого рода торг, и внутри и вывозя за границу, не иначе, как купив меха в казне.

Чтобы найти для пушнины емкий рынок, тогдашнее правительство обратило свое внимание на Китай, представлявший большие выгоды для торговли. Нерчинским трактатом 24 августа 1689 г. эта торговля была открыта. Петр I-й настолько понимал и ценил всю важность торговых снощений с Китаем, что дал Головину тайные наставления, в силу которых он был уполномочен делать очень важные пожертвования, лишь бы только завести торговлю с Китаем. И действительно, Головин для этого не остановился перед пожертвованием или уступкой всего Амура, а Петр не только не гневался на него за это, но даже наградил его и отправил посланником в свою любимую Голландию.

С тех пор начинается отправка, на счет царской казны, караванов с пушными товарами прямо в Пекин. Караванный торг продолжался около 60 лет, а именно: первый караван перешел китайскую границу в 1699 г., а последний — в 1755 г. Весь груз в этих караванах состоял почти из одной казенной мягкой рухляди, главным образом, соболя, лисицы, белки и горностая. В Сибири и на крайнем Севере начали открываться ярмарки, где купцы запасались пушным товаром. Так, на ярмарке в Колыме собиралось 90 сороков одних соболей, что составляет 36.000 шкурок этого самого ценного зверя, причем расценивался он по 50 — 60 коп. за шкурку. Открытая при царе Михаиле Федоровиче ярмарка в пос. Ирбит сосредоточила у себя всю зимнюю пушную добычу и явилась главным распределительным рынком, каковую роль она удержала за собой до последнего времени.

Особенно успешно пошла наша торговля в Кяхте, когда сами купцы стали (с 1792 г.) торговать с китайцами по „ежегодному положению компанионов“, по которому они сплачивались в компании и избирали из своей среды уполномоченных для определения условий мены. Торговля по „ежегодному положению компанионов“, продолжалась до 1800 г. Главная ценность предметов промена в это время падает опять на мягкую рухлядь, составляющую,

однако, уже всего 70% провоза. Отпуск ее, тем не менее, в сложности увеличился. Так, промен белки повысился до 7 милл. штук, корсаков — до 70 тыс. шт.; усилился также отпуск выдр, лап лисьих и песцов, и начался промен зайчины.

В 1800 г. русское правительство само установило правила для кяхтинской торговли: последняя должна была производиться меною товаров, без монеты и кредита; условие это имело целью удержать монету и вообще благородные металлы внутри государства. Среди русских товаров еще в начале XIX века главную роль играла попрежнему мягкая рухлядь. Сбыт ее при этом усилился по некоторым родам; так, белки сибирской променено было в 1810 г. уже более 10 милл. штук. Но уже с начала 20 годов в кяхтинской торговле начинает намечаться одно условие, которому суждено было в дальнейшем положить конец первенству мягкой рухляди среди других провозимых товаров. Условие заключалось в том, что Китай все более и более привыкал к употреблению сукон вместо мехов и начал представлять обширный рынок для сбыта первых. Обстоятельством этим воспользовались сначала иностранные купцы, а затем и русские. Благодаря этому, уже в начале 20 годов мягкая рухлядь начинает утрачивать свое значение, хотя она являлась еще в то время главною статьей сбыта в Кяхте. Так, к 20 годам прошлого столетия промен белки упал до 4 — 6 милл., соболей с 4.000 до 900; увеличился только сбыт песцов до 60.000 — 70.000, горностаев — 60.000 — 150.000 и кошки. В 30 годах соперничество мягкой рухляди с мануфактурным товаром привело, наконец к полному торжеству последнего, как это видно из следующих сопоставлений:

	Ценность промена, в руб.	
	1824 — 1828 гг.	1836 — 1840 гг.
Мягкой рухляди русской	3.160.922	2.562 454
„ „ иностранной.	176.079	323.283
	3.337.001	2.885.737
Сукон и проч. тов. на	3.242 815	5.464.683
	6.579.816	8.350.420

С тех пор значение мягкой рухляди в кяхтинской торговле быстро пошло на уменьшение. Еще в 40 годах ценность промена пушнины простиралась до $1^1/_2$ милл. руб. в год. В 70 годах (1871 — 1875) средняя ценность ежегодного вывоза в Китай уменьшилась уже до 50.000 руб.

Так кончилась блестящая эпоха пушнины в нашей торговле с Китаем.

С половины прошлого столетия пушная торговля, сосредоточившаяся исключительно на необработанной мягкой рухляди и притом преимущественно с восточными странами, переживает

серьезную эволюцию — появился спрос на сибирскую пушнину со стороны государств Западной Европы, главным образом, со стороны Германии, Франции и Англии. Русская пушнина быстро стала уходить на скорняжные и красильные фабрики Лейпцига и Парижа, а оттуда через лондонские аукционы расходиться, в виде выделанных мехов, по всем странам, в том числе и в Россию:

Годы	Вывоз. тыс. пуд.	Вывоз. тыс. руб.	Привоз. тыс. пуд.	Привоз. тыс руб.
1860	25	250	нет сведений	
1880	105	2 000		
1900	450	6.440	48,5	4.230
1913	750	17.000	150	9.000

Таким образом, в 1913 г. товарообмен пушниной достиг 900 тыс. пудов ценностью на 26 милл. руб.

Таким образом окинув беглым взглядом нашу торговлю мягкой рухлядью в ее прошлом, мы узнали, что в истории ее различаются два периода — первый, закончившийся в 1762 г. — период правительственной монополии и второй, продолжавшийся до революции — период свободного торга пушниной. Первый период характеризуется стремлением правительства устранить по мере возможности вредную для него конкуренцию частной инициативы в деле торговли пушниной, и вытекающей из этого подробной регламентацией способов производства купли, продажи, и даже сортов пушного товара, допускаемых в торговых оборотах частных купцов. Система эта, дававшая в начале громадные барыши, не могла устоять перед целым рядом условий, подтачивающих ее в самом основании, каковы, с одной стороны, недобросовестность лиц, заведывавших скупкой пушнины, рутинность и медлительность торговых сделок, а с другой, воспользовавшаяся этими отрицательными сторонами казенной торговли личная предприимчивость и изобретательность купцов.

Приобретение пушнины из первых рук. В торговле пушниною, кроме чисто коммерческой стороны дела необходимо принимать в расчет еще одно обстоятельство, вытекающее из самого свойства интересующего нас объекта — пушнины, как продукта промысловой охоты.

Пушнина, прошедшая много рук, попавшая на мировой рынок и ставшая предметом крупных торговых предприятий, ничем не отличается от всякого другого товара; успех или неудача крупных оборотов мягкой рухлядью, внутренних или международных, зависит от целой массы условий, сопутствующих всякому крупному коммерческому предприятию; ни размеры торговых операций, ни барыши или убытки крупных меховщиков, в большинстве случаев получающих товар быть может из пятых или десятых рук, раз эти явления зависят не от изменившегося спроса на мех

известного животного, а от посторонних причин, никакого влияния на ход промысловой охоты оказывать не могут. Но не эта чисто коммерческая сторона вопроса о пушной торговле может нас интересовать, нам важно познакомиться с той отраслью ее, от которой зависит придать то или другое направление промысловой охоте; а таковою бесспорно является приобретение пушного товара из первых рук. Действительно, промысловая охота на пушных зверей процветает исключительно в местностях глухих, чрезвычайно малонаселенных, диких, удаленных на многие сотни, даже тысячи и более верст от крупных, подчас даже вообще от каких-бы то ни было городов и сел.

В самых худших услових в этом отношении находятся сибирские бродячие туземцы, обитающие в тундрах и глухой тайге, т. е. в пределах совершенно не затронутой культурою полосы Сибири. Хорошо если промышленнику имеется возможность, сделав привычный для него конец в несколько сот верст, попасть хоть раз в год в какой нибудь поселок на торг, сбыть там кому нибудь из скупщиков свою пушнину и закупить самого необходимого для себя — пороху и свинцу, а также муки, сухарей, сахару и кое чего для домашнего обихода; там он может получить некоторое представление о существующих ценах на товар, может случайно наткнуться на конкурентов по скупке пушнины и сбыть ее чуть подороже обычного; но ведь очень многие были лишены даже этого и всецело находились во власти скупщиков, объезжавших в известное время года улусы и юрты инородцев, забиравших у них товар и доставлявших предметы первой необходимости. Вот именно эта то сторона торговли пушниной и находилась у нас в невозможных условиях.

Старое правительство, отрешившись от монопольного торга мягкой рухлядью, совершенно перестало вмешиваться в торговые дела частных лиц и с тех пор, мало по малу, вся Сибирь покрылась сетью микроскопических, по сравнению с ее общим пространством, участков, в пределах каждого из которых всесильно властвовал кулак — скупщик на полных правах монополиста, высасывавший все соки из несчастных звероловов своего района. Эта язва в корне подтачивала не только экономический быт обездоленного населения, но и самый охотничий промысел, а следовательно готовила будущим поколениям целых племен, живущих исключительно только звероловством, крайне печальную судьбу. Во многих малонаселенных местах Сибири не закон об охоте нужен, он там будет мертвою буквою, а возможно скорое и энергичное урегулирование тех чудовищно-ненормальных условий, в которых находился сбыт продуктов охоты и снабжение промышленников предметами первой необходимости. Тогда только возможно будет воздействовать на население и заставить его за-

вести порядок в своем промысловом хозяйстве. О каких соблюдениях сроков может быть речь, если зверолов должен был обязательно к определенному сроку добыть известное количество животных таких то пород, потому — что на нем лежит долг за забранные вперед предметы первой необходимости, долг, переходивший чуть не по наследству от деда к отцу, от отца к сыну, постоянно нараставший, навеки кабалящий свою жертву и положительно парализовавший всякое стремление ее улучшить свое экономическое положение.

Даже при наличности нескольких скупщиков, промышленник лишен был возможности продать свой товар другому, на более выгодных условиях, так как на нем было записано много в долговой книге у своего „благодетеля“, новый купец мог на сле-

Рис. 147. Караван купца-сборщика пушнины в Пустозерске.
Из снимков С. В. Керцелли.

дующий год не приехать, а старый тогда уже ни за что не отпустил бы никаких товаров и охотнику оставалось лишь одно — умирать с голоду, не имея ни пороху, ни хлеба; да кроме того, у постоянных скупщиков, нередко совместно действовавших в одном районе, настолько была развита солидарность, что они делили между собою все население и каждый обирал своих, отказываясь вести торговые дела с жертвами своих однокашников. Одним словом, все коренное промысловое население находилось в полной кабальной зависимости от скупщиков.

Система, при помощи которой последние закрепощали население, в сущности была одинаковая на всем пространстве от Урала или, пожалуй, даже от Белого моря до Великого океана, и разнившаяся только в деталях, в зависимости от местных условий, состояла в следующем. Во первых, так как скупщик

пушнины являлся в то же время и поставщиком разных предметов первой необходимости, то и „торговля“, если только можно назвать подобные операции таким именем, оказывалась меновою, причем все выгоды находились, конечно, на стороне приезжего купца. В местах, совсем удаленных от населенных мест, пушнина шла обыкновенно по одной постоянной цене, а там, где была возможность населению узнать о ярмарочных ценах, разницы в колебаниях хотя и принимались в расчет, но это наверстывалось повышением цен на привозимые продукты. Товар привозился в обмен на шкуры самый плохой, а засчитывался по цене вдвое — втрое дороже настоящей. При этой системе промышленник был уверен, что он выгодно выменял свой товар, так как купец оценил его высоко, и на соответственную сумму отпустил товаров, в то время как, в действительности, его шкуры шли в 5—8 раз дешевле оценки. Искусственное повышение цен на пушной товар в глазах промышленников, имело целью воспрепятствовать кому нибудь другому завести торговые сношения с ними на более добросовестных началах; всякий посторонний, желавший купить шкуры прямо у промышленника, должен был выплачивать несоответственно высокие цены, так как дешевле он их не уступал, помня оценку постоянного скупщика. Такая система устраняла всякую возможность вторжения чуждых элементов в область, занятую монополистом. Но этого еще мало. В руках купца было еще одно могущественное средство к достижению своих целей — это водка. За водку полудикий инородец сделает все, отдаст последнее свое достояние, вследствие чего за купцом кроме товаров шел обыкновенно транспорт водки.

Случалось так, что, видя всю безъисходность своего положения, даже крайне честные по натуре своей инородцы решали пускаться на хитрость — прятали куда нибудь более ценную часть своей добычи перед приездом купцов-заимодавцев, оставляя для них лишь незначительное количество пушнины, в надежде куда нибудь сбыть припрятанное подороже. Зная это, скупщики старались нагрянуть внезапно, чтобы застать промышленников врасплох. Но это не всегда удавалось. Тогда опытный купец, после долгих уверений и клятв промышленника, что лов был неудачный, смекая в чем дело, вынимал как бы случайно бутылку водки и подносил стаканчик своему клиенту, у которого при виде драгоценной жидкости, глаза разгорались; много-ли надо непривычному человеку — стаканчика два —три и... загулял наш бедный промышленник. Забыты все лишения, невзгоды, перенесенные на сорокаградусном морозе во время охоты за разным зверем, забыто ценою каких невероятных усилий добыты шкурки, утаенные от купца и тщательно схороненные где нибудь поблизости; сам купец казался таким близким, дорогим сердцу человеком, завезшим к нему драго-

ценный напиток. Язык и руки развязывались, на сцену появлялась лучшая запрятанная пушнина, расходившийся промышленник требовал уже сам за свой счет новую и новую бутылку; тут же кстати купец производил окончательные расчеты и записи в долговую книгу, поминутно ошибаясь и удваивая количество забранных товаров и выпитой водки... И не в домек тогда несчастному промышленнику, что в эту минуту быть может решалась судьба его внука или правнука, что за последнее время зверя становится все меньше и меньше, долг же его, напротив, все растет и растет. В последние годы уже трудно было добыть то количество шкур, какое с него требовал купец, а в будущем будет еще труднее. Придется наготовить побольше ловушек и усерднее заняться ловом, т. е. другими словами, еще более затруднить себе добычу зверя в будущем.

Раз купец достигал своей цели, праздник кончался, и захмелевший промышленник сваливался тут же где нибудь в юрте. Первый ехал дальше проделывать тот-же маневр с его соседом, а второй, проспавшись, пробуждался и снова принужден бывал вернуться к своим главным занятиям — наловить во что-бы то ни стало определенное количество зверей, дабы настолько уменьшить сумму долга, чтобы купец не отказал в будущем снабдить его необходимыми товарами.

Из только что приведеннаго кажется ясно, что никакие усилия частных добросовестных торговцов, а тем более самих инородцев, не могли освободить последних из под власти этой тысячеглавой гидры человеческой алчности; единственно кто может помочь в данном случае — это только правительство и охотничья кооцерация, целым рядом мер, заключающихся в создании возможно большего количества торгов и ярмарок в пору, удобную для сбыта пушнины, запрещении покупки последней вне этих ярмарок, то есть в юртах бродячих инородцев, а равно и строгому преследованию без того недозволенной уже продажи вина вне селений; устройство на этих ярмарках казенных и кооперативных складов пороха, свинца, пуль, дроби, промыслового оружия. необходимых съестных припасов, материй и предметов домашнего обихода, с небольшой надбавкой стоимости их, для того чтобы операция окупалась. В местах настолько глухих, где трудно ожидать на ярмарках привлечения многих конкурентов, надо устроить казенную покупку пушнины и продажу ее на месте или в другом городе с аукционного торга. Необходимо также в возможно широких размерах открыть кредит инородцам в малонаселенных местах в виде выдачи ссуд пищевыми продуктами или прочими товарами и подвергнуть хоть какому нибудь контролю вывоз пушнины из района.

При таких только условиях возможно надеяться с одной стороны улучшить быт инородцев звероловов, а с другой, вместе

с тем, и регулировать само промысловое хозяйство. Что практиковавшаяся система скупки пушного товара имела несомненную связь с усиленным истреблением животных видно из того, что не смотря на повсеместные многочисленные жалобы, подтверждаемые официальными данными об уменьшении количества промысловых зверей и птиц, влекущем за собою оставление многими промышленниками своего родного промысла, привоз шкур на главные ярмарки в последние годы до войны в общем не только не уменьшался, но даже по некоторым отделам увеличивался; более интенсивная охота при общем уменьшении количества дичи — явление в высшей степени ненормальное, неизбежно доводящее промысел до полного расстройства.

При существовавшей системе, скупщик заинтересован был в получке от промышленника возможно большего количества шкур, которого он побуждал к этому разными искуственными мерами, промышленник же, в большинстве случаев, нуждался только в приобретении самого необходимого. Если в государственном складе инородец будет получать все для него нужное за половинную против прежнего цену, да кроме того, если у него не будут принимать меха свыше определенного количества, устанавливаемого местными исследованиями, (при воспрещении скупать пушнину в юртах), то без всякаго сомнения, этим самым будет положено первое основание к урегулированию промысловой охоты и в малонаселенных местностях. Вторым шагом будет уже проведение идеи запретных сроков в среде бродячих инородцев. Следует только создать условия, при которых они без особого ущерба для себя могли бы выполнять законные требования.

Что современные экономические условия, в которых живут народы северной полосы Сибири, не только далеки от идеала, но, прямо таки невозможны и неминуемо ведут их к полному обнищанию и даже вымиранию, не подлежит сомнению.

Влияние скупщиков разных продуктов промысловой охоты сказывалось не в одном только эксплуатировании местного населения; они имели могущественное влияние на ход и направление промысловой охоты; давая минимальные цены они заставляли промышленника убивать зверей и птиц в массовом количестве; предъявляя спрос на новые сорта товаров, они возбуждали к жизни несуществовавшие до тех пор промыслы, не предусмотренные законом. Для примера вспомним, как быстро развился у нас промысел на шкурки мелких птиц для дамских шляп.

В особенности плохо приходится зверю и птице в изобилующих ими местах, не охраняемых законами об охоте, раз туда пробрался хищник — торговец и создал новый промысел — все выбивается до тла. В таких именно условиях находилась полоса вдоль Сибирской железной дороги. Хотя во многих пунктах

культурной полосы Сибири промысловая охота потеряла уже свое значение, но ведь в ней водилось много всякого рода птиц и зверей, не составлявших прежде объекта охоты, за неимением сбыта; с проведением железной дороги на них возникает спрос и открывается широкое поле для изобретательности скупщиков и опустошительной деятельности промышленников.

Принимая во внимание только что сказанное, нельзя не придти к заключению, что при желании регулировать охотничий промысел в Сибири, надо действовать именно с этого конца, то есть помимо распространения на нее действия закона об охоте (что уже сделано), парализовать, по мере сил и возможности, развращающее влияние на местное население целого класса скупщиков и потребителей продуктов недозволенной охоты; за ними гораздо осуществимее надзор нежели за самими промышленниками и карать их удобнее. Раз не будет возможности сбыть незаконную добычу, исчезнет и всякий повод к занятию несвоевременным или запрещенным промыслом.

Пушной товар и другие продукты охотничьего промысла, в огромном большинстве случаев сбывались мелким скупщикам, своим же односельчанам, а чаще наезжающим со стороны в определенные сроки, и реже доставлялись самими промышленниками прямо на торги, базары и ярмарки. Мелкие скупщики эти везли либо самостоятельно свой товар на ярмарку, или же перепродавали его другим покрупнее, или сдавали хозяину, у которого они состояли агентами, и т. д. Нередко крупный торговец заправлял при помощи целого штата агентов различного порядка, всеми промыслами известного района.

Так или иначе пушнина, в конце концов, поступала обыкновенно на мелкую местную ярмарку, служащую передаточной инстанцией, или же прямо на одну из крупных — Якутскую, Ирбитскую или Нижегородскую. Оттуда она закупалась большими партиями, шла в Москву, Петербург, расходилась по России для внутреннего употребления, а значительная часть ее направлялась также за границу, причем главными центрами международной меховой торговли являлись Лондон и Лейпциг.

Торговля пушниной до революции. а) Внутренняя торговля пушниной [1]). Внутренняя торговля пушниной слагалась из трех моментов: 1) скупки из первых рук, 2) сбора на местных ярмарках и базарах и 3) ярмарочной торговли в Ирбите и Н.-Новгороде. В последние годы, между прочим, пушнина нередко миновала последний торговый этап и прямо поступала в скорняжни, красильни и на склады крупных фирм, преимущественно иностранных.

---

[1]) Я. Я. Полферов. Продукты охотничьего промысла. 1916 г.

Приемы скупки пушнины от промышленников были крайне разнообразны. Так, в промысловых районах хребта Сихота-Алинь практиковался способ выдачи под будущий улов разных охотничьих припасов, хлеба, по определенным ценам и при условии сдачи упромышленных шкур также по заранее условленной цене.

В некоторых районах был наиболее распространен агентурный способ скупки: крупные фирмы посылали в тайгу в промысловые центры своих агентов, снабжая их необходимыми промысловыми припасами (подвижные лавки), и эти агенты уже от себя организовывали скупку, от себя закабаляя промышленника.

В общем, все приемы, практикуемые скупщиками, носили характер тяжелой экономической зависимости промышленника от скупщика, очень часто переходящей в самую недобросовестную эксплоатацию с признаками уголовного преступления, как мы видали то выше.

Затем практиковался способ артельного подряда промышленников определенным скупщиком, который, снабжая их всем необходимым по известной цене, по возвращении и реализации добычи удерживает всю стоимость отданного и еще 10%. Наконец многие крупные скупщики практиковали выдачу задатков с обязательством доставить всю добычу пушнины по заранее определенной цене.

Если в организации скупки пушнины из первых рук имелись случаи экономической независимости, и промышленник был свободен распорядиться своей добычей по собственному усмотрению, то он попадал в неменьшую зависимость от скупщика при сбыте на ярмарках, где пускались в ход разные приемы вплоть до спаивания спиртом и обыгрывания в карты с помощью шулерских приемов. Попытки отдельных крупных фирм, иркутских и московских, организовать дело скупки на более добросовестных началах не дали сколько-нибудь положительных результатов.

Тем не менее, нельзя отрицать того факта, что, в последнее, до войны, время закабаливание русских промышленников значительно ослабило свои тиски, а именно наблюдалось прогрессивное повышение расценки пушнины не только на рынке, но и при скупке из первых рук. Очевидно, и здесь, несмотря на всю удаленность „производителя“ от потребителя, удаленность лондонского рынка от кочевья в верховьях какой-нибудь Амгуни или Селемджи, законы спроса и предложения делали свое дело, проникая даже через толщу промежуточных звеньев, которыми были связаны эти антиподы.

Самыми крупными рынками пушнины являлись: Якутск, Ирбит, Н.-Новгород, Хабаровск, Владивосток, Никольск-Уссурий-

ский, Благовещенск и, в ближайшем соседстве, в Манчжурии — Мукден и Сан-Син (в Китае — Тянь-Цзин).

На Камчатке торговля пушниной приобретала несколько иной характер, благодаря существованию там ясачного сбора. Последний установил специальные пушные аукционы в г. Петропавловске. На аукционах расчет производился за наличные деньги. Кроме местных купцов участвовали наезжие скупщики. Цены на ясачных

Рис. 148 Собачья запряжка в нартах на Камчатке,
Из снимков Этн. Отд. Русского Музея.

аукционах, под влиянием все увеличивающегося спроса со стороны Ирбита и Лондона, неуклонно росли.

Камчатская пушнина направлялась в большей своей части прямо на лондонские аукционы, а часть, приблизительно 25 %, транспортировалась во Владивосток, где вместе с приамурской пушниной подбиралась в партии, которые и направлялись в Ирбит.

По отношению к пушнине Ирбитская ярмарка имела мировое значение. Здесь сосредоточивалось почти все пушное богатство Урала, Печоры и Сибири, и то или иное положение рынка на ярмарке в значительной степени определяло собой конъюнктуру пушного рынка вообще. Обороты с пушниною за последние 5 лет до войны колебались в пределах 8 — 9 милл. руб. (оборот с одной белкой 3 — 4 милл. руб.). Одно время казалось, что соединение Сибири рельсовым путем с Европейской Россией резко и неблагоприятно отразится на пушной торговле в Ирбите, казалось, что не будет надобности делать дорогой заезд в Ирбит, когда можно прямым путем на Москву отправлять туда все, или, по крайней мере, значительную долю товара. Действительность не оправдала ожидания. Попытки непосредственных закупок пушнины на местах добычи, минуя Ирбит, развивались крайне медленно. Бытовые и промысловые условия Сибири далеко еще не носили такого характера, чтобы возможно было без риска закупать пушной товар из первых рук. Совершенно невозможно было определить на месте общую конъюнктуру рынка: размеры улова, спрос и расценки. Выяснить конъюнктуру пока что возможно было лишь

в едином центре, и таким центром служил Ирбит (по выражению пушников — „зеркало пушнины"). В интересах упорядочения пушной торговли среди пушников и некоторых банков возникла мысль об учреждении в Ирбите (и в Нижнем Новгороде) пушных аукционов. Без этого торговля была сосредоточена на домах и происходила, по выражению коммерсантов, „из под полы".

Нижегородская ярмарка хотя уступала Ирбитской по торговле сырой пушниной, тем не менее и здесь торговля этим сырьем, являясь крупной по обороту, занимала одно из главных мест в ярмарочной торговле. Что же касается торговли выделанным пушным товаром, то в ней Нижегородская ярмарка, можно сказать, занимала первое место. Хотя за последние перед войной годы сильно увеличилась торговля выделанным пушным товаром в местах его производства и транспортировка непосредственно через Москву, но все же на Нижегородскую ярмарку, по отзывам торговцев, поступала большая часть годовой выработки.

Настроение с пушниной на Нижегородской ярмарке, как и на Ирбитской делала белка. Белка пользуется большим спросом и за границей и внутри России; она же является, по большей части, выразителем общего настроения с русским пушным товаром вообще, как на заграничных, так и на внутренних рынках

На Нижегородскую ярмарку, кроме сырой пушнины, поступали в значительном количестве полуфабрикаты и готовый меховой товар. Последний в преобладающем большинстве кустарной выделки и состоял преимущественно из дешевых ассортиментов: слободской беличий мех, даниловская зайчина, арзамасская крашеная зайчина и др. Затем, Нижегородская ярмарка привлекала значительное количество иностранного пушного товара, преимущественно американского и канадского происхождения (выхухоль, норка, илька, скунс, опоссум, кенгуру и пр.).

Названные ярмарки являлись сборными пунктами для иностранных фирм, хотя последние перед войной стали посылать своих агентов и в промысловые районы для закупки на местах по более дешевым ценам. Судить о характере торговли можно хотя бы по следующим данным отчета Нижегородской ярмарки (за 1912 г.).

	Общее количество шкурок, в пудах.	Продано на экспорт, в процентах.
Белки темной	1.000.000	65
Хвоста беличьего	840	100
Зайчины	1.400.000	90
Сурка	1.000.000	85
Суслика	1.500.000	60
Соболя	10.000	100
Песца	6.000	100
Горностая	38.000	85
Лисицы	50.000	75

Конъюнктура внутреннего пушного рынка всецело складывалась под влиянием настроения пушной торговли за границей, и стоило произойти полному прекращению товарообмена России с иностранными государствами, в силу военных событий, как русская пушная торговля совершенно замерла, и весь годовой выход пушнины остался неразмещенным.

б) Внешняя торговля. Занимая по абсолютным цифрам вывоза пушнины солидное место, Россия являлась главной поставщицей этого товара на мировой рынок, и только лишь одна Канада пыталась соперничать с ней в данном отношении.

Обороты внешней торговли России пушниной с 1913 года по 1917 год, как это видно из таблицы уменьшились чрезвычайно значительно, и вывоз пушнины, почти исключительно экспортного товара, за границу упал с 165.000 пудов в 1913 г. до 23.000 пудов в 1917 году.

ВЫВОЗ МЯГКОЙ РУХЛЯДИ, КРОМЕ ОВЧЬИХ И КОЗЬИХ ШКУР,
за 1913 — 1917 гг.

(В тысячах пудов).

Годы.	Количество.
1913	165
1914	117
1915	52
1916	52
1917	23

Вывоз, как уже было сказано выше, слагался главным образом, из пушного сырья, в котором дешевые сорта, идущие на подделку дорогих мехов, должны быть поставлены в первую очередь, а именно: белка, сурок и зайчина составляют около 60 % всего вывоза, затем идет более ценный пушной товар — соболь, лисица, горностай, песец.

Привоз же, наоборот, не дает ни одного процента иностранной сырой пушнины, а весь состоит из готовых подобранных мехов; при этом весь тот товар, который под рубрикой „мягкая рухлядь, всякая“ поступал на русский рынок, на сумму 8 милл. рублей, представлял из себя ничто иное, как ту же русскую пушнину, но только прошедшую лейпцигские или парижские скорняжные и красильни.

Из иностранных пушных товаров, поступавших в более или менее солидных размерах, первое место принадлежало кролику и еноту, ценность привоза которых в последние до войны три года, 1911 — 1913 гг., достигла свыше 2½ милл. руб.; затем следовали выделанные шкурки опоссума и кенгуру—на 1.800 тыс. руб., выхухоль и опоссум „крашеные“ на 600 тыс. руб.

Следовательно, сырье-пушнина в привозе, не превышая в первые годы 20 — 25 %, упала в последние годы до 10 %.

ЕЖЕГОДНЫЙ ЭКСПОРТ ПУШНИНЫ ИЗ РОССИИ ПО СТРАНАМ НАЗНАЧЕНИЯ 1911 — 1913 г.

Наимен. стран.	В национ. ден. единиц.	В зол. руб. по паритету.	% по всему экспорту.
Германия.	33.006.000 марок	15.180.000 руб.	71%
Англия	160.000 ф. ст.	1.511.520 „	7,5%
Соед. Штаты	—	1.500.000 „	7,5%
Прочие страны	—	2.500.000 „	12%
Всего . .	—	20.691.520 „	100%

Такая же значительная зависимость русского пушного рынка от Германии наблюдалась и в импортной торговле.

Вообще Германия, получая из России сырую пушнину, снабжала ее в свою очередь выделанной и крашеной. Кроме непосредственного поступления в Россию пушнины под клеймами Германии, последняя развивала и значительный транзит этого товара.

Предпринятое Русскою Торговою Палатою в Париже обследование торговли пушными товарами во Франции и участия в этой торговле России, привело к выводу, что „большинство ввозимых во Францию мехов — русского происхождения“, что „большая часть русского товара закупается Францией в Лондоне и Лейпциге, главных центрах мировой торговли мехами“. Наиболее ценные русские меха направлялись в Лондон, где меховая торговля сосредоточена, главным образом, в руках компании Гудзонова залива и фирмы Лампсон и К°, а пушнина менее ценная, идущая на подделку и в окраску, почти вся целиком поступала в Германию. Так, по данным упомянутого обследования, французские скорняжни и красильни работали „исключительно на зайчине, белке, сурке, россомахе, выдре, хорьке, горностае, колонке, белом песце — русского происхождения“, но прошедших через германские руки и поступивших во Францию уже под германским клеймом.

Довольно серьезное значение приобретала пушнина в товарообмене России с Китаем, преимущественно с Монголией и Маньчжурией, но только не в направлении прежних сношений, когда Россия снабжала Китай мехами, преимущественно соболями, а обратно — Россия становилась страной, импортирующей монгольскую и маньчжурскую пушнину — сырье, но опять таки не ценную, а самую дешевую — сурковые шкуры, идущие, как известно, в миллионах штук на подделку дорогих мехов.

По данным экспедиции томских профессоров Боголепова и Соболева, шкурки сурка-тарабагана в короткое время сделались, на ряду с шерстью, основным товаром русско-монгольского торгового оборота. Ввоз в Россию монгольского сурка достиг громадных

цифр, о чем можно судить по данным поступления этого товара через Кяхту:

Годы.	Количество шкурок.	На сумму, в рублях.
1904	98.374	29.401
1905	65.854	23.833
1906	108.945	45.231
1907	795.400	436.800
1908	1.255.300	942 530
1909	1.853.000	1.354.000
1910	2.150.000	1.960.000
1911	2.368.000	2.080.000
1912	2.896.000	2.390.009

Интересно то, что с количественным ростом добычи росла и ценность товара, которая собственно и служит толчком к наибольшей добыче сурка-тарбагана.

Опасными конкурентами русским скупщикам выступили китайские фирмы, все более и более сосредотачивающие в своих руках монгольскую пушнину вообще, сурка в особенности; при этом наиболее слабой стороной русско-монгольской торговли явилась та же неосведомленность русского купечества относительно положения и перспективы на руководящем рынке. В результате китайцы успешно оттеснили русских скупщиков и стали прочно между ними и промышленниками в роли покупщиков из первых рук, и монгольская пушнина прежде, чем попасть в Лейпциг, должна была пройти ряд этапов: китайца-скупщика, русского-перекупщика, агента фирмы и т. д.

С развитием торговли сурком, вызвавшей наплыв скупщиков в Монголию, начали выдвигаться и другие сорта пушнины — белка, лисица и соболь. Все эти виды пушнины должны быть отнесены к низким ассортиментам, так что, несмотря на значительную количественную добычу, ценность ее сравнительно невелика. Так, монгольская белка расценивалась в пределах 28 — 37 коп., лисица 4 — 7 руб., соболь 40 — 60 руб.

В Манчжурии сурковый (тарбаганий) промысел также принимал серьезные размеры, и количество добычи определялось цифрою до 1 милл. шт. в 1910 г. и до 1½ милл. шт. в 1912 г., при чем цена с 40 коп. в 1908 г. достигла в 1912 г. 1 — 1 руб. 40 коп. за шкурку.

Из других сортов пушнины добывалась белка и лисица, одинакового достоинства с монгольскими, и соболь, известный в продаже под именем „сансинского". Годовой выход маньчжурского соболя определялся в последнее пятилетие, 1909 — 1913 гг., в 10.000 шт., что составляет около 25 пуд. весом.

Таможенные тарифы и их влияние на пушную торговлю. С 1822 г. как известно, в России действовал строго запретительный таможенный

тариф, который в отношении пушнины определялся в 10 руб. с фунта. Такая пошлина вызывала, по заявлению тарифного комитета, значительное развитие контрабанды, что, в свою очередь, отразилось на сокращении государственных доходов. В силу этого в 1841 —1845 гг. были выработаны иные, значительно пониженные ставки, которые в 1850 г. были понижены с фунта еще больше, а именно от 15 коп. до 3 руб. 50 коп.

Тариф 1857 г. коснулся только медвежьих, барсовых и енотовых шкур, а именно был понижен на основании тех соображений, что медвежьи и барсовые шкуры не составляют конкуренции сибирским медведям и барсам, а енот, „будучи самым полезным мехом для нас по климату и весьма распространенным в потреблении средних классов, в Сибири совершенно не добывается, поэтому и конкуренция его не вредна нашему звероловству". Помимо того, ставка для енота в 80 коп. вызвала сокращение ввоза этого меха в Россию и исходя из этого, на медвежьи и барсовые шкуры пошлина понижена до 50 коп. с фунта. Что касается других сортов пушнины, сокративших, под влиянием высокой таможенной оплаты, свое поступление на русские рынки, как-то: шкур чернобурой лисицы на 50%, шеншиллы — 60%, то для них ставка не была уменьшена, как на предмет роскоши. Точно так же оставлен размер пошлины на меховые изделия, превышающий на 50% стоимость меха, с целью обеспечить развитие мехового дела в России. Осталось в силе запрещение ввоза бобровых шкурок „в видах покровительства российско-американской компании".

Сбавки пошлин в тарифе 1857 г. увеличили в 2 — 3 раза ввоз мягкой рухляди. Но когда потом установлена была 5%-ная надбавка, то ввоз стал сокращаться, а вместе с тем и уменьшаться таможенный доход. В виду этого в тариф 1868 г. были внесены изменения, а именно: на шкуры собольи, чернобурой лисицы и шеншиллы, оплачиваемые пошлиной в 154 руб. с пуда, и илковые, оплачиваемые 22 руб. установили пошлину в 20 руб. с пуда; на выхухолевые, оплачиваемые 6 р. 60 к. с пуда, ввозимые поморами в порты Архангельской губ. лисьи, куньи и выдровые шкуры, оплачиваемые в 11 р. и в 26 р. 90 к. и на все прочие шкуры — 10 р. с пуда.

Пошлина на меховые изделия была оставлена в прежнем размере, ибо она была признана достаточной для ограждения русского скорняжного дела.

С 1880 г. русская таможенная политика стала на путь повышения всех пошлин, а именно в 1880 г. на 10%, а в 1882 г. для большинства товаров был установлен новый повышенный тариф, в том числе и на некоторые сорта пушнины, а именно: ставка для собольих, лисьих чернобурых, песцовых, бобровых и котиковых увеличена с 22 р. до 30 р. с пуда, а для „всяких шкур, кроме особо

поименованных", с 11 р. до 15 р.; меховые же изделия очищались по пошлине о мехах с надбавкой в 50%. Результатом такого тарифа явилось понижение ввоза иностранной пушнины и падение государственного дохода по этой статье, а именно в 1883 г. было получено меньше на 70.811 р. против 1882 г.

Тарифные изменения 1884 и 1888 гг. не коснулись пушнины, и только в 1890 г. состоялось новое повышение на основании „высочайшего Указа" 16 августа 1890 г. — установлен дополнительный к таможенным пошлинам сбор в размере 25 к. зол. на каждый пошлинный рубль со всех товаров, привозимых по европейской границе.

Наконец в 1891 г. установлен новый тариф, который затем и явился отправной точкой для заключения конвенционных договоров, на путь которых Россия стала с 1893 г. и на котором продолжала оставаться до революции.

Во всем этом кратком обзоре таможенного обложения ввозимой пушнины наиболее характерно то, что особого влияния на положение внутреннего пушного рынка тарифная политика 1820 — 1881 гг. не оказывала, а только на скорняжное дело.

Пушное дело в Азиатской России, постепенно развиваясь с колонизацией Сибири и ее вовлечением в общий товарообмен страны, шло по искони проторенным путям в отношении сбыта — из тайги в Якутск, Ирбит и Нижний, а оттуда за границу, сначала в Китай и Америку, а потом в европейские страны, преимущественно в Германию. И только когда последняя до колоссальных размеров развила у себя скорняжное и красильное дело на счет русской пушнины, когда на мировом рынке появилась канадская пушнина, а в производстве мехов произошел переворот в сторону подделки ценного товара из дешевого сырья, явилась необходимость, в интересах защиты русского пушного рынка от вторжения иностранной пушнины, регулирования, путем известных комбинаций в таможенных ставках, нашего товарообмена с заграницей.

Но опять таки путь этот оказался односторонним, то есть тарифная политика в области пушной торговли была направлена по отношению одного вывоза и притом общая для границ европейской и азиатской. Между тем интересы наши на этих двух границах совершенно различны, а именно, насколько ввоз иностранной пушнины из пределов Европы нежелателен, настолько он необходим из Монголии. Затем оставление без регулировки нашего вывоза также имело громадное значение.

Беспошлинный пропуск русской пушнины в пределы Германии и Франции, быстро развивавших дело окраски и подделки мехов,

вызвал со стороны русских зверопромышленников повышенную добычу пушного зверя и увеличение расценки его.

Увеличился, в общем, привоз белки, куницы, соболя, пыжиков, хорька, барсука, рыси, норки и россомахи, т. е. тех сортов пушнины, на которые повышался спрос со стороны иностранных красилен и скорняков.

Что касается повышения расценки пушного товара, то она под влиянием спроса также увеличилась.

Особенно повысились в цене такие сорта, как песец и горностай, цены на которые, благодаря усиленному требованию на Америку, поднялись в 1894 г. на 100 %.

По отношению ввоза в Россию выделанной пушнины была установлена с 1891 г. пошлина в 50 р. с пуда. Такая умеренная ставка, не превышавшая для ценных мехов 3% стоимости, преследовала в то время основную цель—предупредить контрабандное водворение в Россию дорогих товаров. Но вместе с тем русские рынки стали наводняться иностранным меховым товаром, выработанным из русского же сырья. Чтобы развить выгодное скорняжное дело в России и тем самым оставить в стране миллионы рублей, уходившие за границу, таможенная ставка была увеличена по закону 5 июня 1900 г. до 115 р. с пуда таких ценных мехов, как морской бобер, чернобурая лисица, соболь, шеншилла, куница, илька, голубой песец и котик. В результате привоз этих мехов в Россию упал; например, цифра привоза собольих мехов сократилась в период 1901—1913 гг. на 50%, а куньих на 80% (до 10—15 пуд. в год), так как ставка оказалась запретительной, особенно для куницы, шкурка которой расценивалась в 10—15 р.

Сокращение импорта мехов, в свою очередь отразилось на цене сырьевого товара, в виду пониженного спроса на него со стороны за границы, и вывоз понизился на 72%—с 305 пуд. в 1901 г. до 55 пуд. в 1912 г.

Тариф 1903 г., а затем и конвенция 1904 г. не только закрепили повышенную ставку на ценные меха, но увеличили пошлину и на менее ценные сорта; зато на более ходовые, как, например, на зайчину, поступающих в больших количествах на лейпцигские и парижские красильни, установлена ставка до 50 р. с пуда. Однако, ни в первом, ни во втором случае преследуемая цель, т. е. развитие внутри страны скорняжного промысла, не была достигнута.

Объяснялось это отчасти тем обстоятельством, что для русского сырья, поступающего на иностранные заводы для выделки, была установлена льгота, в силу которой вывезенное из России сырье может быть затем обратно ввезено без оплаты пошлиной.

но при непременном условии сохранения на нем клейма или пломбы, наложенных таможенным надзором при пропуске за границу.

Установление пошлины на пушнину, вступавшей в пределы России, в значительной степени отражалось на поступлении в ее пределы монгольской и манчжурской пушнины. Особенно отражалась пошлина на белке и лисице, а именно, она составляла: для соболя, при средней цене шкурки в 40 руб., 11,5% стоимости, для лисицы при цене в 5 руб , 20%, и для белки. при цене в 40 коп., 6%.

Обложение было настолько невыгодно для коммерческих расчетов пушников, что они предпочитали миновать русский рынок и кружным путем, через Тянь-Цзинь, направлять за границу. Это обстоятельство было отмечено и амурской экспедицией: „устанавливая высокую пошлину, мы лишаемся предмета товарообмена, а ценности русскому соболю не поднимем, так как наш соболь и так расценивается высоко за свое индивидуальное качество". В результате — монгольская и маньчжурская пушнина все больше и больше начинала уходить из русско-монгольской торговли, сосредотачиваясь на китайских рынках, откуда переправлялась в Лейпциг, Париж и Америку.

С другой стороны и монгольское правительство начинало учитывать развивающуюся торговлю пушниной и установило пошлины в размере: 25 коп. с лисицы, 60 коп. с соболя, 3 коп. с белки. Таким образом, ввозная пошлина на монгольскую пушнину была усилена вывозной ставкой со стороны Монголии.

Общие выводы. Пушной промысел, насчитывая за собой вековую давность в России, вливая в русскую промысловую жизнь ежегодно десятки миллионов рублей, поставлен был, вместе с тем, в рабскую зависимость от заграницы, в особенности Германии, создавшей на счет русской пушнины миллионные предприятия и целые местечки: Вейсенфельс, Маркранштадт, Шкейдиц и др., жившие исключительно за счет русской пушнины.

Попытки русского правительства, желавшего, путем таможенной охраны, развить внутри страны выделку пушнины и создать такой же, как в Германии и Франции, выгодный промысел подделки мехов, не дали сколько нибудь ощутительных результатов. Возникавшие, под сенью протекционизма, предприятия не давали фабриката, могущего соперничать с иностранным, вследствие чего они или ликвидировали свое дело, или ограничивались скромною скорняжною деятельностью.

Отсталость России в области мехового производства не компенсировалось, к сожалению, и общим положением отечественной пушной торговли. Последняя всецело находилась в руках иностранцев, и конъюнктура главных пушных торжищ всецело бази-

ровалась на спросе заграницы. При этом интересно и поучительно то обстоятельство, что значительная часть закупленного на ярмарках России пушного сырья прежде, чем попасть на фабрики и заводы, проходила еще лейпцигские, лондонские и копенгагенские пушные аукционы.

Таможенная охрана, в форме установления запретительных ставок на ввозимые меховые товары, не оправдала, как это видно из предыдущего изложения, возлагавшихся на нее надежд по части насаждения и развития в стране мехового производства; тем более, что немецкие и французские меховщики переложили эту надбавку на русского же потребителя. Меха, обложенные по п. 1 ст. 56 ставкою в 115 руб. с пуда, что составляет около 8% стоимости товара, вздорожали на протяжении семи лет (действие конвенционного договора 1904 г.) на 65%, а бобер и соболь на 130%.

Вздорожание пушнины тех же ассортиментов, под влиянием сокращения добычи и требований моды, выразилось, по данным Ирбитской ярмарки, в 35 — 40% для песца, лисицы и горностая, в 55 — 70% — для соболя и в 100% для камчатского бобра и котика. Таким образом в процент удорожания производства включена была и таможенная ставка.

Цены на пушнину и движение их от охотника до потребителя.

Цены на продукты охоты все время неуклонно растут. Медленнее растут они на массовые, дешевые продукты — белку, зайчину, птицу, — быстро поднимаются на дорогие сорта пушнины, из которых некоторые, напр. лисица — повысилась (1905 — 1915 гг.) за 10-летие на 200 — 300%. В среднем на птицу, белку и зайца цены повысились за это же время на 50 — 100%, на другие, более дорогие сорта пушнины на — 100% и больше.

Основной причиной повышения цен является увеличение спроса на меха на мировом рынке и на дичь на внутреннем и европейском, вследствие чего предложение отстает от спроса.

Как на причину роста цен, указывают на истощение ближайших охотничьих районов и удаление центров охоты в глухие места, на общее вздорожание жизни и на увеличение заработной платы в общей промышленности.

Временное колебание цен на пушнину обусловливается состоянием мирового рынка. Так, напр., несмотря на запрещение с 1913 года соболиной охоты — что должно бы вызвать усиленный спрос на соболя — на Ирбитской ярмарке 1914 г. из 4000 соболей прежней сборки было продано меньше половины, 1500 — 1800 штук. Это объясняется тем, что за границей, например в Лейпциге, имелись значительные запасы собольих шкурок от прежних лет.

Война, как и следовало ожидать, вызвала огромное падение цен. Меньше всего она отразилась на птице и дешевой пушнине, хотя и здесь местами цена упала на 50 — 75 %. На дорогих же сортах пушнины, имеющих большой сбыт за границу, война отразилось крайне неблагоприятно.

Исследование движения цен на пушнину, начиная от охотника и кончая потребителем, чрезвычайно затруднительно особенно в самом начале — сколько фактически получает сам охотник за продукт своего труда, а этот то вопрос и интересен для нас больше всего. Главным образом трудность эта касается инородца промышленника, как мы увидим ниже, охотник же полупромысловый (и отчасти промысловый), соприкасающийся ближе с культурными центрами, имеет обыкновенно возможность реализовать свою добычу более нормально выгодно и главное, не в слепую.

Наиболее интересное (последнего времени) исследование движения цен на пушнину, мы находим у М. Константинова[1]) и его данных главным образом и будем придерживаться.

Более или менее известные рыночные цены на пушнину, которые устанавливаются на ярмарках, почти ничего общего не имеют с теми, по которым скупщики забирают пушнину самих „промышленников“ на местах. Ярмарочные цены, находящиеся в тесной экономической связи с общим состоянием рынка, подвергаются воздействию многочисленных и чрезвычайно сложных рыночных условий, куда относится не только спрос и предложение, но и курс рубля, и состояние путей сообщения, и спекуляция и даже международные отношения данного момента.

В прежние времена цены на пушнину в денежном выражении стояли, повидимому, очень низко: так по данным Статистического Комитета разница в ценах на лисицу, белку, горностая и песца были следующие:

В 1900 году средние цены в Якутске были:

		Повышение против 50-х годов.
Лисица сиводушка	25 р. —	в 2 раза
„ красная	6 „ —	„ 2 „
Песец белый	10 „ —	„ 15 „
Горностай	— 35 к.	„ 2 „
Белка	— 21 „	„ 1½ „

Цена на песца повышалась интенсивнее других видов, но особенно резко стала возрастать с 1899 года. В то время, как за полстолетие по 1898 год песец поднялся в цене в 6 раз, повышение цен 1913 года по сравнению с 1898, за 15 лет, представится в следующем виде:

---

[1]) Пушной промысел и пушная торговля в Якутском крае. 1921 г.

ЦЕНЫ НА ПУШНИНУ В СРЕДНЕМ.

	1898 г.	1913 г.	Увеличилась.
Лисица сиводушка	15 р. —	25 р. —	на 67 %
„ красная	4 „ 50 к.	18 „ 50 к.	„ 300
Песец белый	4 „ 50 „	32 „	„ 600
Горностай	— „ 35 „	2 „ 70 „	„ 600
Белка	— „ 18 „	„ 48 „	„ 150

Рынок выражает стоимость пушнины в деньгах. Фирмы ведут все свои расчеты с крупными клиентами скупщиками, приноравливаясь к денежной расценке пушнины. Фактически же при скупке пушнины до сих пор еще сохраняется в полной почти силе меновой торг. Пушнина выменивается у промышленника на товары; в очень редких случаях покупается на деньги.

До тех пор пока в скупке пушнины от охотника преобладали мелкие разъездные торговцы, пока, с другой стороны, — и у самих торговцев еще слабо развито было стремление скоплять свои богатства и измерять достоинство человека в деньгах,—обмен происходил в натуральных формах, деньги почти не вступали в оборот и не выражали отношений ценностей обмениваемых предметов. Практически это выражалось, — выражается в большинстве случаев и теперь, — в следующем: за предлагаемую шкурку зверя, или за несколько шкурок по выбору охотника и по предложению купца откладываются различные товары. На этом и заканчивается сделка. В дальнейшем, по мере закрепления охотничьего населения скупщикам посредством отпуска товаров в кредит „под пушнину“ — обязательство выражалось в определенном количестве пушного товара, которое должен на будущий сезон доставить охотник. И в этой форме отношений еще никакой роли не играют деньги.

Теперь можно сказать, и самая мысль купца и охотника приспособляется к роли посредника, — денег в обмен, и все оценивает на рубль. Обменивающиеся предметы выступают не только в их материальной сущности и объеме, — но в денежных сравнениях. Если купец отпустил на 2000 рублей товару, — он получает на 2000 рублей пушнины. Необходимо только как то оценить и то и другое.

Деньги берут лишь наиболее состоятельные охотники и скупщики на местах, для которых золото и серебро или даже кредитка являются наилучшим средством накопления и сбережения богатств.

Наиболее ходким товаром, особенно в промысловых районах, следует признать: табак, чай, спички, муку, масло коровье, сухари, ситец, дробь и порох, медные котлы и чайники и кое какая мануфактура. Но своеобразные потребности северного инородца никогда не ограничиваются этими, первой необходимости, това-

рами. Инородец падок до ярких и ценных украшений, очень любит сласти, ему нравятся в одежде кричащие цвета, тщеславие — существенная черта характера северного инородца, — побуждает его создавать и поддерживать подражательно показную сторону культурности и богатства. Он покупает дорогие подсвечники и ни к чему не нужные большие серебряные подносы, дорогую блестящую чайную посуду и т. п.

За какой нибудь яркий ситцевый платок, стоящий 30 — 40 к., скупщик получает песца, оцениваемого на ярмарке в 30 — 38 руб.

Использование скупщиками этих слабых сторон и странностей в потребностях инородцев охотников является одним из выгодных средств к удешевлению покупной стоимости пушнины.

Обсчитывание, обмеривание и обвешивание охотников также служит в руках скупщиков сильно действующим средством удешевления покупки, но его трудно учесть, — он не оставляет следов нигде, кроме карманной кассы самого скупщика.

Отметим наиболее известные и распространенные формы обсчитывания. Когда охотник набирает товар, — он осторожно и медлительно прицепивается, взвешивает. Но это ни в какой мере не означает того, что он также осторожно и подсчитает действительную стоимость всего товара, взятого им у купца. Медлительный, неразвитой, консервативный ум, не привыкший к быстрой смене восприятий, к большой работе рассудка, не в состоянии производить „сложных“ арифметических вычислений о цене многих аршин ситца, нескольких фунтов масла, дюжины или нескольких штук пуговиц и т. п. Неуменье пользоваться для этого ни счетами, ни карандашом или какими либо иными способами еще более затрудняет расчет, и беспомощному якуту и тунгусу приходится только соглашаться с тем, что скажет сам купец. Результаты ясны и вполне ощутительны. Если купец отпустил товару на 50 рублей и подсчитал при этом хотя бы на 55, — то при цене песца в 5 руб. на месте скупки он приобретает на одном обсчитывании одного клиента лишнего песца, который впоследствии реализуется на ярмарке по крайней мере в 20 — 25 руб. Даже в таком незначительном размере обсчет оказывается очень выгодным для всякого, особенно мелкого, скупщика. В общей сложности этот способ весьма удешевляет стоимость покупки.

Довольно выгодным средством удешевления пушной покупки всегда служил, как известно, спирт. Мы уже обращали внимание на роль спирта в пушной торговле. Теперь же нам кажется необходимым подчеркнуть и еще одну роль спирта, — это его способствование удешевлению покупки пушного у охотников. Страсть дикаря охотника к спиртным напиткам очень выгодно используется купцом. Спирт и прочие крепкие напитки — запретный товар. Это повышает его ценность. Это хорошо знают и сами охот-

ники. Купцы возят с собой запретный плод, и если уже кто пожелает его иметь, за ценой не постоит. Так, в то время, как в Якутске бутылка спирта стоила около 1 рубля, на крайнем севере за нее давали двух песцов, стоимость которых на месте равнялась 35 руб. В 1917 году бутылка „самогонки“ стоила 1 песца, ценившегося при покупке в тундре 35 — 40 рублей, бутылка спирта — двух песцов.

В прежнее время до открытия на местах скупки операций крупных фирм с системой подотчетных приказчиков, почти все скупщики пушнины пользовались в развозе спиртом и винами. Появление крупных фирм в значительной мере способствовало ослаблению роли спиртных напитков в пушной торговле, в особенности по крайнему северу. Но до сих пор существуют хищники, собирающие пушнину чуть ли не исключительно на спирт и самогонку. Нередко приходится наблюдать, как исключительная потребность охотника в дурманящем напитке переворачивает обычные представления о рынке, об обмене ценностей. Так, например, многие из должников некоторых фирм уносят песца тому скупщику, который предлагает спирт или „самогон“. Фирмам приходится бороться с этим конкурентом товарами,—лишение клиента, унесшего песца к спиртовозу, товаров, необходимых ему в домашнем обиходе и в потреблении семьи, оказывает довольно сильное воздействие на охотника.

В сущности, употребление спирта в обмене на пушнину способствует удешевлению приобретаемой пушнины только для мелких и средних скупщиков и мало оказывает влияния на цены партий крупных фирм.

По всем этим данным, которые при желании можно было бы увеличить до бесконечности, легко можно судить о том, насколько удешевляет скупщик скупаемый товар, во что обходится та или иная звериная шкурка.

Огромнейшие доходы, получаемые крупными скупщиками, в особенности фирмами, создаются, главным образом, не этими, соблазнительными по преимуществу для мелких и средних торгашей, способами. В руках фирм и их крупных клиентов имеются более надежные и менее уязвимые для уголовных законов средства приобретения пушнины по самым низким ценам. Это прежде всего ничем и никем не сдерживаемая, зависящая вполне от усмотрения торговцев и распорядителей фирм, расценка всех товаров [1]). Ведь местные инородцы не знают цен не только на предлагаемые им товары, но и на свой товар — песца или лисицу. Рынок всецело был в руках скупщиков пушнины. При этом стремление закрепить за скупщиками всех охотников и устанавливать произвольные цены на товар и на пушное довольно прочно связывало всех тор-

[1]) В 1924—25 году Внуторги стали брать уже под контроль эти расценки.

говцев в союз, устраняющий условия конкуренции. Это в особенности наблюдалась на крайнем севере, где в одно и то же время, на одной и той же территории действовало несколько торговых предприятий. Сговор всех скупщиков, а впоследствии крупных фирм, ставших господами положения, о ценах на пушнину, на товар и на доставку товара в разные пункты, являлось обычным приемом устранения конкуренции.

Чтобы ближе подойти к решению вопроса о том, во что обходится хотя бы на крайнем севере пушнина и какие барыши отлагаются в карман скупщика — следует выяснить, что стоит самому скупщику обмениваемый, — напр. на песца, товар. Стало быть необходимо определить действительную уплату за пушного зверька при покупке у охотника, и разница между этой ценой и ярмарочной будет составлять чистый доход пушника-торговца.

Мы уже видели, что все расчеты между торговцем и охотником выражаются в денежных единицах. А между тем деньги, как таковые, участвуют в сделках лишь незначительной долей, — не более чем в 25%. Главный предмет обмена — товар. Цены на товар на месте покупки пушного представляют поэтому для нас большой интерес. Несмотря на произвольное их установление не только всяким отдельным купцом и фирмой, но и в каждом отдельном случае, все же можно установить кое-какие общие положения. Из этих положений прежде всего необходимо учитывать следующее: по мере удаления торгового пункта от губернского или областного центра цены на необходимый товар несоразмерно возрастают. Прицепка например к цене в Якутске не ограничивается провозом и другими накладными расходами, — а устанавливается с „потолка“ по каким то индивидуальным мотивам.

При общей оценке доходности пушной скупки указанного обстоятельства не приходится упускать из вида, так как это произвольное взвинчивание цен на товары имеет своей ближайшей целью и ближайшим экономическим последствием удешевление покупки пушного зверя. Это вздувание цен на товары приводит в сущности к тому, что видимое повышение цен на пушнину при скупке в действительности оказывается несущественным. Повышение цен на пушнину при скупке происходит под влиянием ярмарочных цен, сведения о которых так или иначе распространяются по краю. Но как только номинально повысится цена на пушнину — купцы, имеющие в своих руках товар, повышают на него цены. Это наблюдалось из года в год, но особенно ярко выразилось во время войны, в частности в 1916-м и 1917-м годах. когда на рынке стал чувствоваться недостаток товаров и началась безудержная спекуляция.

Посмотрим теперь, как образовывались на местах скупки и менялись цены на пушнину. Почем покупает скупщик пушнину, —

это его тайна, которую не так то легко расшифровать. Но и имеющиеся данные позволяют познакомиться с интересующим нас вопросом и в виде примера раскрыть тайну „первоначального накопления“ и секрет самовозрастания капитала для всей северной половины Якутской области.

СРЕДНИЕ ЦЕНЫ ПУШНИНЫ ПРИ СКУПКЕ В РУБЛЯХ.

	1909 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.
Песец	7	7	6	10	10	7	11	18
Лисица красная . .	—	11	12	15	12	8	10	18
Горностай	—	—	—	1,50	—	0,50	0,40	70
Белка	—	—	—	—	—	0,23	0,23	48

В последний перед войной год, когда все цены еще не подвергались таким быстрым и крупным колебаниям, как позднее, — средняя цена на песца в скупке была, номинально, 10 рублей. На Якутской же ярмарке песец в том году в среднем пошел по 32 рубля. Таким образом ярмарочная цена стояла выше покупной в три раза. Но эта разница в действительности была более значительной, так как охотник получал за песца не деньги, а предметы обихода и потребления и при том, по чрезвычайно повышенной расценке. Если, по нашим расчетам, средняя расценка на товары, сбываемые охотникам, была выше Якутской ярмарочной с накладными расходами на 50%, — очевидно, что песец в действительности был приобретен за 7 рублей, реализован же на ярмарке за 32 рубля, то есть в четыре с половиной раза дороже. Выгода торговцев пушниной и скупщиков слишком очевидна. Недаром на пушных операциях мелкие скупщики быстро превращались в крупных торговцев. Так насчет приниженности и экономической отсталости охотников Якутского края росли и капиталы многих лиц и крупных фирм, приобретавших мировую известность.

Вышеописанные приемы скупки и движение цен на пушнину в громадном Якутском крае по существу совершенно не разнятся от того, что происходило (отчасти и происходит пока) в других местах. Так, например [1]), на тысячи верст от Якутии, в Югорском Шаре самоеды незадолго до войны (1909 г.) сдавали скупщикам.

	Добытое кол. штук.	Денежная расценка.	Фактически получили товарами около
Песцов белых	до 5.000	15 р.	7 р. 50 к.
Песцов голубых	„ 100	25 „	12 „ 50 „
Лисиц красных	„ 100	12 „	6 „ —

[1]) „Пушной промысел в Печорском крае“, Торгово-Промышленная Газета 1910 г. № 209.

Скупщики же сдавали на месте приезжавшим из Ирбита, Тюмени и Перми пушникам по ценам

белого песца — 25
голубого „ — 40 — 50
лисицу красн. — 20 — 25

то есть „заработали“ в 3 — 4 раза больше чем затратили.

Чрезвычайно ценные данные дает исследователь севера Енисейской губернии Т. Тугаринов. Он подсчитал, что 210 тунгузских хозяйств, получивших за свою пушнину 23.594 руб., должны были бы выручить, если бы продали ее на самых близких рынках — 75.791 р., то есть втрое больше. Таким образом, на заборе и на пушнине торговец „зарабатывал“ 600—800% чистого барыша. При этом он старался так опутать инородца — охотника, чтобы тот, отдавши торговцу всю свою пушнину, остался бы у него все-таки в долгу за забранный товар.

Тугаринов дает такой расчет денежных доходов и долгов 329 семей инородцев при расчете с ними торговцев.

		На 1 хозяйство
Выручено всего за пушнину	46.729 р.	142 р.
Осталось неоплаченных долгов торговцам	42.334 „	129 „
Сколько выручили бы охотники, продав пушнину на рынке	156.798 „	477 „
За покрытием долга у них должно было бы остаться чистого барыша	114.464 „	348 „

Таким образом, сбывая всю пушнину через посредников торговцев, вместо того, чтобы иметь чистаго барыша по 348 руб. на хозяйство охотники оказались задолженными, в среднем по 129 руб.

Вот эта самая долговая петля, из которой инородцы старались выпутаться во что бы то ни стало, и заставляла их не щадить ни взрослых зверей, ни звериный молодняк, — раз он ему попадается на ружье или самострел — и, истребляя звериное богатство, сами вырождались, нищали и вымирали

Выгодное положение для накопления торгового капитала на пушных операциях могло объясняться безграничным экономическим господством хищнического торгового капитала над охотничьим хозяйством северных инородцев, и в свою очередь объяснить отсутствие прогресса в пушном промысле на севере. Огромнейшие выгоды пушного промысла, которые должны были пойти на улучшение экономического состояния инородцев, на повышение охотничьей техники и сбережение производительных сил страны переливались потоком в карманы дельцов и коммерсантов. И теперь, когда усилия революционной власти направлены к социализации народно-хозяйственной жизни и поднятию производительных сил,

в области пушного промысла ей приходится столкнуться с самыми отсталыми, полуразрушенными капиталом формами хозяйства и забитым, с рабской психикой и физически немощным населением.

Дальнейшее нарастание цен на пушнину более всего происходит у крупных скупщиков и у выделывальщиков. Точно так же повышается сильно цена и магазинами (оптовыми и розничными). Заграничные посредники также немало способствовали повышению цен, что особенно чувствительно ложилось на товар, возвращавшийся после выделки и переработки обратно в Россию. Начет выходил приблизительно таким: 2 — 3% накладывалось как вознаграждение комиссионеру, 3% считалось на местные расходы, 7 — 8% за время и, наконец, 10 — 15% прибыли. Для выделанного же за границей товара начет делался снова приблизительно в той же пропорции и в результате он достигал громадной цифры, свыше 50%.

Схематическое движение пушнины от охотника к потребителю видно из диаграммы на странице 811.

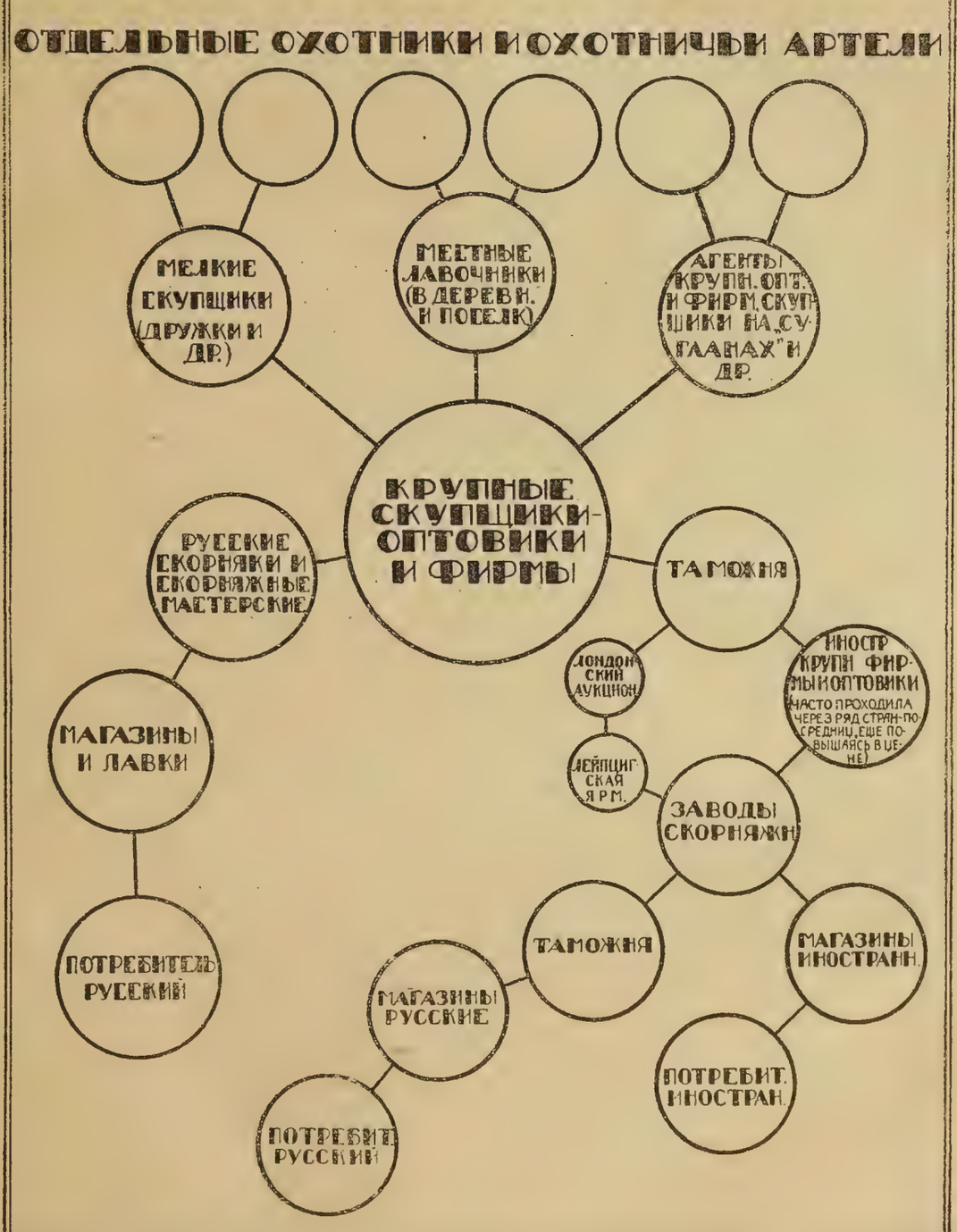
Добыча пушных зверей и ее прогрессивное уменьшение.

Валовой выход сибирской пушнины с конца XIX в., а равно ценность его, как будто говорили за прогрессивное улучшение пушного промысла. Если же подвергнуть цифры более внимательному анализу, то нельзя не придти к иному выводу, а именно — к констатированию факта неуклонного падения пушного промысла вследствие хищнического истребления ценных зверей.

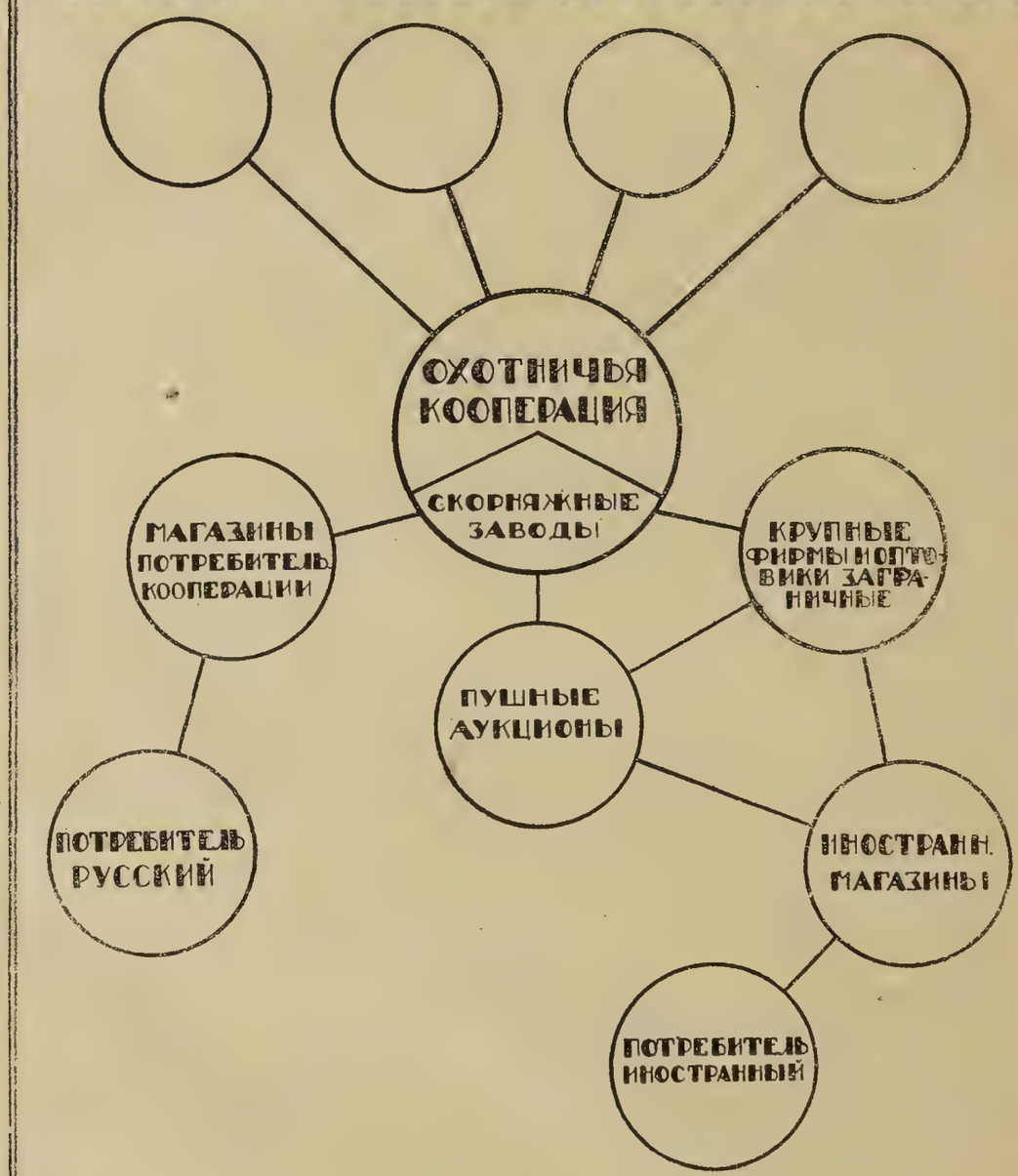
С момента усиленной колонизации Сибири, сначала в виде вольных охочих людей, а потом и при содействии правительства, желавшего более прочно прикрепить далекие окраины и слить их интересы с общеимперскими, эта страна перестала представлять собою огромный естественный зверинец и неисчерпаемую кладовую всяких пушных товаров. Увеличение народонаселения, вырубка и выжигание тайги, а также чрезвычайное увеличение кадра охотников и зверопромышленников привели к тому, что к началу нынешнего столетия количество добываемой ценной пушнины значительно стало уменьшаться, особенно соболя, который во многих местах перестал так часто попадаться, а в других — и совсем исчез. Особенно резкое выбивание соболя, песца и других наблюдалось в 90-х годах, как будто промышленники спешили покончить с этими ценными зверями и поставить крест на своем исконном промысле.

Действительно, если сопоставить несколько периодов добычи этих пушных зверей, то получатся следующие любопытные параллели.

ДИАГРАММА ХОДА ПУШНИНЫ ДО 1917 ГОДА



КАКОВ ДОЛЖЕН БЫТЬ НОРМАЛЬНЫЙ ХОД ПУШНИНЫ В БУДУЩЕМ



Добыто в среднем за год штук:

	1881—1887 гг.	1888—1894 гг.	1895—1899 гг.
Соболь	20.000	30.000	60.000
Песец	12.000	10.000	15.000
Горностай	30.000	115.000	100.000

Такое резкое повышение добычи объясняется усиленным спросом на сибирскую пушнину со стороны иностранных рынков, особенно Лейпцига, где быстро стали возникать заводы по выделке и окраске мехов. Это требование на экспорт повысило расценку добычи и она росла параллельно энергии зверопромышленников. Если прежде, при цене 50 руб. за шкурку соболя, из села выходило на промысел 10 человек, то теперь, при цене в 200 — 300 руб., стало выходить 50 человек. Но, конечно, такое массовое избиение зверя не могло не отразиться на его количестве. Начиная с 1902 г., наблюдается быстрое сокращение добычи ценной пушнины. Отовсюду стали поступать сообщения, что ценный зверь „переводится". По данным Ирбитского ярмарочного комитета добыто соболя:

Годы.	Штук.	На сумму руб.
1903	25.500	1.240.000
1904	20.300	1.140.000
1905	12.800	538.500
1906	12.700	695.000
1907	13.700	1.180.000
1908	15.100	1.105.000
1909	20.175	1.091.000
1910	10.257	590.000
1911	8.200	440.000
1912	6.000	900.000
1913	11.050	

Такое падение выхода соболя на ярмарки и вызвало по ходатайству заинтересованных коммерческих кругов трехлетний запрет охоты на соболя. Вместе с тем необходимо отметить, что принимать эти данные (и другие) ярмарок, как абсолютные, (а не относительные), показывающие действительную добычу соболя в России, нельзя. Во-первых значительная часть пушнины (особенно ценной), утекает, минуя ярмарки, почтовыми посылками, контрабандой и пр. Во-вторых точно неизвестно, сколько в данном году поступает на ярмарку в продажу шкурок последнего сезона, и сколько оставшихся от прежних торговых операций. Яркий пример сказанному можно привести из следующего факта: по данным Ирбитского ярмарочного комитета в 1910 году добыто соболя 10.257 штук. Между тем по данным Саянской экспедиции, работавшей под моим начальством специально над изучением соболиного промысла почти два года (1914 — 1916 гг.), в среднем за год (1908 — 1911 гг.) в небольшом Саянском районе (юг Ени-

сейской губ.) добывались в круглых цифрах 13.000 соболей в сезон же 1911—1912 года — 5080 штук. Уменьшение добычи весьма значительное, но не согласуется с данными ярмарки. Приводим таблицу, подтверждающую факт уменьшения добычи пушных зверей в Саянах.

Районы и период времени. / Промысловые пушные звери.	Канско-Нижнеудинский.		Минусинский.		Усинско-Урянхайский.		ВСЕГО.	
	1911—1912	Средняя. 1908—1911	1911—1912	Средняя. 1908—1911	1911—1912	Средняя. 1908—1911	1911—1912	Средняя. 1908—1911
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1. Соболя	1100	2500	3100	6800	880	200	5080	13000
2. Белки	100000	150000	300000	350000	120000	100000	5200001)	6000001)
3. Хорька	1200	1000	9500	10000	—	—	10000	11000
4. Колонка	4300	4100	12000	14000	360	—	16300	18000
5. Горностая	1700	900	24000	30000	800	—	25700	30900
6. Лисицы	90	100	900	1000	250	—	990	1100
7. Рыси	60	80	150	140	—	—	210	220
8. Россомахи	30	30	50	50	—	—	80	80
9. Волка	50	40	300	250	—	—	340	290
10. Медведя	40	60	60	50	60	—	100	110
11. Выдры	30	25	20	15	—	—	50	40

Амурская экспедиция (1908 г.), выясняя положение охотничьего промысла, точно так же констатирует постепенную убыль ценной пушнины — соболей. В некоторых районах, напр. в Витимском, где в конце 90-х годов собиралось до 400 — 500 лучших экземпляров соболей ценою по 150 — 200 руб. за штуку партионно, соболь встречался уже единицами и расценивался в партии до 600 — 800 руб. за шкурку. Учурский соболь, собиравшийся 10 лет тому назад, преимущественно на Якутскую ярмарку, в количестве 10.000 шкурок с расценкой по 60 — 75 руб. шт., поступал не более 2000 шт. и расценивался в среднем по 150 — 200 руб. за шкурку партионно.

Накануне полного истребления, по обследованию экспедиции, находилась и белка — этот наиболее теперь ходовой сорт пушнины, собирающийся в миллионах штук. Низовья Лены, напр., Олекма, Алдан, Вилюй и Витим, откуда в 1895 — 1900 гг. белки поступало на Якутскую ярмарку до 1½ — 2 милл. шт., давали в 1908 году 250 — 500 тыс. шкурок ежегодно, вследствие чего и цена поднялась с 25 коп. до 75 коп. за шкурку партионно.

---

1) Начиная с хорька и ниже итоговые цифры приведены только для двух районов — Канско-Нижнеудинского и Минусинского.

Признаки упадка пушного промысла отмечаются по отношению всех промысловых зверей, на что указывают цифры поступлений пушнины на главные сборные пункты: на Ирбитскую и Якутскую ярмарки.

Ирбитская ярмарка [1]).

ОБЩЕЕ КОЛИЧЕСТВО В ТЫС. ШТУК.

Периоды времени. / Промысловые пушные звери.	1881—1885	1886—1890	1891—1895	1905—1909	1910—1914
Соболя	36,8	52,9	145,2	59,8	52,7
Песца	43,0	85,0	64,0	39,5	34,8
Горностая	305,0	280,0	318,0	565,0	60,5
Лисицы	190,2	271,0	263,2	131,7	105,2
Белки	17.865,0	14.981,0	25.290,0	15.315,0	19.460,0
Зайчины	5.500,0	3.700,0	4.200.0	3.950,0	4.500,0
Сурка	2.455,0	1.565,0	1.750,0	1.615,0	1.020,0
Хорька	145,0	195,0	360,0	700,0	550,0

Якутская ярмарка.

ОБЩЕЕ КОЛИЧЕСТВО В ШТУКАХ.

Промысловые пушные звери. / Годы.	1911	1912	1913	1914
Песцов белых	14.000	10.000	23.000	18.000
Белки темной	500.000	30.000	350.000	800.000
„ светлой	150.000	—	100.000	100.000
Горностая	35.000	12.000	50 000	30.000
Колонка	300	—	3.000	6.000
Лисиц сиводушек	—	100	500	400
„ красных	2.500	1.500	3.000	4.000
Соболей темных	700	—	300	—
„ светлых	200	—	400	—

Таким образом, если судить по цифрам поступления пушнины на эти два главных сборных пункта, то наиболее ценные сорта неуклонно падают, наиболее же ходовые, поступающие на подделку и окраску на лейпцигские и парижские фабрики, продолжают увеличиваться в предложении под влиянием спроса. Однако, из этого не следует заключать об увеличении у нас этих промысловых зверей. Напротив факт их сокращения не подлежит сомнению, а повышение сбора шло за счет истребления молодых и невыкунивших. Так, по данным Ирбитской и Якутской ярмарок, в пятилетие 1909 — 1914 гг. процент шкурок недопесков повысился на 20 % против предыдущего пятилетия 1904 — 1908 гг. и составлял

[1]) Сведения за 1896 — 1904 гг. в отчетах ярмарочного комитета настолько неполны, что крайне затруднительно вывести какую либо видовую среднюю поступлений пушнины (Полферов).

свыше 40% всех песцовых шкурок. То же самое констатируется и в отношении лисицы, горностая и белки.

Цифры „урожая“ пушнины, подвержены из года в год довольно значительным колебаниям. Эти колебания главным образом зависят от двух факторов: с одной стороны это происходит от биологических причин, а с другой стороны экономических. Из биологических причин, подвергающих колебаниям „урожай“ пушнины, нельзя не указать на следующие: эпизоотии среди зверей (напр., белок, сурков, зайцев), понижающие зачастую очень сильно количество зверей, населяющих ту или другую местность, перекочевки в поисках пищи (северные олени, белки) или вследствие лесных пожаров (возможны и другие причины, способные вызвать перекочевки); далее, животные периодически становятся более многочисленны в числе, а затем снова число их падает, что регулярно происходит напр. у рысей [1]) и находится по всей вероятности в зависимости от количества зайцев и др., служащих пищей рысям, равно как существуют и многие другие сложные причины колебания количества зверя.

Экономических причин, обусловливающих тот или иной „урожай“ пушнины, также существует целый ряд, и они то и являются для нас наиболее интересными в настоящем случае. Как на одну из них нельзя не указать на имеющуюся по всем признакам зависимость между добычей пушнины и урожаями хлебов. Что таковая зависимость существует, можно думать уже из того, что в годы меньшего урожая хлебов „урожай“ пушнины становится выше.

Причину этого, может быть, на первый взгляд странного явления повидимому следует искать в том, что население, в неурожайные годы, стремясь возместить свой, нарушенный бюджет усиленнее обыкновенного прибегает к побочным заработкам; одним из главнейших в данном случае является для значительной части населения охотничий промысел и в нем прежде всего добыча пушнины.

Таким образом, в год плохого урожая число охотников и время пребывания их на промысле, должно увеличиваться, а следовательно и количество их добычи.

На существование этой зависимости указал в первый раз Н. В. Туркин.

Если подвести итог всему количеству убиваемых пушных зверей, то по отношению к последним годам, оно составит в среднем, в сумме около 43 миллионов штук убитых зверей.

Мы уже видели на какой громадной площади производится в СССР охота за пушным зверем, а также сколько добывается пушнины. Тем не менее, можно с несомненностью усмотреть ясные

---

[1]) По свидетельству М-к Формана одного из агентов Гудзонбайской компании, подобное явление у рысей в Америке имеет период в 4 года (E. Brass. Aus dem Reiche..., ч. II).

следы угасания промысла пушного зверя, что ставит перед СССР грозную опасность полного уничтожения охотничьего промысла, дающего не только подсобный заработок громадной части населения, но для значительной части его составляющего главный источник существования. По крайней мере существование целого ряда туземных племен в Сибири всецело зависит от промысловой охоты, гибель которой грозит голодной смертью этим инородцам.

В наблюдающемся явлении уменьшения пушных зверей, помимо других причин, о которых говорится в других местах (необеспеченность промышленника, дефекты снабжения, пожары, неурегулированность в управлении охотой и пр.), громадное значение имеет убой незрелого зверя, с чем можно бороться только путем полного изъятия из торгового обращения летней, неполноволосой и пр. пушнины. В самом деле белка, например, принимается чистая, зимняя, одна шкурка за 1; осеннего убоя — 2 за 1; раннее осеннего — 3 за 1; летняя—4 за 1. Таким образом промышленник, убив летом 4 белки, получит за них (примерно) те же 60 к., что и за одну убитую зимой. Фактически это еще невыгоднее, так как на 4 белок охотник тратит зарядов в 4 раза больше и истратит больше времени. Следовательно, убив одну зимнюю белку, он не только получает больший доход, но и, главное, оставляет как производителей 3 штуки, дальнейшим приплодом от которых воспользуется он же. Это обстоятельство имеет колоссальное значение для сохранения живого охотничьего капитала и приведенный схематический расчет имеет конечно применение ко всем зверям и птицам.

Чрезвычайно яркий пример невыгодности для страны торговли незрелым зверем, можно проследить на песцах. Беря цены Ирбитской ярмарки за ряд лет (1905 — 1914) видно, что крестоватик в последние годы перед войной был в 9 — 14 раз дешевле зимнего песца. Поступление же тех и других на Ирбитскую ярмарку видно из следующей таблицы:

КОЛИЧЕСТВО ТОВАРА В ШТУКАХ ПО ГОДАМ.

Наименование товара.	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914
Песца белого:										
Якутского . .	8.000	2.000	3.000	3.000	1.000	1.000	1.200	1.200	800	3.500
Енисейского .	8.000	2.600	3.000	3.000	1.000	2.500	2.500	10.000	800	1.500
Березовского и Обдорского . .	6 000	5.000	6 000	7.000	4.000	8.000	7.500	7.000	8.500	14.000
Итого песца .	22 000	9.000	12.000	13 000	6.000	11.500	11.200	18.200	10.100	19.000
Недопеска . . .	1.500	1.500	1.000	—	—	—	—	—	—	—
Синяка	1.000	1.500	1.000	—	—	—	—	—	—	—
Итого неполных песцов .	2.500	3.000	2.000	—	—	—	—	—	—	—
Крестоватиков.	30000	25.000	60.000	—	60.000	50.000	3.000	3 000	70.000	70.000

Суммируя данные вышеприведенной таблицы о привозе песца на Ирбитскую ярмарку, находим, что с 1905 г. по 1914 г. на эту ярмарку поступило 132.000 штук песцов и 248.000 штук крестоватиков.

Присчитывая же к крестоватикам и синяков и недопесков, как незрелых (недошедших) песцов, видим, что последних поступило 255,000 штук.

Так как в таблице недопески и синяки показаны отдельно только за первые три года, то можно думать, что в дальнейшем они просто считались вместе с песцами, так как и в первые три года, хотя они показаны в отдельной строке, но в общей рубрике с песцами и входят в общий итог последних. Приводя таблицу они для ясности выделены в отдельную рубрику. Поэтому можно смело думать, что число песцов в действительности еще меньше на несколько тысяч штук.

Но далее, если остановиться только на цифрах последней таблицы, то и то мы видим, что за время с 1905 по 1914 г. на рынок поступило почти в два раза больше недошедших песцов (крестоватиков, недопесков и синяков), чем вполне зрелых песцов.

Считая в среднем, что недошедший песец (крестоватик, норник и др.) только в 10 раз дешевле зимнего песца, выходит в круглых цифрах, что за 10 лет государство в целом, на одних песцах, прошедших через Ирбит, потеряло благодаря невниманию к охотничьему промыслу — 2.550.000 рублей! На самом деле эта цифра еще выше, принимая во внимание сказанное выше о белке (уменьшение приплода и пр.) [1]).

По области Коми [2]) в сезон 1922 — 1923 г. на 529.000 чистой белки, стоившей на местном рынке по 60 коп., взято 191.000 летней и недошедшей (38%), стоившей от 3 — 18 коп., в среднем около 10 коп., там же процент недошедшего песца ко всему количеству, поступавшему на рынок, равнялся 85 и т. д.

В настоящее время наблюдается некоторый поворот в отношении к торговле незрелым зверем и охоте за ним: Наркомвнуторг в 1924 г. предпринял ряд мер, направленных к упорядочению торговли пушниной, Сибревком 12 февр. 1924 г. издал обязательное постановление, в котором воспрещается всем заготовителям пушнины производить закупку шкур зверей летнего, раннеосеннего и весеннего убоя.

Союзы охотников начинают активно бороться с браконьерством и т. д.

---

[1]) Цены на зимнего песца 6 — 8 руб. в 1905 году поднялись до 23 — 35 руб. в 1914 году; крестоватики с 20 коп. — 1 руб. (1905 год) до 1 руб. 70 коп. — 2 руб. 20 к. (в 1914 году).

[2]) „Лесное хоз. Р.С.Ф.С.Р. и перспективы его развития“ 1924 г.

Международный обмен пушниной.

Одним из главных затруднений, с которыми приходится встречаться при исследовании вопросов пушной торговли и международной в частности, является крайняя неполнота имеющихся статистических данных: единственным более достоверным источником сведений являются таможенные отчеты отдельных государств, но в огромном большинстве случаев и в них не приводится достаточно полное распределение ввоза и вывоза пушнины, по отдельным сортам пушнины, и по странам ввоза и вывоза, а часто даются лишь общие итоги торговли данного государства с другими государствами. В главнейших странах добычи пушнины (Россия, Соед. Штаты и Канада), являющихся в то же время наиболее крупными покупателями — потребителями пушнины на международном рынке, и на других крупных потребительных и распределительных рынках, каковы Англия, Германия и Франция, ввоз сырой пушнины или допускается беспошлинно или облагается весьма невысокой пошлиной и это является одной из главных причин недостаточно детальной регистрации ввозимаго из за границы сырья в перечисленные выше страны.

В еще худшем положении находился вопрос о статистике внутренней торговли пушниной в России, Соед. Штатах и Канаде, особенно о количестве добываемой пушнины, размеров имеющихся запасов и о потреблении этого товара на внутреннем рынке. Торговля, правда, на основании колебаний спроса и предложений и движения цен на отдельные сорта пушнины, может учитывать положение рынка, но в огромном большинстве случаев торговцу ясно видны причины падения или подъема цен, но не известно численно выражение того или другого экономического фактора. Отчеты наших пушных ярмарок дают ответы на многие вопросы, но не всегда ярмарки могут учесть весь товарообмен данным продуктом, так как часть товара, иногда весьма значительная, проходит помимо этих торговых центров. Кроме того и чисто специфические особенности мехового товара затрудняют учет движения торговли этим продуктом. Меха в значительной мере являются предметом моды, прихоти и роскоши и потому торговля ими особенно в странах с теплым или умерен ным климатом отличается в значительной мере спекулятивным характером. Это приводит к тому, что меха залеживаются, переходят из рук в руки, даже перемещаются из одной страны в другую иногда для того, чтобы вернуться туда, где они были первоначально добыты.

Сводок об оборотах международной торговли пушниной и ее распределения по странам добычи почти нет[1]). По подсчету

[1]) В американской и английской литературе наиболее полным описанием мировой добычи пушнины являются несколько глав, отведенных этому вопросу в труде

Брасса средняя годичная стоимость добычи пушнины по отдельным странам света за трехлетие 1907 — 1909 гг. представляется в следующем виде (в американских долларах):

Азия	26.000.000	долларов.
Европа	24.000.000	„
Северная Америка	24.000.000	„
Австралия	6.000.000	„
Южная Америка	2.000.000	„
Африка и острова Тихого Океана.	2.000.000	„
Всего . . .	84.000.000	долларов.
или около .	168.000.000	рублей (по курсу до войны).

Приведенные цифры являются, однако, теперь устарелыми и преуменьшенными. Обороты международной пушной торговли со времени 1907 — 1909 гг. расширились; предложение многих мехов, несмотря на постоянно растущий спрос, уменьшилось, цены поднялись в большей пропорции, чем произошло сокращение и в итоге стоимость товара, обращающегося на пушном рынке, повысилась.

Беглое сравнение подъема цен в 1892—1911 гг. с сокращением предложения за тот же период времени показывает, что цены растут быстрее, чем сокращается добыча мехов и что пушнойкапитал в виде живых пушных зверей постепенно на всемземном шаре сокращается.

ПОДЪЕМ ЦЕН НА МЕХА И СОКРАЩЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПОСЛЕДНИХ.

Название мехов.	Подъем цен на меха в %%.			Сокращение предложения мехов.		
	В 1892 — 1901 г. по сравнению с 1882 — 1891 г.	В 1902 — 1911 г. по сравнению с 1892 — 1901 г.	В 1892 — 1911 г. по сравнению с 1882 — 1891 г.	В 1892 — 1901 г. по сравнению с 1882 — 1891 г.	В 1902 — 1911 г. по сравнению с 1892 — 1901 г.	В 1892 — 1911 г. по сравнению с 1882 — 1891 г.
Лисица серебристо-черная .	155	55	300	10	45	50
Лисица сиводушка	10	100	125	5	65	70
Красная лисица	85	85	245	53	2	55
Голубой песец	— 20 [1]	145	100	+ 34 [2]	40	23
Белый „	120	100	350	+ 750	25	+ 510
Куница	470	15	580	+ 65	55	20
Илька	0	430	430	+ 5	95	95
Норка	60	150	300	+ 75	55	20
Скунс	20	110	150	+ 30	+ 55	+ 100
Выхухоль	0	230	230	+ 250	10	+ 215
Рысь	25	130	200	+ 3800	80	+ 700
Выдра речная	— 30	170	80	+ 45	30	+ 5
Морской бобр	110	65	240	65	50	85

Джона Вальтера Джонса — „Промышленное Звероводство в Канаде 1914 г.“. Автор в свою очередь цитирует в значительной степени цифровые данные, заимствованные из работы Эмиля Брасса — „В пушном царстве“.

[1] — уменьшение.

[2] + увеличение.

В течение 1910—1913 гг. международная меховая торговля быстро развивалась и ее обороты, по приблизительному подсчету В. Я. Генерозова должны быть не менее 200.000.000 рублей.

Выше приведенная таблица (на предыд. стр.) показывает, что главными поставщиками пушнины на международный рынок являются Азия, Европа и Северная Америка.

В огромном большинстве случаев в международной торговле по отношению к пушному товару можно провести разделение государств на производящих пушнину и являющихся в то же время странами вывоза ее, и на государства, покупающие ее, или страны ввоза. Можно было бы предполагать, что страны, стоящие на первом месте по размерам добычи пушнины, меньше нуждаются в привозных мехах и потому их ввоз будет сравнительно невелик, но на самом же деле, по статистическим данным, Россия, Соед. Штаты и Канада, вывозя в больших количествах свои меха, в то же время в обмен на них ввозили иностранные, и в результате получается странное на первый взгляд положение, что наиболее богатые своей пушниной государства являлись в то же время наиболее крупными покупателями на мировом рынке. Это верно относительно Соед. Штатов, Канады и России до войны. Таким образом, внешняя торговля названных стран в значительной мере являлась обменом собственной пушнины на заграничную: ввоз и вывоз находились во взаимной связи и друг друга определяли. Эту своеобразную зависимость ввоза и вывоза пушнины следует поставить в связь с меняющейся покупательной способностью страны по отношению к иностранному товару: повышение покупательных средств в стране сказывается на замене своего более дешевого продукта привозным, более дорогим, и на усиление вывоза местного продукта.

Что касается таких стран, как Англия, Франция, Германия и др. то они по своим естественным условиям не могут добывать у себя в достаточном количестве нужную им пушнину и появляются на международном рынке, как покупатели или перепродавцы мехов, добытых в других странах.

Остановимся теперь на общем описании характера международного обмена пушниной и его зависимости от климата данной местности, направления моды, покупательной силы страны и др. факторов.

В Европейской и Азиатской России, Скандинавии, Канаде и части Соед. Штатов (Аляска и северные штаты), в Монголии и Китае, а также в некоторых государствах Южной Америки суровость климата требует применения мехов для одежды в зимнее время; их использование также усилилось в связи с развитием автомобилизма, что особенно сказалось в Америке. Для этих целей идут меха домашних животных — овец, коз, собак, кошек, а также

часто наиболее низкие и дешевые сорта „дикой“ пушнины или, так называемого, „зверькового“ товара. Но спрос международного рынка на пушнину в большей своей части руководствуется не соображениями о полезности мехов, как таковых, а требованиями моды. Меха, как средство защиты от холода и по своей красоте имеют неоспоримое преимущество перед тканями, но успех техники в выделке последних и их сравнительная с мехами дешевизна приводят к замене меха материей, как наиболее доступным большинству материалом.

Так как мода, а не потребность в мехах, руководит международным рынком, то в результате спрос по отношению к отдельным категориям мехов колеблется в самых широких размерах, что придает всей пушной торговле спекулятивный характер и тем лишает ее твердого основания. С другой стороны, и предложение, идущее навстречу спросу, направляется до известной степени ощупью, не зная наперед, каков будет спрос на тот или другой сорт меха, и, кроме того, из-за случайного характера результатов охотничьего промысла, предложение далеко не всегда может путем соответственного изменения цен на местах скупки увеличивать или сокращать добычу.

Общим указателем и регулятором товарообмена является уровень рыночных цен, но в применении к торговле пушниной вся трудность вопроса заключается в том, что расценка пушнины в одном году не может служить указанием на такое же положение рынка и в следующем: элемент гадательности и риска в пушной торговле значительно больше, чем в других отраслях торговой деятельности.

Оба основных фактора — спрос и предложение — величины мало устойчивые, в особенности для отдельных сортов пушнины, и учет их представляет огромные трудности. Меха идут на удовлетворение преимущественно требований моды и потому не требуются в постоянных количествах: спрос на них диктуется модою и в большой степени зависит от общего экономического благосостояния страны в данное время. Равным образом и предложение пушнины определяется в большей мере удачею охотничьего промысла за данный сезон; добыча пушнины не похожа на культуру сельско-хозяйственных растений, разведение домашних животных или производство фабричных продуктов. Таким образом, спрос и предложение на пушном рынке — величины заранее неизвестные и природа их может быть выяснена лишь в тот момент, когда они противопоставляются друг другу.

Такие продукты, как хлеб, мясо, шерсть, кожи, находят себе заграничные рынки с более или менее определенным и постоянным спросом; меха же предлагаются на многих рынках, спрос которых на отдельные сорта пушнины то повышается, то падает,

временами даже совсем прекращается и заменяется спросом в совершенно новом месте сбыта. Каждый рынок предъявляет своеобразные требования к пушнине, и это, в связи с множеством сортов, еще больше осложняет обмен, и потому первоначальный продавец пушнины за границу не всегда может иметь обеспеченный сбыт на каком нибудь определенном рынке и распределение его товара по странам из года в год колеблется.

Трудность приспособления предложения к существующему спросу на пушном рынке увеличивается и от того, что пушной товар не поддается обезличению в такой степени, в какой это возможно с с.-х. продуктами или фабричными изделиями; сортировка широко применяется, но все градации не могут быть незыблемо и точно определены и в значительной мере являются делом личного взгляда. В пушнине такая масса переходов в оттенках и пушистости, что каждая партия по существу индивидуальна и потому в пушной торговле невозможна система продажи по образцам. Правда в ней вырабатываются своеобразные „стандарты“ или торговые сорта, но они имеют применение в пределах отдельных предприятий и не пользуются пока мировым признанием.

В силу указанных особенностей пушная торговля для определения рыночной цены нуждается в сосредоточении всего предложения и спроса в определенном месте и в определенные сроки. Только при этом может быть выяснено положение рынка, спрос встретит ответное предложение и создастся рыночная цена, на которой основываются все сделки. Таким образом создаются пушные ярмарки; для последних характерно то, что они занимают прочное положение и теперь, хотя типичная ярмарочная торговля другими товарами постепенно падает. Пушные ярмарки сохраняют свой прежний вид и на них весь подлежащий сбыту товар привозится, чтобы там подвергнуться расценке и вернуться, быть может, на место покупки. Пушные ярмарки существуют у нас, в Германии, Франции; в Англии их заменяют лондонские пушные аукционы; меховые аукционы существуют и в Соед. Штатах.

Свозка всего товара для продажи в одно место и на короткий срок — средневековая система торговли, когда город являлся распределительным центром для всей соседней округи и выполнял в торговом обмене ту же функцию, какую выполняют в наших глухих местечках базары. С течением времени формы торгового обмена совершенствуются; базары сходят со сцены и их заменяют биржи, но в пушной торговле, с ее своеобразными условиями и особенностями товара, бирж нет нигде на земном шаре и их быть не может и потому существование в ней ярмарочной системы или аналогичной ей аукционной системы оправдывается самим делом.

Развитие международного оборота пушниной не уничтожило отдельных местных ярмарок, а только усилило их до степени международных торговых центров; таким первоначально сделался Лондон, а за последнее до войны время его значение ослаблялось торговым влиянием Лейпцига.

Англия производит очень мало собственной пушнины и притом это дешевый товар — кроличьи и заячьи меха; ее потребление пушнины также не велико и несмотря на все это, Англия сделалась мировым распределительным центром для сырой пушнины. Захват Англией и в частности Лондоном такого значения в пушной торговле объясняется 1) развитием торгового влияния Англии в международном товарообмене и позже — 2) силою дешевого английского кредита.

Большое значение для Лондона, как центра пушной торговли Англии и всех ее колоний, имело учреждение в 1670 году в Лондоне Компании Гудзонова залива, имевшей в виду захват пушной торговли сначала около Гудзонова Залива, а после и во всей Канаде и даже в северной части Соед. Штатов. Управление этой компании было и остается в Лондоне. С течением времени влияние этой компании усиливалось, обороты ее с пушниной развивались и ее продажи мехов на лондонских аукционах закрепляли значение Лондона в мировой торговле пушниной.

Самодовлеющее значение северо-американского и русского пушных рынков начало сказываться сравнительно недавно и этому сильный толчок дан последней войной; процесс этот повидимому будет усиливаться и значение Англии, как центра для распределения мехов, будет падать, но все-таки значение Лондона в торговле сырьем останется попрежнему велико.

С самого конца прошлого столетия и особенно в начале текущего, Германия вступает в борьбу с английской торговлей и в частности с ее монополией на пушном рынке. Конкурентом Лондона выступил Лейпциг со своей пушной ярмаркой.

Завоевать Лейпцигу то положение в пушной торговле, которое он занимал перед войной, удалось не сразу, а путем продолжительных и планомерных усилий. Возможность успешного выступления Лейпцига была подготовлена отчасти самим Лондоном. Последний выполнял в международном обмене пушниной две функции: 1) он устанавливал мировую цену на сырье и 2) производил первое распределение пушного товара по отдельным странам.

Эта первая стадия обмена была необходима, но она не удовлетворяла массы пушных торговцев отдельных стран, которые не могли принять участие на аукционах или потому, что наличная расплата за меха, являющаяся правилом лондонских аукционов, была для них обременительна, или потому, что самопредложение на аукционах не соответствовало их спросу.

При таких условиях ощущалась потребность в дальнейшей сортировке пушнины и дроблении ее на более мелкие партии и, следовательно, в дальнейшей стадии распределения ее; эту задачу и выполнял Лейпциг. Последний имел в виду продажу пушнины даже не большими партиями, применительно к требованиям торговцев, близко стоящих к потребителю; это большой круг покупателей, из которых каждый в среднем располагал значительно меньшими средствами, чем покупатель на лондонском аукционе, но лейпцигские покупатели в массе образовывали крупную силу. Таким образом, та форма, в которую выливалось предложение Лейпцига, более соответствовало желаниям большинства оптовых и розничных торговцев различных стран.

Достаточно указать на тот известный факт, что купить однородную и большую партию редких мехов в роде собольих, имеющих очень много оттенков, было легче в Лейпциге, чем на Ирбите, где составить требуемую партию далеко не всегда было возможно. Поэтому нередко русские меховые торговцы покупали русские же меха в Лейпциге и они делали это не потому, что не догадались купить их в России, а потому, что в Лейпциге они находили именно то, что им нужно, их там не принуждали покупать заодно и другой пушной товар, обусловливая этим продажу нужных им мехов. Если русские покупали свою пушнину в Германии, то это ясно указывает, что способ предложения товара на русском рынке не соответствовал действительной потребности и было выгоднее переплатить германскому посреднику, но приобрести у него именно то, что требуется меховщику.

Вторым и не менее важным орудием успеха Лейпцига была принятая им система продажи на весьма льготных условиях — в кредит. Уже одно это заставляло многих обращаться в Лейпциг, а не в Лондон, где аукционисты требовали наличной расплаты и во вред себе не сумели организовать более льготные условия продажи у себя пушнины. Для германских купцов весьма характерно, что они покупали у нас на местах сбора пушнины на ярмарках и у отдельных торговцев обычно за наличные, а соглашались продавать у себя пушнину обычно в кредит. Эта, на первый взгляд, не дальновидная со стороны германцев сделка способствовала захвату ими нашей вывозной и ввозной пушной торговли.

В третьих, крупным преимуществом лейпцигских пушных торговцев было то, что Лейпциг, будучи центром германской пушной торговли, в то же время — мировой центр по выделке и подкраске мехов. Для многих покупателей приобретать выделанную пушнину представляется выгоднее, и, кроме того, для некоторых сортов определение их качества в сыром состоянии весьма трудно, а некоторые, особенно дешевые подделки только и имеют ценность после окончательной выделки и подкраски.

Эта скорняжно-красильная промышленность Лейпцига пользовалась заслуженной хорошей репутацией; ее продукты были и хороши и стоимость выделки была невысока, и потому многие страны находили для себя выгодным посылать в Лейпциг свои шкурки только для выделки и, напр., Россия так поступила с отбеливанием своих песцов и горностаев.

В четвертых, — усилению Лейпцига в пушной торговле способствовала его замечательная организация торговой агентуры в других странах для скупки пушнины по возможности на местах ее добычи, из первых рук, и по сбыту его на всех крупных потребительских рынках; в последнем случае через комиссионеров и путем открытия заграничных отделений.

Весьма интересны попытки англичан и французов создать аналогичные Лейпцигской ярмарке собственные учреждения и захватить в свои руки международное распределение своего вывоза и ввоза. То же самое стремление мы видим в области пушной торговли Соед. Штатов и СССР: первые учредили у себя пушные аукционы, которые должны в международной торговле выполнять то, что раньше делал Лейпциг; у нас в СССР тоже подготовляется открытие собственных пушных аукционов и с теми же целями, как и в Америке.

Распределение сил на международном пушном рынке до войны представлялось в конечном результате в следующем виде: Россия, Соед. Штаты и Канада выступали, как продавцы собственной пушнины и как покупатели иностранной; Англия являлась 1) международным оценщиком мирового урожая пушнины, аукционистом, производящим первоначальное распределение пушного товара между отдельными странами, и 2) финансистом, поддерживающим американскую вывозную торговлю в ее борьбе за цены с лейпцигским рынком; что касается Франции и Бельгии, то эти страны потребляли и вывозили свои собственные дешевые меха, преимущественно кроличьи, а также различные выделанные меха заграничного происхождения, купленные или в Лондоне или в Лейпциге.

Положение России и Соед. Штатов было аналогично: обе страны главные поставщики пушнины на международный рынок и обе выступали на мировом рынке, как крупные покупатели; вывозная торговля была захвачена в России Германией, а в Соед. Штатах она быстро захватывалась ею же. Ввозная торговля захвачена была у нас Германией и то же явление наблюдалось и в Соед. Штатах.

По отношению к указанным двум странам — России и Соед. Штатам, Германия являлась лишним посредником и устранить ее представлялось желательным обеим. Если этого не было сделано раньше, то это — последствие недостаточного знания у русских

и американских пушных торговцев об иностранных рынках и результат деятельной и планомерной торговой политики Германии, которая сумела создать условия международного обмена, удовлетворявшие и Россию и Соед. Штаты; только в самое последнее перед войной время общественное мнение этих государств стало отмечать, что, повидимому, выгодное посредничество Германии в пушной торговле является талантливой эксплоатацией ею того и другого государства.

Принципы торговой политики Германии в пушной торговле ясны: скупка пушнины на местах добычи, из первых рук, и сбыт ее на главных заграничных рынках через своих местных агентов и, по возможности, в выделанном виде; иными словами — соединение самой дешевой покупки с самой дорогой продажей. Эта простая и азбучная истина, талантливо и с затратой громадных усилий осуществленная, привела к немецкому засилию на русском и американском пушных рынках.

Применение Германией этой простой, но трудно выполнимой системы, особенно ярко было в России. В нашей внутренней торговле Германия старалась сблизиться с первым скупщиком; раньше она покупала на наших ярмарках, не пытаясь производить закупки на местах в Сибири. С начала текущего столетия ею стали делаться попытки приобретать на местах, и даже помимо первых русских скупщиков, но эти попытки в общем оказались мало удачны и русские местные скупщики удержали в общем свою прежнюю позицию. Организация скупки Германией на местах все-таки развивалась и затруднялась, главным образом, специфическими особенностями системы скупки пушнины в Сибири, где чисто денежная форма скупки, единственно доступная лейпцигским купцам, не применима всюду.

Для Германии, кроме того, была выгодна неорганизованность русских купцов, так как только при ней осуществима выгодная система отдельных сделок с русскими купцами, выступающими в разброд и потому „роняющими рынок“; отсутствие подтоварного кредита — также не позволяла русскому предложению приобрести необходимую устойчивость и весьма важную в борьбе за цены способность выжидания и умеренного сдержанного выпуска товара на рынок.

Итак между Россией и Соед. Штатами и между нами и мировым пушным рынком стояли два посредника — лондонские аукционы и Лейпцигская ярмарка. Оба они были необходимы раньше, но теперь, повидимому, часть международного распределения американской и русской пушнины и установление для нее цен могут выполнить сами страны производительницы и тем ослабить значение стран-посредниц. Тяготение американского пушного рынка к Лондону находило себе еще оправдание в тех день-

гах, которыми финансировалась американская пушная торговля, но после войны, когда мировым банкиром стали Соед. Штаты, это должно отпасть и даже теперь отпадает. Накладные расходы по отправке товара на аукционы, уплата процентов за ссуды и за комиссию по аукционной продаже — все это расходы, которые для продавца желательно устранить, и потому вполне понятно желание обеих стран — СССР и Соед. Штатов — организовать собственные пушные аукционы, по образцу лондонских, и тем сблизиться с международным рынком, минуя всяких излишних посредников.

Организация собственных аукционов защищает интересы страны как продавца, так и покупателя. Все те выгоды, которые давал Соед. Штатам сбыт пушнины на лондонских аукционах, получался и при устройстве собственных аукционов и притом с меньшими издержками, но, конечно, при условии привлечения на аукционы достаточного числа покупателей из стран, потребляющих американскую пушнину. Относительно покупки иностранной пушнины на собственных аукционах можно сказать, что это также более выгодная для американцев операция, т. к. не приходится платить комиссионных иностранному аукционисту и т. к. при этом создаются непосредственные сношения с заграничными продавцами.

Идея пушных аукционов уже осуществилась: в Соед. Штатах впервые были устроены международные меховые аукционы в Сент-Луисе, затем организовались нью-иорские аукционы. В России же сибирские торговцы пушниной не раз высказывали на собраниях на Ирбитской ярмарке пожелания об устройстве в России пушных аукционов; к таким пожеланиям присоединялась и Государственная Дума. Так как для аукционов нужны деньги, то возникал вопрос или об организации крупного акционерного общества пушных аукционов или о предоставлении инициативы этого дела банкам.

Усиление влияния русского пушного рынка начинается во внешней торговле не с захвата иностранных рынков по германскому способу, т. е. не путем открытия в других государствах отделений пушных фирм и посылки туда своих агентов, а с организации своего внутреннего рынка на новых началах: если раньше Лондон устанавливал международные цены на русскую пушнину, то теперь тоже хочет делать сам СССР на своих аукционах; последние будут выполнять важную функцию распределения русской пушнины как на внутреннем, так и на международном рынке, сближая русских торговцев с заграничными покупателями и продавцами и, выдавая продавцам ссуды под залог пушнины, делать русское предложение пушнины за границу сплоченным и устойчивым и тем обеспечивать твердые цены на русский пушной товар.

Кроме того применением высоких таможенных ставок была создана в Соед. Штатах собственная скорняжно-красильная промышленность и этим также ослаблялись выгоды закупки выделанного пушного товара в Германии. По этому же пути должна развиваться и наша отечественная промышленность.

Льготный подтоварный кредит как продавцу, так и покупателю, будь то русский или иностранец, должен быть организован при пушных аукционах для того, чтобы русские аукционы приобрели международное значение и привлекали к себе многочисленных русских и иностранных покупателей и продавцов.

Годовая добыча главнейших пушных зверей на всем свете, в среднем в 3 года 1907 — 1909

(по E. Brass'y [1]).

1. Медведей.

Белых медведей — Полярные страны, Азия, Европа, около 600 штук, Америка около 400 штук.

Серых медведей — Америка 1.200 штук.

Бурых медведей — Америка 2.000 штук, Азия 6.000 штук.

Черных медведей — Америка 20.000 штук, Азия 1.000 штук.

Обыкн. бурых медведей — Азия 3.000 штук, Европа 2.000 штук.

2. Бобров.

Америка 80.000 штук, Азия около 1.000 штук, Европа единичные шкурки.

3. Барсуков.

Европа 100.000 штук, Америка 30.000 штук, Азия, Япония и Китай 30.000 штук.

4. Сибирских белок.

Сибирь около 15 миллионов штук, из коих: Казанских 8 миллионов, Ленских 1 миллион, Обских 2 миллиона, Нерчинских 2 миллиона, Енисейских 2 миллиона. Китай около 500.000 штук.

5. Беличьих хвостов.

Сибирь: Нерчинских, Забайкальских 12.000 килограммов, Ленских 5.000 килограммов, Енисейских 10.000 килограммов,

---

[1]) Emil Brass. „Aus dem Reiche der Pelze". Berlin — Leipzig. 1911.

Обских 10.000 килограммов, Казанских 30.000 килограммов и Китай 2.000 килограммов.

6. Лисиц.

Красных лисиц — Северная Америка 200.000 штук, Сибирь 60.000 штук, Россия 150.000 штук, Монголия, Китай и Япония 50.000 штук, Австралия 30.000 штук, Западная и Центральная Азия 50.000 штук, Норвегия 25.000 штук, Германия 250.000 штук, остальная Европа 350.000 штук.

Караганок — Сибирь и Центральная Азия 3.000 штук.

Белых лисиц (песцов) — Азия 70.000 штук, Америка 30.000 штук. Европа 5.000 штук.

Голубых лисиц (песцов) — Америка 6.000 штук, Сибирь 4.000 штук, Сев. Европа 1.000 штук.

Серебристых лисиц — Америка 4.000 штук. Сибирь около 300 штук.

7. Зайцев.

Полярных, Сибирь около 5 миллионов, Северная Америка 200.000 штук.

8. Горностаев.

Америка около 400.000 штук, Сибирь 700.000 штук, Европа около 10.000 штук.

9. Хорьков.

Европа 120.000 штук, Россия и Сибирь 150.000 штук.

10. Кроликов.

Америка 10.000 штук.

11. Кошек.

Европа: Голландия 200.000 штук, Германия 120.000 штук, остальная Европа 150.000 штук, Россия 300.000 штук, Азия, Китай и Япония 150.000 штук, Америка около 80.000 штук.

12. Рысей.

Америка в среднем 50.000 штук (от 6.000 до 100.000 штук), Сибирь 10.000 штук, Южная и Восточная Европа 10.000 штук.

13. Диких кошек.

Южная Америка около 10.000 штук, Азия около 40.000 штук, Европа и Западная Азия около 10.000 штук.

14. Куниц.

Обыкновенных — Норвегия и Швеция 20.000 штук, Германия 50.000 штук, Россия 50.000 штук, остальная Европа 60.000 штук, Северная Азия 30.000 штук.

Каменных куниц (белодушек) — Босния, Турция и др. 50.000 штук, Россия 50.000 штук, Германия 100.000 штук, остальная Европа 150.000 штук, Северная Азия около 30.000 штук.

15. Сурков.

Азия: Оренбургских около 1½ миллионов штук, Бийских около 2½ миллионов штук, Монголия Манчжурия и Китай около 500.000 штук, Тарабаганов около 50.000 штук, Америка около 30.000 штук.

16. Норок.

Россия и Сибирь около 40.000 штук, Северная Америка около 600.000 штук.

17. Выдр.

Америка 30.000 штук, Азия: Сибирь, Камчатка и др. 20.000 штук, Китай и Япония 35.000 штук, Южная Азия около 1.000 штук, Южная Америка около 5.000 штук, Африка около 500 штук и Европа 30.000 штук.

18. Котиков морских.

Аляска 15.000 штук, О-в Медный (Командорские о-ва) 10.000 штук, Мыс Доброй Надежды 3.000 штук, Мыс Горн 5.000 штук, Южный Ледовитый океан 5.000 штук.

19. Морских выдр (Камчатских бобров).

Северная часть Тихого океана около 400 штук.

20. Россомах.

Северная Америка 3.000 штук, Сибирь около 4.000 штук, Европа 1.000 штук.

21. Волков.

Америка 48.000 штук, Азия: Сибирь 10.000 штук, Китай около 5.000 штук, Центральная Азия и Россия и др. 6.000 штук, остальная Европа около 1.000 штук.

22. Соболей.

Америка 120.000 штук, Сибирь около 70.000 штук, Япония (Сахалин) 5.000 штук.

Приводимые Брассом цифры не могут считаться вполне отвечающими действительности, т. к. основаны исключительно на торговых данных, благодаря чему получаются иногда такие странные цифры, как напр. 250.000 лисиц, добываемых в Германии и пр. Ознакомившись выше с общими условиями международного обмена пушнины, становится ясным, откуда могли получиться подобные цифры (страны комиссионеры). В самых же общих чертах, данные Брасса дают некоторое представление о мировом товарном выходе пушнины.

Сбор и торговля пушниной в период 1917—1925 гг.

Добыча и торговля пушниной, сильно сократившиеся за время великой европейской войны, испытали, как и следовало ожидать, чрезвычайные потрясения и перемены за последние революционные годы. Не имея возможности проследить во всех деталях всю историю сбора и торговли пушниной за эти годы, мы отметим лишь ее главнейшие фазы.

Годы войны приумножили зверя в необъятных русских лесах, так как усиленные призывы в армию сократили весьма значительно число охотников, а с другой стороны торговля, в том числе и пушная, подвергается резкому сокращению. Усиленно охота возобновляется лишь с конца 1917 года и начала 1918 года с демобилизацией армии.

Капиталистическая система хищничества в области пушного промысла и пушной торговли должна была подвергнуться быстрой и решительной ликвидации советскими органами народного хозяйства. Первым актом в этом направлении было введение государственной монополии по сбору пушного сырья и национализация внешней торговли. Постановлением Высшего Совета Народного Хозяйства от 30 января 1919 года была установлена пушная монополия. Согласно этому постановлению „вся пушнина в сыром, выделанном и окрашенном виде, в шкурах и мехах, имеющихся в складах на территории РСФСР в настоящее время, а равно и та, которая будет добываться впредь, передается и заготовляется по твердым ценам исключительно государством“ (§ 1).

Для управления всеми предприятиями меховой промышленности было организовано при Высшем Совете Народного Хозяйства Главное Управление по делам меховой промышленности „Главмех“. Соответственно этому на местах в составе Губсовнархозов организованы меховые секции и „Губмехи“.

Но устраняя частный денежный капитал из области организации пушной торговли, государственная власть была поставлена перед необходимостью построить свою собственную организацию сбора пушного сырья. С этой целью постановлением Высшего Совета Народного Хозяйства Главмеху предоставлено было право привлечь к работе по сбору пушнины кооперативные организации. С центральным органом кооперативов, — Центросоюзом, — был заключен соответствующий договор, по которому вся монополия передана Центросоюзу. Последний использует для выполнения принятого на себя обязательства свои местные органы — общества и кооперативные союзы. Государство передает в распоряжение Центросоюза необходимые для охотничьего промысла припасы и оружие, которыми кооперация снабжает охотничье население по определенному плану.

Обязательным постановлением Главмеха были установлены еще в ноябре 1919 года предельные закупочные цены на пушнину. Этот акт прежде всего имел целью освободить рынок от спекулятивной игры и конкуренции и избавить охотника от извечной кабалы.

Но установивши предельные цены скупки и не упрочив своего закупочного аппарата, органы народного хозяйства Советской России не могли сразу ликвидировать влияние спекуляции на пушном рынке. Ценность пушнины и ее роль на международном рынке в качестве контрвалюты были настолько заманчивы для частного капитала, что последний, пользуясь прежними связями среди охотничьего населения, продолжал свою работу подпольным способом, умело избегая кары за свои деяния. Предлагая охотникам более выгодные условия, чем расчет по твердым ценам, снабжая промышленника кое какими предметами первой необходимости и большим количеством денежных знаков, частный капитал продолжал держать в своих руках охотничье население и ослаблял тем самым значение государственной пушной монополии.

Так, белка, определенная твердыми ценами в 10 рублей, сдавалась охотниками частным и кооперативным скупщикам от 30 до 35 р. Скупщики спекулянты платили даже на 15 — 20% выше. Сдавать при таких условиях пушнину государству по твердым ценам не представляло для охотника ни малейшего интереса. Охотник старался придерживать пушнину, сокращал ее добычу, или искал спекулянта и предлагал ему из под полы ценного зверька по вольным ценам.

Увеличение цен на пушнину колебалось от 10 до 33 раз. Если предметы потребления охотника, личные и хозяйственные, увеличились в цене по твердым ставкам — в среднем в 120 раз, а пушнина только в 15 раз — вред для охотника в таких ставках был очевиден.

Благодаря настойчивому ходатайству Центросоюза твердые цены были несколько повышены. Но это не положило предела участию, хотя и нелегальному, частного капитала на пушном рынке. Наиболее настойчивым, даже назойливым, в этой области оказывался иностранный капитал. На востоке Сибири последний старался использовать для своего влияния тяжелое внутреннее положение Советской России, недостаточную организованность кооперации и неустойчивую политику твердых цен. В связи с этим стала наблюдаться утечка пушных богатств контрабандным путем за границу, чему трудно было воспрепятствовать за недостатком пограничного надзора и, главным образом, вследствие большой выгоды, представляемой для охотника и спекулянта вольной продажей пушного.

Развитие контрабанды особенно наблюдалось в Якутской области, так как ее территориальное положение весьма благоприятствует установлению постоянных сношений с внешним миром. Через Н. Колымск весь крайний север и северо-восток Якутии может связаться торговыми узами с Америкой, которая имеет довольно прочную опору по всему Чукотскому полуострову и всегда стремилась проникнуть к северному побережью Якутской области.

Агенты американского капитала целый ряд лет изучают на месте в Колымском округе экономические возможности края. Усилению влияния американского капитала в этой части Якутского края в свое время препятствовала неналаженность морских сообщений, и, главное, довольно прочная экономическая связь крайнего севера через Якутск с Россией. Ослабление этой связи вследствие бестоварья, транспортной разрухи и гражданской войны, повело к оторванности севера и усилило возможность влияния американского капитала.

Вторым выходом из Якутского края к внешнему миру служат Охотское море в пунктах Аян, Охотск, Ола, Гижига. Аян и Охотск связывают с за границей среднюю часть Якутского края, тогда как Ола и Гижига служат выходом для северо-востока.

Связь Аяна через Нелькан и далее водным путем до Якутска сближает Якутский край с Владивостоком и за границей. На это обстоятельство уже давно было обращено серьезное внимание, — но многочисленные экономические, политические и бытовые условия прошлого препятствовали нормальной организации внешних сношений края через порт Аян. Когда под влиянием войны и революции совершенно почти прекратилось движение мехового сырья на запад, когда иностранный капитал стремился пробить путь с Востока, чтобы овладеть огромными пушными богатствами Сибири, — на Аян и Охотск и даже на Гижигу и Колымск было обращено особое внимание. Столкновение интересов иностранного

капитала с русской кооперацией было разрешено в пользу Центросоюза. Формально монополия была окончательно закреплена за кооперацией. Кооперативные организации Якутского края, возглавляемые их областным союзом „Холбос“, пытавшиеся наладить сбор пушнины еще до переворота, стали быстро развертывать свою деятельность.

В сезон 1920—1921 года Наркомпроду, к которому перешло от Главмеха право сбора пушнины, удалось собрать немного больше $^1/_{10}$ нормы довоенного поступления пушнины на рынки и то по большей части из старых запасов (добыча в этом сезоне исчислялась в 50% довоенного). Больше всего удалось собрать песца (50% довоенной нормы), лисы (22%) и горностая (20%); остальное поступало в ничтожном количестве: колонок 5%, крестоватик 1,5%, куница 4%, соболь тоже 4% и т. д.

В конце 1921 г. вступили в действие два декрета: о пушном налоге (от 25 августа) и порядке заготовки пушнины (от 6 сентября). Несмотря на неблагоприятную обстановку, пушной налог через посредство Союза охотников удалось выполнить удовлетворительно, что и было засвидетельствовано Наркомпродом, который собирал налог. Сбор пушнины декретом разлагался на ВСНХ и НКВТ. Союзу охотников не удалось договориться о контрагентстве по сбору пушнины, да и сама организация отделов Союза на местах была еще слаба. 1922 и 1923 года и начало 1924 г. характерны крайней беспорядочностью сбора пушнины и жестоким ажиотажем и спекуляцией. Не касаясь подробностей, мы приведем только ряд выдержек из статьи т. Лимонника „К реорганизации пушного дела“, помещенной в „Известиях ЦИК Союза ССР“ 19 V 1924 г. № 2222, так как эти выдержки дают общее представление о происходившем.

„В деятельности отдельных заготовителей пушнины совершенно отсутствует какая бы то ни была согласованность в планах работ. В истекшем сезоне заготовкой занималось более 40 организаций, из которых большинство не имеют ничего общего с пушным делом, как-то: Крымторгснаб, Арменторг, Сибсвеча, Госмолоко, Гум и др.“.

„При возможности добыть в Сибири за год не более 20 милл. беличьих единиц заготовители составили план на заготовку 45 милл. беличьих шкурок“.

„В Сибири всеми организациями вложено в пушные заготовки около 40 милл. рублей при потребности в 15 милл. рублей“.

„Несогласованность работ заготовителей привела к конкуренции государственных хозорганов, кооперации, смешанных обществ и договорных фирм. Дошло до того, что в одном и том же районе организовалось одним заготовителем по несколько агентств и контор (НКВТ в вятском районе). Показательны имевшие место

продажи одним заготовителем другому бракованной пушнины (Госторг Аркосу и др. случаи").

„Выдавали нередко авансы, превышающие все 100 проц., обусловленных в договорах сумм. Насколько выгодна была такая заготовка для частных контрагентов, видно по установленным фактам, что проработавшие хотя бы только один сезон контрагенты открывали собственные предприятия на остаточки от щедрых авансов".

„ . . . было допущено непосредственное участие иностранного капитала в деле заготовки пушнины у населения".

„ . . . госорганы отрицательно отнеслись к кооперации. Между тем в Сибири имеется достаточно подготовленная кооперативная организация, являющаяся старейшим заготовителем пушнины".

Расценка заготовителей, „превышенная над действительной стоимостью доходила до 300 проц. В одном и том же месте одна и та же пушнина расценивалась отдельными заготовителями с разницей в 100 проц. и более. Накладные расходы достигали до 60 проц.".

Оборот капитала очень медленный „иногда задерживали на 10 месяцев с момента закупки пушнины".

„Покупали посредством обмена, обвеса, спаивания водкой, снабжения картами, идолами, бусами. Нужные инородцам товары, если и доставлялись, то по чрезмерным ценам. Заготовки строились с расчетом на психологию инородцев, готовых за водку и идолов отдать всю свою добычу пушнины. В то же время не хватало для населения необходимейших промысловых орудий, огнестрельных припасов, рыболовных принадлежностей и сельскохозяйственного инвентаря".

„Упорядочением пушного дела уже заинтересовался ЦК РКИ, коллегия которого, по докладу члена ЦКК тов. Стецкого, признала необходимой организацию единого акционерного общества по заготовке, скупке и торговле пушниной на внутреннем и внешнем рынках, с участием НКВТ, ВСНХ, НКЗ'ема и других заинтересованных ведомств в качестве акционеров. Должно быть усилено регулирование пушного рынка путем установления лимитов и методов работы заготовителей, круг которых ограничивается. Иностранный капитал к непосредственной заготовке и реализации пушнины не будет допущен; для него остается возможность банковского финансирования, а также, в отдельных случаях, перепродажа пушнины за границей на комиссионных началах. ЦК РКИ будет поддерживать необходимость учреждения при СТО „Комитета по пушному, рыболовному делу и охоте", который сможет заняться охраной интересов инородческого населения крайнего Севера, защитой инородцев от эксплоатации и обеспечением их орудиями лова, а также продовольствием".

В конце 1921 года впервые появляются на заграничном рынке крупная партия нашей пушнины из запасов Сибпромбюро; эта партия заключала: белки 828 тыс. шт., лисицы 2 тыс. шт., горностая 12,5 тыс. шт. и песцов 2,2 тыс. шт. Партия была продана американцам за 2032 тыс. рублей по весьма высоким расценкам. За первой партией последовало еще две, а всего было продано за границу на 1921 — 1922 гг. на 6057 тыс. руб.

В сезон 1922 — 1923 гг. конкурировавшими организациями и частными скупщиками было закуплено:

Белки	10 милл.	штук.
Песца	35 тыс.	„
Соболя	15 „	„
Лисицы	15 „	„
Горностая	1 милл.	„
Колонка	500 тыс.	„
Волка	30 „	„
Хорька	300 „	„

Цифры эти уже близки к довоенным; это же время характеризуется особенным развитием контрабанды. Весьма высокие цены за границей дали возможность направить на экспорт около 7 милл. шкур за 31.134 тыс. руб.

В сезон 1923 — 1924 гг. экспорт наш резко повышается и достигает цифры в 52 милл. руб. (из них 4 милл. надо отнести на каракуль). Внутренняя торговля, для русского потребителя, все эти годы была очень слабо развита и касалась почти исключительно не экспортного, низкосортного товара.

С начала сезона 1924 — 1925 гг., Наркомвнуторгом был принят ряд мер к упорядочению пушных заготовок и в первую очередь право заготовки было строго ограничено немногими фирмами и учреждениями непосредственно заинтересованными в пушном деле. Право повсеместных заготовок из числа центральных организаций было предоставлено: 1) Всекохотсоюзу, 2) Центросоюзу, 3) Сельскосоюзу, 4) Госторгу, 5), Хлебопродукту, 6) Расо (Русско-английское сырьевое о-во) и 7) Цато (Центральное акционерное торговое общество).

Из местных организаций, заготовляющих пушнину, право заготовок предоставлено было лишь тем госорганизациям данного административного района (губерний или области), которые специализировались на операциях с пушниной и имели собственный постоянный аппарат в районах непосредственных заготовок. Таким образом отпадали все такие заготовители как Кубу, Союз Петроградских прачек и т. п., хлынувшие в пушные районы в прошлые года. Одновременно организация заготовительных аппаратов и сами заготовки пушнины подчинены были надзору местных Внуторгов под общим руководством Наркомвнуторга.

Усиление местных отделов Союза охотников дало возможность Наркомвнуторгу указать заготовителям, что надлежит вести заготовки преимущественно через охотничью промысловую кооперацию. Надо надеяться, что с дальнейшим развитием и укреплением охотничьей кооперации все заготовки будут происходить через нее.

Наиболее характерной чертой заготовок прошлого года является лимитирование цен на пушнину. В прошлые годы пушнина, при ажиотаже и спекуляции вокруг, была товаром „темным": калькуляции в сущности, никакой не было. Цены на один и тот же вид пушнины, в одних и тех же местах, у разных организаций, были различны, и эта разница доходила нередко до 100 — 200%, так как расценки на товары, при распространенных в дальних районах товарообменных операциях, были совершенно произвольны, что причиняло несомненно большой ущерб промысловому населению. Ныне на эту сторону дела обращено большое внимание.

Наркомнуторг признал необходимым, одновременно с утверждением лимитов, имеющих целью прекратить спекуляцию с пушниной, — установить единообразный принцип расценки товаров при обмене их на пушнину. Сущность его сводится к следующему. Цены на товары, назначаемые в обмен на пушнину, устанавливаются Внуторгами на основании котировальных цен товарных бирж местонахождения Внуторга, плюс действительные накладные расходы до места назначения товара, твердо фиксированные Внуторгом, плюс нормальная прибыль. Таким образом, цены на пищевые продукты, предметы широкого потребления и огнеприпасы должны быть для всех заготовляющих организаций, в одних и тех же районах, одинаковыми. В прошлом, как общее правило, расценка товаров производилась заготовителями пушнины с превышением их действительной себестоимости на 100, 200, 300 и более процентов, без всякой системы и обоснования, что ложилось на промысловое население тяжелым бременем.

Громадную роль в деле улучшения пушной торговли и избавления от эксплоатации промышленника, должно сыграть введение единого государственного стандарта на пушнину уже разработанного Наркомвнуторгом. При этом выиграет и сам охотник, который сможет уже сдавать свою пушнину не „чохом", а с открытыми глазами, точно учитывая ее настоящую стоимость, затем исчезнет „засоренность" экспортируемых партий пушнины, сильно понижающая цены за границей и наконец сократится, а потом и совсем уничтожится, убой незрелого зверя.

В общем надо отметить, что сбор и торговля пушниной, испытав тяжелые потрясения, выходят повидимому на правильный путь, что будет служить залогом и для упорядочения всего охотничьего дела.

Промышленность и торговля, связанные с охотой.

Скорняжное дело.

В меховой торговле приходится постоянно наблюдать интересный факт, что разница цены сырой шкуры и выделанного из нее меха весьма значительна и едва ли может быть объяснена стоимостью труда, затраченного на выделку шкуры.

По подсчетам лиц, занимавшихся этим вопросом, стоимость сырой пушнины, поступающей на мировой рынок, и стоимость выделанных из нее мехов разнятся друг от друга более, чем в два раза, и это обстоятельство возможно объяснять недостаточным развитием промышленной машинной выделки мехов во многих странах, вследствие чего некоторые страны занимают в этой промышленности почти монопольное положение (Германия, Англия, Франция).

Такая монополия дорого обходилась их конкурентам и дороже всего России, доставлявшей на международный рынок лучшие меха и затем часть их же ввозившей обратно в виде выделаных мехов, уплачивая при этом пошлины на границе. Это тем более обидно и досадно, что вывозимые для окончательной выделки за границу русские меха могли бы выделываться у нас, чем достигалось бы сокращение накладных расходов по пересылке товара за границу и обратно, оплачивался бы труд русского рабочего, а не иностранного, и меховая торговля, уменьшив операционные расходы, получила бы добавочную прибыль.

Окончательная подготовка шкур для рынка распадается на выделку сырых шкур и их подкрашивание. То и другое представляется делом технически весьма сложным.

Кустарная ручная выделка дает превосходные результаты и для некоторых нежных мехов, вроде куницы и соболя, даже имеет преимущества перед машинной; но этот способ дорог и неприменим в широкой мере к дешевым сортам. Прежний способ выделки, применявшийся повсеместно за границей до введения машин, сводился к следующему: клали шкуры слоями в раствор щелочи; затем, когда они размякали, их мяли и соскабливали излишнюю мездру, повесив шкуры в вертикальном положении; вслед за этим они промасливались и клались в бочки с опилками, где их мяли ногами от чего они становились мягкими; после меха вычищались, выколачивались и вычесывались.

Современные приемы выделки мехов за границей значительно разнятся от только что описанного. Работа выполняется фабриками, где во главе каждого отделения стоит специалист и где большую часть работы выполняет машина. Значительные количества пушнины, поступающей разом в переработку, позволяют

выпускать однообразный по выделке продукт и выделка одной шкуры обходится значительно дешевле, чем при ручном способе.

В каждом таком учрежденни применяются, не считая двигателя, следующие аппараты и машины:

Промывные аппараты, сделанные из сетки и вращающиеся в баках с водой.

Барабаны для сушки (центрофуги).

Барабаны для полировки, в которых шкуры вращаются, пересыпанные опилками.

Барабаны для чистки, в которых сильной струей выкачиваемого воздуха удаляются со шкур приставшие к ним частицы опилок и кукурузного крахмала.

Деревянные баки для окраски мехов.

Машины для выколачивания мехов.

Машины для сшивания мехов.

Машины для стрижки мехов.

Кроме того имеются камеры для сушки мехов, где воздух поддерживается в постоянном движении при помощи электрических вентиляторов и холодильные камеры, устроенные для хранения мехов и защиты их от моли.

Описать применяемые способы выделки представляется весьма затруднительным, так как не только приемы бывают различны в применении к различным сортам мехов, но даже к различным партиям того же сорта. Выделка, напр. шкурки норки совершается в 13 операций, а лисьей шкурки в 11, а именно:

Выколачивание.

Смачивание влажными опилками.

Очистка мездры от мяса и жира.

Намачивание соленой водой.

Сушка.

Разминание в бочке.

Пропитывание маслом или жиром.

Разминание в бочке.

Чистка опилками во вращающемся барабане.

Сушка.

Полировка опилками в барабане.

Для огромного большинства лисьих мехов длина, густота и темный окрас остей составляют главную ценность. По сравнению с остями, подшерсток представляет более короткий, тонкий и светлый волос, особенно у самой кожи. По своему строению он легко сваливается в войлок. Назначение его согревать животное; он особенно густ в зимнее время и тогда он настолько ровно и пушисто покрывает тело, что кожу можно рассмотреть, лишь раздув его. Цвет его в большинстве случаев светло-серый или голубоватый.

Строение остей в мехах иное. Это длинные более редкие и грубые волосы, чем подшерсток, и самого разнообразного окраса. Назначение их, с одной стороны, предохранять подшерсток от вытирания и сваливания и, с другой, согревать.

У пушных зверей, проводящих часть жизни в воде, подшерсток и ости имеют несколько иное строение, чем, например, у горных и лесных пород, и у них иногда наиболее ценною частью меха является не ости, а сам подшерсток. Так, морской котик имеет очень густой и короткий подшерсток, составляющий главную ценность его шкуры, тогда как сами ости очень грубы, сравнительно коротки, блестящи и, повидимому, главным образом предохраняют нежный подшерсток от сваливания и вытирания и лишь в слабой степени согревают животное.

Сложная процедура, а отсюда более дорогое оборудование требуются при подделке мехов. В этом направлении в России не было серьезных попыток, если не считать отдельных небольших предприятий в подмосковном и приуральском (слободском) районах, недалеко ушедших по технике и оборудованию от кустарных скорняжен-красилен, выбрасывавших несколько десятков тысяч зайчины на Нижегородскую ярмарку. Насколько работа русских скорняжен неудовлетворительна, можно судить по одному тому, что выделанный слободской и дуниловский товар, поступая целиком за границу, обязательно проходил через германские и французские скорняжни. Исключение составляли заяц и белка.

Нужно видеть самый процесс подделки мехов, чтобы понять всю сложность его, а главное необходимость дорогого оборудования. Так, при подделке под котик необходимо достигнуть того, чтобы шкурки были коричневого цвета у корней волос и черного на поверхности, а достигается это путем двойственной окраски, требующей, в свою очередь, двойного оборудования машинами и бассейнами. Подделка под выхухоль, на что идут русская зайчина и французский кролик, требует оборудования особыми американскими машинами, из которых одни с математическою точностью освобождают шкурки от жестких волосков, оставляя на них только мягкий и шелковистый мех, а другие — подстригают мех. Не менее дорого стоит оборудование фабрики для выделки из простой лисицы серебристого меха и притом вдвое-втрое длиннее натуральной величины.

Подкрашиванию подвергается значительная часть мехов и это применяется в самых различных формах — от легкого „подсвечивания“, когда остям придается более темный оттенок, до полного изменения основного цвета и выпуска меха под иным, чисто торговым названием. Техника подкраски мехов достигла на Западе большой степени совершенства, при чем наблюдается

известная специализация между странами. Так, котиковые шкуры до самого последнего времени подкрашивались исключительно в Англии; теперь это делается и в других местах, например, в Нью-Йорке, а также и в Сент-Луисе. Французы усовершенствовали подделки мехов „под соболя“; немцы захватили монополию по окраске для заграницы наших каракулей и также специализировались на подкрасках и подделках дешевых мехов, вроде красной лисицы и кролика. Упомянутые два сорта мехов являются благодарной основой для самых различных имитаций, и в этом отношении Германия занимает выдающееся место; некоторые из них очень удачны и красивы.

Та часть русского товара, которая не уходила при посредстве иностранцев за границу, с ярмарки, из рук крупных скупщиков переходила для обделки на заводы. Этих последних было довольно много (так, напр., белки выделывалось до $3\frac{1}{2}$ милл. штук), но к сожалению постановка дела, как сказано выше, оставляла желать многого; правда, некоторые меха выделывались хорошо, но зато другие сорта далеко не достигали того, что за границей. Между прочим одним из хорошо вырабатываемых в России мехов является белка, тогда как горностай здешней выделки совершенно не идет в сравнении с заграничным. Кроме того, огромным недостатком является и то, что красятся все меха за границей (в частности очень развито это дело в Германии), хотя во всех отношениях желательна и даже необходима организация этого дела в СССР [1]).

Заводы распространены были почти повсеместно и почти каждый меховщик имел свою скорняжную мастерскую, хотя выделка некоторых сортов пушнины сосредоточивалась в определенных центрах; белка — главным образом в Слободском уезде Вятской губернии и выделывалось ее ежегодно от 100 тысяч до $3\frac{1}{2}$ миллионов штук; заяц же в городах Шуе, Арзамасе и в селе Дунилове.

Оборот заводов был не велик; в среднем около 300 тыс. руб., при чем капитал равен около $\frac{1}{3}$ оборота.

Из рук обделывальщиков (с заводов) товар поступает уже в руки оптовых меховщиков, у которых он разделывается на соответствующие сортименты для шуб, воротников, боа и проч. и проч. и переходит к оптовым и розничным торговцам, а от них поступает уже к потребителю.

Судить о слабом развитии в России мехового производства можно как по наличности специальных предприятий, так и по их производительным оборотам в 1910 г.

---

[1]) Белки, например, более половины уходило за границу и лишь небольшая часть ее возвращалась обратно, но уже в окрашенном виде.

Губернии.	Количество скорняжен.	Годовое производство в тыс. руб.	Красилен. Количество.	Годовое производство.
Вятская (Слободской у.)	5	870	—	—
Казанская	1	400	—	—
Московская	5	400	3	500
Нижегородская	5	110	—	—
Пермская	1	10	—	—
Петроградская	—	—	1	40
Тобольская	1	15	—	—
Итого	18	1805	4	540

Отсюда вполне понятным становится такое соотношение оборотов в меховом производстве (исключая сырую пушнину).

	На сумму рублей.
Франция	64.000.000
Германия	45.000.000
Россия	2.000.000

Принимая во внимание массу мелких кустарей, занимающихся выделкой мехов, цифру оборота для России надо считать несколько выше, но все же далеко отстающей от Франции и Германии.

Крупные русские меховые фирмы, желая удешевить дорогое посредничество германских и французских скорняжен и красилен, основали собственные предприятия, но опять таки не в пределах России, а все в том же Лейпциге и отчасти в Париже, например— фирмы Мертенс, Михайлов, и др. Очевидно, эти фирмы считали для себя более выгодным иметь скорняжные и красильные заведения в центре широкого приложения техники пушного и мехового дела, доведенной здесь до совершенства.

В настоящее время вопрос о развитии нашей мехообрабатывающей промышленности уже поднят и стоит на пути разрешения.

По своей согревательной способности, сравнительному весу на единицу площади и по носкости, меха представляют большое разнообразие. Наиболее теплые меха дают пушные звери с крайнего севера, самой природой хорошо защищенные от морозов; эти же меха бывают более носки, чем такие же, но полученные из южных областей.

Лисьи меха очень теплые, по носкости стоят среди северных мехов едва ли не на последнем месте но превосходят по носкости южные меха, меха подкрашенные и меха мелких зверьков вроде белки и горностая.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА НОСКОСТИ И ВЕСА РАЗЛИЧНЫХ МЕХОВ.

Ценные меха. Единица сравнения — морской бобр (100).

	Носкость.	Вес квадратного фута в унциях.
Морской бобр	100	$4\frac{1}{2}$
Котик морской	75	3
Соболь	60	$2\frac{1}{2}$
Серебристо-черная лисица	40	3
Горностай	25	$1\frac{1}{4}$
Шеншилла	15	$1\frac{1}{2}$

Менее ценные меха. Единица сравнения — натуральная выдра (100).

Натуральная выдра	100	4
Выдра — ости выщипаны	95	$3\frac{15}{16}$
Норка	70	$3\frac{1}{4}$
Соболь	55	$2\frac{1}{2}$
Северные лисицы (натуральные)	40	3
Выхухоль (натуральная)	37	$3\frac{1}{4}$
Выхухоль (стриженная, выщипанная и крашеная)	25	—
Рысь натуральная	25	$2\frac{3}{4}$
Белка	25	$1\frac{3}{4}$
Лисица крашеная в черный цвет	25	3
Лисица, крашеная под голубого песца	20	3
Сурок крашеный	10	3
Заяц	5	$1\frac{3}{4}$
Кролик	5	$2\frac{1}{4}$

Сравнительно недавно Daniel Claude сделал весьма интересную и важную в практическом отношении попытку применения чисто научного метода — микроскопического исследования — для определения характерных признаков мехов отдельных животных. Он пишет: „Как можно отличить одни меха от других? В течение долгого времени достаточно было торговцам потрогать шерсть, чтобы определить действительное происхождение меха, и эксперты не прибегали к другим методам. Но прогресс в искусстве выделки мехов сделал эти приемы недостаточными и ныне не представляется иного способа определить природу меха, как только при помощи микроскопа“. Даниелю Клоду удалось установить, что строение волос у различных животных представляет большое разнообразие и, кроме того, у каждого животного [1]) мех состоит из подшерстка, остей и волос промежуточного характера. Если взять для сравнения только ости, то различие между мехами выступает особенно отчетливо. Каждый волос имеет наружный слой, сердцевину и промежуточный слой и эти признаки, будучи различными у различных пород животных, позволяют легко и бе-

[1]) Есть несколько исключений, не имеющих значения в меховой торговле.

зошибочно установить истинное происхождение меха даже в том случае, если бы он был раньше подвергнут таким операциям, как подкрашивание.

Многие способы окраски мехов считаются профессиональными тайнами, но объясняется существование таких секретов недостаточно широким знакомством с применением научных основ, выработанных технологией красильных веществ. Окраска мехов есть частное приложение этой широко разработанной отрасли технической химии и многие тайны, по всей вероятности, являются такими истинами, которые хорошо известны всякому специалисту.

Все выше сказанное приводит к заключению о необходимости:

1) Содействия развитию в СССР собственной выделки и подкраски мехов путем таких мер, как выработка, при содействии специальных учебных заведений и правительственных органов, усовершенствованных технических приемов, распространение полученных сведений среди заинтересованных лиц путем устройства специальных школ и показательных мастерских общего пользования, прочтения курсов, создания кадра местных и центральных инструкторов; устройство музеев и выставок, постоянных и передвижных с образцами мехов русской и иностранной выделки; созывы съездов и т. п.

2) Установление таких таможенных ставок на ввоз и вывоз пушнины, которые могли бы помочь созданию у нас собственной скорняжно-красильной промышленности по выделке не только местной но и иностранной пушнины.

3) Объединение в союзы лиц, занятых в пушном деле, в целях всестороннего выяснения общих интересов и способов их защиты.

4) Распространение сведений об общем положении внутреннего пушного рынка.

Производство охотничьего оружия и припасов.

Вопрос о снабжении 2-х миллионного охотничьего населения в России дешевым, удобным и надежным оружием, стоял чрезвычайно остро и до войны, в настоящее же время он приобретает особенную важность в виду громадного количества испорченного и пропавшего за последние 10 лет оружия, почти полного прекращения ввоза из за-границы и постепенного признания за охотничьим промыслом важного государственного значения.

Отсутствие подходящего охотничьего оружия парализует, в значительной мере, рационализацию охотничьего дела, так как промышленники, не имея возможности приобрести в достаточном

количестве и дешево нужное им оружие и припасы, поневоле обращаются к другим способам добычи животных — часто истребительным и не хозяйственным, в корне подрывающим государственное охотничье хозяйство. Поэтому забота о быстром восстановлении и развитии производства и припасов является первоочередной задачей.

До войны к нам ввозилось из за границы 100 — 140 тысяч ружей (по данным С. А. Бутурлина) и столько же или немного меньше выделывалось в России. Лишь последние годы перед войной было обращено внимание (Тульский Завод) на развитие у нас производства охотничьих ружей, но начавшаяся война сорвала это дело и нам приходится начинать почти сызнова. Ниже мы приводим краткие сведения о производстве в прошлом и настоящем, сведения к сожалению несколько отрывочные вследствие того, что материалов имеется мало, так как специальных обследований почти не производилось и точной статистики мы не имеем.

Развитию ружейного производства в значительной степени мешало отсутствие выработанных типов оружия отвечавшего бы главным требованиям охотника. Тульский завод приступил к выработке этих типов, но не успел закончить своей работы и совсем не коснулся типов промысловых дешевых ружей, на что нам следует обратить внимание прежде всего.

Заграничные заводы. Важнейшим центром производства охотничего оружия в Европе, был Льеж, выделывавший ежегодно почти два миллиона ружей и револьверов. Из этого огромного количества ружей и револьверов только очень небольшая часть оружия готовилась на фабриках. Не менее 80% всего оружия приготовлялось кустарным образом, в лучшем случае оружие собиралось только в отдельных мастерских и фабриках, чтобы получить там известные фабричные клейма. И это верно не только относительно больших мастерских, но и относительно крупных фабрик. Эти неизвестные мирукустари составляли всю силу Льежского производства, так как они готовили, если от них требовали, и настоящее хорошее оружие. Но их скромная работа прикрывалась именами Пипера, Льежской мануфактуры, Франкотта и т. п.

Ручной способ изготовления охотничьего оружия мог считаться нормальным только в то время, когда со станков нельзя было получать работу в высшей степени точную и волей-неволей большую часть тщательной работы приходилось вести в ручную.

Машинная разработка ружей, помимо того, что сказано выше, позволяет достигнуть если не вполне, то во всяком случае в значительной степени, так называемую взаимную заменяемость частей

системы. В случае поломки какой либо части, она без труда может быть заменена другой запасной частью, что для большинства охотников, живущих вдали от столиц, надо признать очень важным. При массовом изготовлении вещей машинное производство их будет всегда дешевле ручного, если только накладные расходы будут распределяться на значительном числе вещей; но эти накладные расходы в некоторых случаях могут быть так велики, что не покроют уменьшенную плату машинной работы, а потому следует в таких случаях сохранять работу ручную.

Из заграничных заводов, изготовлявших охотничье оружие самым крупным был бельгийский завод Пипера в Льеже. На нем работало до 700 человек рабочих и работниц. Следует заметить, что завод готовил не только охотничьи ружья, но также автомобили. Такие фабрики, как Льежская мануфактура, фабрика оружия Франкотта не могли считаться крупными, хотя они выпускали довольно много оружия.

Дорогое оружие в 100, 150 и выше рублей готовится еще на заграничных фабриках под непосредственным присмотром хозяев дела, но ружья дешевле 100 рублей почти сплошь кустарной работы или изготовлены при значительном участии кустарей.

В Англии нет очень крупных фабрик. Дешевое оружие Англия получает из Бельгии и ставит на нем свои клейма, продавая его по двойной цене за английское. Настоящее английское оружие очень дорого и производство охотничьего оружия в Англии падает, так как англичане почему-то не решаются поставить его на широких машинных началах.

Центр французского производства — С.-Этьен. Самый крупный завод там — французская фабрика оружия в С.-Этьен. Это довольно благоустроенный завод с не особенно большим производством. Как в Бельгии, в С.-Этьене значительная доля работ производится кустарями.

В Германии производство сосредоточивалось в Зуле, где находился известный в России завод Зауэра. Он имел около 450 человек рабочих и располагал 260 паровыми силами. Завод имел, между прочим, исключительное право на специальную сталь Круппа, материала ничего особенного из себя не представляющего, но производящего почему-то сильное впечатление, благодаря громкому имени Круппа.

Из этого краткого перечня видно, что силы заграничных оружейных заводов сравнительно невелики. При чем, для довольно большого производства, у Зауэра имеется около 200—250 паровых сил.

Развитие русских оружейных заводов. Оружие первоначально приготовлялось мастерами на дому; мастера эти вскоре стали образовывать отдельные оружейные общины и цехи, выделывавшие тот или другой сорт или вид оружия. Необходимость массовой

выделки оружия, постоянно возраставшая с XVII века, побудила прекратить штучную выделку оружия и перейти к заводской или машинной. Таким образом возникли оружейные заводы, с которыми оружейники были связаны особыми договорами или обязательствами. У нас оружейники как отдельное сословие, впервые являются в XVI веке, когда в 1595 г. поселено в Туле, в Кузнецкой казенной слободе, 30 „самопальных мастеров;“ им даны были особые права в Обельной грамоте и взято с них обязательство готовить пищали. Число самопальников-оружейников в Туле постепенно возрастало: в 1704 г. их было 749 человек в первую ревизию—2560, в третью (1760) — 4443, в четвертую (1782) — 5122, в 1847 г. с женами и детьми — более 19.000. Оружейники приготовляли оружие на заводах и на дому, в казну и на себя и работавшие в казну делились на цехи; в Туле в 1847 г. было в стальном цехе — 2053, замочном — 2066, приборном — 940, бел. оружия — 2430, ложевого — 1215, стальной артели — 116. Каждый цех имел выборного старосту, старшину, сотенных, браковщиков и т. п. По полицейской части и домашним делам оружейники были подведомственны своему суду и заводскому полицеймейстеру, по делам общественным и тяжебным — суду цехового разряда, по уголовным — военному суду. Они могли устраивать заводы (так возникли в Туле заводы самоварные, скобельного товара и пр.); освобождались от рекрутской повинности и податей; получали денежные ссуды и в кредит железо, муку, лес и пр.; имели богадельню, школы, госпиталь и пожарную команду. Переходить в другие сословия им не дозволялось. Оружие военное и охотничье и другие предметы ручной их выделки были высокого качества, при довольно низких ценах. В 1864 — 1867 гг. последовало освобождение оружейников от обязательных отношений к заводам, при чем им были даны следующие льготы: оружейники, находившиеся с 18-летнего возраста на заводе или в командировках не менее 20 лет, а также престарелые, немощные и увечные, освобождались от земских и казенных податей и рекрутской повинности пожизненно, все прочие — на 6 лет; долги за провиант и железо и в заводскую ссудную сумму были сложены; казенные усадебные земли, занятые оружейниками, поступали в их собственность; по желанию, оружейники наделялись землею. Большинство их продолжало заниматься теми же мастерствами в Туле, Сестрорецке (где сословие оружейников образовалось в конце XVII века, а завод основан в 1721 г.) и Ижевске (где оружейный завод основан в 1801 г.). Для выделки, главным образом, холодного оружия, служил еще Златоустовский оружейный завод, основанный в начале прошлого столетия. В прошлом же веке существовали олонецкие оружейные заводы, основанные Петром Первым преимущественно для выделки холодного оружия.

Тульский оружейный завод. Работа какой-либо фирмы в значительной степени обусловливается ее материальными силами, позволяющими ей применять к делу все последние усовершенствования техники и широко пользоваться знанием сведущих людей. Такая фирма, благодаря крупным оборотам, несет меньше расходов на изготовление изделий и, следовательно, может продавать их, при хорошем качестве, сравнительно дешевле. Приводимое ниже описание ГТОЗ дает представление о его грандиозных материальных силах и возможность понять, что производство охотничьего оружия, за которое незадолго до войны, серьезно решился взяться Завод, не только ему по силам, но что в Европе мало заводов, которые могли бы выделить на охотничье дело такие грандиозные средства. Приводимые ниже цифры следует сравнить с соответственными цифрами частных европейских заводов, производящих охотничье оружие (см. выше).

Государственный Тульский оружейный завод расположен на реке Упе, в центре губернского города Тулы.

Еще в XVII столетии среди населения Тульской области, благодаря обилию железной руды, возник промысел выделки из руды железа, а из железа различных изделий, между прочим, огнестрельного оружия.

15 февраля 1712 г. Петр I издает указ: „Для лучшего в оружейном деле способа при оружейной слободе изыскать удобное место и построить заводы, на которых можно было бы ружья фузеи и пистолеты сверлить, а палаши и ножи точить водою".

При Екатерине II завод достиг заметных технических результатов.

Насколько высоко стояло в это время в Туле изготовление охотничьего оружия, видно из списка оружия, которое было дарено турецкому посланнику и его свите во время проезда их в 1764 году через Тулу.

Здес мы находим самое разнообразное оружие: фузеи золоченые, в серебряной оправе, фузеи английские, немецкие, французские, испанские, штуцера с богатой отделкой, мушкетоны, пистолеты с серебрянной и золотой насечкой.

Эпоха войн с Наполеоном I потребовала огромной массы огнестрельного оружия, следовательно, напряженной деятельности оружейного завода. За три года, 1812, 1813, 1814, было изготовлено и исправлено 500.000 ружей.

К этому времени относится целый ряд технических усовершенствований в работе частей оружия, и на Тульском заводе, впервые в Европе, был почти полностью решен вопрос о взаимной заменяемости частей.

Страшный пожар 1834 г., обративший в пепел почти весь город Тулу, уничтожил также и завод.

Через 8 лет, в 1843 году, торжественно был открыт новый завод, постройка которого обошлась 2.600.000 рублей.

В 1873 г. завод был опять перестроен, расширен и снабжен новыми станками. Громадные требования на военное оружие и быстрые успехи техники привели лучшие иностранные заводы к сознанию необходимости полной машинной выделки военного оружия, причем оказалось возможным доводить работу изделий на станках почти до окончательных размеров, оставляя на долю мастеров самую ничтожную работу.

Переустройство завода обошлось в 2.200.000 рублей.

В начале восьмидесятых годов, после окончания перевооружения армии ружьями Бердана, завод с 1891 года приступил к предварительным работам по изготовлению новых малокалиберных винтовок, система которых была разработана на Тульском оружейном заводе подполковником Мосиным. Это последнее перевооружение вызвало необходимость в дальнейшем расширении зданий завода, а главное — в усилении его паровыми машинами и станками.

Число станков было доведено до 3000, а число паровых сил до 750, к которым надо прибавить 450 водяных, замененных потом дизелевскими двигателями.

Переустройство завода обошлось около 2.500.000 рублей.

Энергия передается в различные мастерские главным образом при помощи электрического тока. Весь завод освещается электричеством, для получения которого имеется машина на 420 сил. Таким образом завод обладает колоссальной энергией почти в 1600 лошадиных сил.

Завод двухъэтажный, он имеет вид прямоугольника, длиной в 250 саж., шириной 100 саж. Средина прямоугольника занята двором, где помещается кузница и сушильня для ложевых болванок. С левой стороны завода пристроен особый корпус.

Наибольшего напряжения до войны деятельность завода достигала в 1896 году, когда им было изготовлено 272.000 ружей, что составит почти по тысяче ружей на каждый рабочий день. Для изготовления этого количества ружей на заводе работало почти 9000 человек рабочих. За время с 1892 по 1902 г. заводом изготовлено 1.770.000 ружей и 150.000 револьверов.

Ижевский завод и кустари. Оружейный и сталеделательный завод основан в 1760 г. на личные средства гр. Андрея Петровича Шувалова; первоначальная деятельность завода — приготовление различных сортов железа, при чем чугун для указанного производства получался с Урала. Завод расположен в Сарапульском уезде Вятской губернии, на реке Ижа (приток Камы) и находится в 40 верстах от пароходной пристани Гальяны, на р. Каме. В 1763 г. завод перешел в ведение горного ведомства и в 1774 году был разрушен

Пугачевым. После восстановления, завод в 1807 году обращен в оружейный; в 1809 г. завод передан в военное министерство и до 1867 г. работы на заводе производились казенными рабочими; с переходом на вольнонаемный труд, завод до 1884 г. находился в арендном управлении различных лиц, при условии обязательной поставки в казну винтовок по определенным ценам. При сдаче в аренду завода в 1873 году, капитану Бильдерлингу было поставлено обязательство установить машинное производство малокалиберных ружей (4,2 мм. винтовок Бердана), а также создать на заводе сталествольное производство, для снабжения стволными болванками других оружейных казенных заводов (Тульского и Сестрорецкого). С 1884 г. завод поступил в казенное управление и находится в ведении главного артиллерийского управления. Завод ныне состоит из двух отделов: оружейного и сталеделательного; последний не только изготовляет сталь для стволов и частей ружей, но также и сорта инструментальной стали для технических учреждений артиллерийского ведомства.

Рабочих было 1420 человек. Охотничьи ружья выделываются жителями окрестных селений.

Ни тульские, ни сестрорецкие оружейники стальных стволов не лили и не имели возможности делать этого, но пользовались для своих изделий стволами военного оружия, поступавшими за негодностью в продажу. Известно, что семилинейное гладкоствольное военное оружие было заменено в середине пятидесятых годов нарезным, которое вскоре было переделано в шестилинейные крынковские винтовки, а эти последние заменены четырехлинейными (с 20 долями) берданками. Засим, когда техника выяснила, что калибр 3 линии дает огромные преимущества — большую дальность, настильность и пр. и когда вследствие этого европейская армия начала перевооружаться ружьями этого калибра, и у нас берданки заменились трехлинейными винтовками. Таким образом, последовательно поступали на рынок стволы военного оружия и доходили в цене до 30, 20 и 10 копеек за штуку, но с 1863 г., после польского восстания, военное ведомство распорядилось не пускать в продажу нарезных стволов иначе, как в смятом виде, дабы пресечь возможность пользоваться этими стволами для нарезного оружия. Таким образом, тульским мастерам пришлось приспособляться, и скупая лом, выпрямлять помятые стволы на огне, затем обрезать их, чтобы нарезной ствол от ружья военного образца обратить в ствол охотничьего ружья, снять нарезки и обточить снаружи.

Так обделывался лом в стволы охотничьих ружей немногими мастерами, имеющими специальный станок. Остальная фабрикация распадается на 25 отдельных производств, имеющих своих специалистов, — отладка стволов, полировка, выделка замков, при-

боров, пистонных стержней и пр. Уборщики, скупая у различных мастеров оружейные части, составляли таким образом ружья, стоимостью 1 руб. 25 коп. — 1 руб. 75 коп., изъяны которых, трещины и грубость пригонки густо покрывают масляный лак или водяная краска.

Установка производства. Всякая крупная машинная установка требует много хлопот и самого напряженного внимания. Здесь особенно верна пословица „семь раз примерь, один отрежь".

Прежде всего надо выработать образцы ружей, тщательно изучивши все достоинства и недостатки существующих систем. Затем необходимо начать изготовление оружия во всем согласно с образцами.

Для поверки правильности размеров ружейных частей, для поверки верности положения различных элементов их относительно друг друга, служат особенные мерительные приборы, называемые лекалами. Приборы же, поверяющие точность изготовления и однообразие одних и тех же лекал, называются шаблонами к ним.

Такие лекала должны быть сняты с образцовых частей, и, руководствуясь ими, мастерские ведут свою работу.

Для каждой части ружья серия лекал должна быть так придумана, чтобы, после измерений этой части лекалами, можно было бы быть твердо уверенным, что форма части отвечает чертежу и что она правильно будет работать в ружье. Кроме того, все части, будучи измерены своими лекалами, могут заменять одна другую, т. е. быть, как говорят, взаимно заменяемыми.

Но ни изготовление, ни измерение какого-либо изделия не может производиться с математическою точностью.

Известно, до какой высокой степени совершенства достигли астрономические инструменты, а все-таки, измеряя при помощи их, получают результаты с некоторыми ошибками.

Совершенно понятно, что приготовление ружейных частей в большом количестве не может производиться так, чтобы части одного названия были бы совершенно тождественны между собою. При работе их всегда будут появляться те или другие ошибки. Правда, по закону ошибок, ошибки эти не должны выходить из известных пределов, определяемых условиями правильной работы.

При построении лекал надо принять во внимание эти возможные ошибки, но надо ограничить их размеры так, чтобы с одной стороны не затруднить работу приготовления частей, а с другой стороны не повредить их совокупной работе в ружье. Эти допускаемые ошибки называются допусками в размерах или допусками в лекалах. Обыкновенно бывает для измерения каждого размера два лекала: одно должно свободно входить в прове-

ряемый размер, — оно называется нормальным лекалом, другое не должно входить туда, — оно называется браковочным лекалом. Разница в размерах, нормального и браковочного лекала и есть допуск, величина которого обыкновенно колеблется от 0,005 дюйма до 0,001.

В тех же случаях, когда части должны входить одна в другую совершенно плотно, так, например, как крюк ствола в окна колодки, приходится готовить вещи с размерами немного большими нормальных с тем, чтобы при сборке пригнать их в ручную одна с другой.

Построенное лекало, очевидно, должно представлять из себя почти математически точный прибор. Если приготовленные части не должны отличаться между собою на 0,002 доли дюйма, много 0,005, то ошибки в лекалах, назначенных для их измерения, не могут быть более 0,0002 и то такие ошибки в лекалах причиняют много хлопот при работе частей.

Простейшие лекала имеют вид стальных пластинок с прямоугольными вырезами; одни вырезы имеют нормальные размеры, другие — соответственные браковочные. Такими вырезами обыкновенно мерят ширину, толщину или длину каких-либо протяжений. К сравнительно простым лекалам относятся калибромеры, т. е. цилиндры известного диаметра, из которых нормальный калибромер должен свободно идти в поверяемую им дыру или канал, а браковочный калибромер не должен туда входить.

Но таких сравнительно простых лекал очень немного. Обыкновенно это очень сложные приборы, которые одновременно состоят из калибромеров, вырезов, другой раз винтовых и другого вида поверхностей, имеющих целью поверить правильность взаимного положения различных элементов ружейной части.

При той точности, которая требуется от лекала, приготовление такого сложного прибора есть дело в высшей степени трудное.

Число важнейших лекал для измерения частей центрального ружья более 150.

Без всякого сомнения, нельзя приготовить сколько-нибудь сложную часть сразу, на одном станке.

Обыкновенно приходится работать с известной постепенностью, переходя от одного станка к другому, пока часть не примет требуемую чертежом форму. Каждая такая отдельная работа называется разработкою части, а вся совокупность последовательных работ — порядком разработок. Общее число отдельных разработок для приготовления центрального ружья с болтом Гринера — 680. Ствол имеет 105 разработок, коробка — 97, части замка — 109, части цевья — 98 и т. д.

Прежде чем начать работу, надо заказать крепления или, как еще их называют, приспособления для закрепления частей на

станках для работы. Правильность конструкции креплений может служить лучшим мерилом достоинства постановки работы. Если крепление сделано так, что вещь не только плотно зажимается, но зажимается всякий раз одинаково, то этим обусловливается для всех вещей неизменное положение относительно инструмента, т. е. одно из самых важных условий однообразия работы. При очень сложной форме вещей, как, например, колодка, рамка Перде, курок, шарнир цевья, — не всегда легко достигнуть такого однообразного закрепления; часто требуются очень остроумные комбинации в частях крепления, чтобы достигнуть этого.

Бывают такие трудные для установки переходы разработок, что несколько раз приходится менять тип крепления. Установивши переходы работ, необходимо на каждую разработку выработать нужные для нее инструменты. Правильность и почти математическое однообразие инструмента есть необходимое условие хорошей машинной работы, идеалом которой надо считать получение ружейных частей с одних только станков, без помощи рук слесаря, чего нельзя достигнуть без однообразного инструмента. Приготовление такого инструмента, вследствие часто очень сложной его формы, сопряжено с большими трудностями.

Правильное конструирование инструмента, при котором чистота и правильность работы ружейных частей соединялась бы с достаточной его стойкостью, достигается рядом долгих попыток, обстоятельных опытов, очень затруднительных по неясности причин, вызывающих те или другие недостатки в работе. В некоторых случаях приходится совсем изменять характер работы, чтобы только достигнуть ее чистоты вместе со стойкостью инструмента.

Прочность и долгая служба изготовленных частей оружия зависит от правильного выбора сортов металла и умелой их дальнейшей обработки. Для тщательного приема металла и изучения дальнейших изменений его при работе служит обширная, богато обставленная лаборатория завода, где каждый, поступающий в работу металл, исследуется для определения его химического состава и прочных его сопротивлений (на прессе Мор-Федергафа), а в некоторых случаях при помощи микроскопического исследования.

Что бы приступить к правильной установке производства охотничьего оружия, необходимо ознакомиться с постановкой этого производства с технической и коммерческой стороны, в Европе. Еще в 1902 году, кап. Зыбин был командирован Тульским заводом за границу для изучения там производства охотничьего оружия и познакомившись с этой промышленностью в Бельгии, Англии, Франции и Германии, вернувшись из этой командировки, предложил для обеспечения у нас правильного развития производства охотничьих ружей, след. программу:

1. Повести его на возможно широких машинных началах.

2. Разрешить ввоз полуобделанных, неспаренных стволов, стальных или дамасковых, по тарифам, применяемым к полосовой стали.

3. Продавать кустарям оружейникам полуобделанные части охотничьих ружей и не стесняться отдавать им те работы, которые они могут сделать дешевле у себя по домам.

4. Устроить при заводе музей огнестрельного и холодного оружия, для чего достаточно было бы отпуска по 1500 рублей в год.

5. Расширить курс ремесленных школ при заводах, добавив два года практических работ на заводе, при чем учеников, окончивших школу, разделять на три специальности: 1) слесарей лекальщиков и монтеров, 2) токарей и 3) группу мастеров охотничьего оружия.

6. Заменить необязательную пороховую пробу стволов обязательной пороховой пробой готовых ружей согласно общих европейских правил.

Эта программа была выполнена до войны лишь до известной степени и в настоящее время нам необходимо вновь серьезно подойти к чрезвычайно важному вопросу о производстве у нас в СССР охотничьего оружия.

Цены на оружие. Ценность производства слагается из нескольких элементов.

I. Стоимость основных сырых материалов, идущих в работу, как-то: стволь ных болванок, железа и стали, необходимых для приготовления металлических частей, стоимость ореховой ложи и т. п.

II. Стоимость вспомогательных материалов, необходимых при работе в мастерских. как-то: масла для смазки станков, наждака для полировки вещей, угля для нагревания, кожи для калки, пороха и дроби для пристрелки, меди и олова для пайки и т. п.

III. Заработная плата рабочим завода.

IV. Накладные расходы механической мастерской на движущую силу и ремонт станков.

V. Накладные расходы мастерских на инструменты, необходимые для работы.

VI. Общие по заводу накладные расходы, куда входят содержание общей заводской администрации, освещение, отопление, погашение стоимости станков и построек.

Чем крупнее производство, тем каждая из этих рубрик ложится меньшей суммой на одну вещь.

При огромных покупках металлов и других материалов для потребностей военного оружия, без сомнения, завод может иметь эти материалы по наиболее дешевым ценам и наивысшего ка-

чества, подвергая их в своей лаборатории самым тщательным исследованиям.

Заработная плата в полной степени зависит от количества механических сил, находящихся в распоряжении завода, т. е. от возможности заменять дорогой ручной труд дешевой работой на станках.

Достаточно сравнить работу на швейной машинке с ручным шитьем, чтобы легко себе представить огромную разницу в продуктивности и, следовательно, цене той и другой работы.

Движущая сила ложится тем меньшим расходом на одну вещь, чем шире производство. Машина в 100 сил работает менее продуктивно, чем машина в 350 сил.

Государство, затративши на постройку и оборудование Тульского завода около 7½ миллион. рублей, имела в виду выполнение нужных ей заказов военного оружия. По окончании перевооружения, постройки завода, машины, технический персонал завода, большая часть мастеров сохранились, так сказать, в полной боевой готовности, хотя завод продолжает изготовлять сравнительно небольшое количество оружия.

Желая сохранить на своих заводах возможно большее количество рабочих, часто знающих только специальности, имеющие ценность в оружейном деле, но не требующиеся в других формах труда, казна разрешала заводам принимать частные работы, предоставляя заводу, как бы даром, помещение, станки, технический персонал, освещение и отопление [1]), требуя только покрытия всех остальных расходов, связанных с исполнением частных заказов, и незначительное отчисление в доход казны в зависимости от ценности изготовляемых изделий.

Таким образом, важнейшая статья расходов всякого производства почти отсутствовала в производстве охотничьих ружей на казенных заводах.

За отсутствием частных оружейных заводов, казна, допуская такие условия работы, давала возможность поддержать рабочих завода и уменьшить заграничный ввоз к нам низкопробного оружия, величина ввоза которого было около 800.000—1.000.000 рублей в год.

По каким же ценам считали возможным продавать добросовестно сделанное охотничье оружие солидные заграничные фирмы? Обращаемся к подлинным прейс-курантам заграничным, а не прейс-курантам оружейных магазинов, торговавших в России покупным оружием, изготовленных якобы по их специальным заказам.

---

[1]) Т. е. те расходы, которые не зависят от количества изготовляемого военного оружия.

Возьмем прейс-куранты: Пипера, Льежской мануфактуры, Вестлей Ричардса, Бленда, Верней Каррон, Французской мануфактуры, Гоше, Зауера, Зомерда, Новотного.

Цена на самые дешевые центральные ружья с 2 крючками по этим прейс-курантам колебалась между 85 — 110 франками (32 — 40 рублями), ружья последнего типа с болтами Гринера от 130 — 200 франков (48 — 75 рублей).

Относительно изменений цен ружей в зависимости от постепенного усложнения их конструкции мы находим интересные данные в иллюстрированном прейс-куранте.

По качествам работы и взятых материалов ружья делятся на 6 категорий, обозначенных буквами A, B, C, D, E, и F.

Ружья каждой категории по наружной и внутренней отделке совершенно одинаковы, они приготовлены из одного и того же материала, но отличаются только системой.

Возьмем, например, ружья категории B.

	Цена.
Модель № 515. Центральное ружье для патрона Лефоше с английским ключем, замки в шейку, стволы из французского дамаска или стальные	100 фр.
Модель № 575. Ружье, как предыдущее, только центрального огня	120 „
Модель № 615. Ружье, как предыдущее, только с двойными крючками и ключем под скобкою	180 „
Модель № 655. Ружье, как предыдущее, только ключ между курками	195 „
Модель № 657. Ружье, как предыдущее, но с болтом Гринера	235 „

Из этого перечня видно, что один переход от простого центрального ружья с ключем Лефоше к такому же ружью с болтом Гринера оценивается солидным заводом в 115 фр. (40 р.).

Итак, принимая во внимание цены из заграничных прейскурантов, можно утверждать, что заграничная цена для солидного ружья центрального огня, с ключем между курками, с двумя крюками не может быть ниже 30 рублей, а для ружей с болтом Гринера не ниже 45, 55 рублей, а к этим ценам надо прибавить еще пошлину и пересылку. При этих ценах наши казенные оружейные заводы, принявшись серьезно за дело, смело могут конкурировать с заграничным оружием на внутреннем рынке, изготовляя ружья высшего качества, но по цене ниже указанных.

Те же охотники, для которых эти цены велики, могут получать от мелких ремесленников и кустарей дешевые прочные ружья, заряжающиеся с дула, особенно если казенные заводы придут на помощь таким ремесленникам и будут продавать им хорошие полуобделанные стволы и другие части, подготовленные на станках для ручной работы. При этом последнем условии нет причины, почему бы кустарям не приготовлять у себя дома также разнообразных центральных ружей.

Без сомнения эти ружья будут иметь более серый вид и менее надежную внутреннюю отделку, но в общем они будут неизмеримо выше 8 рублевых бельгийских централок, так как они будут изготовлены из хорошего материала, а важнейшие части их будут сделаны на станках. Наконец, отдельные кустари, искусные слесаря, получают возможность готовить хорошее заказное ружье по личным вкусам заказчика, удовлетворить которые, если они сильно отличаются от установившихся требований, всегда затруднительно при машинной разработке ружей.

Главная торговля охотничьим оружием в центрах фабрикации такового в России — в Ижевске и в Туле — производилась ружьями кустарного производства, так называемыми крестьянскими, это — одноствольные ружья, курковые, шомпольные а частью и кремневые, покупавшиеся инородцами в Сибири; оптовая продажная цена этих ружей была от 2 руб. 50 коп. до 7 рублей, качество соответствовало цене и многие из них были прямо опасны при обращении.

За крестьянскими одноствольными ружьями изготовлялись двухствольные пистонные ружья, ценою от 10 до 30 рублей, в зависимости от качества отделки; их продажа была приблизительно в 10 раз меньше, чем одноствольных. Дальше шли ружья одноствольные и двухствольные с откидывающимся стволом и переделанные берданки; одноствольные ценились 12 — 25 рублей (оптовая цена), двухствольные 28 — 200 руб. в зависимости от качества отделки.

Крупные уборщики имели непосредственные сношения с иногородними оружейными торговцами и с потребителями; остальные отдавали все свои изделия местным купцам и находились от них в полной материальной зависимости. Вся кустарная торговля основана была на дешевизне изделий и не преследовала никаких других задач, кроме удешевления покупки. Вследствие сего все почти рабочее население занято было той же задачей удешевления и, при таком положении дел, технические улучшения оказывались совершенно немыслимыми. Крупные уборщики, конкурируя между собою тоже дешевизной изделий и являясь лишь скупщиками, которые вовсе почти не участвуют в производстве, не могли вносить в фабрикацию также никакого прогресса, так как последний без повышения цены изделий немыслим, а возвышение цены связано с риском убытка.

Цель уборщика была как можно скорее сбыть товар и на тот же капитал сделать возможно больше оборота, то есть лишнее число раз купить и продать.

Работа всех частей ружья, была строго специализованна, чисто кустарного характера, совершенно ручная, на дому, без употребления каких бы то ни было машин, облегчающих и ускоряющих

работу. Главным промышленником был уборщик или лавочник, купивший стальной лом. Мастера являлись самыми узкими специалистами по изготовлению различных частей оружия или по отделке той или другой уже готовой части, — специалисты пистонных стерженьков, решетки на курках, курков, особые чистильщики наждаком стволов, чистильщики наждаком мелких металлических частей, полировщики, красильщики, выделыватели ложа вчерне, чистильщики его стеклом и пр. и пр. Эти узкие специалисты мастера подвергались жестокой эксплоатации со стороны лавочников и вечно дрожали за свой необезпеченный кусок хлеба.

Война и особенно первые годы революции выбили из налаженного, хотя и ненормального, положения производство охотничьего оружия. За последние 3 — 4 года дело начало несколько улучшаться и наблюдается уже известный подъем.

Производство охотничьего оружия в СССР. По имеющимся сведениям в 1923 — 1924 гг. производство охотничьего оружия в СССР рисуется в следующем виде [1]):

Тульский Оружейный завод, находящийся ныне в управлении Совета Военной Промышленности, вырабатывает в год до 1000 штук двухстволыных, центрального боя, ружей; 1200 штук мелкокалиберных одноствольных; до 15.000 дробовых берданок; шомпольных дробовых до 5000 штук, итого *22.200* штук охотничьих ружей. По качеству берданки и шомпольные ружья равняются довоенной выработке, центральные же процентов на 30 ниже. Цены дороже довоенных на 65% (берданки и шомпольные), центральные же на 100 — 150%.

Ижевский завод (управление Совета Военной Промышленности) начал работать с половины 1924 г. и выпустил за ½ года около 500 центральных ружей, 15.000 берданок и шомпольных около 10.000 всего *25.500* штук.

Ижевские кустари (артель ижевских кустарей) объединенные сейчас ижевским областным союзом охотников, вырабатывают приблизительно 3000 — 4000 берданок и шомпольных. одноствольных типа Веблей 300 — 400 штук. Всего *3300 — 4000*, Цены дороже довоенных процентов на 125.

Тульские кустари (артель тульских кустарей) выпускают дробовых ружей (шомпольных и берданок) до *5500* штук. Цены выше довоенных на 100%, качество ниже (приблизительно) процентов на 30 — 40, благодаря, главным образом отсутствию хорошего сырья.

Завод б. Петрова. (Управление Совета Народного Хозяйства Вотской области) выпускает сейчас приблизительно до

[1]) Большинство нижеприводимых данных мне любезно сообщил, собрав их по моей просьбе, член правления „Торгохоты“ В. Ф. Фигурков.

10.000 охотничьих ружей — шомпольных и берданок. Прежде выпускал до 60.000 штук.

Таким образом за 1924-ый отчетный год в СССР выработано и выпущено в продажу около 66.600 охотничьих ружей, а считая некоторую утечку в учете, можно принять круглую цифру в 70.000. Количество это конечно далеко не покрывает действительной потребности в охотничьем оружии, так как до войны выбрасывалось на рынок всего около 250.000 охотничьих ружей (приблизительно) и их было мало.

Мы не имеем возможности сейчас выявить точную картину вооружения охотников, но приведем для примера Нижегородскую губернию, достаточно характерную и находящуюся в сравнительно благоприятных условиях. По данным Нижегородского Губсоюза в 1920—1921 году в губернии насчитывалось 16.650 членов союза, из которых имели: ружья центрального боя 29%; 51% — шомпольные; 10% берданки; 1% разных систем; 1% — занимаются исключительно рыболовством и не нуждаются в охотничьем оружии и 8% охотников не имеют никаких ружей[1]). Как было бы полезно для всего русского охотничьего дела, если бы все отделы союза охотников работали по образцу Нижегородского и представляли бы подобные же сведения.

По данным Всекохотсоюза в 1924 г. 222.000 членов союза имело 244.200 ружей, то есть по 1,1 на охотника.

Производство дроби, пороха, пистонов, гильз и пыжей. Еще более важно для правильного устройства русского охотничьего промысла, организация производства охотничьих огнеприпасов в таких размерах, чтобы оно всецело покрывало потребность промышленников. Если охотник, скрепя сердце, или даже с некоторым риском для себя, отправится на промысел, взяв старое, изношенное, с плохим боем ружье, то все же он будет стрелять и что то добудет. Если же у него нет пороха или дроби и пр., то ружье, какое бы оно ни было, становится бесполезной палкой, которая откладывается в сторону, а взамен выступают на смену петли, силки, давушки, ямы и другие истребительные приспособления.

1. Дробь. Вопрос о производстве дроби тесно связан с вопросом о добыче свинца вообще. Несмотря на многие богатые месторождения свинца у нас, добыча его была ничтожна и далеко не отвечала потребности; почти весь свинец ввозился из за границы.

	1888 г.	1897 г.	1911 г.	1913 г.
Добыча свинца в России . . .	48.710 п.	27.483 п.	61.080 п.	61.000 п.
Потребление свинца в России .	1.039.810 „	1.929.000 „	2.617.510 „	3.586.800 „

[1]) По имеющимся сведениям % безружейных охотников доходил в некоторых местах до 25 и выше. Так в Пермской губ. в тот же год из 14.801 охотников безружейных было 4856 и с негодным оружием — 4215.

Из таблицы видно, что в России собственная добыча свинца составляла в 1911—1913 гг. $^1/_{42}$—$^1/_{58}$ потребления или 2,4—1.7%.

В 1879 году отливкой дроби занималось 8 заводов; всего отливалось 24.465 пудов на сумму 91.577 руб. при 52 рабочих. В 1884 г. отливалось уже 60.950 пудов, в 1895 г.—66.000 пудов, в 1913 г.—320.000 пудов.

Часть дроби ввозилась в готовом виде из за границы, но она составляла ничтожный процент в общей массе.

Средняя годовая потребность охотника в дроби колеблется в пределах от 5 ф. (Тверская губ.) до 20 ф. (Пермская губ.) и выше. Если взять в среднем всего 10 ф. на охотника, то общая годовая потребность в дроби выразится в 500.000 пудов (при 2 милл. охотников).

В 1924 г. в СССР имелись следующие дробовые заводы:

Московский дробилитейный завод (б. Торбек) находится в управлении Промвоенторга; вырабатывает он до 70.000 пудов дроби, но максимальная возможность его производства простирается до 120.000 пудов.

Московский дроболитейный завод (б. Бельгийского о-ва), арендуемый Акц. О-м „Торгохота“, выпускает до 40.000 пудов; полная нагрузка—до 100.000 пудов.

Завод „Охотник“ (б. Растеряева) в Ленинграде арендуется Всекохотсоюзом, выпустил 16.600 пудов; при полной нагрузке может выпускать до 100.000 пудов.

Челябинский завод (в частной аренде) выпускает 3000 пудов при возможности выпускать 20.000 пудов.

Дробовой завод Костромского Губсовнархоза (б. Оловянишникова, Плессовский) работает с апреля 1924 г. и выпустил за $^1/_2$ г. 8000 пудов; полная нагрузка—100.000 пудов.

Два кустарных дробовых завода в Одессе оба вместе выпускают около 12.000 пудов при возможности выпустить до 40.000 пудов.

Томский завод в 1924 г. бездействовал, но имеет возможность; выпускать до 20.000 пудов.

Барнаульский завод бездействует.

Таким образом в 1924 году всеми дробовыми заводами выпущено всего 149.600 пудов дроби, при возможности дать свыше 460.000 пудов дроби покрывающих почти всю потребность русских охотников. Низкая продукция заводов зависит исключительно от недостатка сырья и крупные заводы усиленно занимаются рафинированием свинца, то есть скупая различные отбросы и сплавы свинца выплавляют после довольно сложной операции чистый свинец и отливают из него дробь, для приготовления которой прибавляется некоторое количество мышьяка и сурьмы.

На всех крупных заводах имеются башни для отливки дроби, так как для получения правильной сферической дроби расплавленный свинец с высоты льют каплями (через сито) в воду.

Кустарная, ручного приготовления дробь, изготовляемая в очень небольших количествах, главным образом для личного употребления обыкновенно делается из мелко нарезанных кусочков свинца, которые затем обкатываются между листами.

Рис. 149. Башня дробового завода „Охотник".

Количество цеховых рабочих, занятых в настоящее время в дробовом производстве, равняется, приблизительно 180 человек (на всех заводах) к которым надо прибавить около 40 человек служащих (администрацию). Цены на дробь в настоящее время дороже довоенных на 200—250%. Недостаток производство дроби особенно тяжела отражается на промысловых окраинах, так как охотники центра, благодаря близости к ним производства, получают припасы в первую очередь.

2. Порох. Порох у нас производится (в 1924 г.) на следующих заводах:

Имени Ленина (б. Виннера, Саблинский) выпускает до 20.000 п. черного охотничьего пороха.

Имени Морозова (б. Шлиссельбургский) выпускает до 30.000 п. черного пороха.

Имени Петровского (б. Попова, около Ростова на Дону) выпускает 8 — 10 тысяч пудов охотничьего пороха.

Шостенский (губ. Черниговская) выпускает до 15.000 пудов.

Всего охотничьего черного пороха выпускается сейчас до 75.000 пудов и незначительное количество бездымного (охотничь-

его). Это количество с избытком покрывает потребности русских охотников. Если считать на круг в среднем, что из 1 ф. пороха выходит 150 зарядов (по $^3/_4$ зол. каждый) при весе дроби $^1/_4$ зол. (промышленники стреляют из мелкокалиберных ружей очень маленькими зарядами), то выходит, что пороха должно идти около 52.083 пудов, а всего русские охотники должны выпускать круглой цифрой 300.000.000 выстрелов в год. Цифры пороха, пистонов (см. ниже) и теоретически вычисленного количества убиваемой дичи (см. выше) не противоречат особенно друг другу, особенно если принять во внимание то обстоятельство, что многие промышленники стреляют еще не дробью, а маленькими пульками, которые делаются из свинцового прута. Но количество дроби при этом должно приблизительно равняться 400.000 пуд., между тем как ее выпускается сейчас всего 149.600 пудов. Некоторая поправка на пульную стрельбу, домашнее производство дроби, потребление свинца ускользающего от учета — может быть введена, но все же без сомнения существует значительная невязка в производстве, благодаря нехватке свинца, отражающаяся конечно болезненно на охотничьем промысле.

Цены на порох по сравнению с довоенными стали выше процентов на 5 — 10.

3. Пистоны. Потребность охотничьего рынка в пистонах удовлетворяется настоящим производством, также как и пороха. Пистоны производятся ныне на заводах:

Б. Бельгийском (в Кунцеве близ Москвы), арендованном Акц. общ. „Торгохота“, выпускается до 150.000.000 штук из них центральных 70%, шомпольных 30%; завод имеет возможность поднять производство до 250.000.000 штук в год.

Охтенский завод (в Ленинграде) в управлении Промвоенторга выпускает 200.000.000 пистонов центральных и шомпольных, может выпускать до 300.000.000 штук.

Московский капсюльный завод закрыт в 1923 году и производство его перекинуто на Охтенский.

Всего выпускается сейчас пистонов 350.000.000 штук, что близко подходит, как выше указано, к теоретическому числу выстрелов, выпускаемых русскими охотниками (300 милл.), Производством пистонов на обоих заводах занято около 350 цеховых рабочих и около 65 служащих. Цены на пистоны на 50% выше довоенных, но качество их значительно ниже, что вызывает справедливые нарекания охотников.

4. Гильзы. Гильзы для центральных ружей производятся на заводах: б. Тóрбека, в ведении Сов. Военной Промышленности; работает с полной нагрузкой, выпуская до 3.500.000 медных гильз и до 3.000.000 бумажных.

Б. Бельгийский, арендованный Акц. о-вом „Торгохота“ выпускает медных гильз до 2.500.000; может выпускать до 5.000.000.

Выпуск бумажных гильз начинается в 1925 г. и может быть доведен тоже до 5.000.000 штук.

Тульский завод работает с полной нагрузкой и выпускает 2.500.000 штук медных гильз, бумажных не производит.

Луганский завод в управлении Гл. Упр. Воен. Промышленности выпускает до 1.000.000 штук медных гильз невысокого качества.

Всего таким образом выпускается в год всеми заводами $9\frac{1}{2}$ миллионов медных гильз и 3 миллиона бумажных.

5. Пыжи. Пыжи производятся:

Мастерская „Торгохоты“ (Москва), выпускает просаленных (пороховых) пыжей до 7 миллионов штук, картонных до 20 миллионов.

Мастерская Промвоенторга производит просаленных пыжей около 15 миллионов, картонных — 10 — 15 миллионов.

Мастерская Уральского Областного Союза охотников (б. Воробьева в селе Арамиль) выпускает около 2 милл. просаленных пыжей отличного качества.

Мастерская Пермского Союза охотников выпускает просаленных пыжей около 2 миллионов в год.

Цены на пыжи выше довоенных процентов на 75. Значительное количество пыжей высекается самими охотниками в ручную при помощи стальных высечек. Оборудование мастерских, изготовляющих пыжи, очень несложно и недорого. Так оборудование мастерской Торгохоты, имеющей 2 пресса с общим двигателем, стоит всего 5000 руб., при чем производство можно сильно расширить.

Мастерская Промвоенторга также оценивается в 5 — 7 тысяч рублей.

Все оборудование пистонных, дробовых и гильзовых заводов (установок), но без построек оценивается приблизительно в 700.000 руб. по довоенным ценам.

Оборудование оружейных заводов (охотничье оружие) по довоенным ценам, без помещений, стоили приблизительно: Тульский завод — около 300.000 руб.; Ижевский — около 200.000 руб.; два завода б. Петрова 320.000 руб. (200.000 и 120.000 руб.). Оборудование кустарной мастерской, выпускающей около 10.000 простых ружей стоит 5.000 — 8.000 рублей.

Стоимость оружия и огнеприпасов. Подсчитаем приблизительно, на какую сумму выпущено за 1923 — 1924 гг. оружия и огнеприпасов заводами в СССР, беря при этом средние цены прейскурантов.

Ружья.

	Количество.	Цена.	Сумма.
Берданки	39.500 штук.	14 руб.	553.000 руб.
Шомпольные ружья (двухствольные и одноствольные)	24.500 „	16 „	392.000 „
Одноствольные ружья разных систем	1.000 „	15 „	24.000 „
Центральные ружья	1.500 „	50 „	75.000 „
Всего	66 500 „		1.044.000 руб.

Дробь.

	Количество.	Цена.	Сумма.
Дробь разная	150.000 пуд.	11 руб. пуд	1.650.000 руб.

Порох.

	Количество.	Цена.	Сумма.
Порох охотничий	75.000 пуд.	32 руб. пуд	2.400.000 руб.

Пистоны.

	Количество.	Цена.	Сумма.
Пистоны разные	350.000.000 штук.	1000 шт. 2 руб. 10 коп.	735.000 руб.

Гильзы.

	Количество.	Цена.	Сумма.
Гильзы медные	9.500.000 штук	10 коп. штука	950.000 руб.
„ бумажные	3.000.000 „	5 „ „	150.000 „
			1.100.000 руб.

Пыжи.

	Количество.	Цена.	Сумма.
Пыжи пороховые	26.000.000 штук.	1000 шт. 5 руб. 50 коп.	143.000 руб
„ дробовые	37.000.000 „	„ „ 1 „ 25 „	46.250 „
			189.250 руб.

Таким образом все производство за 1924 год выражается в сумме 7.118.250 рублей.

Торговля охотничьим оружием, припасами и принадлежностями.

Главная торговля охотничьим оружием русской фабрикации производилась в Туле, Ижевске и на ярмарках — Нижегородской и Ирбитской. Отсюда оно расходилось во все медвежьи углы нашей необъятной родины и доходя до промышленника, а особенно инородца-охотника, чрезвычайно повышалось в цене — на 100—300 %. Купец, в виде ли сельского лавочника или профессионального скупщика пушнины, путем обмена наживался вдвойне — чрезмерно повышая цены пушнины.

Торговля оружием в прежнее время не была подвергнута каким либо ограничениям и была раскинута чрезвычайно широко. Не только в Москве и Петербурге, где существовали многочисленные оружейные магазины и склады, но во всяком

провинциальном городе и даже местечках были или магазины или оружейные отделения при магазинах металлических изделий и др. Во многих сельских лавках постоянно держался для продажи порох, дробь и пистоны.

Учесть все количество торговых предприятий, занимавшихся и занимающихся сейчас торговлей оружием и пр., чрезвычайно трудно. Несомненно только, что это количество весьма значительно, так же как значительны и капиталы в них вложенные и обращающиеся, и количество рабочих и служащих их обслуживающих.

Постановка оружейной торговли до войны у нас оставляла желать много лучшего. В то время, как за границей цены на один и те же предметы в разных магазинах отличались постоянством или обнаруживали очень небольшое колебание, у нас в этом отношении существовал крайний произвол. Один магазин (даже в том же городе) пользовался 10—15% прибыли, другой взимал 25—30%, третий и этим не довольствовался и продавал так дорого, что и % прибыли было трудно учесть. Особенно страдал от этого провинциальный охотник, с ограниченными средствами и плохо разбирающийся в качестве товара при покупке. Даже такой, казалось бы, простой товар, как медные гильзы, и те колебались например в цене от 7½ коп. штука (Ротген, Тарнопольский) до 9 коп. (Вениг, Шенбруннер). В ружьях же разница доходила до 50%.

В настоящее время торговля охотничьим оружием и пр. сосредоточивается главным образом в руках Промвоенторга, Акц. о-ва Торгохота", Всекохотсоюза, Госторга и на местах в отделениях Сельскосоюза, Союза охотников, Центросоюза (через губпотребсоюзы) и пр. Ряд административных распоряжений, направленных к упорядочению и надзору за торговлей оружием и огнеприпасами, значительно стеснил частную торговлю, хотя во многих местах она и борется еще с кооперацией. Все же в этой области придется еще много поработать, т. к. теперь еще цены на местах во многих случаях ненормальны, благодаря накладным расходам и пр., доходя иногда даже в местах недалеких от центра до 2—5 руб. за фунт пороха и 70 коп.—1 руб. фунт дроби (Мурман, Лужский уезд Ленинградской губ.; доклад Сев.-Зап. обл. Съезда 25 XI 1924 г.).

Охотничий инвентарь и его стоимость.

Помимо ружья и огнеприпасов каждый охотник обладает еще охотничьим инвентарем, который может быть чрезвычайно разнохарактерным в зависимости от района охоты, специализации, интенсивности занятия охотой, материальных средств охотника и пр. Инвентарь этот может быть живым — собака, лошадь, олень,

и мертвым — лодки, нарты, лыжи, палатки, одежда, обувь, сумки, патронташи, ножи, рогатины, капканы и приборы для снаряжения патронов и пр.; сюда же надо отнести и недвижимый охотничий инвентарь в виде охотничьих избушек, лабазов, ям с городьбой, путиков, засек, солонцов, кулемок и т. п.

Определить размеры производства и торговли охотничьим инвентарем (движимым и, в редких только случаях, недвижимым) в настоящее время слишком трудно, благодаря разбросанности и мелким кустарным формам производства. Тем не менее в общей сложности стоимость охотничьего инвентаря весьма велика и не может не приниматься во внимание при учете (хотя бы приблизительном) оборота ценностей, связанных с охотничьим делом.

Попытаемся осторожно вывести теоретическую цифру, основываясь на имеющихся отрывочных данных, с осторожными обобщениями, стараясь скорее преуменьшать итоги, чем преувеличивать.

Будем рассматривать каждую группу охотников — промысловых, полупромысловых и любителей — отдельно.

Промысловые охотники, как и следовало ожидать, обладают более сложным и разнообразным инвентарем, чем другие.

Возьмем для примера саянского (минусинского) охотника соболятника, который является довольно типичным для промысловой полосы Сибири и живет в районе, детально обследованном Саянской промысловой экспедицией в 1914 — 1916 гг.

Жилищем на промыслах в Саянах является обыкновенно избушка (с лабазом для припасов) и палатка. Первая может оцениваться только по количеству затраченной на ее постройку работы — приблизительно рублей 10, с железной печкой, которая обыкновенно ставиться в ней и стоит 2 — 3 рубля. Палатка (из мадаполама, миткаля, высшего сорта коленкора, изредка из бязи и бумазеи) стоит вместе с переносной железной печкой для них — 9 — 12 рублей. Лошадь с седлом, вьючными сумами и пр. стоит 40 — 50 руб., но так как она употребляется частью и для других потребностей, то будем принимать ее стоимость в половину, 20 — 25 руб., не забывая однако, что на промысле лошади больше всего страдают и погибают. Собак (помеси лайки и др.) у промышленника бывает 1 — 3, ценою от 50 коп. до 25 — 30 руб., поднимаясь до 100 — 150 руб. Средняя цена неважной собаки 3 — 5 руб., в среднем же можно считать рублей 8. Лыжи (подшитые) стоят 3 — 4 руб. пара. Нарты 1 руб. 50 коп. — 2 руб. Ружья имеются обыкновенно 2 — 3 — дробовое и пулевое, ценностью (2 ружья) 15 — 60 руб., в среднем можно взять 25 руб. Холодное оружие — нож, топор, рогатина стоят рубля 3. Соболиный обмет стоит 20 — 25 руб. (служит лет 5). Капканы стоят 50 коп. — 1 руб. 20 коп., в среднем 80 коп. штука и имеется их у промышленника

5 — 30 штук. Стоимость кулемок, ям и засек с городьбой и пр. может оцениваться по затраченной работе; приблизительно ее можно установить (скромно) в 25 руб. на человека. Разные приспособления (пулелейки, правила, натруски, пороховницы и др.) можно оценить в общей сумме 2 руб. Одежда и обувь охотника (специальная) оценивается в 22 — 28 руб. Кухонные принадлежности — котелок, кружка, ложка, иногда таган, сумки для провизии и пр. — 1 руб. 50 коп. Таким образом мы видим, что беря скромные оценки и средние цены, стоимость интентаря саянского промышленника достигает 177 руб. 85 коп.

По данным общеземской организации, работавшей в 1908 г. в Амурской области, стоимость (примерная) инвентаря русского промышленника, выехавшего на промысел зимой (не считая предметов оставшихся дома. а также лошади, собак и пр.), равнялась 138 руб. коп. Орочи в Уссурийском крае обладают маузерами и винчестерами, стоящими по 80 — 100 руб., не считая других ружей и прочего снаряжения. Промышленники на Печоре имеют охотничьего инвентаря на 115 руб. по данным Д. А. Милованович. Путики там же расцениваются в 50 — 500 руб. По официальным данным, (всегда преуменьшенным), в одной Забайкальской области в девятисотых годах имелось 20.000 ям, с городьбой около 2.000 верст, стоивших 50.000 руб. и т. д. В общем, основываясь на многочисленных примерах и разбросанных данных, можно считать, что в среднем стоимость охотничьего инвентаря у промыслового охотника (1-ая группа) равняется 125 рублям (беря заведомо скромно). Таким образом 250.000 промысловых охотников в общей сложности имеют на 31.250.000 рублей охотничьего снаряжения; сюда не вошла стоимость огнеприпасов, продуктов питания на промыслах и т. п.

Продолжительность службы различных предметов охотничьего инвентаря чрезвычайно разнообразна. Так лыжи служат 1 — 2 года, одежда 2 — 3 года, обмет 5 лет, лошадь и собака лет 8 — 10, ружье лет 10 — 15 и больше и т. д.; все это, не считая несчастных случаев, когда пропадает имущество, (тонет, ломается, сгорает и пр.) что случается во время промысла достаточно часто. В общем и приблизительно мы можем считать 7 лет как среднюю цифру для службы предметов охотничьего снаряжения, учтя относительную ценность отдельных вещей.

В этом случае на амортизацию капитала, вложенного в охотничий инвентарь, надо считать, что ежегодно с промышленника приходится 17 руб. 85 коп., каковую сумму надо вычитать из общей суммы заработка на промысле.

Группа полупромысловых охотников является еще более разнообразной по своему составу — племенному и имущественному — чем первая.

Инвентарь у охотников этой группы менее сложен чем у промышленников и часто ограничивается самыми необходимыми предметами, при чем обыкновенно отсутствует (или почти отсутствует) специальная одежда для охоты (кроме может быть обуви), так как время отдельных пребываний на охоте бывает незначительно. Все же у каждого охотника (в среднем) надо считать одно ружье стоимостью рублей 6 — 10, мелкие принадлежности рубля на 2, лыжи — 2 — 3 рубля, собаку стоящую 3 — 5 рублей (у многих дороже или 2 — 3 штуки) сумки, сетки, капканы, обувь, чучела, манки, лодки (иногда) и пр. рублей на 7, а всего приблизительно в среднем стоимость инвентаря охотника полупромыслового мы определяем в 20 рублей. Цифра эта очень скромна, так как по многим районам она доходит до 90 руб. (и даже выше), особенно в таких полупромысловых губерниях как Олонецкая, Тверская, Новгородская и др., а также на Кавказе, Туркестане и др. Приняв цифру полупромысловых охотников за $1^1/_4$ милл., мы получаем стоимость их инвентаря равную 25.000.000 рублей. На амортизацию капитала идет каждый год с охотника 2 руб. 86 коп.

Третья группа охотников любителей обладает прежде всего оружием более ценным, чем охотники первых двух групп. Если даже не считать высокоценных ружей лучших заграничных фирм, стоимостью в 300 — 1000 рублей, то и ружей среднего разбора (дробовики), ценою 75 — 250 рублей имеется на руках у любителей в значительном количестве. Кроме того нередко у них имеется по 2 — 3 ружья и больше. С другой стороны имеется в обращении и много дешевых централок — стоимостью 30 — 70 рублей. Возьмем осторожно, для массового случая, стоимость ружья охотника любителя в 50 руб. Стоимость мелких принадлежностей, ягташей, патронташей, сумок, чучел и пр. определим в 10 рублей. Стоимость различных приспособлений как лыжи, охотничьи челны, флаги, ножи и т. п. возьмем за 10 рублей (на круг). Одежду и обувь зимнюю и летнюю оценим в 35 руб. (сапоги, валенки, охотничьи полушубки и куртки, фуфайки, шапки и фуражки и т. д.); собак (часто чистокровных) имеется часто у охотника 2 — 3 (легавые, гончие), но есть охотники и без собак; будем считать, что на круг приходится на 3 охотника одна собака, стоимостью 25 рублей. При этих осторожных расчетах выходит, что охотник любитель в среднем имеет охотничьего имущества на 130 руб. а вся III группа (500.000 чел.) обладает инвентарем на сумму 65.000.000 руб. В виду меньшей интенсивности охоты, и более высоким качествам предметов охотничьего инвентаря, можно считать срок службы его в данной группе выше чем в первых двух, приняв его за 10 лет. Таким образом на амортизацию у охотника любителя в среднем должно отчисляться 13 рублей в год.

Суммируя полученные в отдельности цифры, мы в результате получаем следующую таблицу:

Стоимость охотничьего инвентаря у охотников.		Идет на амортизацию в год.
I группы промысл.	31.250.000 руб.	4.462.500 руб.
II „ полупром.	25.000.000 „	3.575.000 „
III „ любителей	65.000.000 „	6.500.000 „
Итого . .	116.250.000 руб.	14.037.500 руб.

На амортизационную сумму (14 милл. рублей) должно ежегодно производиться ценностей для поддержания охотничьего снаряжения. В значительной своей части (возможно что $^1/_2$) эта амортизация не является обременительной для охотника (первые две группы), так как производится при посредстве затраты только личного труда, часто почти не принимаемого во внимание самим охотником. Тем не менее известную ценность труда и затрачиваемого времени мы не можем не принимать во внимание и выкинуть его из своего учета.

Движение прочих ценностей, связанных с охотой.

Еще больше затруднения по сравнению с предыдущими исчислениями вызывает определение, хотя бы самое приблизительное, размеров и оборотов прочих ценностей, связанных, прямо и косвенно, с охотой. Мы можем только отметить и указать на некоторые из них, притом далеко не исчерпывающе, и пожелать только, чтобы специальные работы в этой области не заставили себя долго ждать.

Перевозки железнодорожные, водные, гужевые и др. продуктов охоты, оружия и припасов (одной дроби сотни тысяч пудов), принадлежностей предметов широкого потребления и продуктов питания в промысловые районы, самих охотников и их собак и т. д. без сомнения в общем итоге дают значительную сумму, поступающую и в государственный доход и в виде заработка местного, не охотничьего, населения. Налоги на торговлю, как продуктами охоты, так и оружием, припасами, охотничьим инвентарем и пр. также должны представлять в итоге не малую сумму, идущую в кассы государства и местных самоуправлений. Содержание охотничьих собак (и лошадей), их прокорм, требует появления на рынках значительного количества специальных продуктов питания. Во Франции в 1910 году считалось, что прокорм только охотничьих собак стоит в год 59 миллионов франков, а перевозка их по железным дорогам выражается в цифре 855.000 фр., проезды же самих охотников 11.461.000 фр. Затем надо вспомнить о помещениях и имуществе различных охотничьих организаций (союзов),

охотничьей литературе и торговле ею, питомниках пушных и других зверей (маральники); таксидермические мастерские и торговлю чучелами, стрельбу на садках и пр. и пр. Не надо забывать также, что все упоминаемые движения ценностей сопровождаются обслуживанием их значительным количеством рабочих, служащих и др. Весь этот оборот ценностей, имеющий без сомнения серьезное значение для населения, вызывается к жизни охотой и при падении ее неминуемо падает и уничтожается.

Не имея возможности пока дать хотя бы приблизительную цифру, определяющую размеры оборота указанных ценностей, приведем только для примера тот факт, что во Франции до войны ежегодное поступление с охоты в бюджеты казны и коммун равнялось 50 миллионам франков, а валовая цифра охотничьего оборота (со связанными с охотой ценностями) выражалась приблизительно в полмиллиарда франков. Но ведь это Франция, густо населенная, маленькая страна, где, казалось бы, и охотиться негде. Ясно, что на территории СССР, с ее необъятными охотничьими угодьями, с 2 милл. охотников, общий оборот ценностей связанных с охотой должен выразиться в значительно большей цифре и игнорировать ее нельзя.

Очень приблизительно и скромно по аналогии с Францией мы условно примем эту цифру в 50 милл. руб.

Экономичеекое значение охоты в СССР.

Живой охотничий капитал и его использование. Существование охоты (в широком смысле этого слова), как своеобразной отрасли сельско-хозяйственной промышленности, обусловливается прежде всего наличием на территории СССР известных запасов охотничьих зверей и птиц. Основное количество производителей (самцов и самок), дающих ежегодный приплод, мы называем живым охотничьим капиталом, приплод же является процентами с основного капитала. Для того, чтобы наиболее рационально, с наибольшей выгодой пользоваться живым охотничьим капиталом, необходимо прежде всего знать, хотя бы приблизительно, его размеры и возможную рентабельность. Без этого условия невозможно ведение правильного охотничьего хозяйства в государственном масштабе, но, к сожалению, это и составляет наше самое больное место. Несовершенство (часто полное отсутствие) до революционной статистики, касающейся охотничьего дела, невнимание к нему, привели нас к тому, что мы могли только совершенно определенно констатировать ужасающее уменьшение охотничьих животных и то не выраженное в твердых цифрах.

Первая, чрезвычайно интересная, попытка подойти к учету наших охотничьих богатств принадлежит Н. В. Туркину в конце

прошлого столетия, но помимо ее устарелости, многие приводимые им данные слишком шатки, общи, и во многих случаях определенно не верны. Конечно, и в настоящее время, по состоянию наших знаний, мы не можем дать каких либо непреложных выводов, но тем не менее приблизительно, в очень круглых цифрах, мы попытаемся осветить эти, первостепенной важности, вопросы. Для этого мною составлены нижепомещаемые таблицы экономической ценности охотничьих зверей и птиц с известной детализацией. Нет сомнения, что в этих таблицах заключается много ошибок и желательна самая широкая критика их, но, мне кажется, что пока, до порайонного изучения вопроса, таблицы эти все же могут быть ориентировочным материалом. Во всяком случае заключающиеся в таблицах данные являются результатом всестороннего и критического изучения вопроса и в общем и целом приняты, как весьма близкие к истине, многими из наших знатоков охотничьего дела.

Первостепенная важность помещаемых таблиц заставляет меня еще в кратких словах упомянуть о том, как они составлялись. Прежде всего учитывалось количество добываемых животных не только на продажу и для личного потребления, но (приблизительно) и пропадающих при промысле зря (в ловушках, подранки и пр.) целиком или частью; число последних входит в § 9. таблиц I, II и III. Затем выяснялся общий годовой приплод, принимая во внимание возможный % гибели молодняка, идущих на прокорм хищникам, гибнущих от эпизоотий и пр., и всесторонне учитывая особенности каждого животного. По среднему размеру приплода от одной самки определялся общий годовой приплод, при учете некоторого % холостых и молодых. Стоимость получаемых продуктов бралась в общем для пушнины по ценам Нижегородской ярмарки в 1912 и 1913 гг., стоимость же мяса зверей, не появляющегося на центральных рынках — по местным ценам, так как иначе пришлось бы вычесть стоимость провоза тяжелого и относительно малоценного продукта.

В основу всех исчислений положены прежде всего данные официальной и частной статистики с соответствующими поправками, основанными на 1) литературном, широко разбросанном материале, освещающем вопрос по отдельным районам, 2) обсуждении отдельных деталей с видными специалистами охотоведами, 3) на перекрестном и критическом сравнении цифр, относящихся к разным видам животных и 4) на личном знании условий промысла [1]) в важнейших районах и 25-летнем знакомстве, практическим и теоретическим с охотничьим делом.

---

[1]) Помимо кратких поездок мною сделаны 6 специальных экспедиций продолжительностью от 4 мес. до 2 лет, от Лапландии до Сахалина.

Не имея возможности приводить всей массы данных (статей, заметок, таблиц, указаний и пр.), благодаря которым принималась та или иная цифра, так как помимо их приведения пришлось бы каждое рассматривать критически, что заняло бы громадное число страниц, я ограничиваюсь приведением в „Примечаниях“ лишь некоторых наиболее характерных указаний: Туркин и Урусов (Т. и У) — „Звери России“ 1902 г.; Шенкман (Ш) — „Экспортные возможности России“, гл. III Пушнина 1923 год; Бутурлин „Настольная книга охотника“ 1925 год и из Трудов Земплана за 1924 год.

Все данные относятся в среднем к последним довоенным годам, как нормальным. Война и революция задержали дальнейшее истребление охотничьих животных, но в настоящее время размеры добычи повидимому достигают довоенных и цифры таблиц могут быть приблизительно приняты и для нашего времени.

Все цифры в таблицах брались, в случае большого сомнения, скорее минимальные чем максимальные.

Для критической оценки помещаемых таблиц, необходимо ознакомиться со всем предыдущим содержанием „Основ охотоведения“, в частности с главами III, VI, IX и XII.

Рассматривая нижепомещенные таблицы (хотя бы считая их только приблизительными), мы можем сделать очень много любопытных выводов, но остановимся пока только на некоторых из них. Прежде всего из т. I-ой нам становится ясным, что значение пушных зверей не ограничивается только получаемой от них шкуркой, а почти $^1/_5$ часть всей их ценности ложится на мясо, но оно конечно не используется в полной мере. Затем промысел некоторых зверьков (бурундук, суслик) еще совершенно не развит, тогда как относительно большинства других зверей надо сказать, что промысел черезчур сильно развит; в некоторых случаях (песец) бросается в глаза явная нерациональность и убыточность добычи незрелого зверя.

При сравнении добычи пушных зверей с одной стороны и копытных зверей и птиц с другой, нельзя не отметить того, что первые имеют преимущественно торговое значение, тогда как последние играют значительную роль в личном хозяйстве населения.

Останавливает внимание вычисленная условная ценность живого охотничьего капитала. Исчисленная из расчета капитализированной (из 6 % год.) добычи, ценность эта равняется, по мировым ценам, колоссальной сумме свыше 2 миллиардов рублей (2.350.580 тыс. руб.) Между тем число производителей мы исчисляем в 180 миллионов. Фактически, значит, мы имеем дело с относительно небольшим капиталом, но обладающим чрезвычайно высокой рентабельностью (около 65 % год.) и сама собой выявляется

Таблица I

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ … УШНЫХ ЗВЕРЕЙ В СССР

(В круглых цифрах, в … сячах штук и рублей)

Название зверя или птицы	Живой охотничий капитал						Добывается в год …			… (СР в средн. прибл.)			Общая стоимость добываемых животных на внутреннем рынке по ценам 1912—1913 гг.	Какие продукты получаются от убитого животного и их отдельная стоимость на внутреннем рынке в 1912—1913 гг. (в среднем)	Примечания
	Количество производителей			Общий годовой приплод (численность)	Рыночная стоимость производителей (убитых)	Рыночная стоимость всего приплода (убитого)	На продажу	Для собственного употребления	Всего …	В том числе:					
	Самок	Самцов	Всего							В Сибири	В Северн. губерниях	В остальн. губерниях			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Медведь	18	20	**38**	12	1.368	432	7	3	**100**	7	2	1	**360**	Шкура 12 р. (120 т. руб.). Мясо — 20 руб. (5 п. по 4 р. п. Всего 50.000 пуд. на сумму 200.000 руб.). Желчь 2—10 р. (40.000 р.).	По Т. и У. добывалось 6 — 7 тыс. штук; по Ш. 3.500. Считается, что медведь убивается в 3-х летнем возрасте. По Добровольскому на Д. Вост. убивается около 4.500 штук.
Куницы	10	10	**20**	40	500	1.000	32	2	**344**	—	10	24	**850**	Шкурка 25 р.	По Т. и У. 60 — 80 тыс. шт.; по Ш. 24.000. Много шкурок идет контрабандой и употребляется на одежду местным населением.
Соболь	8	8	**16**	24	1.280	1.920	24,9	0,1	**255**	24,8	0,2	—	**2.000**	Шкурка 80 р. (5—1000 руб.). Выпоротки 1 р. 50 к. — 3 р.	По Т. и У. добывается 70 — 100 тыс. шт.; по Ш. 22 тыс. шт. По данным Комиссии Акад. Наук 40.000. Основной капитал уменьшается в год тысячи на 2 (отстрел и естественная гибель молодняка и др.).
Хорьки	350	450	**800**	1.400	920	1.610	1.150	50	**1.200**	500	200	500	**1.380**	Шкурка 1 р. 15 к.	По Т. и У. добывается 300 — 765 тыс. шт.; по Ш. 1.050 тыс. шт. Хорьковый промысел развивается.
Колонки	175	200	**375**	700	450	840	490	10	**500**	500	—	—	**600**	Шкурка 1½ р. 20 к.	По Т. и У. добывается 75 — 100 т. шт.; по Ш. 500 тыс. шт.
Ласка	8.000	10.000	**18.000**	40.000	900	2.000	-	20	**200**	1	2	1,7	**1**	Шкурка 5 коп.	Промысел не развит.
Норка	3	5	**8**	15	36	120	9	1	**100**	0,5	2	7,5	**80**	Шкурка 8 р.	В Ирбит в 1912 году было привезено 7000 штук. По Т. и У. добыв. 25—50 тыс. штук.
Горностай	200	200	**400**	550	1.600	2.200	430	20	**4500**	250	100	100	**1.800**	Шкурка 4 р	По Т. и У. добывается 100 т. шт.; по Ш. 420 тыс. штук. Цены сильно колеблются.
Россомаха	2,5	3,5	**6**	7	120	140	2	0,4	**2,4**	2	0,4	—	**50**	Шкурка 20 р.	По Т. добывается 2000 шт.; по Ш. 2000 шт. Туземцы употребляют часто для украшения.
Выдра	10	10	**20**	30	400	600	18	2	**200**	10	4	6	**400**	Шкурка 20 р.	По Т. и У. добывается 5—60 тыс. шт.; по Ш. 3000 шт. В Ирбит привезено в 1913 г. 16.800 шт.
Барсуки	50	50	**100**	75	300	225	35	15	**500**	20	5	25	**150**	Шкура 1 р. 60 к. (80.000 р.). Мясо 2 р. 10 к. п. с салом (вес 20 ф.). Всего 3 р. Мяса 25.000 п. на сумму 70.000 р.	По Т. добывается 50 тыс. шт.; по Ш. 25.000. На Нижегородскую ярмарку привезено в 1912 г. 100 т. шт. Достигают возмужания в 2 года.

Название зверя или птицы	Живой охотничий капитал						Добывается в год			Цена в средн. (прибл.)			Общая стоимость добываемых животных на внутреннем рынке по ценам 1912—1913 гг.	Какие продукты получаются от убитого животного и их отдельная стоимость на внутреннем рынке в 1912—1913 гг. (в среднем)	Примечания
	Количество производителей			Общий годовой приплод (численность)	Рыночная стоимость производителей (убитых)	Рыночная стоимость всего приплода (убитого)	На продажу	Для собственного употребления	Всего	В том числе:					
	Самок	Самцов	Всего								В Северн. губерниях	В остальн. губерниях			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Выхухоль	0,8	0,8	1,6	2,4	8	12	2	—			—	2	10	Шкурка 5 р.	По Т. добывается 30 тыс. шт. На Нижегор. ярм. Быстро исчезает. На Лондонском аукционе сент. 1924 г. было 2965 шт. русской выхухоли (не смешивать с американской).
Волки	7,5	7,5	15	45	135	405	20	10	30	115	1	14	270	Шкура 9 р.	По Т. и У. добывается 15 тыс. шт.; по Ш. 25 тыс. шт.; по Бутурлину 30 тыс. шт. Увеличение числа волков против до военного времени в $1^1/_2$ раза. Добыча меньше.
Лисицы	60	60	120	350	2 640	7.700	180	70	256	220	50	80	5.500	Шкурка 22 р.	По Т. и У. добывается 300—315 т. шт.; по Ш. 76 тыс. шт. В Ирбит поступило в 1910 г.—100 т.; в Н. Нов.—40 тыс.; много остается у местного населения, очень широко распространена (ср. с песцом).
Песец белый Крестоватик	25	25	50	180	1.750	6.300	65 80	5 15	70 95	364 280	6 15	— —	2.450 142	Шкурка 35 р. „ 1 р. 50 к.	По Т. и У. добывается 25—40 тыс. шт.; крестоватиков 80 тыс. шт.; по Ш. 56 тыс. шт., крестоватиков 83 тыс. Много пропадает (до 50%) зря в ловушках и гионет (молодняк) от климата, и уходит прямо в Америку на сев. востоке.
Песец голубой	0,6	0,6	1,2	2,3	180	345	2	—	2	1,8	0,2	—	300	Шкурка 150 р.	Большая часть получается с Командорских островов.
Шакал	3	3	6	16	9	24	1	5	6		—	6	9	Шкурка 1 р. 50 к.	По Т. приблизительно добывается 20 тыс. шт. Мало обращает внимание промышленника. В южном Закавказье очень много.
Корсак	7	7	14	35	98	245	18	2	20		—	20	140	Шкура 7 р.	По Т. добывается 10 тыс. шт.; на Ирбит в 1912 г. привезено 16 тыс. шт.
Енотов. собака	0,5	0,5	1	1,5	2	3	0,3	0,7	1	1	—	—	2	Шкура и мясо (инородцы) 2 р.	Только в Уссурийском крае; на рынок почти не поступает.
Рысь	4	4	8	8	240	240	6,5	0,5	7	215	1,2	0,8	210	Шкура 30 р. (изредка мясо).	По Т. и У. 1—2 тыс. шт.; по Ш. 3 тыс. шт. В Н. Новгород в 1912 г. привезено 5 тыс. шт.; на Ирбит — 1000 шт.
Дик. кошки (разные)	4	4	8	16	8	16	3	5	8	4	—	4	8	Шкурка 1 р.	На рынок мало поступают. Учет труден, так как часто на рынках фигурирует вместе с домашними кошками.
	Штук	Штук	Штук	Штук			Штук	Штук	Штук			Штук			
Тигр	35	40	75	70	12	10	55	5	60	20	—	30	20	Шкура 200 р. Живой по 2—4 тыс. р. (2—3 шт.).	Мясо, кости, когти, желчь, зубы и пр. покупают китайцы довольно дорого, как средства „придающие храбрость“.

Название зверя или птицы	Живой охотничий капитал: Количество производителей: Самок	Самцов	Всего	Общий годовой приплод (численность)	Рыночная стоимость производителей (убитых)	Рыночная стоимость всего приплода (убитого)	Добывается в год: На продажу	Для собственного употребления	Всего	СССР в среднем (прибл.): В том числе: В Сибири	В Северн. губерниях	В остальн. губерниях	Общая стоимость добываемых животных на внутреннем рынке по ценам 1912—1913 гг.	Какие продукты получаются от убитого животного и их отдельная стоимость на внутреннем рынке в 1912—1913 гг. (в среднем)	Примечания
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
	Штук	Штук	Штук	Штук			Штук	Штук	Шту	Штук		Штук			
Барс, гепард, ирбис.	20	20	**40**	40	4	4	10	5	1	5	—	10	**1,5**	**Шкура 100 р.**	Случайно как и тигры, появляются на рынке.
Белка	4.500	5.000	**9.500**	36.000	4.750	18.000	14.000	1.000	15.000	8.000	3.000	4.000	**7.500**	**Шкурка 50 к.** (мясо едят инородцы).	По Т. и У. добывается 10—13 милл. шт.; по Силантьеву 15½ милл. шт.; по Ш. 12 милл. шт.; в 1911 г. в Ирбит и в Н. Новг. привезено 16 милл. шт. „Урожаи" подвержены большим колебаниям. Масса гибнет от эпизоотий и служат главным объектом питания многим хищникам.
Бурундук	8.000	7.000	**15.000**	48.000	2.250	7.200	80	20	100	80	20	—	**15**	**Шкурка 15 коп.**	Промысел почти не развит и бурундук недавно начал появляться на рынке. Громадное количество служит пищей разным хищникам и гибнет от климатических невзгод, эпизоотий и пр. Бурундук занимает меньшую площадь распространения чем белка, но встречается чаще; по Ш. добыв. 50 тыс. шт.
Сурки	1.200	1.200	**2.400**	6.000	3.120	7.800	2.300	700	3.000	2.000	—	1.000	**3.900**	**Шкурка 1 р. 10 к.** Всего 3.300 т. р. Мясо и сало 20 к. шт. Всего на 600 т. р.; средний вес 15 ф. Мяса и сала всего 1.125 т. пуд.	По Т. и У. добывается 1 милл.; по Ш. 1.500 тыс. шт. В Ирбит и Н. Новгород в 1912 г. привезено 2.100 т. шт., много идет на собственное потребление. Очень много идет на пищу хищникам, гибнет от эпизоотий. Цена шкурки до 1 р. 80 к.
Суслики	3.000	3.000	**6.000**	15.000	600	1.500	2.000	4.000	6.000	1.000	—	5.000	**600**	**Шкурка 10 коп.**, иногда вытапливается жир.	В Н. Новгор. в 1912 г. привезено 1 милл. шт. Масса истребляется как вредители и хищниками. Много идет на местные нужды (одежду, шапки).
Зайцы	4.000	8.000	**12.000**	40.000	9.660	32.000	5.000	11.000	16.000	8.000	3.000	5.000	**12.800**	**Шкурка 35 коп.** на 5.600 т. р.; мясо 45 к. (штука) на 7.200 т. р. Ср. вес 8 ф. Мяса всего 8.200 т. пуд.	По Т. и У. добывается 3 милл.; по Ш. 2.350 т. шт. В Ирбит и в Н. Новгород в 1912 г. привез. 4.120 тыс. шт. Главная масса зайцев потребляется самим населением, истребляется хищниками и эпизоотиями. Область распространения гораздо шире, чем у белки и большее количество охотников добывают зайца.
ИТОГО . . .	29.639	35.269	**64.908**	188.509	33.280	92.891	25.957	16.957	42.9	20.686	6.419	15.792	**41.548**	**Всего пушные звери дают: Шкурок** (т. шт.) 42.912 на **33.430 т. р. Мяса** (медведь, барсук, сурок и заяц)— 4.400 т. п. на **8.070 т. руб. Прочих продуктов** на **48 тыс. руб.**	

Таблица II

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ [illegible] ОПЫТНЫХ ЗВЕРЕЙ В СССР

(В круглых цифрах, в [illegible] тысячах штук и рублей).

Название зверя или птицы	Живой охотничий капитал						Добывается в год на [illegible] СССР			[illegible] СССР в среднем (прибл.)			Общая стоимость добычи на внутреннем рынке по ценам 1912—1913 гг.	Какие продукты получаются от убитого животного и их отдельная стоимость на внутреннем рынке в 1912—1913 гг. (в среднем)	Общая стоимость отдельных продуктов	Примечания
	Самки	Самцы	Всего	Общий годовой приплод (численность)	Рыночная стоимость производителей (убитых)	Стоимость всего приплода (убитого)	На продажу	Для собственного употребления	Всего	В том числе: В Сибири	В Северных губерниях	В остальных губерниях				
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
Кабан	5	3,5	8.5	32	357	1.344	8	17	25	118	—	7	1.050	Шкура 1 р. Мясо 5 п. по 5 р. п. Всего 125.000 п. Сало отдельно 16 р. пуд. 25.000 пуд. Клыки идут на украшение.	Шк. 25 т. р. М. 635 т. р. С. 400 т. р.	По Бутурлину добывается 50.000 шт. Принятая цифра принята из расчета: на Дальнем Востоке и Забайкалье добыв. не больше 13.000 шт., в Туркестане на оз. Зайсан и пр. — 7.000 шт. На Кавказе 5.000 шт. Много поросят из приплода гибнет от хищников и пр.
Кабарга	35	35	70	35	220	110	11	9	20	220	—	—	63	Шкура 40 к. Мясо 25 ф. 1 р. Всего 10.250 п. Струя 5 р. (самцов 7.000). Клыки у самцов идут на украшение.	Шк. 8 т. р. М. 20 т. р. Струя 35 т. р.	По Т. добыв. 10—15.000 шт.: по Бутурлину 35.000 шт. Область распространения ограничена. Много гибнет зря в ловушках и от хищников. На продажу идет „струя", остальное на личное потребление. Количества идущих на продажу и др. исчислены по относит. стоимости струи и др. продуктов, а не представляют действительное количество целых тушек.
Северный олень	30	25	55	30	880	480	2	18	20	115	5	—	320	Шкура 2 р. 50 к. Мясо 5 п. по 2 р. 50 к. Всего 100.000 п. Рога, жилы, кишки 1 р.	Шк. 50 т. р. М. 250 т. р. Р. 20 т. р.	По Паасу в одной Азии добыв. в среднем 10.000 шт. Много гибнет от эпизоотий и хищников. Учет затрудняется неотличимостью продуктов от диких и домашних оленей. Пп. 8 и 9 учтены как у кабарги.
Лось	80	80	160	80	6.080	3.040	25	45	70	634	5	1	2.660	Шкура 12 р. Мясо 12 пуд. по 2 р. Всего 840.000 пуд. Рога до 10 р. в среднем (учитывая самок) 2 р.	Шк. 840 т. р. М. 1680 т. р. Р. 140 т. р.	По Т. добыв. 300.000 шт.; по Бутурлину 80.000 шт. Сильно истребляется Пп. 8 и 9 учтены как у кабарги.
Благор. олени	0,1	0,07	0,17	0,25	4	6	0,1	0,1	0,2	—	—	0,2	4,8	Шкура 4 р. Мясо 8 п. по 2 р. 50 к. Всего 1600 п.	Шк. 0,8 т. р. М. 4 т. р.	По Керцелли почти уничтожен, добыв. в ничтожном количестве на Кавказе. Считается, что убивают в 3-х-летнем возрасте.

Название зверя или птицы	Живой охотничий капитал						Добывается в год			СССР в среднем (прибл.)			Общая стоимость добычи на внутреннем рынке по ценам 1912—1913 гг.	Какие продукты получаются от убитого животного и их отдельная стоимость на внутреннем рынке в 1912—1913 гг. (в среднем)	Общая стоимость отдельных продуктов	Примечания
										В том числе						
	Самки	Самцы	Всего	Общий годовой приплод (численность)	Рыночная стоимость производителей (убитых)	Стоимость всего приплода (убитого)	На продажу	Для собственного употребления	Всего	В Сибири	В Северных губерниях	В остальных губерниях				
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
Изюбр и Марал самец	—	10	10	6	610	366	5	2	7	7	—	—	426	Шкура 6 р. Мясо 9 п. по 2 р. и. Всего 63.000 п. Панты в средн. по 40 р. Рога сухие 4 р. Железы певки по 2 р.	Шк. 42 т. р. М. 126 т. р. Пан. 240 т. р. Р. 18 т. р.	По Т. добыв. 100.000 шт.; по Бутурлину 25.000 шт. П.п. 8 и 9 исчислены как для кабарги. Считается, что убив. 6.000 пантачей и 1.000 других. Уничтожение идет очень быстро, особенно самцов.
Изюбр и Марал самка	16	—	16	9	301	—	1	4	5	5	—	—	94	Шкура 4 р. Мясо 7 п. по 2 р. Всего 35.000 п. певки 80 к	Шк. 20 т. р. М. 70 т. р. Пев. 4 т. р.	
Пятнистый олень самец	—	0,1	0,1	0,1	25,6	—	Штук 45	Штук 5	Штук 50	Штук 50	—	—	12,8	Шкура 2 р. Мясо 4 п. по 2 р. Всего 200 п. Панты 350 р. Всего 35 пар.	Шк. 0,1 т. р. М. 0,4 т. р. Пан. 12,3 т. р.	На воле почти истреблен. Пантачей приблиз. добыв. 35 шт. Пп. 8 и 9 исчислены как для кабарги. Много молодняка погибает до достижения 3-х-летняго возраста.
Пятнистый олень самка	0,5	—	0,5	0,4	3,9	—	Штук 20	Штук 50	Штук 70	70	—	—	0,5	Шкура 1 р. 50 к. Мясо 3 п. по 2 р. Всего 201 п.	Шк. 0,1 т. р М. 0,4 т. р.	
Дикая коза самец . .	—	130	130	100	793	610	20	60	80	75	—	5	465	Шкура 1 р 50 к. Мясо 1¼ по 3 р. Всего 100.000 п. Рога по 75 к. Всего 60.000 пар.	Шк. 120 т. р. М. 300 т. р. Р. 45 т. р.	По Т. добывают до 500.000 шт.; по Бутурлину около 200.000 шт.; по Паасу в среднем за год 22.000 шт. Стоимость мяса в столицах доходила до 20—40 р. пуд. Самка приносит по два козленка, масса молодняка гибнет.
Дикая коза самка . .	150	—	150	200	600	800	20	100	120	113	—	7	480	Шкура 1 р. Мясо 1 п. по 3 р. Всего 120.000 п.	Шк. 120 т. р. М. 360 т. р.	
Сайга самец	—	2,5	2,5	3,5	131,3	183,8	2,9	0,1	3	3	—	—	157,5	Шкура 50 к. Мясо 2 п. по 1 р. Всего 6000 п. Рога 1 пара 50 р.	Шк. 1,5 т. р. М. 6 т. р. Р. 150 т. р.	По Т. добыв. около 60.000 шт.; в конце прошлого столетия вывозилось рогов на 1¼ милл. руб. С 20-х годов т. ст. рога сильно поднялись в цене в Китае, т. к. из них стали приготовлять лекарство, измельчая в порошок (1 ф. 100 р. и выше). За 1923—24 г. через монгольскую границу вывезено (через таможню) на 100.000 р. рогов. Пп. 8 и 9 см. кабаргу.

Название зверя или птицы	Живой охотничий капитал						Добывается в год в			(СССР в среднем (прибл.)			Общая стоимость добычи на внутреннем рынке по ценам 1912—1913 гг.	Какие продукты получаются от убитого животного и их отдельная стоимость на внутреннем рынке в 1912—1913 гг. (в среднем)	Общая стоимость отдельных продуктов	Примечания
										В том числе:						
	Самки	Самцы	Всего	Общий годовой приплод (численность)	Рыночная стоимость производителей (убитых)	Стоимость всего приплода (убитого)	На продажу	Для собственного употребления	Всего	В Сибири	В Северных губерниях	В остальных губерниях				
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
Сайга самка	2,5	—	2,5	1,5	4,5	2.7	—	1	1	1	—	—	1,8	Шкура 30 к. Мясо 1½ п. по 1 р. Всего 1500 п.	Шк. 0,3 т. р М. 1,5 т. р.	
Джейран	5	5	10	8	20,3	16	1	5	6	—	—	6	14,2	Шкура 25 к. Мясо 30 ф. по 2 р. 50 к Всего 4500 п. Рога (у самца) 50 к. Всего 3000 пар.	Шк. 1,5 т. р. М. 11,2 т. р. Р. 1,5 т. р.	Очень трудно, даже приблизительно, определить количества; цифры определены по косвенным, отрывочным данным
Серны и горалы . .	1	1	2	1,2	12	2,4	0,2	0,5	0,7	—	—	0,7	3,1	Шкура 50 к. Мясо 2 п. по 2 р. 50 к. Всего 1400 п. Рога 50 к.	Шк. 0,3 т. р. М. 2,5 т. р. Р. 0,3 т. р.	Тоже.
Дзерен	3	3	6	3	30	15	—	2	2	2	—	—	10	Шкура 50 к. Мясо 3 п. по 1 р. 50 к. Всего 6000 п.	Шк. 1 т. р. М. 9 т. р.	Тоже. В Забайкалье прикочевывают зимой из-за границы.
Горные козлы . . .	6	4	10	8	70,5	60	0,5	4,5	5	5	—	—	33,5	Шкура 2 р. Мясо 3½ п. по 1 р. пуд. Всего 17.500 пуд. Рога 3000 пар по 2 р.	Шк. 10 т. р. М. 17,5 т. р. Р. 6 т. р.	По Туркину добывается до 200.000 шт. Очень трудная и малодобычливая охота.
Горные бараны . . .	10	6	16	10	334	240	1	6	7	6	—	1	164	Шкура 2 р. Мясо 10 п. по 2 р. Всего 70.000 п. Рога 2 р. пара. Всего 5000 пар.	Шк. 14 т. р. М. 140 т. р. Р. 10 т. р.	Значительное количество добывают на Камчатке и вообще на сев.-востоке.
ИТОГО . .	344	305	649	527	10.477	7.276	98	274	372	334	10	28	5.960	Всего копытные звери дают: **Шкур 372.000 шт. на 1.266.000 р.** **Мяса и сала 1.527.000 пуд. на 4.024.000 р.** **Рогов разн. 116.000 пар на 619.000 р.** **Прочих продуктов на 51.000 р.**		

Таблица III

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ ХОТНИЧЬИХ ПТИЦ, В СССР

(В тысячах штук … лей)

НАЗВАНИЕ ЖИВОТНЫХ	ЖИВОЙ ОХОТНИЧИЙ КАПИТАЛ						Добывается		Всего в СССР в год				Общая стоимость добычи	Получаемые продукты и их отдельная стоимость и количество	ПРИМЕЧАНИЕ
	Самки	Самцы	Всего	Общий годовой приплод (численность)	Рыночн. стоим. произв. (убитых).	Стоимость всего прирост. (убитого)	На продажу штук	Для собственного употребления	Всего	в том числе: В Сибири	В Северн. губерн.	В остальн. губерн.			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Сизоворонковые, воробьиные, аистообразные, гагаровые, чайки, кулики	35.000	45.000	**80.000**	200.000	8.000	20.000	4.500	500	5.000	3.000	1.500	500	**500**	1 ф. гагачьего пуха стоил 15 — 22 р. В среднем стоимость наружн. покрова птицы определена в 10 к. . . 500	См. ч. III, стр. 568, промыслы птиц на шкурки и части их, а также для получения пуха и перьев. Пара крыльев белых куропаток стоила 15 коп.
Куриные, голубиные, журавлиные, кулики	6.000	8.000	**14.000**	35.000	4.200	10.500	8.000	12.000	20.000	7.000	3.000	5.000	**6.000**	Мясо 1 ф. по 20 к. Всего 500 тыс. пуд. 4.000 Крылья, шкурки, пух, перо 10 к. со штуки 2.000	См. о торговле дичью. В среднем на рынок поступало 160.000 п. дичи, почти исключительно куриных. Самим населением потребляется значительно больше.
Гусиные	9.000	11.000	**20.000**	80.000	8.000	32.000	6.000	44.000	50.000	25.000	7.000	18.000	**20.000**	Мясо 1½ ф. по 30 к. (все) Всего 1.875 т. пудов . . 15.000 Шкурки, перо, пух и пр. по 10 к. со штуки 5.000	На рынки поступает незначительная часть. Легкая, часто массовая, добыча. Широко распространены (утки) и добываются всеми охотниками.
Итого . .	50.000	64.000	**114.000**	315.000	20.200	62.500	18.500	56.500	75.000	35.000	11.500	23.500	**26.500**		
Яйца птиц	—	—	—	—	—	—	10.000	50.000	60.000	20.000	5.000	35.000	**150**	Яйцо в среднем ¼ к. 150	См. ч. III, стр. 572 „Сбор птичьих яиц".
ИТОГО . . .	50.000	64.000	**114.000**	315.000	20.200	62.500	28.500	106.500	135.000	55.000	16.500	58.500	**26.650**	Мяса добывается всего 2.375.000 п. на сумму 19.000.000 р. Пера, пуха, шкурок, крыльев на сумму 7.500.000 рублей.	

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ ПАНТО

(В ш

	ПРОИЗВОДИТЕЛИ				
	Количество производителей			Рыночная стоимость	
	Самки	Самцы	Всего	Живых	Уби (в п
1	2	3	4	5	
Изюбрь и марал					
Самец	—	6.500	8.700	812.000	507.
Самка	2.200	—		176.000	33.
Пятнистый олень					
Самец	—	700	3.800	560.000	252
Самка	3.100	—		620.000	21.
ИТОГО	5.300	7.200	12.500	2.168.000	820.

Данных о количестве и составе пушных зверей содержавшихся до войны в 23
Очень приблизительно, считая, что разных лисиц содержалось 150, песцов 100, соболей 2
возможное количество разных сортов, в 60.000 рублей.

В этом случае мы получаем всего: живых охотничьих зверей в звероводных пит

600-00

265502011
Государственная библиотека Югры

РНФ
Государственная библиотека Югры